

**ДНЕВНИК
АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
№32. Сентябрь 2016 г.**

**Современная Россия и мир:
альтернативы развития
(Сепаратизм и его роль в мировом
политическом процессе)**

Сборник научных статей

Барнаул

**Издательство
Алтайского государственного
университета
2016**

ББК 66.3(2)я431+66.4(0)я431

Д 541

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Ю.Г. Чернышов** (отв. редактор); кандидат исторических наук, доцент **О.А. Аршинцева**, **С.Н. Исакова** (отв. секретарь), кандидат исторических наук, доцент **В.Н. Козулин**, кандидат исторических наук, доцент **А.М. Бетмакаев**, кандидат исторических наук, доцент **О.Ю. Курныкин**.

Д 541 Дневник Алтайской школы политических исследований № 32. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Сепаратизм и его роль в мировом политическом процессе): сборник научных статей / под ред. Ю.Г. Чернышова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. – 368 с.

Сборник содержит научные статьи исследователей из России и четырех зарубежных стран (Армении, Казахстана, Канады и Украины), посвященные изучению сепаратизма и его влияния на процессы, происходящие в мире. Рассматриваются и теоретические аспекты, и те практические уроки, которые можно извлечь из истории. В качестве приложения в сборнике публикуются материалы Зимней школы молодых исследователей из России и Казахстана, прошедшей в АлтГУ в январе 2016 г. и посвященной теме «Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии».

Издание предназначено как для специалистов (историков, международных, регионоведов, политологов, социологов, культурологов, юристов и др.), так и для всех, кто интересуется проблемами сепаратизма и трансграничного сотрудничества.

ББК 66.3(2)я431+66.4(0)я431

ISSN 2309-5431

© Алтайская школа политических исследований, 2016
© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2016

БАРНАУЛ

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Сепаратизм и его роль в мировом политическом процессе

Козулин В.Н., Чернышов Ю.Г.
Итоги дискуссии о сепаратизме
(обзор докладов и дискуссии)

В данной статье мы постараемся дать обзор основных подходов и точек зрения, высказанных в докладах, присланных на интернет-конференцию «Сепаратизм и его роль в мировом политическом процессе» (1 апреля — 30 июня 2016 г.), а также той дискуссии по этой теме, которая состоялась в ходе проведения конференции в Алтайском государственном университете 29–30 сентября 2016 г.

В этом году на интернет-конференцию, посвященную теме сепаратизма, поступило 42 доклада на русском и английском языках из 17 городов России (Армавира, Барнаула, Бийска, Благовещенска, Владивостока, Вологды, Екатеринбурга, Калуги, Кемерово, Кирова, Краснодара, Москвы, Нижневартовска, Новосибирска, Пскова, Санкт-Петербурга и Ставрополя) и четырех зарубежных стран (Армении, Казахстана, Канады и Украины). Но главный результат заключается, конечно, не в географическом охвате и не в количестве докладов, а в том, что получилось всестороннее профессиональное обсуждение поданной сложной и актуальной темы.

Нужно отметить, что у главного организатора конференции — Алтайской школы политических исследований (АШПИ) — накоплен очень большой опыт в проведении научных форумов. Ежегодные конференции по актуальным проблемам политической жизни проводятся с 1996 г., а традиция проведения интернет-конференций (в апреле–июне каждого года) насчитывает уже 14 лет. Подобные «заочные» виртуальные конференции обычно предваряют «очные» научно-практические конференции (проводимые в конце сентября). В последние годы эти конференции были посвящены, например, таким темам, как международный имидж страны, разрешение международных конфликтов, положение трансграничных мигрантов и т.д. Конференция 2016 г. посвящена не менее актуальной теме — оценке той роли, которую играет сепаратизм в мировом политическом процессе.

Тема сепаратизма в последние десятилетия стала особенно актуальной в связи с появлением все новых очагов напряженности и нестабильности в современном мире. При этом на фоне развернувшихся «информационных войн» у людей часто теряются надежные ориентиры в оценке происходящих событий. Часто, например, в «двойных стандартах» обвиняют своих оппонентов те политики, которые сами их широко используют. Между тем, не стоит забывать, что сепаратизм — обоюдоострое явление. Сегодня он может проявиться «где-то там, у них», а завтра — «здесь, у нас». Стоит ли считать его хорошим

«там» и плохим «здесь»? Существуют ли вообще объективные и универсальные критерии оценки роли различных сепаратистских движений в истории и современности? Каковы те практические шаги, которые помогают снимать напряженность при решении проблем, связанных с «отделенчеством»? Вопросов, требующих ответа, очень много.

Для того чтобы предотвращать негативные последствия какого-то явления, необходимо углубленно и объективно изучать природу и причины, его порождающие, а также обобщать исторический и современный опыт с использованием междисциплинарных подходов. Именно комплексное изучение темы позволяет выработать конкретные практические рекомендации, которые могут быть использованы органами государственной власти как федерального, так и регионального уровней.

Организаторы конференции видели научную значимость дискуссии по этой теме в нескольких аспектах: а) обобщение существующих теоретических наработок по данной теме, уточнение содержания основных понятий; б) изучение роли сепаратизма в мировом политическом процессе, анализ международного опыта и применявшихся способов решения проблем, связанных с сепаратизмом; в) исследование проявлений сепаратизма на постсоветском пространстве, с особым вниманием к тем проблемам, с которыми может столкнуться Российская Федерация.

В соответствии с этим программа конференции предполагала работу в трех секциях. В первой секции «Сепаратизм: основные теоретические подходы» обсуждались общие теоретические вопросы — в частности, содержание понятия, причины, порождающие сепаратизм, типология сепаратистских движений, этнический, религиозный, экономический сепаратизм, право наций на самоопределение, международные принципы суверенитета, единства и территориальной целостности государства, нерушимости границ и т.д. Вторая секция называлась «Международный опыт: национально-территориальные переделы мира и их глобальные последствия». В ней рассматривались конкретно-исторические примеры сепаратизма в самых разных частях мира, в частности, вопрос о роли сепаратизма в распаде империй и многонациональных государств, проблемы деколонизации, «национально-освободительные движения» и сепаратизм, основные очаги сепаратизма в современном мире. Третья секция была отведена под доклады о проблемах и конкретных проявлениях сепаратизма на постсоветском пространстве.

На первую секцию прислали доклады авторы, затронувшие самые разнообразные вопросы и предложившие столь же разные подходы к теоретическим проблемам. Наиболее широкие обобщения были пред-

приняты в докладах профессоров Алтайского госуниверситета (г. Барнаул) **О.А. Аршинцевой** и **О.Ю. Курныкина**. В докладе О.А. Аршинцевой «Государство, суверенитет, нация: актуальные вопросы теории» [1] дан подробный сравнительный обзор отечественных и зарубежных концепций суверенитета и нации и выявлены некоторые особенности их понятийного аппарата и теоретико-методологической базы. Подобное сопоставление позволило сформулировать объективные критерии оценки конкретных работ по степени научности аргументации и соотношению в них теории и нарратива. В докладе О.Ю. Курныкина «Эволюция понятия „сепаратизм“» [2] рассмотрено концептуальное содержание понятия «сепаратизм» и его эволюция в соответствии с трансформацией системы международных отношений, выработкой с международно-правовых норм и изменением политико-ценностных ориентаций. О.Ю. Курныкин отметил неоднозначность и политизированность трактовок этого понятия и избирательный подход к оценкам конкретных сепаратистских движений, а также многочисленные попытки придать сепаратистским устремлениям легитимность, рациональность и политико-моральное обоснование, попытки «нейтрализовать» деструктивный потенциал сепаратизма.

Ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, д.и.н. **В.Р. Филиппов** (г. Москва) в своем докладе обратил внимание на проблему «реального и иллюзорного» сепаратизма. По его словам, при рассмотрении любого казуса сепаратизма следует прежде всего рассматривать не социокультурные («этнические») факторы, а конкретные политические и экономические интересы всех участников конфликтной ситуации, обусловивших манифестацию лозунгов самоопределения. Исследователь заключает, что его опыт полевых исследований в различных «национальных республиках» СССР и в национально-государственных субъектах РФ позволяет утверждать, что лозунг сепаратизма зачастую является не более чем инструментом политического давления региональных властных элит (или контрэлит) на центральные органы государственной власти без стремления к реальному отделению и политическому самоопределению [3].

Доктор политических наук из г. Армавира **О.В. Вольтер** рассмотрела проблему сепаратизма в контексте «национально-территориального передела мира», характеризуя сепаратизм как «традиционно важный инструмент геополитики и орудие соперничества государств на мировой арене». Автор утверждает, что современный «передел мира» привел к геополитической трансформации, всплеску сепаратизма, спровоцировал разрушение сложившихся государственных образований и геополитических систем, разрушил экономическую и социальную сферу целых регионов, что и привело в конечном итоге к неконтролируемым потокам беженцев из

охваченных войной и нищетой стран Востока в страны Западной Европы. Таким образом, по мнению исследовательницы, создается основа для противостояния ценностей христианской цивилизации Западной Европы и мусульманского мира [4].

Доцент Кировского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ **А.Н. Харин** обратил внимание на такую проблему, как возникновение особого вида государственности в современном мире — так называемых «государств архаики». По его мнению, это связано с ростом напряженности в мире, ослаблением государственного суверенитета, геополитическими играми ведущих центров силы, всплеском национализма и прочими факторами. К числу «государств архаики» исследователь относит непризнанные государства, государства-кланы и государства-призраки и рассматривает основные черты этих государств на конкретных примерах [5].

Доктор психологических наук, руководитель лаборатории психолого-педагогического сопровождения семьи и детства Центра социально-гуманитарных исследований Калужского госуниверситета **М.Р. Арпентьева** в своем докладе «Современный сепаратизм: человечность и идентичность» поставила проблему «этически и юридически грамотного отношения» к сепаратизму. Исследовательница проанализировала основные позиции, а также пути и средства минимизации нарушений прав людей и сообществ в международной правовой и политической практике [6].

Доцент Национального университета «Одесская морская академия» (г. Одесса, Украина), к.ю.н. **А.В. Ковбан** рассмотрел юридическую сторону проблемы сепаратизма, а именно формы непризнания государств в международном праве и роль ведущих международных учреждений как арбитров в спорах о признании, а также проблему сотрудничества непризнанных государств в современном мире [7]. Оригинальную трактовку сепаратизма предложил сотрудник Научно-образовательного центра инновационных исследований в общественных науках Бийского технологического института к.ф.н. **Д.В. Чернышков**. Автор рассматривает сепаратизм как «самоидентификационный процесс перехода этнокультурной общности к политическому сообществу в виде нации, используемый капиталистической миросистемой в качестве идеального инструмента перестройки мирового экономического пространства» [8].

Наиболее дискуссионным в этой секции оказался доклад доцента Дальневосточного государственного аграрного университета **Е.А. Трофимова** (г. Благовещенск) «Сепаратизм в контексте современных политических процессов». Автор произвел попытку рассмот-

рения сепаратизма с постмодернистской позиции. Он отмечает, что в условиях становления общества Постмодерна институт сепаратизма может рассматриваться как: а) способ разрешения конфликта между государством и меньшинствами; б) барьер, ограничивающий государство в использовании репрессивных практик по отношению к дискриминированным группам. По мнению Е.А. Трофимова, первым шагом на пути к реализации права на самоопределение должно стать возведение в международном праве принципа права народов на самоопределение в абсолюте с расширением его правообладателей и сопровождением последовательными механизмами реализации под контролем соответствующих международных институтов. При этом автор сожалеет, что «пересмотра принципов международного законодательства не произошло даже в ситуации с Крымом, в которой В.В. Путин выступил большим либералом и постмодернистом, чем лидеры мировых держав» [9].

Наибольшее число докладов (23) поступило во вторую секцию. В этой секции, посвященной анализу «международного опыта сепаратизма», были представлены разнообразные географические и исторические сюжеты — от древней Иудеи до современного Китая. Но больше всего сюжетов было так или иначе связано с Европой. Это доклады **А.В. Баранова, А.М. Бетмакаева, А.А. Бибнева, М.В. Васильева, В.А. Гоголевой, И.В. Демидовой, С.Н. Исаковой, Д.Н. Искендеровой** в соавторстве с **Н.Е. Кузьминых** и с **К.М. Табаринцевой-Романовой, В.Н. Козулина, Н.С. Малышевой, Л.В. Монинной, Т. Рокки, Н.Ю. Самойлова, В.В. Семиной, А.В. Сквородникова, П.В. Ульянова**. И именно доклады на «европейские сюжеты» чаще всего вызывали отклики коллег и обмен мнениями. Больше всего откликов и полезных замечаний поступило от канадского коллеги **Т. Рокки**, автора интересного доклада «Сепаратистские, автономные и региональные политические партии и движения в Европе: преемственность и изменения» [10]. Если попытаться кратко охарактеризовать содержание докладов «европейской» тематики, то следует заметить, что наиболее обобщающими, охватывающими наиболее широкие и общие аспекты среди них были как раз вышеупомянутый доклад канадского исследователя, а также доклады доцента Алтайского государственного университета **А.М. Бетмакаева**, старшего преподавателя Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова **И.В. Демидовой** и доцента Псковского государственного университета **М.В. Васильева**. В докладе А.М. Бетмакаева «Национализм, сепаратизм и судьба империй в XX в.» [11] рассматривается связь национализма и сепаратизма и их роль в процессе распада современных империй. Автор анализирует процесс распада многонациональных империй

Европы в начале XX в. и исчезновение колониальных империй европейских держав, а особое внимание уделяет влиянию «холодной войны» на процесс деколонизации и демонтажу «советской империи». И.В. Демидова, пытаясь обобщить европейский опыт, выявляет особенности процесса интеграции и социокультурной адаптации мигрантов в принимающей стране, обосновывает необходимость выверенной государственной политики в этом вопросе с целью предотвращения снижения уровня толерантности в среде мигрантов и принимающего их общества. Исследовательница подчеркивает, что для преодоления демографического спада и обеспечения экономического роста государству и обществу необходимо разработать новые стратегии интеграции, которые могли бы минимизировать возможность социокультурного сепаратизма, национализма и экстремизма [12]. В докладе М.В. Васильева «Десять угроз и вызовов Европе» предпринята попытка проанализировать комплекс угроз и вызовов, стоящих перед Европейским Союзом, наиболее важными из которых он признает «миграционный кризис, бюрократизм системы и отсутствие четкого цивилизационного проекта интеграции». При этом оценка степени угроз и сам их перечень представляются достаточно дискуссионными. Автор пессимистично оценивает будущее Евросоюза и считает выход из него Великобританией «отправной точкой распада всей европейской конфедерации» [13].

Из докладов, посвященных конкретно-исторической проблематике, следует отметить значительное количество докладов, посвященных проблемам европейского регионализма и сепаратизма — особенно на территориях Италии и Испании, что, конечно, лишний раз свидетельствует об актуальности этих вопросов. Таковы доклады доцента Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова **В.В. Семиной** [14], четырех наших коллег из Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург) — студентки **В.А. Гоголевой** [15], студентки и преподавателей **Д.Н. Искендеровой**, **Н.Е. Кузьминых** и **К.М. Табаринцевой-Романовой** [16] и профессора Кубанского государственного университета (г. Краснодар) **А.А. Баранова** [17]. Два последних доклада получили отзывы от **Т. Рокки**, автора доклада близкой тематики. Живой отклик нашел у зарубежного коллеги и доклад доцента Алтайского госуниверситета **В.Н. Козулина**, посвященный проблеме формирования идентичности у восточноевропейского народа русинов, не столь часто (по сравнению с другими европейскими сюжетами) привлекающего внимание исследователей [18]. Очень актуальную на сегодняшний день тему затронула в своем докладе «К вопросу о перспективе выхода Великобритании из ЕС» доцент Алтайского госуниверситета **Н.С. Малышева**. Доклад

был опубликован за два месяца до состоявшегося «Брексита». Автор доклада справедливо заключает, что «европейский вопрос» для Великобритании выходит за рамки только участия или неучастия в ЕС, он неизбежно затронет программы партий, проблему идентичности, поиск места и определение роли Великобритании в Европе [19].

Менее значительное число докладов было посвящено азиатской и африканской проблематике. Это доклады **В.С. Бойко**, **Д.А. Глазунова**, **В.А. Гайкина**, **Г.П. Григоряна**, **С.А. Усольцева** и **Х.М. Турьинской**. В числе этих докладов есть как теоретические, поднимающие более широкие проблемы на примерах конкретного региона, как, например, доклад старшего научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН и Института Африки РАН (г. Москва) **Х.М. Турьинской** [20], так и не менее ценные «практические» доклады, основанные на архивных и полевых исследованиях. Таков доклад профессора Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул) **В.С. Бойко**, посвященный Афганистану [21].

Особняком среди всех докладов данной секции стоит доклад профессора Нижневартовского госуниверситета **С.Н. Соколова**, в котором на основании различных справочных ресурсов анализируются «количественные изменения» сепаратизма на политической карте мира в XXI в. [18].

Из докладов, поступивших в третью секцию, большинство посвящены отдельным историческим и локальным проблемам, связанным с проявлениями сепаратизма на территории России, СССР и постсоветского пространства. Острые проблемы были подняты в докладах старшего научного сотрудника Института социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН) (г. Вологда) **О.Б. Молодова** и доцента кафедры Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул) **Ю.Н. Цыряпкиной**. В первом докладе на основе результатов опросов общественного мнения анализируется отношение населения Украины к ключевым политическим проблемам, в том числе к возможному распаду страны [23]. Второй доклад посвящен одному из крупнейших межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве за последнее десятилетие — Ошским событиям в Кыргызстане (2010 года). Автором сделана попытка проанализировать этот конфликт с применением элементов теории американского социолога Р. Брубейкера [24].

Профессор Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) **М.Е. Попова** затронула в своем докладе не менее острую кавказскую проблематику. Исследователь анализирует социокультурную интеграцию как инструмент урегулирования конфликтов идентичностей и предотвращения сецессий в северокавказском регионе.

Автор рассматривает факторы региональных конфликтов и сепаратизма и подчеркивает дестабилизирующую роль политизации этничности [25]. В докладе студентки Государственного академического университета гуманитарных наук (г. Москва) **К.П. Пашуто** затрагивается феномен «failed-state» на постсоветском пространстве — на примере опыта Южной Осетии, в которой, по словам автора, «сепаратизм республиканской нации, стремившийся преодолеть „диктат союзного центра“, дал толчок развитию сепаратизма внутри республики, что, в конечном счете, привело к появлению еще одного „несостоявшегося государства“» [26].

Сходная проблема — непризнанных государств на постсоветском пространстве — рассматривается в наиболее широком по обобщаемому материалу (в этой секции) докладе научного сотрудника Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН (г. Москва) **А.В. Бредихина**. Его доклад посвящен проблемам трансграничной интеграции непризнанных и частично признанных государств на постсоветском пространстве. Автор отмечает, что одним из решений вопроса дальнейшего международно-правового статуса этих государств выступают формы трансграничной интеграции, такие как еврорегионы и агломеративные образования, распространение которых сегодня наблюдается среди стран постсоветского пространства, стремящихся к вхождению в ЕврАзЭС [27].

Итак, на конференцию поступили самые разные доклады, посвященные и теоретическим, и вполне конкретным аспектам темы, включая и «западные», и «восточные» сюжеты из истории и современности. Пожалуй, можно было бы ожидать более активного интереса исследователей к обсуждению тематики третьей секции, но, к сожалению, в должной степени это пока не проявилось. С другой стороны, как весьма положительный результат можно считать то, что практически никто из авторов не сбился с научного стиля на пропагандистский, хотя разница в оценках учеными тех или иных событий и явлений, несомненно, присутствовала. Это важно, поскольку для настоящего ученого, в отличие от пропагандиста, необходимо разобраться в сути явления, а не продвигать заранее определенную политиками «выгодную» точку зрения (в последнем случае обычно не обращают внимание на то, насколько согласуется декларируемая позиция с реальными фактами). Понимание природы и реальных причин распространения сепаратизма очень важно — в том числе и для политиков, если они хотят принимать адекватные решения, направленные на соблюдение международного права и на сохранение мира на планете. В этом смысле представленные доклады дают весьма полезную пищу для размышлений.

Ежегодная «очная» международная конференция Алтайской школы политических исследований «Современная Россия и мир: альтернативы развития» прошла 29–30 сентября в Алтайском государственном университете. Ее организаторами, помимо АШПИ, выступили кафедра всеобщей истории и международных отношений АлтГУ, Конгресс интеллигенции Алтайского края и Российская ассоциация политической науки.

Открывая конференцию, директор АШПИ, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АлтГУ профессор **Ю.Г. Чернышов** подчеркнул актуальность тематики сепаратизма и необходимость проведения в этой области объективных междисциплинарных исследований. Программа конференции включила три секции:

1. Сепаратизм: основные теоретические подходы.
2. Международный опыт: национально-территориальные переделы мира и их глобальные последствия.
3. Сепаратизм на постсоветском пространстве.

При открытии конференции прозвучали приветствия проректора по развитию международной деятельности АлтГУ **Р.И. Райкина** и содиректора Азиатского экспертно-аналитического центра АлтГУ **П.К. Дашковского**.

Затем состоялся веб-семинар, докладчиками на котором выступили **Т. Рокки** (г. Торонто, Канада), **Г.П. Григорян** (г. Ереван, Армения) и **А.Н. Харин** (г. Киров); дискуссионтом выступил **О.Ч. Реут** (г. Петрозаводск). Подводя итог, **О.Ч. Реут** отметил, что один из главных вопросов, вытекающих из прозвучавших выступлений — это проблема обратимости «регионостроительства» и «нациестроительства». Другая проблема, обозначенная в докладах, — проблема «дефицита демократии». По мнению О.Ч. Реута, возможным способом разрешения этих проблем является политизация данных процессов, а идти по универсальному, сугубо правовому пути в складывающихся обстоятельствах представляется малоперспективным вариантом. В обсуждении выступлений также приняли участие **Е.А. Вьюжанина**, **А.Х. Дитц**, **А.И. Колобова**, **Т.Ф. Кряклина**, **Ю.С. Ларионова**, **С.А. Усольцев**.

По окончании вебинара состоялось обсуждение наиболее общих проблем, связанных с сепаратизмом как явлением. В таком ключе были построены доклады нескольких участников из Барнаула — **О.А. Аршинцевой**, **О.Ю. Курныкина**, **А.М. Бетмакаева**, **А.В. Кротова** (преподаватели исторического и географического факультетов АлтГУ). При обсуждении докладов, в частности, выступили **В.Н. Козулин**, который отметил преимущественно «технический» характер термина «сепаратизм» (чем объясняется отсутствие толкования

этого термина в энциклопедиях в качестве некоего фундаментального понятия) и **К.Н. Емешин**. К.Н. Емешин отметил особую актуальность темы сепаратизма для сегодняшней России («здесь» и «сейчас»), в то время как многие доклады формально вроде бы касались более «безобидных» тем сепаратизма («там» и «не сейчас»). По словам выступавшего, тот факт, что на последних думских выборах москвичи и петербуржцы практически «отделились», отказавшись от участия в выборах, при том, что в отдельных регионах правящая партия «Единая Россия» получила почти стопроцентный результат, тоже есть своеобразное проявление тенденций сепаратизма. Проблемы сепаратизма вообще имеют тенденцию обостряться в эпоху экономической турбулентности, которую переживает сейчас Россия, поскольку «спусковые механизмы» сепаратизма, как правило, экономические — заметил К.Н. Емешин.

При обсуждении доклада **А.М. Бетмакаева** состоялась полемика по вопросу научного определения понятия «империя». На соответствующий вопрос **Ю.Г. Чернышова** докладчик ответил, что империя — непростое понятие, и что многие современные государства, хотя формально и не являются империями, по многим качественным, прежде всего структурным, характеристикам являются именно империями, поэтому целесообразно использовать в отношении такого рода государств термин «империя» в кавычках. Из-за разного смысла, вкладываемого в слово «империя», возникла также полемика между докладчиком и **В.С. Бойко**, который не согласился с распространением понятия «империя» на СССР эпохи правления Сталина.

Самый большой блок докладов был посвящен анализу конкретных проявлений сепаратизма в истории как Запада (**П.В. Ульянов, Л.В. Мони́на, С.Н. Исакова, А.В. Сковородников, Н.Ю. Самойлов, Н.С. Малышева**), так и Востока (**С.А. Усольцев, В.С. Бойко, Д.А. Глазунов**). Здесь были рассмотрены самые разные сюжеты — от религиозных факторов иудейского сепаратизма в антиримском восстании 66–70 гг. до современных сепаратистских движений на Балканах, в Северной Ирландии, Афганистане и в Китае. Обсуждались не только конкретные сюжеты, но и те уроки, которые могут быть извлечены из исторического опыта. В обсуждениях докладов приняли участие **А.М. Бетмакаев, С.Н. Исакова, С.В. Козлов, А.В. Кротов** и др.

Второй день работы был начат с докладов гостей из Новосибирска **С.В. Козлова** и **А.М. Барсукова**, представлявших факультет политики и международных отношений Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ. Большой интерес вызвали их доклады о политической риторике президента Украины П. Порошенко и о деятельности этнорегиональных партий в современной Европе.

Ю.Г. Чернышов поинтересовался тем, каково соотношение общих и особенных черт в политической риторике П. Порошенко по сравнению с риторикой предшествовавших президентов, и тем, какую роль в «повестке дня» сыграла конкретная сложившаяся ситуация. Отвечая на эти вопросы, **С.В. Козлов** отметил, что одним из новшеств политической риторики является апелляция к счастливому европейскому будущему, много говорится о том, что нужно еще сколько-то потерпеть, прежде чем Украина станет частью Европы, а в настоящий момент Украина является «стройплощадкой» этого счастливого европейского будущего. Все это напоминает ситуацию позднего СССР. При обсуждении доклада были затронуты и некоторые более широкие проблемы, выходящие непосредственно за пределы темы доклада. Так, **В.Н. Козулин** высказал мнение о том, что для Украины могло бы иметь перспективу создание государства федеративного типа. В Европе существуют примеры даже мононациональных государств, устроенных по федеративному принципу, а сложная история и неоднородность населения Украины, присутствие различных национальных групп и разных цивилизационных ориентаций являются определенной предпосылкой для ее федерализации. С.В. Козлов согласился, что исторически сложившееся непонимание этой идеи в украинских политических элитах является определенной проблемой этой страны. Отрицание идеи федерализации Украины, по словам исследователя, объясняется «феноменом пройденного пути» и уже сложившимся в украинском общественном мнении образом единой унитарной Украины. В обсуждении доклада также принимали участие **О.Ю. Курныкин** и **П.В. Ульянов**.

Достаточно активным было и обсуждение доклада **А.М. Барсукова**. **О.А. Аршинцеву** заинтересовал вопрос о том, продвигают ли европейские этнорегиональные партии идею «Европы регионов», или их деятельность не связана с этим трендом. На этот вопрос А.М. Барсуков ответил, что, к сожалению, многие лидеры таких партий настроены не столько на продвижение своих регионов, сколько на кооптирование в европейскую политическую элиту. **В.Н. Козулин** поинтересовался мнением докладчика о том, почему современная Россия стала определенным центром притяжения сепаратистских сил всего мира, подтверждением чего является, например, проведение в Москве уже второй год подряд съезда представителей сепаратистских и националистических движений из разных стран*. Отвечая на этот

* Официальное название упомянутого съезда — Международная экспертная конференция «Диалог наций. Право народов на самоопределение и построение многополярного мира». Он проходил в Москве 20 сентября 2016 г. Организатором выступило «Антиглобалистское движение России».

вопрос, А.М. Барсуков подчеркнул роль феномена «путинизма», который характерен для многих крайне правых политических партий в Европе, что, вероятно, и делает Россию привлекательной для них страной.

В заключительной части конференции с интересными докладами по этнополитическим процессам, происходившим в Казахстане в XX веке, выступили представители этой страны **Т.С. Мизимбаев** и **Ж.М. Молдагазинова**. В обсуждении этих выступлений приняли участие **Е.А. Вьюжанина**, **Ю.С. Ларионова**, **А.В. Кротов** и др. Наконец, в докладе **В.Н. Козулина** была затронута тема формирования национальной идентичности русинов. Докладчик постарался привлечь внимание к истории и культуре этого малого народа Европы, не имеющего государственности, и отметил, что в последние годы русины значительно преуспели в попытках возрождения своей культуры и формирования идентичности, и некоторые исследователи даже признают их четвертым восточнославянским народом (наряду с белорусами, русскими и украинцами). Отвечая на вопросы **В.С. Бойко** и **О.Ю. Курныкина** об отношении русинов к так называемому «русскому миру» и угрозах русинского сепаратизма для Украины, В.Н. Козулин заметил, что часть русинских деятелей Украины ассоциируют себя в известной мере с «русским миром» и потому представляют определенную угрозу для Украины, тем более, что для нее проблема сепаратизма в последнее время воспринимается особенно остро.

Подводя итоги конференции, участники отметили, что обсуждение темы оказалось весьма плодотворным — многие выводы имеют не только чисто научное, но и практическое значение. Предварительное обобщение основных результатов уже сделано [28], и это станет определенным дополнением к недавно вышедшим отечественным исследованиям по данной теме [см., например: 29–37]. Вместе с тем, председатель оргкомитета конференции профессор **Ю.Г. Чернышов** отметил, что многим нашим «академическим» ученым нужно еще лучше уметь делать из конкретного материала такие выводы, которые могли бы быть полезны и в качестве конкретных рекомендаций на уровне экспертной оценки. Была названа и тема обсуждения на конференции в следующем году — «Имидж страны как фактор “мягкой силы” в международных отношениях».

В заключение следует отметить, что в качестве приложений к настоящему сборнику публикуются список литературы, подготовленный к данной конференции Алтайской краевой универсальной научной библиотекой им. В.Я. Шишкова, а также материалы Зимней школы молодых исследователей из России и Казахстана «Запад и Восток:

регионы в трансграничном взаимодействии», проведенной в АлтГУ 26–30 января 2016 г.

Литература

1. Аршинцева О.А. Государство, суверенитет, нация: актуальные вопросы теории. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3657>
2. Курныкин О.Ю. Эволюция понятия «сепаратизм». URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3886>
3. Филиппов В.Р. Сепаратизм реальный и иллюзорный. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3787>
4. Вольтер О.В. Сепаратизм в контексте национально-территориального предела мира. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3949>
5. Харин А.Н. «Государства архаики» и проблемы сепаратизма в современном мире. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3619>
6. Арпентьева М.Р. Современный сепаратизм: человечность и идентичность. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3830>
7. Ковбан А.В. Формы непризнания государств в международном праве и сотрудничество непризнанных государств. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3646>
8. Чернышков Д.В. Политэкономия сепаратизма в глобальном мире. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3740>
9. Трофимов Е.А. Сепаратизм в контексте современных политических процессов. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3633>
10. Rocchi T. Separatist, Autonomist, and Regionalist Political Parties and Movements in Europe: Continuity and Change. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3751>
11. Бетмакаев А.М. Национализм, сепаратизм и судьба империй в XX в. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3670>
12. Demidova I.V. Migrants' Integration: Problems and Solutions. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3696>
13. Васильев М.В. Десять угроз и вызовов Европе. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3866>
14. Semina V.V. Separatism in Catalonia: History and Fight for Sovereignty. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3707>
15. Гоголева В.А. Сепаратизм в Италии: карнавал движений за независимость. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3880>
16. Искендарова Д.Н., Кузьминых Н.Е., Табаринцева-Романова К.М. «Сардизм» — феномен сепаратизма «Юга Италии». URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3779>
17. Баранов А.В. Сепаратизм в Каталонии: общественное мнение и трансформации партийной системы региона. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3896>

18. Козулин В.Н. К вопросу о формировании национальной идентичности русинов. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3728>
19. Малышева Н.С. К вопросу о перспективе выхода Великобритании из ЕС. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3675>
20. Турьинская Х.М. Федерализм versus сепаратизм: африканский опыт. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3845>
21. Бойко В.С. Сепаратизм или регионализм? Взаимоотношения «центр-периферия» в Афганистане в XX — начале XXI в. (территориальные и этно-политические аспекты). URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3927>
22. Соколов С.Н. Сепаратизм на политической карте мира в XXI в. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3890>
23. Молодов О.Б. Предпосылки регионального сепаратизма в Украине в социологическом измерении. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3680>
24. Цыряпкина Ю.Н. Узбекско-киргизское межэтническое противостояние во время Ошских событий 2010 г. (на основе теории Р. Бруйкеера). URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3936>
25. Попов М.Е. Социокультурная интеграция как способ урегулирования конфликтов идентичностей и преодоления сепаратизма на Северном Кавказе. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3704>
26. Пашуто К.П. Сепаратистские тенденции на постсоветском пространстве и феномен failed-state: опыт Южной Осетии. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3858>
27. Бредихин А.В. Трансграничное сотрудничество непризнанных государств на постсоветском пространстве. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3818>
28. Козулин В.Н., Чернышов Ю.Г. Итоги дискуссии о сепаратизме (обзор докладов). URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3960>
29. Александрова Е.С. Эволюция демократического права на сепарацию: современный этап // Международное публичное и частное право. 2015. № 1 (82). С. 3–6.
30. Гуджатуллаев Р.А. Факторы сепаратистских этнополитических конфликтов на примерах Курдистана, Страны Басков и Нагорного Карабаха // Вестник Пермского университета. 2015. № 1. С. 123–128.
31. Добронравин Н.А. Модернизация на обочине: выживание и развитие непризнанных государств в XX — начале XXI века. СПб., 2013.
32. Иванов С. Сепаратизм — угроза государственности или борьба за независимость? // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 8. С. 3–12.

33. Карпович О.Г. Сепаратизм и сепаратистские движения в современном мире (на примере Бельгии и Великобритании): сравнительный анализ // Право и политика. 2016. № 4. С. 449–457.

34. Лафитский В.И. Сецессия в современном мире: конституционно-правовые и международно-правовые аспекты // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 1 (44). С. 30–33.

35. Орлов А.А. Проблема сецессии на современном этапе: на примере Шотландии и Каталонии // Обозреватель. 2015. № 1 (300). С. 67–80.

36. Скулаков Р.М. Сепаратизм как угроза территориальной целостности государств // Вестник Дагестанского государственного университета. 2015. № 2. С. 58–64.

37. Шмат В.В. Мифы региональной политики: сибирский «сепаратизм» // Регион: экономика и социология. 2014. № 2. С. 52–66.

1. СЕПАРАТИЗМ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

М.Р. Арпентьева

Современный сепаратизм: человечность и идентичность

Сепаратизм, отделенчество — политика и практика национально-государственного обособления, отделения части территории (сецессии) того или иного государства с целью создания нового самостоятельного (обладающего суверенитетом и независимостью) государства (ДНР и ЛНР Украины) и/или с целью перехода в состав иного государства (движение за присоединение к Монголии автономного региона Внутренней Монголии из Китая, Приднестровья как части Молдовы — к России, Нагорного Карабаха — к Армении от Азербайджана и т.д.) или получения статуса более или менее полной автономии (Приднестровье Молдовы и Новороссия Украины). При этом три эти разные цели могут пересекаться или быть более или менее последовательными стадиями. Сепаратизм опирается на международный принцип права народов на самоопределение и, в этом качестве, есть аспект национально-освободительного движения, в том числе, деколонизации. Вместе с тем, он часто ведет к нарушению столь же признанных международных принципов суверенитета, территориального и культурно-политического целостности единства / государства, нерушимости его границ. Это, как показывает опыт многих «непризнанных» республик, может служить источником острейших межгосударственных и межнациональных конфликтов: еще ни одно отделение, даже такое, которое наблюдалось при распаде СССР, не прошло «бескровно»: последствия разделения испытывают все.

Эти последствия могут быть позитивными — в случае национально-освободительной борьбы, опирающейся на защиту общечеловеческих ценностей и проводимой максимально ненасильственными методами, как показали фрагменты сражения Индии и других колоний за свою автономию от Великобритании в конце XIX — начале XX века: лидеры антиколониальных движений XX века (М. Ганди, Д. Неру, Н. Мандела, Р. Мугабе) не ставили своей задачей формирование отдельных государств на этнической основе и стремились к реализации принципа «один народ (в этнокультурном смысле) — одно государство». Однако чаще всего они могут быть и становятся весьма деструктивными, в том числе тогда, когда разделение осуществляется насильственно и/или в целях материальной или иной «наживы», как

это случилось с распадом СССР, при этом достигнув успеха «мирным путем», нация или территория рискуют перейти к менее мирным и нравственно осмысленным стратегиям, как это произошло с Индией и Пакистаном, а могут, как это произошло с Израилем, создать почти невыносимые, резко ассиметричные условия для жизни «не титульных наций», пытаясь вытеснить их со «своей» территории окончательно. Это не только наносит удар по вытесняемым и отношениям внутри государства, но разрушает саму нацию или иную общность — агрессора.

Истоки сепаратизма часто бывают связаны с грубым нарушением прав человека и народов, в том числе национальных, расовых и религиозных и иных групп (меньшинств). В этом случае сепаратизм, как это наблюдается, например, в борьбе против колониализма, насильственной ассимиляции и геноцида, приводит к возрождению нации и образованию новых молодых национальных государств [1; 2; 3; 4]. Д. Горовиц определяет сепаратизм как выход группы и ее территории из-под юрисдикции более крупного государства, частью которого она является, дифференцируя его от ирредентизма — стремления к присоединению этнически, религиозно и т.д. родственному населению и населяемой им территории [4, с. 147]. Как показал опыт той же Индии в ее отношениях с Великобританией, а также Чечни с Россией и Карабаха с СССР и Азербайджаном, даже самые деструктивные аспекты отношений могут быть ослаблены и трансформированы, если люди двигаются к своим целям, уважая друг друга. И наоборот, как показывает опыт современных Индии и Пакистана, Ирака и многих африканских государств, стремившихся ко все более полной дифференциации и обособлению, поставившей обособившиеся части на грань выживания, а также опыт Канады и Испании, сепаратизм создает немало сложных и острых проблем в жизни развитых и развивающихся стран, если цели и/или средства отделения неблагоприятны.

Сепаратизм сыграл решающую роль в распаде таких многонациональных стран, как Австро-Венгрия, преследовавшая и травившая собственное население по национальному признаку, СССР, навязывавший внерелигиозное отношение к жизни, Югославии, Чехословакии и Украины, оказавшихся сферами «интересов» иностранных «вкладчиков»: социально-экономическое положение в стране при этом резко меняется к худшему и / или наступает политическая и экономическая нестабильность. При этом завершение отделения достигается редко: в качестве примеров успешных сецессий как выходов из состава государства можно назвать Бангладеш, Сингапур, Эритрею, Южный Судан. Отчасти успешна сецессия Нагорного Карабаха. Реальная воз-

возможность обрести независимость растет у Квебека от Канады и Шотландии от Великобритании, где количество сторонников отделения все растет. Иногда инициаторами отделения служат сами государства: так, Нидерланды в целом готовы предоставить независимость своей заморской территории Аруба, а затем и другим островам Нидерландских Антиль, однако пока этого не произошло потому, что у населения этих островов нет особой потребности в отделении.

Центральной проблемой современной этнополитики является проблема этически и юридически грамотного отношения к сепаратизму. Особую значимость этот вопрос обрел на рубеже XX–XXI веков в свете переживаемого многими странами и континентами «этнического ренессанса» или «этнического возрождения», а также религиозного «возрождения», в том числе нациестроительства и нацитворчества, а также религиозного творчества и религиозного и псевдорелигиозного строительства. Разнотипность сепаратизма и его проявлений, его неразрывная связь с кризисом мультинациональных государств и активизацией культурно-политических и социально-экономических проблем и движений требуют анализа современной системы профилактики и противодействия этому явлению там, где оно нарушает права людей и сообществ, например, псевдорелигиозное, террористическое движение ИГИЛ (запрещенное в России), объединяющее в себе сепаратистские и мондиалистские амбиции, и поддержки там, где речь идет о национально-освободительной борьбе колонизированных территорий и борьбе народов, долгое время подвергавшихся и подвергающихся эксплуатации (многие территории и народы Африки и Америки, и т.д.) [1; 2; 3; 4].

Как пишет К.С. Пузырев, «сепаратизм, на взгляд автора, представляет собой крайнюю и радикальную форму самоопределения народа, региона, территории или сообщества, которая связана со специфическими обособленными (изоляционистскими) формами национальной либо региональной идентичности, для которой характерно отрицание самой возможности существования данной общности в составе более масштабного национального государства, идея о желательности его демонтажа или распада». Такая идея кажется вполне спорной там, где речь идет о возможности решить проблемы противостояния наций и сообществ внутри страны, однако в случаях, когда в стране процветает целенаправленный геноцид и «люстрация» населения по этническому, религиозному, политическому, культурному и иному признакам, вопрос сепаратизма становится вопросом выживания [5, с. 133–134]. По мнению К.С. Пузырева, основа сепаратистских движений — сочетание четырех кризисов: «кризис идентичности, связанный с неспособно-

стью общества воспринимать себя как самостоятельное и суверенное; кризис распределения, связанный с неравномерностью распределения национальных богатств среди этносов и территорий; кризис легитимности, ставящий под вопрос сами основы существования национально-го государства; кризис участия, связанный с недоверием этносов, регионов и сообществ к существующей общенациональной политической системе, к ее способности адекватно выразить их интересы» [5, с. 134; 7].

Как тип политического движения, сепаратизм содержит более или менее выраженную идею национальной исключительности, в том числе исключительных прав на независимость в виде территориальных прав; идеализированный образ своего сообщества как целостной исторической и культурной общности и шаржировано-искаженный образ враждебных (конкурирующих) сообществ и регионов; часто мифологизированную версию национальной истории, с ее «избранными потерями» и «избранными достижениями»; образы вождей / героев-мучеников, воплощающих идеалы данного региона или сообщества (*imagined community*), и образы его преследователей / палачей, представляющих антиидеал; специфические ценности, выступающие в качестве концентрированного и неизменного выражения интересов собственного сообщества или территории и являющиеся идеологической основой программы национально-, религиозно- или регионально-сепаратистских движений [6; 8]. Он включает также применение его лидерами тех или иных технологий политической конфронтации и мобилизации, а также общее представление о сепаратистском движении, регламентирующее его необходимость/неизбежность, содержание и формы. Поэтому, в частности, современная концепция ООН предлагает этническим общностям альтернативные возможности самоопределения вне сепаратизма — не через отделение, а в таких формах, как автономизация (что включает гарантии государством возможностей развития национальных языков и культур), демократизация государства (при которых права национальных и иных общностей защищаются законом) и т.д. Параллельно ООН работает Организация Непредставленных Народов и Наций (ОННН или UNPO), образованная представителями Абхазии, Гагаузии, Ингушетии, Чечни, Чувашии, Якутии, крымских татар, ассирийцев, косовских албанцев, русинов, каренов и др. На деле реализуется практика «двойного стандарта»: подавляя и запрещая сепаратистские движения на своей территории, страны НАТО и ряд других стран и организаций часто поддерживают сепаратизм там, где это выгодно. Вместе с тем, общая тенденция сепаратизма — последовательный отказ от насилия, ведущим инструментом

реализации своих целей становится голосование на выборах и референдумах.

Исследователи различают ряд основных причин сецессионизма: относительная депривация и отставание в культурно-политическом и социально-экономическом развитии; «внутренний колониализм» как «культурное разделение труда» и геноцид меньшинств; ассимиляция и иные угрозы национальной идентичности против конструирования нации, нациестроительства и возрождения этнического, религиозного и т.д. самосознания; ирредентизм [6, с. 86–87; 9, р. 37–39; 10; 11; 12; 13]. При этом, как отмечает А. Аппадурай, «культурное разнообразие сегодня, как он настаивает, «сознательно мобилизовано... на службу масштабной национальной или транснациональной политике» [13, с. 15; 14]. При этом оно во многом мифологизировано: общение наций и территорий подчинено в большей мере законам «воображаемых сообществ» и процессам гибридизации, чем реальным сообществам и обособления. Речь идет о пересмотре «правил игры» и отношений между людьми в большей мере, чем об обособлении наций и территорий: там, где люди учатся быть людьми, опираясь на общечеловеческие законы, проблема сепаратизма решается автоматически.

Литература

1. Авраменко А.В. Сепаратизм: сущность и проблемы: автореф. дисс. ...канд. полит. наук. М., 1997.
2. Бромлей Ю.В. Этнический парадокс современности в историческом контексте // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 75.
3. Бьюкенен А. Сецессия: Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства / Науч. ред. Д. Фурман. М., 2001.
4. Горовиц Д. Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение // Национальная политика в Российской Федерации. Материалы международной научно-практической конференции (Липки, сентябрь 1992 г.). М., 1993. С. 145–164.
5. Пузырев К.С. Сепаратизм как политическое явление // Территория новых возможностей. 2010. № 3 (7). С. 133–143.
6. Пузырев К.С. Региональный сецессионизм в современной Европе: истоки и особенности проявления // Вестник КемГУ. 2015. Т. 2. № 2 (62). С. 85–88.
7. Сизов С.Г. Этнический сепаратизм в геополитическом противоборстве в конце XX — начале XXI в. // Наука о человеке: гуманитарные исследования: научный журнал. 2013. № 2 (12), ноябрь. С. 17–24.

8. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L., 1991. P. 6–7.
9. Sturm R. Regionale Autonomie und Sezession // WeltTrends. 2014. № 98. September/Oktober. S. 37–44.
10. Beck U. Cosmopolitanism as Imagined Communities of Global Risk // American Behavioral Scientist. 2011. V.55/10. P. 1346–1361.
11. Lightbody J. A Note on the Theory of Nationalism as a Function of Ethnic Demands // Canadian Journal of Political Science. 1969. V.2(3). P. 327–337.
12. Ross C. Imagined Communities: Initiatives around LGBTQ Ageing in Italy // Modern Italy. 2012. V. 17(4). P. 449–464.
13. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, MN, 1996.
14. Dilemmas of Diversity after the Cold War: Analyses of “Cultural Difference” by US and Russia-Based Scholars / Ed. M. Rivkin-Fish and E. Trubina. Wash. DC, 2010.

О.А. Аршинцева
Государство, суверенитет, нация:
актуальные вопросы теории

Современные исследования сепаратизма исходят из того, что большинство его проявлений опосредовано состоянием внутреннего пространства государства, в котором формируются сепаратистские тенденции. При всех различиях в подходах к проблеме они сходятся в признании суверенитета, границ и территориальной целостности неотъемлемыми атрибутами национального государства современного типа. Таким образом, совокупность указанных признаков лежит в основе некой абстрактной нормативной модели, за которой кроется многообразие политических систем и режимов, (включая такие сложные формы полities, какими были империи нового времени), а также механизмов международно-правового, политического и силового регулирования отношений между ними. Комплексный междисциплинарный подход к изучению сепаратизма предполагает более широкий взгляд на проблему, с учетом изменений в состоянии суверенитета современных государств, процессов дробления политического пространства, способов международной легитимизации новых государственных образований. Особое место в ряду актуальных проблем принадлежит эволюции права народов (наций) на самоопределение. В столь широко очерченном предмете поле единственное, что объединяет исследователей — общая терминологическая неудовлетворенность, имеющая под собой вполне понятные основания. Схожие или однотипные изме-

нения политической карты мира исследователи склонны определять оригинальными понятиями собственного изобретения. К этому добавляются трудности точного перевода терминов в текстах по родственной тематике. Ситуация осложняется и тем, что зачастую исследуемые процессы и явления не имеют аналогов в прошлом, носят открытый характер, как большинство турбулентных изменений мировой политики, и трудно поддаются системной классификации. При всех претензиях к теоретической состоятельности исследований такого рода, они безусловно заслуживают внимания — как минимум, потому, что позволяют более точно сформулировать искомые принципы междисциплинарного подхода в изучении сепаратизма. Представляется полезным для начала произвести «ревизию» ключевых понятий — «суверенитет», «нация», «национальное самоопределение» — которые так или иначе присутствуют в любой конкретной работе по сепаратизму.

Суверенитет. Российский политолог Г.И. Мусихин (ВШЭ) в попытке классификации современных теорий суверенитета отмечает, как минимум, три базовых проблемы (трудности). Первая — отсутствие консенсуса из-за особенностей понятийного аппарата суверенитета, тесно связанного с такими еще более дискуссионными категориями, как государство, власть, политика, право. Вторая — эпистемологическая — связанная с распространением постмодернистского подхода в теории познания и пересмотром «классического» определения суверенитета в рамках новой теории политики. Третья — субъективное использование понятия суверенитета в областях, далеких друг от друга, что приводит к тому, что за счет вольных уточняющих определений размывается и обесмысливается содержание самого понятия [1, с. 64–65].

Эти соображения стоит принять во внимание при изучении конкретных случаев сепаратизма — особенно при попытке обобщения фактического материала. Показателен в этом отношении опыт исследования новых форм государственных образований, хотя возникают они не только в результате территориальных сецессий и реализации сепаратистских проектов. Разнообразие понятийного аппарата в работах соответствующей тематики еще более впечатляет, если иметь в виду, что большинство авторов дружно признают причинно-следственную связь между изменениями в состоянии суверенитета и в конфигурации политического пространства. Интересный вариант классификации — на основе сравнительного анализа понятийного аппарата отечественных и зарубежных работ — предлагает политический географ Ф.А. Попов [2, с. 16–28]. В одну группу он объединяет близкие по смыслу определения внутреннего состояния государства по

признаку слабого, ограниченного, частичного или дефектного внутреннего суверенитета (государственного контроля), включая варианты внутренних зон, находящихся под альтернативной, нелегитимной властью. Эта группа представлена широким спектром понятий от абстрактно-географических (безгосударственная зона/территория/пространство/, «серая» зона, дефектной государственности) до политико-географических (повстанческое государство, квази-государство). Другая группа — понятия для обозначения новых политико-территориальных образований, возникших как результат физической сецессии, отделения от «материнского» государства. В российской научной литературе самыми распространенными стали термины «непризнанное государство», «самопровозглашенное государство», которым в английском варианте наиболее соответствует «государство де-факто» [3, р. 13–40]. Русскоязычная версия содержит в контексте стремление этих государств к международному признанию, но следует иметь в виду, что проблема не столько терминологическая, сколько заключается в отсутствии «централизованного» механизма признания.

Нация. Разобраться в терминологической неопределенности важно не только само по себе, но в связи с производными от этого понятиями, имеющими прямое отношение к теме сепаратизма, — национальное самоопределение, право наций на самоопределение, национализм. Не претендуя на составление исчерпывающего глоссария, отметим два наиболее характерных подхода. Первый — не без влияния западной политической теории — становится все более популярным в новейшей отечественной политологии и культурологии. Его сторонники исходят из того, что возможны два отличных друг от друга понимания и определения нации — как политического сообщества граждан (гражданская или политическая нация) и как этнокультурной, этноязыковой общности (этническая нация) [3, с. 131–143]. Отсюда вытекают понятия гражданского и этнического национализмов. Этнический национализм рассматривается как притязания дополитической «этнической» общности на национальный суверенитет. В отличие от него гражданский национализм — продукт чистой политической коллективной воли, и нетрудно заметить генетическую связь этой версии с идеей народного суверенитета. При очевидной теоретической определенности этой концепции ее критиков как раз не устраивает то, что она исходит из взаимоисключающего противопоставления неких «идеальных» типов нации и национализма. В их позиции прочитывается некий запрос на «симбиотическую» — не упрощенную, не эклектичную — теорию, которая исходила бы из реального многообразия современных

наций, включая различные формы внутри- и межнациональных отношений.

Из всех возможных ответов на указанный запрос наиболее авторитетной и интересной представляется концепция известного американского исследователя Крейга Калхуна. Ее привлекательность объясняется не в последнюю очередь тем, что она выводит дискуссии за пределы чисто теоретических споров, объединяя историю и современность в причинно-следственной логике и системе аргументации. Калхун выделяет важные особенности нации — ни одна из них не является абсолютно необходимой, все они могут быть присущи любой нации, а решающее значение имеет система, в которой эти черты преобладают. Итак, нацию характеризуют десять основных черт: 1) границы территории, население, или то и другое вместе; 2) неделимость — представление о целостности нации; 3) суверенитет и, по крайней мере, стремление к суверенитету и к формальному равенству с другими нациями — в виде независимого государства; 4) «восходящее» представление о суверенитете — т. е. идея о том, что правление справедливо только тогда, когда опирается на волю народа; 5) участие народа в коллективных делах — народ мобилизуется для участия в военных и гражданских делах на основе принадлежности к одной нации; 6) прямое членство — каждый индивид считает себя непосредственной частью нации; 7) культура — включает сочетание языка, общих убеждений и ценностей, освященных обычаями и реальным опытом; 8) глубина во времени — представление о том, что нация существует во времени, включая прошлое и будущее, и обладает историей; 9) общее происхождение или расовые черты; 10) определенная историческая или даже сакральная связь с конкретной территорией [4, с. 4–5]. Методологически концепция Калхуна открывает, на наш взгляд, новые возможности для исследования идеологии программ сепаратистских движений; может стать основой для сравнительного анализа конкретных путей реализации сепаратистских проектов; а также вполне пригодна в качестве аргументов для экспертных рекомендаций при разработке соответствующих политических решений.

В заключении подчеркнем, что цель предложенного обзора состояла не в навязывании конкретных теоретических предпочтений, а, скорее, в расширении теоретического контекста исследований проблем сепаратизма.

Литература

1. Мусихин Г.И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» // *Общественные науки и современность*. 2010. № 1.
2. Попов Ф.А. От «безгосударственных территорий» к «государству де-факто» // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 2 (26).
3. Lynch D. Engaging Eurasia Separatist States: Unresolved Conflicts and de Facto States. Washington, DC. 2004. URL: https://bookstore.usip.org/sites/usip/resrcs/chapters/1929223544_otherchap.pdf
4. Клименко Е.В. Интеграция и различия. О гражданской нации в России // *Полис*. 2015. № 6.
5. Калхун К. Национализм. URL: <http://www.profilib.com/chtenie/114666/kreyg-kalkhun-natsionalizm.php>

С.В. Бирюков

Сепаратизм: идейные истоки, современное состояние, пути преодоления

Сепаратизм и суверенитет

Американский политолог Д. Горовиц определяет сепаратизм как выход группы и ее территории из-под юрисдикции более крупного государства, частью которого она является, и отличает его от ирредентизма — стремления к присоединению этнически родственного населения и населяемой им территории к «этнически близкому» государству. Как политико-правовое явление сепаратизм тесно связан с понятием «суверенитет» — ибо в эволюции представлений о смысле и содержании последнего отразилась вся противоречивость подходов к проблемам национально-государственного строительства [1, с. 147].

Достаточно вспомнить, что сама идея суверенитета была известна еще в эпоху Средневековья — но использовалась феодальными владельцами для обоснования их собственных специфических прав и привилегий (т.е. сепаратизма). В противовес данному подходу, Ж. Боден, один из крупнейших идеологов абсолютизма XVI в., в своем масштабном труде «Шесть книг о республике» впервые сформулировал гражданскую теорию государственного суверенитета, связав это понятие с идеей светского национального централизованного государства, идущего на смену феодальной раздробленности. В центре боденовской теории государственного суверенитета находится мысль о неделимой, постоянной, стоящей над законом государственной власти, не связан-

ной никакими ограничениями и выражающейся в абсолютном господстве над гражданами и подданными.

Двойственный характер по отношению к проблеме сепаратизма имеет «демократический вариант» концепции политического суверенитета, разработанный в XVIII веке французским философом Ж.-Ж. Руссо. Он полагал, что верховная власть в обществе должна принадлежать «объединенному народу» (также называемому «сувереном»), образующему «коллективное существо», в котором полностью растворяются отдельные личности и группы. «Суверену» принадлежит неограниченная власть над собственностью и личностью граждан, от него каждый индивид «получает свою жизнь и свое бытие». В новом состоянии не допускается противопоставление индивидуальных интересов и воли «коллективной воле», и гражданское общество как система артикуляции индивидуальных интересов фактически лишается права на существование. Отрицая де-факто гражданский суверенитет, концепция Руссо также не допускает влияния малых обществ на большее, а наиболее эффективным механизмом осуществления воли объединенного народа объявляет единую и нераздельную республику. Таким образом, формально руссоистский подход отрицает сепаратизм (а в купе с ним — регионализм и федерализм) как таковой. Однако, при ближайшем рассмотрении все оказывается не так однозначно.

Так, еще в конце XIX века идея национального суверенитета был дополнена совершенно новым принципом — равноправия и самоопределения народов (в России его главными адептами оказались большевики, внесшие его на II съезде РСДРП в партийную программу с целью подрыва государственности Российской империи). Этот принцип был в итоге записан в Уставе ООН, хотя последняя выступает сегодня как представитель государств и наций. Реальное же сосуществование «этнической» и «гражданской» концепций суверенитета продолжалось, порождая на практике немало коллизий.

Самоопределение без сепаратизма

После Первой мировой войны право на самоопределение официально признавалось за нациями и этническими группами, а после Второй мировой войны — за народами колониальных владений, что способствовало обретению ими независимости. Это сразу же породило серьезную проблему. В африканских странах слабые союзы племен, «выдавшие» себя за нации, добились создания государств — в результате государства оказались нежизнеспособными, что неизбежно привело к межнациональным конфликтам и войнам (достаточно вспомнить войну 1960-х гг. в Нигерии, унесшую жизни более 1 млн. человек, столкновения 1990-х годов в Республике Чад и в Руанде).

Правда, следует отметить, что лидеры антиколониальных движений второй половины XX века (М. Ганди, Д. Неру, Н. Мандела, Р. Мугабе) никогда не ставили своей задачей формирование новых государств на этнической основе и реализовали принцип «один народ (в этнокультурном смысле) — одно государство». Однако, в развитие импульса, порожденного антиколониальными движениями, у целого ряда народов проявилось стремление к созданию собственной «этнической» государственности. Приверженцы данного подхода пытались объявить источником государственного суверенитета и субъектом государственного самоопределения не нацию как совокупность граждан, а определенную этническую общность, реализующую свои права на «исторической территории». Выражением данной тенденции в 60-80-е гг. прошлого века стал этнический сепаратизм (баскский, курдский, северо-ирландский, албанский в пределах Балканского региона и др.) с претензиями на независимость.

Понимая нереализуемость подхода «один народ — одно государство» в условиях смешанного состава населения большинства стран, а также реальную неспособность многих этнических общностей к самостоятельному государственному существованию, международное сообщество в лице ООН и ряда других организаций попыталось создать правовые ограничения на пути сепаратизма. Признавая право наций и народов на самоопределение, ведущие международные институты в принципе выступали против реализации его в форме отделения, дабы не поощрять сепаратистские устремления. Это подтвердил бывший генсек ООН Бутрос Гали, во время своего визита в Россию в 1995 г.

Современная концепция ООН предлагает этническим общностям достаточно широкие возможности для самоопределения без сепаратизма — не через отделение, а в таких политических формах, как автономия — территориальная, а чаще национально-культурная (предполагает предоставление государством гарантии развития национальных языков и культур), через общую демократизацию государства (когда права национальных общностей надежно защищаются законом и судом) и иным образом. Со сходных позиций предполагает решать проблему и Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (т.н. Хельсинские соглашения 1975 г.).

Одновременно, для представительства интересов народов, не имеющих национальной государственности, существует созданная в 1991 г. Организация Непредставленных Народов и Наций (ОННН или UNPO), в работе которой принимают участие представители Абхазии, Гагаузии, Ингушетии, Чечни, Чувашии, Якутии, крымских татар, ассирийцев, косовских албанцев, каренов и др.

Двойной стандарт

При этом ни одна конституция ни одного из зарубежных государств не признает права на отделение входящих в его состав народов и национальных территорий. Любая попытка одностороннего выхода и сепаратистская деятельность, особенно с использованием вооруженной борьбы, подавляются силой, в том числе и на основе специального законодательства (например, законов о федеральной интервенции, действующих в Индии, Нигерии, Канаде и других странах).

Так, например, Французская республика, не отрицая за Корсикой прав на территориальную автономию, приравнивала корсиканских сепаратистов к уголовникам и использует против них полицейские меры, Индия подавляет с помощью силовых средств движение сикхов и мусульманских сепаратистов в штатах Джамму и Кашмир, а правительство Великобритании в 1969 г. после начала межнациональных столкновений в Северной Ирландии (Ольстер) ввело туда полицейские спецподразделения и войска и распустило местный парламент.

Однако, как показывает практика стран Запада и ЕС, жестко подавляя сепаратистские движения на своей территории, в рамках стратегии «двойного стандарта» они одновременно поддерживают сепаратистов там, где им это выгодно. В этом отношении весьма примечательной является ситуация вокруг турецких курдов и косовских албанцев.

Так, например, Конституция Турции 1961 г. (ст. 54) считает всех граждан страны турками, хотя значительную часть (40–50%) населения этого государства составляют национальные меньшинства — 1 млн. арабов, более 500 тысяч грузин, более 1 млн. выходцев с Северного Кавказа (черкесов, чеченцев, абхазов, дагестанцев, осетин и др.). Но самой большой проблемой для турецких властей является наличие в стране огромной общины курдов (фарсоязычного народа иранской группы), насчитывающей от 14 до 20 млн. человек (1/3 населения). При этом курды лишены национальных структур власти, школ, вузов и просто права говорить на своем языке — проводится последовательная политика по их ассимиляции. В Уголовном кодексе Турции присутствует специальная статья, предусматривающая ответственность за «курдизм» (под которую при желании можно подвергать любые проявления национальной культуры и самосознания), а правительство этой страны не сделало практически ничего для преодоления ужасающей бедности населенных курдами районов.

Албанцы, проживающие на территории сербского края Косово, под предлогом защиты прав которых США и блок НАТО развязали ничем не оправданную агрессию против суверенной Югославии, име-

ли гораздо больше прав, чем турецкие курды. Албанцы-косовары обладали автономией до конца восьмидесятых годов (пока она не была отменена в ответ на антисербское восстание 1981 г. и попытки выдавливания сербов и других неалбанцев из края), имели возможность создавать свои национальные школы, газеты и политические партии.

В начале 90-х, когда численность албанцев в крае достигла 90% населения, стали создаваться параллельные органы власти и началось движение за отделение от Югославии. Террористические организации, впоследствии объединившиеся к 1998 г. в Армию освобождения Косова и получавшие солидную помощь из-за рубежа, развернули в крае террор, после чего правительство Сербии было вынуждено использовать против них армейские части и спецподразделения. Разгоревшийся в крае конфликт в итоге стал поводом для военной агрессии НАТО и США, стремящихся укрепить собственную гегемонию в мире и на европейском континенте.

Асимметричная федерация

Россия, государственность которой сочетает принципы территориального и национального федерализма, напрямую сталкивается сегодня с проблемой «этнического самоопределения». Провозглашенный большевиками принцип «самоопределения наций вплоть до отделения» вкупе с построением советского и российского федерализма на этнической основе (с «подтягиванием» всех крупных этнических общностей до уровня наций) сыграл роль «мины замедленного действия», в свое время разрушив СССР, и привел к формированию на его осколках целой группы этнократических режимов и «этнических тираний». Сегодня он остается проблемой для российской государственности.

Федеральные власти, долгое время шедшие навстречу подобным устремлениям, игнорировали то обстоятельство, что суверенитет федеративного государства фактически разрушается наличием в его составе подобных «суверенных государств» (вследствие этого произошло закрепление государственного статуса национальных республик в действующей Конституции). Не устранили этого юридического нон-сенса ни подписание Федеративного договора в 1992 г., ни принятие новой конституции в 1993 г., ни подписание федеральным Центром и субъектами двусторонних договоров о разграничении полномочий и предметов ведения. Поэтому место опасного для федеративной государственности принципа «самоопределения наций вплоть до отделения» должна придти идеология «исторического самоопределения народов в составе России».

Обновленная Россия, на наш взгляд, должна представлять собой конституционную федерацию, составленную из формирующихся на

основе межрегиональной экономической кооперации макрорегионов — «земель». В области национальной политики необходимо, уважая принципы равноправия народов России, закрепить законодательно статус русских в качестве основной государствообразующей нации (в рамках концепции союза народов России вокруг русского народа как «ядра»).

Национально-территориальные регионы должны постепенно включиться в состав поэтапно создаваемых на базе межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия и федеральных округов «земель», а национально-культурные автономии различного уровня (общегосударственного, что предполагает гарантии развития языка и культуры соответствующего народа в масштабах всей страны, «земельно-окружного», районного, муниципального) — сохраниться и получить более широкое правовое и экономическое обеспечение за счет опоры на механизмы территориального самоуправления (при сохранении политического контроля со стороны соответствующих властных структур).

Литература

1. Горовиц Д. Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993.

О.В. Вольтер Сепаратизм в контексте национально-территориального предела мира

В обществе на современном этапе его развития национально-этнические проблемы приобретают особую актуальность и становятся реальной угрозой международной безопасности.

Проблемы национально-этнического сепаратизма широко распространены в развивающихся странах Азии: индийские штаты Джамму и Кашмир, Пенджаб, Нагаленд, Ассам, северная Шри-Ланка, области Карен и Шах в Мьянме (Бирма), южные Филиппины, Восточный Тимор и Ирман-Джая (западная часть Новой Гвиней) в Индонезии, Тибет и Синьцзян (Уйгуристан) в Китае. Азиатская разновидность сепаратизма получила распространение в Восточной, Юго-Восточной, Южной Азии. Эти конфликты возникли еще в доколониальный период, но возобновились после получения странами государственной независимости.

Проблемы сепаратизма сильны в странах Африки: Южный Судан, провинция Кабинда в Анголе, Северное Сомали, провинция Квазу-Наталь в ЮАР, Коморские острова, Руанда и Бурунди. Страны этого региона в более поздний период получили государственную независимость, но проявления сепаратизма возобновились с новой силой после ухода с континента колониальных держав. Однако тот факт, что большинство африканских этносов до сих пор находятся на племенной стадии развития, объясняет меньшую организованность и активность африканских сепаратистских движений, по сравнению со странами Азии. Разнообразный этнический состав населения Африки, особенности экономических и культурных связей ее районов не учитывались при построении колониальной структуры Африканского континента. Поэтому все чаще выдвигаются требования пересмотра границ, разделивших на части единые и родственные этносы.

Тенденции сепаратизма ярко выражены на Ближнем Востоке: Курдистан, Горный Бадахшан в Таджикистане, пакистанская провинция Белуджистан, Южный Йемен, область Читтагонг в Бангладеш, на севере Афганистана и на юге Алжира. Ближневосточный или исламский сепаратизм господствует в мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Средней и Южной Азии. Противостоящие стороны национальных конфликтов имеют одну конфессиональную принадлежность — ислам, поэтому определяющим является фактор этнической принадлежности и самосознания угнетаемого национального меньшинства.

Очаги сепаратизма есть и в государствах Нового Света: канадская провинция Квебек, мексиканский штат Чьяпас, самоуправляющаяся территория Дании Гренландия, остров Невис в составе Федерации Сен-Китс и Невис. Сепаратистские настроения в этом регионе определились переселенческим характером населения государств Нового Света, практически исключившим глубокие и непреодолимые противоречия между этническими и конфессиональными группами эмигрантов, а также малочисленностью и разобщенностью коренного населения — индейцев и эскимосов.

В Европе сепаратизм распространен в Северной Ирландии, Стране Басков, Каталонии, на Фарерских островах, Корсике, Фландрии и Валлонии, на Северном Кипре и характеризуется преобладанием этноконфессионального и социально-экономического факторов. Целью западноевропейских сепаратистов чаще является не создание независимых государств, а достижение максимальной национально-культурной, экономической и политической автономии в рамках существующих в настоящее время государственных границ. У многих

европейцев сформировалось понятие европейской идентичности, свою малую Родину они воспринимают как часть единой Европы.

Сепаратизм распространен и в бывших социалистических странах Восточной и Центральной Европы и включает Россию и ряд государств, образовавшихся на территории бывшего СССР, кроме мусульманских республик Средней Азии. Корни восточноевропейского сепаратизма уходят в предыдущие исторические эпохи. Он активизировался в конце 80-х годов XX века в связи с распадом СССР и разрушением блока стран социалистического лагеря. В отличие от западноевропейского сепаратизма, восточноевропейский стремится не к автономии, а к полной независимости государств.

Таким образом, сепаратизм в современном мире можно встретить практически на всех континентах и рассматривать его в виде 6 географических типов [1, с. 36–58]. Сепаратизм как феномен отличается огромным многообразием его конкретных проявлений. Истоки, причины, условия возникновения, движущие силы, динамика, результаты, последствия отличаются многовариантностью и многообразием [2, с. 117].

Сепаратизм можно рассматривать в двух аспектах. Первый — это движение наций к самоопределению и независимости, второй, напротив, проявляется в стремлении к интеграции, к образованию крупных полиэтнических общностей, к формированию мощных «супернаций». Обе эти тенденции объективны, обе закреплены в мировом праве как «право наций на самоопределение» и «сохранение территориальной целостности государств». Перспектива выбора оптимального пути для развития межнациональных и межэтнических отношений не имеет смысла ни в аспекте интеграции, ни в аспекте самоопределения и независимости этноса, без учета положительной динамики развития экономических, политических и иных факторов. Однако нестабильность в экономической, политической или социальной сфере приводит к обострению сепаратизма.

В современной политической науке дается следующее определение данного явления: во-первых, сепаратизм выступает «как теория, политика и практика обособления, отделения части территории государства с целью создания нового самостоятельного государства или получения статуса очень широкой автономии» [3, с. 121]. Во-вторых, сепаратизм это «движение за отделение части государства и создание нового государственного образования, за предоставление части страны автономии по национальному, языковому или религиозному принципу» [3, с. 121].

Сепаратизм как движение, выражающее стремление малых этносов в многонациональных государствах к созданию самостоятельных государств, является серьезной проблемой. По разным данным (в зависимости от методики подсчета) в мире в настоящее время существует от 3000 до 5000 народов-этносов, и только около 200 государств.

Сепаратизм как теория, политика и практика насильственных действий, направленная на обособления, отделения части территории государства, основывается на ложно трактуемом принципе самоопределения, когда каждая этническая общность должна иметь собственную государственно оформленную территорию. Но в международной практике правоприменения право народов на самоопределение трактуется, имея в виду признание существующей системы государств и право территориальных сообществ (а не этнических групп) формировать систему управления не в ущерб остальному населению. Самоопределение, особенно для этнических групп, — это, прежде всего, право на участие в более широком общественно-политическом процессе. Сепаратизм же — это выход из существующей системы или ее разрушение с целью оформления государственности для определенной этнокультурной общности.

В конце XX — начале XXI в. на мировой политической арене происходили процессы, направленные как на интеграцию, так и на дезинтеграцию государств, народов, территорий. Зачастую эти процессы имели хорошо спланированный, управляемый характер, они определялись внешней политикой крупнейших мировых держав и были направлены на передел сфер влияния. Данная ситуация стала возможной в результате распада СССР и нарушения мирового паритета сил СССР и США.

Сепаратизм в современном геополитическом пространстве имеет двойственное значение и носит субъективный характер. Отличие сепаратизма от национально-освободительного движения носит субъективный (оценочный) характер [4, с. 213]. Традиционный сепаратизм базируется на международном принципе права на самоопределение и в недавнем прошлом являлся составной частью национально-освободительного движения и деколонизации. Одновременно, сепаратизм нарушает международный принцип суверенитета и территориальной целостности государства. Отсюда происходят двойные стандарты Запада — поддерживать в геополитических целях сепаратизм в странах, входящих в сферу интересов неокOLONиальной политики США и стран НАТО, и не допускать его у себя.

Всплеск сепаратизма пришелся на 90-е годы XX века, и это было обусловлено в первую очередь распадом мировой социалистической

системы. После распада СССР и волны цветных революций, прокатившихся по территории стран Восточной Европы и бывшего СССР, сепаратизм стал реальной угрозой территориальной целостности и безопасности этих государств.

В распоряжении Президента РФ В.В. Путина от 07.06.2001 N 312-рп «О подписании Шанхайской конвенции по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» было определено, что «терроризм, сепаратизм и экстремизм представляют угрозу международному миру и безопасности, развитию дружественных отношений между государствами, а также осуществлению основных прав и свобод человека» и что они, «вне зависимости от их мотивов, не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах, а лица, виновные в совершении таких деяний, должны быть привлечены к ответственности в соответствии с законом» [5].

В Шанхайской конвенции говорится: «...Сепаратизм — какое-либо деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон». Страны, подписавшие Шанхайскую конвенцию, «принимают такие меры, которые могут оказаться необходимыми, в области национального законодательства, для обеспечения того, чтобы деяния, указанные в п. 1 ст. 1 настоящей Конвенции (терроризм, сепаратизм, экстремизм), ни при каких обстоятельствах не подлежали оправданию по соображениям политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного аналогичного характера и влекли наказание сообразно степени их тяжести» [6]. «Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» подписали Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Российская Федерация и Республика Таджикистан.

Современный передел мира привел к неконтролируемым потокам беженцев из разрушенных войнами стран Востока в страны Западной Европы. Ответом на это стал всплеск геополитического сепаратизма, проявившегося в противостоянии ценностей христианской цивилизации Западной Европы и мусульманского мира в лице волн беженцев из охваченных войной и нищетой стран Востока. Кроме того, все увеличивающееся мусульманское население Европы в виде непрекращающегося потока мигрантов, не желающих интегрироваться в систему европейских ценностей, создает экономические и политические про-

блемы, приводит к росту исламского фундаментализма, а также криминальной среды для нового витка сепаратизма. В итоге сепаратизм бумерангом возвращается на Запад. Таким образом, сепаратизм традиционно служил и служит важным инструментом геополитики и орудием соперничества государств на мировой арене.

Литература

1. Заяц Д.В. Географические типы сепаратизма // Проблемы гео-конфликтологии. Т. 2. М., 2004.
2. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. СПб., 2004.
3. Политическая наука: Словарь-справочник / Сост. И.И. Санжаревский. М., 2010.
4. Большой юридический словарь. М., 2003.
5. Распоряжение Президента РФ от 07.06.2001 N 312-рп «О подписании Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17034>
6. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14 июня 2001 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3405>

Л.Г. Коваленко

Сепаратизм как механизм влияния на развитие государственности

Большинство современных государств, в том числе и Россия, отличаются пестротой этнического состава населения, языковыми, религиозными и культурными особенностями, что объективно определяет неизбежность возникновения очагов сепаратизма, имеющего место как внутри страны, так и в сфере международных отношений. Сепаратизм — стремление к отделению, обособлению, проявляющееся у национальных меньшинств в многонациональных государствах и направленное на создание самостоятельных государств или национально-государственных автономий [1, с. 352].

Само понятие определяет цели: образование независимого государства; отделение и присоединение к другому; получение большей автономии при сохранении региона в составе государства. Отсюда и средства достижения цели. Сепаратистские процессы и их протекание зависят от степени развитости страны. В развивающихся — большинство протестующих составляют люди, причины недовольства которых экономические: слабое развитие региона, низкий уровень жизни, здесь

сепаратное движение подавляется чаще всего силой. В развитых странах настрояния менее экстремистки выражены, главная идея — предоставление большей автономии, а не отделение. Часто движение представлено партией, защищающей это требование. Такой сепаратизм подавляется мягким путем без применения силы (Квебек — Канада, Шотландия — Великобритания). Таким образом, среди приверженцев сепаратистским идеям можно выделить разные по социальному положению слои общества, которые имеют собственные цели, соответственно интересам. Это элиты, стремящиеся к власти; средние слои, недовольные национальной дискриминацией; низшие слои, для которых особо значимо материальное положение (экономический фактор) и глубокий социальный разрыв [2, с. 249].

Выделяют виды сепаратизма: религиозный, этнический, также по процессу протекания, целям. Сепаратистские движения редко достигают цели. Успешные сецессии — Сингапур, Чехословакия, Югославия, страны на постсоветском пространстве. Центральные власти, как правило, препятствуют появлению новых независимых государств, часто этому предшествуют гражданские или национально-освободительные войны, вооруженные конфликты и процесс может быть быстротечным или затяжным, или так называемый «бархатный развод» — СССР, Чехословакия. В развитых странах сецессия возможна и законодательным путем: референдум, который не всегда имеет положительный результат (Шотландия, Квебек, Северная Ирландия), положительный пример — Республика Крым (референдум 2014 г.). На территории бывшего СССР можно выделить четыре образования (НКР, ПМР, Абхазия и Южная Осетия), которые в настоящее время обладают всеми атрибутами государственности и более десяти лет функционируют как самостоятельные государства, не контролируемые государствами-«патронами». Сепаратистские режимы демонстрируют устойчивость, у них есть собственные конституции, проводятся выборы, референдумы, сформированы органы исполнительной и законодательной власти, суды, сравнительно развиты политические системы. Это свидетельство того, что нельзя однозначно принимать тезис о том, что «сепаратистские образования» — это «черные дыры», «территории, где властвует криминал», «потенциальные убежища для террористов». Эти государства не признаны международным сообществом, но они не находятся в изоляции.

Таким образом, непризнанные государства являются реальными и, в значительной степени, автономным фактором международных отношений на постсоветском пространстве. Рассматривать их в качестве марионеток России некорректно. Россия, признав сепаратистские об-

разования, создала для себя ряд рисков: отказ от принципа нерушимости границ, отсюда — все границы между республиками бывшего Союза оказались в «подвешенном состоянии»; возникла угроза изоляции вследствие международных санкций; у многих стран СНГ есть реальные или потенциальные проблемы с сепаратизмом, в том числе и у РФ [3, с. 15].

В отношении сепаратистских образований со стороны международного сообщества существует политика двойных стандартов: одни признаются, другие — нет. В основе такого отношения собственные интересы Запада, пример — Косово. Это сепаратистское образование признано десятками стран — членов ООН как независимое государство, то есть произошло принудительное отчуждение Косово от Сербии и последующая легализация этого процесса [3, с. 7].

Россия, как любое современное государство, не избежала такого явления, как сепаратизм, большинство очагов которого не имеет широкой поддержки населения. Истоки сепаратизма в РФ — в так называемом «параде суверенитетов», здесь свою роль сыграла провокационная фраза президента Ельцина «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», было также объявлено о приоритете республиканских законов над федеральными. Как результат проявились тенденции на отделение ряда субъектов — Татарстана, Чечни, Карелии, которые в своих конституциях провозгласили право на отделение, государственным — язык титульной нации. О суверенитете высказались балкарцы, черкесы, кабардинцы. Также сепаратистские движения существовали в 90-е годы XX в. в Сибири, на Дальнем Востоке, Урале, в Калининградской области. В каждом регионе сепаратизм имел особенности. Цель — посеять страх, для этого используются различные методы борьбы, вплоть до террористических актов, убийства представителей власти и рядовых граждан. Интересно обоснование сепаратизма в Татарстане — обвинение русских в осаде Казани под лозунгом «Я помню 1552 год» и «Холокост татарского народа — 1552». До 2012 г. появлялись предложения об отделении от России и требования — «Кайся, Русь». То есть здесь мы видим обращение к исторической памяти и, таким образом, стремление воздействовать на сознание людей — это очень действенный механизм. Особо можно выделить Калининградскую область — это «естественный» очаг сепаратизма, анклав. На такое положение влияет оторванность от большой России, что накладывает повышенную ответственность на власть, то есть необходимо обращать особое внимание на экономику, социальную сферу, сферу образования, культуру. Призывы к отделению от Москвы имели место и на Кубани в 90-е гг. Что толкает на подобное? Вероят-

но, люди ищут выход из жизненного тупика — фактического бесправия и самоуправства чиновников, а также неповоротливости государственной машины при принятии важных и оперативных решений.

Призывы к отделению можно рассматривать как информационную войну внутри государства, направленную на ослабление власти и дестабилизацию. Некоторые эксперты считают, что в XXI в. в России серьезный сепаратизм невозможен в силу изменившихся условий, хотя, осознавая важность для страны безопасности на юге, политические элиты Северо-Кавказского региона пытаются торговаться с центром за дополнительное финансирование, уступки (полномочия) [4, с. 92–93]. Источником сепаратизма ряда регионов РФ является неурегулированность границ, меняющихся в зависимости от исторических условий, этническая чересполосица держит сообщество в постоянном напряжении, поэтому необходим мораторий на эту «земельную» проблему [5, с. 94]. Сепаратизм, как отмечалось, разный, различаются его истоки, но цель всегда одна. В 2014 г. воссоединение Крыма с Россией можно рассматривать как прецедент, влияющий на рост сепаратистских настроений в других субъектах. Хотелось бы отметить в свете современных международных событий немаловажный для России момент. Есть понятие «эффект осажденной крепости», его используют для обозначения ситуации в сепаратистских образованиях. На наш взгляд, это понятие в какой-то степени можно использовать для обозначения положения России как суверенного государства. Стремление отстоять свое право на независимую внешнюю политику, укрепление своей безопасности рассматривается международным сообществом (Запад) как нарушение всех законов международного права. Россия представлена как своего рода сепаратист, стремящийся разрушить ЕС, Украину. Всевозможные санкции против РФ и ее граждан формируют у населения страны ощущение «осажденной крепости», вероятно, поэтому и некоторое недовольство части общества проводимой внешней политикой, непонимание тех или иных решений власти, все это требует от носителей власти большой разъяснительной работы, а именно: необходима своевременная разработка механизмов согласования национально-специфических интересов этнообщностей с развитием страны; соблюдение баланса общенациональных и этнорелигиозных интересов; обеспечение прав личности; восстановление прав депортированных этносов (крымских татар); ведение диалога между этносоциальными группами; формирование этнополитических знаний, цель которых — научить людей адекватно ориентироваться в сложной этнополитической ситуации и уважать права и культуру других этносов. Все это очень важно, так как существует более 50 сепаратистских об-

разований в мире с населением 230 миллионов человек. Сепаратистские движения и объединения организовали ряд всемирных и региональных организаций [6, с. 23, 30].

Таким образом, следует подчеркнуть, что сепаратизм как явление, движение, территориальное образование достаточно распространен, имеет глубокие исторические корни, обусловлен объективными и субъективными причинами, как внутренними, так и внешними (пример — Косово, постсоветское пространство). Сепаратизм во всех проявлениях несет в себе прежде всего разрушительное начало и действует как механизм дестабилизации, ослабления государства и подрывает основы государственности (суверенитет, территориальную целостность, принцип нерушимости границ) и может быть источником межгосударственных и межнациональных конфликтов. Отсюда и способы предотвращения зарождения и проявления сепаратизма различны: личные переговоры с привлечением посредников, миротворческих сил, референдумы. Власть должна учитывать все особенности: исторические, этнорелигиозные, культурологические, демографические и проводить эффективную политику, не ущемляющую интересы регионов и населения независимо от социальной и этнорелигиозной принадлежности. И это актуально для любого государства.

Литература

1. Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993.
2. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. СПб., 2004.
3. Тренин Д. «Казус Косово» // Pro et Contra. 2006. № 5-6.
4. Попеску Н. Абхазия и Южная Осетия: независимость или выживание? // Pro et Contra. 2006. № 5-6.
5. Малащенко А. Северный Кавказ: когда закончилась война // Pro et Contra. 2008. № 5-6.
6. Бодрова Е.В. К вопросу о причинах роста национального сепаратизма на Северном Кавказе в годы Великой отечественной войны // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2.

А.В. Ковбан

Формы непризнания государств в международном праве и сотрудничество непризнанных государств

Признание нового государства является свободным актом, посредством которого одно или несколько государств констатируют существование на определенной территории человеческого общества, организованного в политическом отношении, независимо от любого друго-

го существующего государства, способного выполнять требования международного права, и вследствие этого заявляют о своей воле рассматривать его как члена международного сообщества. Признание или непризнание не влияет на существование нового государства, однако признание имеет декларативное значение.

В конце прошлого века и сегодня на международной арене появился целый ряд новых политических образований, которые не признаются мировым сообществом в качестве полноправных субъектов международного права. Согласно одной позиции непризнанные государства — мировые геополитические образования, которые не имеют общего международного признания, но фактически являются суверенными странами.

Другая позиция основывается на том, что непризнанные государства — определенные названия регионов, провозгласивших себя суверенными государствами и обладающих следующими признаками: наличие населения, контроля над территорией, системы права и управления. Но в то же время они не имеют дипломатического признания со стороны государств-членов ООН, а их территория находится под суверенитетом одного или нескольких государств-членов ООН. Однако признание государства одним членом ООН не является основанием для признания всеми государствами-членами ООН, поэтому их участие в международных отношениях ограничено правовым полем определения другими государствами. Следствием непризнания ООН является фактическая невозможность принятия государства в члены ООН, которое может произойти только по решению Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности. Для приема требуется поддержка как минимум 9 из 15 государств-членов Совета Безопасности (при этом следует учесть, что 5 постоянных членов — Великобритания, Китай, Россия, США и Франция — могут наложить на решение вето, проголосовав против), после чего вопрос передается в Генассамблею, где для принятия резолюции о вступлении требуется большинство в две трети. Сама по себе Организация Объединенных Наций с юридической точки зрения не обладает никакими полномочиями признавать то или иное государство или правительство, так как данные вопросы относятся к прерогативе суверенных государств и их правительств. Непризнанные государства могут характеризоваться другими государствами как сепаратистские образования, отколовшиеся регионы или оккупированные территории. Точно такие же характеристики получают и частично признанные государства от тех государств и/или международных организаций, которые не поддерживают их признания

[2]. Классифицируя непризнанные государства с участием ООН, можно выделить следующие формы непризнания государств:

- не признанные ни одним государством,
- признанные только не входящими в ООН,
- не члены ООН, признанные по крайней мере одним членом ООН,

- члены ООН, признанные, по крайней мере, одним членом ООН.

Непризнанные государства появляются из-за отсутствия правовой преемственности с предыдущими государственными образованиями. Условно по способу возникновения их можно разделить на: государства, образовавшиеся в результате революций; государства, образовавшиеся в результате национально-освободительной борьбы; государства, образовавшиеся в результате послевоенного разделения; государства, возникшие из-за получения независимости бывших колоний от метрополии.

Наибольший всплеск «самопровозглашения» произошел на рубеже 1990-х гг. в связи с распадом СССР и Югославии и сопутствовавшими этому этнотерриториальными конфликтами. Однако международное сообщество заняло жесткую позицию, фактически провозгласив приоритет принципа «нерушимости границ» над принципом «права на самоопределение» и категорически отказалось признавать новые государственные образования. В результате возник феномен постсоветских «непризнанных государств», статус которых не определен, что, однако, не мешает их существованию. Некоторые эксперты отмечают, что большинство этих образований является, по сути, вполне состоявшиеся государствами, обладающими эффективным государственным аппаратом, пользующихся массовой поддержкой со стороны населения. В 1995 г. контроль над территорией, на которую претендовала Сербская Краина, возобновила Хорватия; в 1999 г. Россия восстановила контроль над территорией, на которую претендовала Ичкерия, в 2009 г. Шри-Ланка восстановила контроль над территорией, на которую претендовал Тамил-Илам. В 2008 г. Россия пресекла попытку Грузии восстановить контроль над территорией, на которую претендовала Южная Осетия. В 2001 г. постсоветские непризнанные государства создали собственное Содружество непризнанных государств (СНГ-2) [3].

Другая классификация форм непризнанных государств связана с наличием контроля над собственной территорией, наличием внутреннего суверенитета. Наиболее универсальная на сегодня классификация такова:

— частично признанные государства, которые фактически контролируют собственную территорию (Тайвань, Абхазия, Южная Осетия),

— непризнанные государства, которые фактически контролируют собственную территорию (Сомалиленд, Приднестровье, Нагорно-Карабахская Республика),

— непризнанные государства, контролирующие часть собственной территории,

— частично признанные государства, в основном те, что находятся под военной оккупацией,

— частично признанные государства, находящиеся под международным управлением (Косово),

— частично непризнанные государства (Израиль).

Названные государства — только малая часть большого перечня государств, которые ждут мирового признания. Но учитывая процессы, происходящие в последнее время в мире, вопрос о том, сколько времени будут ждать эти государства и не перерастет ли это ожидание в вооруженное противостояние, остается открытым.

Российский исследователь И.С. Марусин определяет непризнанное государство как политическое образование, которое имеет объективные признаки независимого государства, однако не признается иностранными государствами и поэтому лишено возможности полноценного участия в международной жизни.

Как правило, непризнанные государства характеризуются наличием следующих признаков:

— реальная власть на определенной территории с постоянным населением, включая вооруженные силы, которые могут поддерживать на контролируемой территории определенный правопорядок;

— органы власти непризнанного государства в своих действиях достаточно независимы от центрального аппарата и иностранных государств;

— представители нового политического образования прямо заявляют о своей независимости;

— идея независимости широко поддерживается населением непризнанного государства;

— новое политическое образование создается на территории, имеющей статус, равноправный другим частям территории «государства-суверена», лицами, имеющими полный объем прав граждан этого государства;

— несмотря на реальное существование власти на определенной территории, поддержку населения, соответствующие заявления и де-

кларации, ни центральная власть, ни иностранные государства не признают это образование государством, не признают его международной правосубъектности в своих отношениях с ним [4].

В условиях современного либерализма и демократии большинство ранее непризнанных государств все сильнее пытаются заявить свое право на независимость и полную суверенность. Но на международное определение государств оказывают влияние не только принципы международного права, но и интересы великих держав, которые и определяют, кому получать независимость. Непризнанные мировые геополитические образования не являются полноправными государствами, но в условиях «тлеющих конфликтов» могут перерасти в военные противостояния.

Литература

1. О членстве // Организация Объединенных Наций. Официальный сайт. URL: <http://www.un.org/ru/sections/member-states/about-un-membership/index.html>

2. Неполноценные члены сообщества. Абхазии и Южной Осетии не хватает признания 190 членов ООН // Газета Коммерсантъ. 1.10.2008.

URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1033950&NodesID=5>

3. Язькова А. «Болевые точки» постсоветского пространства. Самопровозглашенные территории между Россией и Европой. URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=40&tek=549&issue=16>

4. Фельдман Д.И. Сучасні теорії міжнародно-правового визнання. Казань, 1963.

С.В. Кротов, Р.Д. Ким К вопросу о генезисе и развитии национального сепаратизма

Несмотря на остроту проблемы сепаратизма, многие характерные и качественные черты его проработаны недостаточно. В той или иной степени развитости он присутствует или может возникнуть при определенных условиях в более чем половине государств мира. Возникновение и развитие национального сепаратизма предполагает наличие национализма, который необходимо рассматривать как его основную предпосылку. Национальный сепаратизм как движение отдельного народа развивается только в национальном русле. Отсутствие национального различия автоматически ведет к потере основного общественного ресурса. Иные виды сепаратизма (конфессиональный, эко-

номический и пр.) с течением времени должны перейти в разряд национального явления, так как постепенно у конфликтной части народа формируется свой национализм [подробнее см.: 1].

Национализм зависимых народов привел к образованию практически всех восточноевропейских, латиноамериканских и азиатских государств. Когда национальное меньшинство пытается отделиться, оно создает свои пространственные мифы, основанные часто не на реальности, а на желаемом положении дел. На национализм возлагаются важнейшие государственные задачи, несмотря на сопутствующие ему явные негативные оттенки межнациональных противоречий в полиэтнических странах. Р. Джонстон считает, что на основе националистических представлений формируется политическая идентичность людей, необходимая для возникновения и существования государства [2].

Национализм является главной и необходимой предпосылкой сепаратизма. Благодаря националистическому чувству намерения отделиться приобретают очевидный и долгосрочный характер, что базируется на основаниях идейного характера и подпитывается стойким эмоциональным чувством народных масс.

Территориальная идентичность может стать первоосновой будущей политической идентификации. Особенно важны исторические земли народов, которые часто становятся базисом, и на нем в дальнейшем строится этническая идентичность, способная в дальнейшем перерасти в национальную общность.

Весь мир состоит из нескольких тысяч этнических групп. И различия между их представителями охватывают огромное количество социальных, культурных, фенотипических и иных характеристик. Биологическая природа человека способствует созданию национальной стереотипизации в этнических группах, их противопоставлению и конкуренции между собой.

Современный мир в политическом отношении состоит из наций-государств. Но только двести народов могут гордиться и пользоваться своей государствообразующей характеристикой.

Дополнительным фактором в успешном развитии национализма меньшинства является то, что этническое меньшинство, в отличие от титульного большинства, проявляет себя как более сплоченная группа. Одной из мощных предпосылок возникновения национализма явилась, по нашему мнению, нарастающая секуляризация общества.

Национализм и другое близкое явление — патриотизм выполняют сходные задачи. Обычно считается, что проявление последнего всегда положительно, несет позитивную энергию и крайне необходимо для существования государства. В науке нет более или менее однозначно-

го разделения понятий «национализма» и «патриотизма». Очень трудно отделить друг от друга «мягкого» националиста от «ярого» патриота.

Особое влияние на рассматриваемые явления оказывают мировые взаимосвязанные процессы демократизации и глобализации. Для того чтобы быть полноправным и реальным участником международной политики, необходимо обладать едва ли не единственным качеством — суверенностью территории. Таким образом требования автономии для отдельных этнических групп обосновываются особой значимостью **национально-территориально-государственного императива**, тем более, что геоэкономические и геополитические условия существования территорий изменились в лучшую сторону. Появились новые очаги развитости и безопасности в мире.

Модернизация хозяйства, а затем и социально-политической сферы многообразно влияет на этнонациональные процессы. Этнотензии, проживающие совместно, по-разному и с неодинаковой скоростью реагируют на это. Соответственно, результаты такой адаптации различаются, кто-то больше выигрывает, а кто-то — проигрывает. Представители малых народов имеют огромный стимул к социализации в духе центрального этноса, что способствует естественному страху за будущее экономическое, культурное или политическое положение элиты отдельных национальных групп.

В национальном сепаратизме заложены две фундаментальные социально-философские идеи. Первая идея имеет отношение к свободе от какого-либо принуждения, вторая — к праву нации на самоопределение. Практически всеми современными политиками и учеными безоговорочно признаются в той или иной степени демократические ценности свободы (понимание ее во многом зависит от уровня развития гражданского общества в государстве). В вопросах же права на самоопределение четко прослеживается размежевание на два противоположных лагеря. Одни принимают это право, а другие (это, как правило, государственные деятели полиэтничных стран) безапелляционно отвергают.

Нельзя забывать, что сепаратизм на сегодня является, пожалуй самым сильным и эффективным оружием против конкурентов на внешнеполитической арене. Так, именно из-за развала СССР западный блок, и прежде всего США, почти безоговорочно лидировали на мировой арене последние 25 лет. Будет не лишним упомянуть, что в США, Японии и Германии практически полностью отсутствуют предпосылки возникновения национального сепаратизма. А в других странах Запада даже возможная реализация сепаратизма не приведет к смене поли-

тического и экономического курса отделившихся обломков. Чего не скажешь об уже сложившемся распаде Советского Союза и Югославии. Главные «возмутители спокойствия» на современной политической карте мира Китай, Россия, Индия и чуть менее значимые Турция, Бразилия, Иран и Индонезия постоянно находятся в напряжении из-за латентного национального сепаратизма, а Сербия после последнего размежевания с Косово и Черногорией окончательно потеряла свой вес на европейском политическом театре действий.

В современный век массовых коммуникаций невозможно переоценить роль информации и технологий работы с населением. Практически все специфические причины-катализаторы перехода национализма в сепаратизм подвержены влиянию СМИ и более тонким технологиям манипулирования извне.

Национально-психологические особенности, присущие различным народам мира, могут оказывать особое специфическое воздействие на ход становления и развития национального чувства у них, а также на представления о лицах, не входящих в данную этногруппу. Очевиден феномен универсальной и неизбежной межгрупповой дискриминации.

От руководителей сепаратистских движений часто зависит степень эскалации межнационального столкновения и его направленность. Лидеры национального меньшинства, как правило, заинтересованы в отделении территорий, так как это практически автоматически дает им высшие государственные посты, а их окружение получает максимальное представительство во всех значимых институтах. При отделении новое национальное меньшинство во вновь образовавшемся государстве теряет, как правило, ранее занимаемые руководящие позиции, в особенности это касается правительственных органов.

Между тем необходимо отметить, что в случаях сепаратизма основная масса населения, становящаяся новым национальным большинством и нацией, часто не получает ожидаемых дивидендов. Слишком большие ожидания у людей связываются с обретением своей национальной свободы. Есть примеры новых государств на территории бывшего СССР, которые говорят о деградации многих важнейших сфер жизнедеятельности. К сожалению, ни научным или политическим, ни тем более национальным сообществом не задается вопрос о целесообразности разделения государств. Особо стоит сказать о «приобретениях» представителями рядового населения или абсолютного большинства новых граждан.

Сейчас крайне важна роль **фактора поддержки внешнего окружения**. В конфликтах сепаратистского рода могут быть заинтересо-

ны многочисленные участники геополитических игр. На рисунке 1 показаны основные действующие силы сепаратистских конфликтов.

Рис. 1. Основные акторы сепаратистского конфликта.

Важную роль в возникновении сепаратизма играет история формирования государственных границ полиэтнических государств. Сепаратизм и национализм становятся частью не только политического, но и социально-культурного пространства. Для многих представителей конфликтующих сторон смысл жизни видится в борьбе за свое, как они полагают, правое дело.

Угроза быстрого и кардинального изменения **геополитического и геоэкономического положения страны** в случае сепарации стимулирует центральное правительство искать компромиссы. Вот почему государственные лидеры часто могут принимать полумеры, которые проблему не решают. Иногда жители спорных территорий не ассоциируют себя с национальной группой, претендующей на их земли.

В мире пока не найдено позитивного для всех участвующих сторон средства или способа снятия межнационального напряжения. Существует огромное различие в культуре и методах разрешения конфликтов. Чем сильнее проявляются противоречия в конфликтных территориях, тем больше центральным правительствам приходится тра-

тить средств на поддержание порядка. Каким-то инициативам препятствует этническое большинство.

Только предложенные «высшие» совместные цели могут помочь избежать бесконечного, переходящего из одной фазы в другую, межнационального конфликта. Необходимы должные усилия со стороны как конфликтующих сторон, так и внешних участников межэтнического противостояния. Нужно учитывать структурно неоднородные интересы этносов, проживающих совместно. Такой способ урегулирования межэтнических конфликтов мы назвали «стимулами и гарантиями конкурирующим группам». На рисунке 2 показаны основные параметры, которые могут являться гарантиями и стимулами мирного сосуществования этногрупп на едином политическом пространстве. Но главное, чтобы решения о самых важных вопросах принимались абсолютным большинством.

Рис. 2. Стимулы и гарантии конфликтующим этносам

Авторитет более крупного государства неизмеримо выше отдельной его части. Количество населения или размеры территории — это всегда важнейшие параметры рынка. От их качества и разнообразия зависит потенциал роста. Другой стратегической частью взаимного соглашения является гарантирование многочисленных интересов соперничающим национальным группам. Эти гарантии должны касаться современного положения и будущей расстановки сил. В современных

условиях роль общественного проектирования в урегулировании межэтнических конфликтов крайне актуальна.

Литература

1. Кротов А.В. География национального сепаратизма: причины, происхождение и пути урегулирования. Дисс. ...канд. геогр. наук. Барнаул, 2002.

2. Johnston R. J. The State, Political Geography and Geography // *New Models in Geography*. Vol. I. L., 1989.

О.Ю. Курныкин

Эволюция понятия «сепаратизм»

Актуализация сепаратистских проявлений как в массовом сознании, так и в политико-практическом воплощении стала одним из знамений современного этапа мировой истории. Сепаратизм относится к одной из самых политизированных, подчас эмоционально окрашенных исторических и политологических категорий, что затрудняет выработку беспристрастного, «академического» подхода к анализу и оценкам феномена сепаратизма в истории и тем более в современной политической практике.

Сепаратизм (от латинского *separatus* — отдельный), понимаемый как стремление к обособлению тех или иных социальных групп, является одним из фундаментальных свойств жизни социума с присущими последнему мозаичностью и дробностью на основе этнических, религиозных, расовых и других отличий. Это понятие вбирает в себя как разработку политических программ, содержащих концептуальное обоснование права на суверенное существование, так и действия, направленные на их реализацию. Вместе с тем сепаратизм многогранен и многообразен, что не всегда делает возможным использование сложившихся и привычных определений при анализе конкретных исторических «кейсов». Сепаратистские движения могут различаться мотивацией, степенью радикализма и методами достижения целей, различным соотношением значимости внутренних и внешних факторов. По своей направленности сепаратистские движения могут принимать формы сецессионизма (выход из состава единого государства какой-либо его части и обретение независимости) и ирредентизма (стремление к объединению с соседней страной или ее частью).

Сепаратизм порождается, как правило, комплексом внутренних и внешних причин, что не исключает актуализацию тех или иных определенных факторов в конкретных исторических обстоятельствах (межэтнические противоречия, нередко переплетающиеся с межконфессио-

нальными, экономическое неравенство, несовпадающие идеологические ориентиры, исторические обиды, расовые отличия, поддержка сепаратистских движений извне и др.). Своеобразие сепаратистским проявлениям придают также особенности политической культуры и эмоционально-психологического склада, присущие тем или иным народам.

Исторически появление сепаратистских проявлений стало реакцией на складывание сложносоставных полиэтнических государственных формирований, приобретавших черты имперских политико-территориальных комплексов. Неслучайно наиболее распространенным стало толкование сепаратизма как стремления к отделению от более крупного государственного образования с целью создания нового суверенного государства. Стремление тех или иных меньшинств освободиться из-под власти имперского центра было исторически мотивированным и оправданным, но встречало, как правило, жесткую реакцию со стороны последнего.

Сепаратизм концептуально и политически противостоял доктрине государственного суверенитета как верховенства власти и неотчуждаемости территории государства без добровольного на то согласия самого государства. Вместе с тем, принцип «одна нация — одно государство», провозглашенный Великой Французской революцией и постепенно утверждавшийся в европейской политической практике, а также выдвинутая европейским Просвещением теория естественного права подвели теоретическую основу под «право народов на самоопределение». Сам термин «самоопределение наций» входит в политический лексикон, начиная с Берлинского конгресса 1878 г. [1, с. 10].

Вместе с тем, в период расцвета великих империй (XVIII–XIX вв.) «сепаратизм» приобрел в основном негативную коннотацию как деструктивный фактор, подрывающий принципы легитимности верховной власти и устойчивости «порядка» на мировой арене. Впрочем, применительно к империям Востока (Османской, Цинской, Империи Великих Моголов) сепаратизм трактовался как прогрессивное и заслуживающее поддержки явление и прагматично использовался западными державами для продвижения своих интересов. Как минимум, дважды на протяжении последних двух столетий сепаратизм наделялся положительным содержанием: в период формирования национальных государств в Европе на рубеже XIX–XX вв. и в связи со стремительным демонтажем колониальных империй после Второй мировой войны. При этом в обоих случаях термин «сепаратизм» заменялся понятием «национально-освободительное движение», лишенным какой-либо негативной смысловой нагрузки. Очевидно, это связано с тем, что тер-

мин «сепаратизм» вошел в политический лексикон в период доминирования государствоцентричных представлений и, соответственно, наделялся деструктивным содержанием. В советской литературе, пропитанной универсалистским пафосом неизбежной победы коммунизма в мировом масштабе, сепаратистские движения трактовались как препятствующие прогрессивному развитию человечества и даже как реакционные. Показательно отсутствие статьи о сепаратизме в советских справочных изданиях («Советском энциклопедическом словаре», «Советской исторической энциклопедии»).

Неоднозначность трактовок самого термина «сепаратизм» и его конкретно-исторических проявлений обусловлена наличием в международном праве двух трудно согласовывающихся принципов — права народов на самоопределение, предполагающего, согласно основополагающим документам ООН, «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним или установление любого другого политического статуса» [2, с. 10], и принципа территориальной целостности государства и нерушимости границ. Этот «правовой зазор» открывает возможность как для устремлений к сецессии — выходу из состава государства какой-либо его части, так и подавления сепаратистских движений во имя сохранения целостности государства. Подобная ситуация порождала избирательный, прагматический подход к сепаратистским движениям: если они ослабляли недружественные или враждебные государства, такие движения оправдывались и получали явную или негласную поддержку. В противных случаях, особенно если вставал вопрос о сохранении собственной территориальной целостности, сепаратизм наделялся негативными чертами для оправдания жестких мер по его подавлению.

Очевидно, дробление государств путем вычленения из их состава этнически однородных территориально-государственных образований имеет пределы, обусловленные не столько концептуальными, сколько прагматическими соображениями обеспечения жизнеспособности вновь возникающих государств. Таким образом, реалии не допускают абсолютизации принципа самоопределения народов как ценностной и правовой нормы. Попыткой выхода из сложившейся политико-правовой коллизии является идея о различении «внешнего» и «внутреннего» самоопределения, сформулированная в Пактах о социальных, экономических, гражданских и политических правах человека, принятых ООН в 1966 г.: внешнее самоопределение, предусматривающее предоставление полной независимости территории или народу, допустимо и оправдано в случае массового и систематического нарушения

прав того или иного сообщества; внутреннее (при определенных условиях более предпочтительный вариант) — предполагает предоставление той или иной степени автономии в рамках федерации или конфедерации при гарантированной свободе волеизъявления.

В документах ООН заметно стремление избежать возможной дестабилизации мирового порядка в результате безусловной реализации права народов на самоопределение. В Декларации о принципах международного права, принятой Генассамблеей ООН в 1970 г., наряду с подтверждением права на «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним», а также обязательства воздерживаться от насильственных действий, лишаящих народы их права на самоопределение, свободу и независимость, подчеркивалось, что ничто в пунктах Декларации не должно истолковываться «как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств» при условии, что их правительства представляют без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории [3].

Заметные концептуальные подвижки в трактовке сепаратизма наблюдаются в конце XX — начале XXI в., что связано с качественным изменением международно-правовой среды под влиянием процессов глобализации, размывания прежней государствоцентричной парадигмы, акцентированием внимания к правам человека. В этих условиях привычные и, казалось бы, отрефлексированные в научной литературе явления, процессы и отражающие их категории нередко обретают новое наполнение, оборачиваются новыми гранями. При этом осмысление новых реалий подчас не поспевает за динамизмом перемен.

Актуализация сепаратистской проблематики в современных условиях обусловлена, как представляется, двумя долговременными и фундаментальными тенденциями — новым всплеском национального самосознания (мы не затрагиваем дискуссии о содержании понятий «этнос», «этничность», «нация» и т.д., разворачивающиеся среди этнологов, историков, политологов, и лишь констатируем возрастающую значимость «национальной идеи» в современных политических процессах) и, во-вторых, правозащитным дискурсом, оказывающим заметное влияние на международно-правовую сферу и мотивацию при принятии решений в рамках ООН или региональных структур. Таким образом, формируется политический и международно-правовой фон,

благоприятствующий выдвижению проблематики защиты прав и интересов меньшинств, в том числе права на самоопределение.

Преодолению исторически сложившегося негативного восприятия сепаратизма способствуют также усложнение и известная демократизация структуры современного миропорядка, проявляющаяся, в частности, в росте числа акторов международных отношений (около 200 государств, НПО, ТНК, наднациональные и трансграничные образования и т.д.). В этих условиях даже для относительно немногочисленных социальных групп появляются дополнительные возможности заявить о своей «особости» и своих правах и, что принципиально важно, возрастают шансы быть услышанными. Вместе с тем в политических кругах и среди экспертного сообщества по-прежнему распространено, а в отдельных случаях даже актуализируется, настороженное отношение к сепаратизму, особенно в государствах, подверженных угрозе территориального отделения регионов.

Следует признать, что идея самостоятельного национального существования в значительной степени иррациональна в том смысле, что рациональные мотивы (трезвый учет «плюсов» и «минусов» отделения от более крупного государственного образования), как правило, отодвигаются на задний план, не в состоянии конкурировать с «пламенными» призывами к свободе и независимости. Выходом из этой ситуации, попыткой придать большую рациональность сепаратистским устремлениям является акцентирование на этических и процедурных аспектах сепаратизма в современных условиях.

Попыткой «встроить» сепаратизм в современные реалии, легитимировать его, придав ему моральное и политическое обоснование, являются идеи об этике сепаратизма, продвигаемые, в частности, американским политологом Дж. Соренсом [4]. Правительства, по его мнению, не должны препятствовать обсуждению и выражению воли населения тех или иных регионов к самостоятельному существованию. Важно, чтобы сепаратисты добивались своих целей мирным, конституционным путем, а обязанностью правительств является создание для этого соответствующих политико-правовых условий. Готовность властных структур к диалогу со сторонниками отделения снижает, по представлениям Дж. Соренса, вероятность вмешательства извне в конфликт. В трактовке американского политолога, праву на отделение придается универсальный характер, ограниченный лишь процедурными нормами. Ближе всего к этому идеалу подошла Великобритания, обеспечившая населению Северной Ирландии и Шотландии право на свободное и неоднократное волеизъявление.

Процедурные моменты, приобретающие при таком подходе самостоятельное или даже самодовлеющее значение, предполагают сравнительно длительный процесс выявления мнений и его формализацию с тем, чтобы создать условия для общественных дискуссий и снизить накал эмоциональности при решении судьбоносных решений. Кроме того, расширяется арсенал методов выявления мнений и предлагаются альтернативные пути решения национального вопроса, помимо отделения (предоставление или расширение автономии в рамках федералистской или конфедералистской модели государственности, перераспределение финансовых или материальных ресурсов в пользу сепаратистски настроенных регионов, расширение возможностей для установления международных связей — субъектности в международных отношениях, социокультурная интеграция «инаковых» этноконфессиональных общин и т.д.).

Крайне сложно отделить теоретический и политический аспекты проблемы сепаратизма. Многочисленные публикации по тематике сепаратизма (в том числе, представленные на данной интернет-конференции) свидетельствуют о том, что наиболее уязвимыми для критики являются попытки обоснования конкретными историческими примерами тех или иных, нередко действительно новаторских, концептуальных построений или суждений. Переход от теоретических рассуждений по поводу оправданных или неоправданных сепаратистских устремлений к подтверждениям из реальной политической практики нередко выявляет избирательность, ангажированность авторского подхода (будь то примеры с Косово, Тибетом, Нагорным Карабахом, Крымом и т.д.). Сепаратизм, возможно, как никакое другое явление в международных отношениях, дает основания для упреков в проведении политики «двойных стандартов». Некоторые эксперты даже прогнозируют активное использование сепаратизма как геополитического оружия в борьбе с конкурентами на мировой арене [5].

Таким образом, сепаратизм в современных условиях остается значимым фактором, влияющим на конфигурацию и безопасность существующего миропорядка. Сепаратизм на рубеже XX–XXI вв. приобрел новое дыхание, стал более многообразным с точки зрения программных установок, форм, методов достижения целей. Отношение к сепаратизму как политическому феномену остается весьма неоднозначным и политизированным, вместе с тем предпринимаются попытки вписать его в международно-правовой контекст, придав ему черты легитимности, умеренности и предсказуемости. Очевидно и то, что сепаратизм в его конкретных проявлениях останется поприщем идейно-политических баталий и эмоционально окрашенных дискуссий, за-

трудняющих выработку универсального *modus operandi* при разрешении конфликтных ситуаций, порожденных стремлением к самоопределению.

Литература

1. Язькова А.А. Сепаратизм в контексте международного права // Сепаратизм в контексте политической жизни современной Европы. М., 2015.

2. Международное право в документах. М., 1982.

3. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных наций // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles

4. «Задача правительства — строить дороги, а не национальный дух». Политолог Джейсон Соренс — о праве народов на независимость // Meduza. 19 марта 2016 г. URL: <https://meduza.io/feature/2016/03/18/zadacha-pravitelstva-stroit-dorogi-a-ne-natsionalnyy-duh>

5. Сизов С.Г. Этнический сепаратизм в геополитическом противоборстве в конце XX — начале XXI в. // Наука о человеке: гуманитарные исследования: научный журнал. 2013. № 2 (12). С. 17–24. URL: <http://elibrary.ru/download/15278603.pdf>

6. Пузаков А.В. Противодействие сепаратизму: мировой опыт и методы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 12. Ч. 3. С. 169–172. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2013/12-3/38.html>

Е.А. Трофимов

Сепаратизм в контексте современных политических процессов

В современной российской политической и правовой мысли доминирует негативное отношение к сепаратизму [1; 2], а законодательство прямо устанавливает норму, в соответствии с которой лица, публично призывающие к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности государства, подлежат уголовному преследованию (статья 280.1. УК РФ) [3]. Восприятие сепаратизма в России как абсолютного зла связано как с историческим прошлым, так и с особенностями модернистского проекта с доминирующей дихотомией «друг-враг», а также характерным для страны госу-

дарствоцентризм. Комплекс державности, контуры которого проявляются в современной российской политической практике, усиливает негативное восприятие сепаратизма, предполагая укрепление «целостности» как государства, так и народа, их «единство». Вместе с тем, идущий в России процесс расходится с общецивилизационным вектором развития политий, а политические воззрения на «старые» институты задерживаются в лучшем случае во вчерашнем дне, с его однобокостью и корпоративной закрытостью, что грозит стране новой турбулентностью.

Взгляд в будущее позволяет ощутить, что завтрашний политический космос принципиально другой, он имеет мозаичную структуру, его элементы характеризуются различной степенью автономии и способностью «перескакивать» в иные политические миры. Постмодернистский тренд, проявляющийся в формировании полицентрических систем и механизмов их воспроизводства; разрушении взаимодействий, в которых ключевая роль отводится государству, а также в генерации ризомной среды, основанной на коннекционизме и синергетике [4], закономерно пугает традиционный социум и его неформальных «лидеров». Стремление к сохранению «стабильности и определенности» становится одним из основных факторов, приводящих к консервации модернистского восприятия сепаратизма.

Наряду с модернистским взглядом на сепаратизм наблюдаются и зачатки иного подхода к данной политической практике, к понятию «цивилизированный сепаратизм». В его основе лежит не «стабильность и определенность», а понимание многогранности политического бытия, признание права за каждым гражданином и за каждой гражданской общностью (понятия «гражданин» и «гражданская» используются не случайно) жить в политиях, максимально раскрывающих их человеческий потенциал, а также конструировать их исходя из собственных интересов.

К вопросу о постмодернистском восприятии природы сепаратизма

Любое событие или явление имеет причины, определяющие их природу. Как известно, природа сепаратизма (фр. *separatisme* от лат. *separatus* — отдельный) заключена в стремлении социальной общности к обособлению, отделению территории проживания от территории условного «материнского» государства, стремлении к образованию собственной государственности, либо вхождению в состав нового государства, становящегося «материнским». Стремление к отделению приводит к нарушению ряда международных принципов (например, нерушимости государственного суверенитета, единства и территори-

альной целостности государства, нерушимости границ и др.), что с домодернистских и модернистских позиций воспринимается негативно. С другой стороны, причины сепаратизма прямо связаны со стремлением социальной группы жить лучше, чувствовать себя комфортнее, быть Людьми, а не «меньшинствами» с дискриминированными правами. В данном ценностном ключе, сепаратизм является реакцией части населения (территориальной, этнической и др. групп) на неспособность государства поддержать их жизненный уровень и культурное развитие, важный шаг на пути сохранения общности и составляющих ее индивидуумов. Таким образом, сепаратизм — это практика, ставящая личный и народный (уместно было бы говорить о суверенитете «групповом») суверенитеты над суверенитетом государственным, способствующая обеспечению развития широкого спектра социальных групп и эволюционной трансформации социума, стимулированию государства не к навязыванию последним собственной воли и использованию репрессивных практик, а к поиску компромиссных и консенсусных решений, развитию горизонтальных сетей коммуникации и нуллификации силового воздействия на «сепаратистов» [5].

Но существует одно но ...

Следует обратить внимание на одну деталь: положительное влияние на развитие политики сепаратное право может оказать лишь в условиях высокого уровня демократической культуры населения. В условиях отсутствия демократической культуры сепаратизм способен представлять собой опасность для социума, вести к применению силы и усугублению социально-экономических и иных противоречий, превращать народ в заложников политических авантюристов; а не выступать барьером, за пределами которого начинается нарушение права и следуют политические репрессии.

Сепаратизм и сецессия за рубежом и в России

Нормы международного права и законодательство большинства стран говорят о негативном влиянии сепаратизма на эволюцию социума, связывают его с недопустимой мерой конфликта. Еще недавно под схожим углом зрения рассматривался и федерализм, который до сих пор в ряде европейских стран воспринимается в границах негативистской коннотации (Франция), а в лучшем случае нейтрально (Германия). Вместе с тем, в странах Европы обнаруживаются сдвиги в направлении федерализации, связанные с рационализацией политических отношений, стремлением государства и населения разрешить возникающие противоречия с помощью соглашения, доверия, добровольного принятия взаимных обязательств, поиска компромисса и вы-

страивания плюралистической государственной политики при сохранении «единства и многообразия».

Следует полагать, что через несколько десятилетий представления на сепаратизм подвергнутся качественной трансформации и будут способствовать формированию культуры диалога между различными политическими акторами. Уже сегодня этот процесс получает цивилизованные формы, о чем свидетельствует мирная попытка Шотландии выйти из состава Великобритании. Эта политика хоть и не привела к отделению, но дала шотландцам надежды на оптимизацию отношений с англичанами [6], обнажив важную функцию «цивилизованного сепаратизма» — побуждать население и государство к диалогу с помощью установления равноценности субъектов, признания наличия у них собственных стратегических проектов. В тех же случаях, где сепаратистская тенденция была реализована (Бангладеш, Эритрея, Хорватия, Словения, Босния, Македония, Черногория, Южная Осетия, Абхазия), сработала мобилизационная функция политической системы, а население почувствовало ответственность за развитие «новой» государственности.

Угрожают ли сепаратисты России?

Ответ на данный вопрос связан с тем, какая парадигма закладывается в исследовательский дискурс. Для России традиционно характерен моноцентризм, державность, поддержание жизнеспособности центра за счет периферии. Сепаратизм в позитивистской коннотации — родом из параллельного политического космоса, поэтому его внедрение в российскую политическую практику способно привести к некротизации существующей в стране политической системы. Вместе с тем, есть мнения, что существующая в России политическая система нежизнеспособна, ориентирована на удовлетворение интересов персонифицированных «лидеров», а не широких социальных групп, а это на протяжении веков приводило к перманентным социальным потрясениям и последующим отставаниям в развитии. Однако это не означает то, что российская полиция нуждается в разрушении. В нашем случае речь может идти об ее качественной трансформации с использованием соответствующих «предохранителей», купирующих дезинтеграцию: от повышения доверия представителей большинства в среде малых групп, до формирования различного рода автономий и представительств малых групп в органах государственной власти [7]. Важным «предохранителем» может явиться и процесс депатернализации политической системы, дающий «меньшинствам» возможность самостоятельно выстраивать систему взаимодействий как с себе подобными,

так и большинством, беря на себя ответственность за формируемую коммуникативную структуру.

Два шага на пути к реализации права на самоопределение

Первым шагом должно стать возведение в международном праве принципа права народов на самоопределение в абсолют с расширением его правообладателей и сопровождением последовательными механизмами реализации под контролем соответствующих международных институтов. В настоящее время данный принцип носит декларативный характер, а его реализация насыщена двойными стандартами, за которыми скрываются интересы крупных международных игроков, прикрытые демагогическими высказываниями о нежелательных последствиях сепаратизма, как для государств, так и населения [8]. К сожалению, пересмотра принципов международного законодательства не произошло даже в ситуации с Крымом, в которой В.В. Путин выступил большим либералом и постмодернистом, чем лидеры мировых держав.

Второй шаг, важнее первого — развитие политологического образования. Фактически речь идет о необходимости принятия старых рекомендаций ЮНЕСКО о необходимости преподавания курса политологии в высших и средних учебных заведениях стран участниц ООН. Развитие научного политологического мировоззрения позволит гражданам шире посмотреть на проблему сепаратизма, увидеть за лозунгами «радикалов» либо политический авантюризм и реваншизм, либо коренные проблемы соответствующих общностей, нуждающиеся в скорейшем разрешении; рассмотреть в «цивилизованном сепаратизме» инструменты ограничения всевластия государствообразующих элит, которые в условиях доминирования негативных представлений на сепаратизм обращены против меньшинств.

Постскриптум

В современном мире наряду с национальным, религиозным и территориальным сепаратизмом, все чаще возникают очаги «сепаратизма богатых». «Сепаратизм богатых» имеет схожую природу с другими видами сепаратизма и также нуждается в регулировании. В данном случае речь идет о формировании социального не патерналистского государства, способного довести уровни социального расслоения и региональной социально-экономической дифференциации до минимума. Вопрос экономического регулирования в предотвращении различных видов сепаратизма имеет важное значение в условиях ценностной унификации, так как именно экономика в Постмодерне становится важнейшей составляющей любых отношений.

Литература

1. Матюхин В.С. Сепаратизм в России: сущность, формы, способы нейтрализации: Дисс. ... к. филос. н. М., 2005.
2. Остроухов Н.В. Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации и на постсоветском пространстве: Автореф. дисс... д. ю. н. М., 2010.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации. Глава 29. URL: http://www.ug-kodeks.ru/ug/ug-kodeks.ru/ugolovnij_kodeks_-_glava_29.html
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома. Париж, 1976.
5. «Задача правительства — строить дороги, а не национальный дух». Политолог Джейсон Соренс о праве народов на независимость. URL: <https://meduza.io/feature/2016/03/18/zadacha-pravitelstva-stroit-dorogi-a-ne-natsionalny-duh>
6. Scotland to Remain Part of the UK: David Cameron Promises Increased Devolution as Twitter Makes Some Noise. URL: <http://metro.co.uk/2014/09/19/scotland-to-remain-part-of-the-uk-david-cameron-promises-increased-devolution-as-twitter-makes-some-noise-4874533>
7. Паин Э.А. Федерализм и сепаратизм в России: мифы и реальность // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 24–27. URL: <http://www.politnauka.org/library/territor/pain.php>
8. Романченко Ю. Охота на Россию. Наши враги и «друзья» в XXI веке. URL: http://www.plam.ru/polit/ohota_na_rossiyu_nashi_vragi_i_druzja_v_xxi_veke/p7.php

В.Р. Филиппов

Сепаратизм реальный и иллюзорный

Сепаратизм чаще всего трактуют как стремление к обособлению, отделению части политического (государственного) суверена от целого. Именно стремление, так как после реализации сепаратистской программы в политической практике лозунг сепаратизма бывает полностью исчерпан. Опыт типологизации сепаратистских движений, как правило, приводит исследователей к вычленению таких разновидностей сепаратизма, как «этнический», «конфессиональный» или «этно-конфессиональный», значительно реже — экономический. В этой статье я не буду касаться как вопроса правомерности этнических коннотаций конфликтов, породивших сепаратизм, так и вопроса о правомер-

ности употребления «этнической» терминологии в принципе. Об этом на конференциях АШПИ я говорил уже не один раз.

В данном случае меня интересует вопрос о том, насколько универсальна трактовка сепаратизма, как стремления к сепарации части от целого, стремления суверенизации некой территории, населенной, как правило, меньшинством, в чем-то отличным от большинства граждан субъекта международного права.

Мой опыт полевых исследований в различных «национальных республиках» СССР, а затем и в национально-государственных субъектах РФ привел меня к мысли о том, что лозунг сепаратизма может быть не более чем инструментом политического давления региональных властных элит (или контрэлит) на центральные органы государственной власти без стремления к реальному отделению и политическому самоопределению.

Распад СССР был не результатом «этнического сепаратизма», не стремлением «титульных наций» к самоопределению, а результатом политического противостояния М. Горбачева и Б. Ельцина. Беловежский сговор был не государственным самоопределением трех «славянских» республик, а стремлением Б. Ельцина узурпировать государственную власть в России, а также готовностью «младореформаторов» спасти экономику России «отбросив среднеазиатское подбрюшье». Союз трех «славянских» республик и роспуск СССР стали неприятным сюрпризом для партийно-хозяйственной номенклатуры среднеазиатских субъектов союзного государства, не говоря уже о населении этого региона. (Об этом свидетельствуют материалы ашхабадской встречи президентов пяти центральноазиатских республик 13 декабря 1991 г.) Российский народ в лице Верховного Совета РФ также не одобрил суверенитет РФ. Съезд народных депутатов России трижды отказался ратифицировать Беловежское соглашение, после чего в октябре 1993 г. он был расстрелян из танков.

«Парад суверенитетов» национально-государственных субъектов РФ был также инициирован Кремлем в парадигме противостояния с «красным» Верховным Советом РФ. Материалы закрытых парламентских слушаний, организованных С. Говорухиным, свидетельствуют о том, что чеченских сепаратистов провоцировали на мятеж и вооружали по указанию В. Черномырдина. По указанию Кремля были открыты оружейные склады МВД и КГБ Чечни. Российские войска из республики выводились без оружия и техники.

Мои исследования (многочисленные интервью с представителями казанской политической элиты и татарской гуманитарной интеллигенции в середине 90-х гг.) в Татарии свидетельствуют о том, что дея-

тельность татарских националистических организаций (ВТОЦ, Иттифак) была активизирована по указанию Москвы и на деньги федеральных властей. Отвечал за организацию «парада суверенитетов» в Казани бывший второй секретарь татарского обкома КПСС Р. Хакимов (в тесном взаимодействии с казанским офисом «Голоса Америки»).

Жупел «этнического сепаратизма» в национальных республиках РФ (прежде всего, в Татарии, Башкирии, Якутии) был придуман для того, чтобы республиканская партийно-хозяйственная номенклатура имела возможность легитимировать свое правление под лозунгами «этнического самоопределения» и приватизировать государственную собственность на территории «своих» субъектов РФ. (Вспомним приватизацию «Башнефти» в Уфе и сына башкирского экс-президента М. Рахимова — У. Рахимова, пребывающего в настоящее время в бегах.)

Федеральный Центр в результате этих политических сделок получил возможность приватизации федеральной собственности на всей территории страны и, что самое главное, безусловную электоральную поддержку в национальных республиках (результат грязных политических технологий). При этом и в Центре, и в республиках все прекрасно понимали, что никакой реальной суверенизации субъектов РФ быть не может по многим причинам: отсутствие внешних границ, отсутствие экономической самодостаточности и проч.

Зато мифическая угроза «этнического самоопределения» позволяла республиканским элитам требовать у федерального Центра бесконечных финансовых преференций при том, что богатые нефтью или алмазами республики отказывались перечислять налоги в федеральный бюджет, а республики бедные природными ресурсами требовали дотаций, доходивших до 90 процентов бюджета дотационных субъектов РФ. Когда я во время интервью с Русланом Аушевым (тогда — президентом Ингушетии) спросил, как долго «его» республика будет сидеть на дотациях, то получил ответ: «Вы нас завоевали? Завоевали! Вот теперь и кормите» [1, с. 14–19].

Нужно отметить, что такого рода «потребительский сепаратизм» представляет собой отнюдь не исключительно российское изобретение. В 2001 г. в числе экспертов «EAWARN» я встречался в Аяччо с лидером корсиканских националистов Эдмоном Симеони и его соратниками. Мы были шокированы, узнав «из первых уст» о размахе движения за независимость Корсики и о степени радикализма действий Фронта национального освобождения Корсики (FLNC), выступающего под флагом независимости острова от Пятой Республики. (Это политические убийства, подрывы недвижимости, принадлежащей французам, даже взрыв самолета!) Но, как свидетельствуют материалы поле-

вых исследований, проведенных на Корсике Е. Филипповой, даже люди по убеждениям близкие к радикальным националистам понимают, что государственное самоопределение было бы для корсиканцев губительно ввиду полной экономической несостоятельности. По признанию Жан-Поля Альбертини, «националисты на самом деле не хотят независимости, им и так хорошо» [2, с. 150–202].

То же самое можно сказать и о немногочисленных сепаратистах Гваделупы (заморский департамент Франции, Антильские острова). Исследование, проведенное нами с Е.И. Филипповой в 2008 г., свидетельствует о том, что тема гваделупского сепаратизма хоть и присутствует в политическом дискурсе интеллектуалов, но она редко актуализируется в реальных политических лозунгах. Генетически гваделупский сепаратизм связан с исторической памятью антильцев, которые не могут простить бывшей метрополии ужасы эпохи рабства. Однако многочисленные преференции, которыми пользуются островитяне (например, 40% надбавка к зарплате служащих), французские дотации в экономику региона делают лозунги сепаратизма малопризывательными для большинства гваделупцев и используются некоторыми местными политиками лишь для поддержания status quo во взаимоотношениях с Елисейским дворцом [3, с. 80–97].

Сепаратизм террористической баскской организации ЭТА (ETA, Euskadi Ta Askatasuna — «Страна басков и свобода»), действующей на севере Испании и юге Франции, также может быть приведен как пример «потребительского сепаратизма».

Совершенно иную природу имеет сепаратизм на Африканском континенте. В настоящее время сепаратистские движения угрожают целостности таких стран, как Алжир, Ангола, Конго, Египет, Замбия, Испания (Канарские острова), Камерун, Кот-д'Ивуар, Маврикий, Мали, Марокко, Намибия, Нигер, Нигерия, Руанда, Сенегал, Сомали, Судан, Танзания, Франция (Реюньон), Экваториальная Гвинея, Эфиопия, ЮАР. В подавляющем большинстве случаев африканский сепаратизм представляет собой инструмент неоколониалистской политики «великих держав». Он провоцируется в регионах, богатых природными ресурсами, с целью достижения особых преференций во внешнеэкономических отношениях бывших колоний с экс-метрополиями. Для создания угрозы расчленения стран чаще всего используются застарелые трайбалистские конфликты в регионах с пестрым социокультурным составом населения [4, с. 38]. Ярким примером такого спровоцированного извне сепаратизма может быть актуальная ситуация в Мали: Франция подогривала сепаратизм туарегов, провозгласивших в 2012 г. суверенитет государства Азавад, для того, чтобы сохранить контроль

над урановыми рудниками Сахеля [5, р. 171–185]. Еще один пример. С 1982 г. Движение демократических сил Казаманса ведет партизанскую войну против правительства за отделение территории этой провинции от Сенегала и создание независимого государства. Причина, лежащая на поверхности, — экономическое неравноправие регионов и разнородность социокультурного состава населения, причина латентная — стремление вооруженных группировок к полному контролю наркотрафика из Гвинеи-Бисау [6, с. 15].

Наконец, в этой аудитории, я думаю, не стоит говорить о том, что сепаратизм ДНР и ЛНР стал результатом активного вмешательства извне, а не следствием мифологизированного «этнического» конфликта.

Все это свидетельствует в пользу того, что при рассмотрении любого казуса сепаратизма следует прежде всего рассматривать не социокультурные («этнические») факторы, а конкретные политические и экономические интересы всех участников конфликтной ситуации, обусловивших манифестацию лозунгов самоопределения. Чаще всего это окажется именно манифестацией.

Литература

1. Филиппов В.Р., Грушкин Д.В. Федерализм как он есть... Интервью с руководителями субъектов РФ о федерализме и региональной политике. М., ЦЦРИ. 2001. С. 14–19.
2. Филиппова Е.И. (Не) возможность острова? Корсиканское движение от регионализма к сепаратизму. 1960-2010 // Этничность и религия в современных конфликтах // Отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М., 2012. С. 150–202.
3. Филиппов В.Р., Филиппова Е.И. Африканская составляющая в структуре идентичностей населения Гваделупы // Этнопанорама. № 1–2. С. 80–97.
4. Турьинская Х.М. Занзибар и союзный вопрос в Танзании: новое «время политики» // Азия и Африка сегодня. 2015. № 6 (695). С. 38.
5. Philippov V.R. Uranium Factor in France's Foreign Policy Towards Africa // *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015. № 2. Р. 171–185.
6. Хабенская Е.О. Казаманс и Сенегал: вместе или отдельно? // Африка в контексте формирования новой системы международных отношений. Материалы II межвузовской научной конференции РУДН (30 марта 2012 г.). М., 2013.

А.Н. Харин
«Государства архаики» и проблемы сепаратизма
в современном мире

Современный мир характеризуется рядом тенденций. Среди них можно указать такие, как ослабление государственного суверенитета, своеобразный «Закат Вестфалии» [см.: 1–3]. Государство частично теряет контроль над своей территорией, не в силах контролировать информационные, людские, денежные и иные потоки, проходящие через его территорию.

Помимо этого, усложняющийся мировой порядок выдвигает новых игроков на мировой арене: к примеру, разного рода правительственные/неправительственные организации, региональные объединения, мегагорода и т.п. Одним из проявлений последнего процесса можно назвать возникновение т.н. «государств архаики». Это те образования, где по сути не работают как традиционные институты, так и современные. Чаще всего (но не всегда) они представляют из себя зоны хаоса и анархии. Можно сказать, что это своеобразные дотрадиционные общества, поэтому мы и предлагаем понятие «архаические». Они могут носить определенные признаки государственности, что позволяет нам называть их государствами. Помимо «государств архаики» можно выделить еще несколько видов государственности в современном мире:

- традиционные государства — существовавшие, как правило, до середины XVII в.; хотя тот же Китай или Индию порой относят к государствам-цивилизациям, а это, отчасти, и есть вид именно традиционного, а не современного государства;

- современные нации-государства, сейчас испытывающие кризис;

- постсовременные государства, или своеобразные альтернативы нации-государству; они пока еще формируются, к подобным тенденциям можно отнести такие модели, как корпорация-государство, регион-государство, империя-государство и цивилизация-государство [4].

В их окружении и действуют государства архаики. Сюда можно добавить и многочисленные организации, международные движения и иные факторы, оказывающие влияние на мировую политику, в том числе, косвенно, и на возникновение сепаратистских образований.

Разумеется, и в древности существовали зоны конфликтов, войн и столкновений. Но «государства архаики» — продукт именно нашего времени, следствие ряда процессов.

Какие же факторы возникновения и распространения «государств архаики» можно назвать? Во-первых, распад биполярной системы и переходный характер современного мира. В период противостояния СССР и США мир отчасти был управляем и предсказуем, хотя и тогда уже существовали разного рода конфликты, территории, контролируемые повстанцами и имеющие некое подобие государственности. Но если раньше двум ведущим державам как-то удавалось контролировать мировые процессы, то сейчас мир становится менее управляемым. США при всем их желании не могут навести порядок по всему миру, а иные центры силы пока, по всей видимости, до конца не осознали себя ответственными за судьбы определенных регионов, либо их «игры» как раз и приводят к обострению ситуации.

Во-вторых, вмешательство других стран в дела государств, игры крупных транснациональных корпораций, также заинтересованных в появлении подконтрольных образований.

В-третьих, то, о чем уже говорилось выше: ослабление государственного суверенитета ведет к росту сепаратизма, эскалации конфликтов в современном мире. Так, израильский ученый Мартин Ван Кревельд еще в 1970-х гг. писал об ослаблении традиционных институтов, следствием чего является возникновение «Мира после государства» [5]. Падение авторитета власти способствует появлению своеобразных пустых, бесконтрольных зон, на которых царят войны и грабеж (Сомали, Сьерра-Леоне).

Можно также сюда добавить и ослабление модели «нация-государство», бездумно перенесенной европейцами в Африку и иные регионы, о чем сейчас пишут и западные авторы. Модель «нация-государство» предполагает формирование государственности на основе определенной нации. Но как быть с Африкой, где одни нации разделены государственными границами, а в других случаях несколько наций находятся в рамках одного государства?

В-четвертых, процессы глобализации, становление единого мирового социокультурного, информационного и иных пространств, ведут к росту опасения этносов за свое существование. В свою очередь, это детерминирует всплеск национализма, желание этносов выделиться, создать свои государства.

В-пятых, следствием всего перечисленного выше является возникновение «серых зон». Они выступают питательной средой для распространения «государств архаики». Термин «серые зоны» пока в политологической науке до конца не разработан. Но под таковыми можно как раз понимать территории, охваченные перманентными войнами, конфликтами. В целом, это анклав нестабильности, вызванные переде-

лом мирового пространства, ослаблением национального суверенитета, всплеском национализма и сепаратизма и иными причинами, о которых говорилось выше. Подобные зоны постепенно расползаются по всему миру, захватывая не только страны Азии и Африки, но и даже Европы.

Виды «государств архаики». Отчасти к наиболее распространенным видам «государств архаики» можно отнести непризнанные государства. Как правило, под ними понимают государственные образования, частично или полностью лишенные международного признания, но обладающие другими признаками государственности [6, с. 5].

Можно указать и на такой феномен, как «государства-кланы» — образования, находящиеся внутри полураспадающихся стран и, как правило, контролируемые криминальными структурами, полевыми командирами и т.п.

Опорой возникающих государств-кланов может стать «класс новых воинов» (термин Р. Питерса). Это люди, для которых война становится их постоянным образом жизни, ремеслом. При сохранении традиционных армий развивается и этот класс «новых воинов» или боевиков. Непрерывающиеся войны являются питательной средой для них. Хорошо вооруженные и оснащенные, имеющие прекрасный боевой опыт, они готовы перемещаться с одного континента на другой и выполнять самые разнообразные задания [7]. Среди них есть и идейные люди, однако главное для большинства из них — это война.

Соответственно, государства-кланы будут заинтересованы в пополнении своих армий из этой среды. Можно добавить сюда и все более активизирующиеся частные военные компании, которые и могут выступить в качестве посредников между государствами-кланами и «новыми воинами».

Государства-кланы могут характеризоваться следующими признаками. Во-первых, они вырастают из теневых структур, открыто противопоставляющих себя государству и обществу. Во-вторых, ими могут быть как отрасли теневой экономики, так и вооруженные объединения, контролирующие определенную территорию, занимающиеся терроризмом, наркоторговлей и другими видами криминальной деятельности. К таким государствам-кланам можно отнести территории Афганистана, Ирака, Мьянмы, Сомали и ряда других стран. В-третьих, подобные образования не всегда могут обладать большой легитимностью в глазах населения и, тем более, других государств. Однако население может быть запугано вооруженными отрядами и вынуждено признать существующую власть законной.

Государство-клан отличается от непризнанных государств своей меньшей устойчивостью. Некоторые непризнанные государства существуют уже на протяжении десятилетий. Там сформировались устойчивые государственные структуры, основная масса населения признает данные образования. Кроме того, и некоторые соседи также могут их признавать. Наиболее яркие примеры — Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Нагорный Карабах, Турецкая Республика Северного Кипра. С государствами-кланами сложнее. Здесь, в основном, преобладает господство именно полевых командиров и, как правило, еще пока сохраняется неустойчивая государственная структура. Нечто подобное можно было наблюдать в Афганистане, Сомали, Ливии.

В какой-то степени к государствам-кланам можно отнести и Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ). Однако данное образование отнюдь не стремится к контролю над небольшой территорией, а ставит своей целью создание крупного исламского государства, занимающего Ближний Восток, Центральную Азию, Северную Африку и Балканский полуостров. Другими словами, оно стремится к экспансии и носит своеобразный наднациональный характер.

Еще одним типом «государств архаики» можно назвать государства-призраки (термин Е.Г. Пономаревой). Как правило, это образования, созданные иностранными государствами в своих стратегических целях. Е.Г. Пономарева под таким государством-призраком понимает, в первую очередь, Республику Косово, являющуюся, по ее мнению, эфемерным государством, держащимся на присутствии иностранных войск. Но, по ее мнению, не исключено дальнейшее распространение данного «вируса» в Европе, хотя автор и подчеркивает, что для этого необходимо наличие внутренних предпосылок [8, с. 46–47].

Отчасти с автором можно согласиться. В ситуации обострения международной напряженности не исключено возникновение подобных «призраков», опирающихся, как правило, на иностранную помощь. Можно сказать, что если государства-кланы — следствие преимущественно внутренних факторов, то государства-призраки — внешних. Для возникновения последних также нужны внутренние предпосылки, но, если судить по косовскому сценарию, здесь уже осуществляется напрямую внешнее воздействие.

Подводя итоги, можно сказать, что появление «государств архаики» — это пока лишь небольшая тенденция. Однако в связи с обострением международной напряженности, ослаблением национального государства возможно ее усиление, а также появление новых видов данной государственности.

Литература

1. Falk A.R. The Declining World Order. America's Imperial Geopolitics. N.Y.; L., 2004.
2. Segesvary V. World State, Nation States, or Non-Centralized Institutions. A Vision of the Future in Politics. Oxf., 2003.
3. The Globalization of World Politics. An Introduction to International Relations / Ed. by J. Baulis, S. Smitch and P. Owens. Oxford, 2005.
4. Харин А.Н. Государство в условиях глобализации: новые подходы // Власть. 2013. № 6. С. 65-69.
5. Creveld M. The State: Its Rise and Decline. URL: <http://mises.org/daily/527>
6. Сквозников А.Н. Феномен непризнанных и частично признанных государств и особенности их правосубъектности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2011. № 2.
7. Попов И.М. Солдат против воина // Независимое военное обозрение. 20 февраля 2004. URL: http://nvo.ng.ru/nvo/2004-02-20/9_against.html
8. Пономарева Е.Г. Государство-призрак. Косово в мировой системе // Политический класс. 2009. № 1.

Д.В. Чернышков

Политэкономия сепаратизма в глобальном мире

Главный парадокс, связанный с проблематикой сепаратизма в наши дни, состоит в том, что процесс глобализации, с его тенденцией к размыванию государственных границ и ослаблению национального суверенитета [1, с. 11], парадоксальным образом сочетается с невиданным подъемом популярности института национального государства. К примеру, число одних только членов ООН с момента ее образования выросло почти в четыре раза, составляя сегодня около двухсот государств [2]. Другими словами, nation-state, вроде бы теснимое по всем фронтам наднациональными образованиями, международными организациями и транснациональным бизнесом, в одно и то же время и находится в кризисе, и переживает расцвет. Даже на территории Европейского союза, весьма консервативного в вопросах изменения послевоенных границ, не далее как в 2014 году на повестке дня оказалась сецессия Каталонии и Шотландии, казалось бы давно и прочно интегрированных в состав Испании и Великобритании соответственно. Последнее же по времени признание нового государства на территории Европы произошло в 2008 году, когда декларацией о независимости Республики Косово был подытожен (?) затяжной распад федера-

тивной Югославии. Представители США и Евросоюза особо отметили тогда исключительный характер этого события, которое-де не должно рассматриваться как прецедент [3]. На наш взгляд, указанный парадокс во многом кажущийся и является всего лишь отражением диалектического характера развития современной международной системы.

Если, как это постоянно и делается [1, с. 19–20, 70; 4, с. 86; 5, с. 16; 6; 7], принять за исходную точку ее становления Вестфальский мир 1648 года, определивший принципы взаимного невмешательства государств во внутренние дела, то нельзя не заметить, что оно происходило синхронно распространению капиталистических отношений: две мировых (под)системы, политическая и экономическая, складывались параллельно и во многом обуславливали друг друга. Уже в 1858 году К. Маркс отмечал, что «действительная задача буржуазного общества состоит в создании мирового рынка... Поскольку Земля кругла, то, по видимому, с колонизацией Калифорнии и Австралии и открытием дверей Китая и Японии процесс этот завершен» [8, с. 295]. При этом мировое пространство делится на две зоны с принципиально разным политико-правовым режимом: на привилегированную Европу (а впоследствии и на ее заокеанские продолжения) — и «зону альтернативного поведения» [4, с. 109]. Если вторая образует некапиталистическую «периферию», откуда в конечном счете извлекается прибавочная стоимость, то первая — капиталистическое «ядро», где она присваивается и капитализируется [9, с. 246—259; 10, с. 66, 76–77]. Тем самым всемирная история последних четырех-пяти веков может быть представлена как чередование системных циклов накопления капитала, которые перемежаются глубокими экономическими и военно-политическими кризисами, ведущими к смене «гегемонов» — мировых центров накопления [4, с. 44–45].

Начинающее возникать в Новое время национальное государство было далеко не единственной политической формой территориальной организации больших групп людей [11, с. 107], однако именно оно, добившись максимальной культурной однородности подданного населения с помощью унифицирующего воздействия системы школьного образования и печатной продукции на местных языках, оказалось наиболее успешным и конкурентоспособным. В силу этого в XIX—XX веках оно подверглось массовому «пиратскому» копированию [12, с. 89, 103] и стало рассматриваться как сама собой разумеющаяся форма самопрезентации суверенных политических единиц: «гражданское общество... должно выступать вовне в виде национальности и строиться внутри в виде государства» [13, с. 35]. После Второй мировой войны и создания ООН методологический национализм [14, с. 34–52]

достигает апогея: любое новое государство по умолчанию признается национальным сообществом. Именно поэтому сегодня национальным государством «притворяются» и Российская Федерация, отвечающая скорее признакам территориально интегрированной империи, и самобытные цивилизации Индии и Китая, и типичный город-государство Сингапур, и племенные союзы в Африке и т. д.

Межгосударственная система не является статичной, раз и навсегда заданной: капиталистическая логика сегментирует и перестраивает мировое политическое пространство [11, с. 106] так, чтобы различия между отдельными политическими юрисдикциями в правилах налогообложения, экологических стандартах, трудовом законодательстве и т. п. соответствовали оптимальной схеме мирового разделения труда и максимально возможному уровню накопления капитала. Также в рамках этой логики национальные государства подвергаются спонтанному ранжированию и образуют некую негласную иерархию, определяющую их «инвестиционную привлекательность», характер и долю получаемых ими благ. И как раз идеальным способом пересмотра сложившегося положения вещей выступают националистические движения тех, кто почему-либо чувствуют себя обделенными, «чужими в собственном доме»: «периодические возникновения, реструктурирования и исчезновения этнических групп... оказываются бесценным инструментом для поддержания гибкости в функционировании механизма экономики» [15, с. 101]. А поскольку народов всегда больше, чем государств, то сепаратистский потенциал поистине огромен: теоретически по всему миру может вспыхнуть свыше двух тысяч войн за независимость [16].

Глобализация способствует высвобождению отдельных этнических групп из существующих национально-государственных оков и открывает дополнительные возможности для рекомбинации элементов межгосударственной системы. Однако для того чтобы сепаратизм, понимаемый как процесс перехода этнокультурной общности к политическому сообществу в виде нации, стал реальностью, необходимо, по-видимому, сочетание двух условий. Субъективное условие заключается в том, что «нация в себе» в ходе исторического развития должна стать «нацией для себя», то есть осознать себя как «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [17, с. 296]. Объективное же — в том, что капиталистическая миросистема должна увидеть место новой нации в мировом разделении труда: лишь тогда в глазах международного сообщества право на самоопределение «перевесит»

равносильный ему принцип территориальной целостности. При необходимости на помощь всегда придет система двойных стандартов, как в случае с уже упомянутой Республикой Косово: насколько можно судить, в качестве узлового пункта в героиневом трафике и поставщика человеческих органов [18, с. 255] она позволяет развитым странам приобретать товары и услуги, производство и оказание которых в самой Европе нелегально и аморально (подобно тому как, например, в Новое время воспрещалось обращать в рабство африканцев, но разрешалось их покупать у посредников). По той же причине, наоборот, не подлежат признанию криминальные режимы донецко-луганских сепаратистов на Украине: контролируемый ими ресурс, уголь, не имеет сегодня для мирового «ядра» почти никакой ценности. Аналогичным образом можно предположить, что перспективы государственности Курдистана, способного объединить более двадцати миллионов человек из четырех государств, напрямую зависят от того, смогут ли курды удерживать под постоянным контролем значительную часть нефтяных месторождений Ирака и Сирии [19].

Что касается России, то, выводя за скобки кейс Чеченской Республики, «элиты» которой получили значительные привилегии в обмен на отказ от суверенитета де-юре, можно отметить, что определенные предпосылки формирования новой национальной идентичности, прежде всего экономические, существуют в том числе на территории Сибири [20]. И хотя самообозначение «сибиряк», неожиданно появившееся в переписных листах в 2010 году [21], можно рассматривать и как курьезный пережиток областничества, однако этот курьез хорошо показывает, с какими вызовами уже в среднесрочной перспективе может столкнуться Российское государство, в очередной раз ослепленное геополитическими иллюзиями.

Разумеется, сепаратизм, который мы рассматриваем тут в чисто инструментальном ключе, чаще всего является болезненной реакцией больших этнокультурных групп на глобальное и локальное неравенство, на культурно-экономическую депривацию, причем реакцией во многом цепной. Тривиально, но с этой точки зрения проблема сепаратизма решается лишь признанием и всесторонней реализацией их прав и жизненных интересов: альтернативой в конечном итоге всегда будет кровь, ибо, по меткому замечанию Э. Геллнера, национализм — это всегда игра на выбывание [22, с. 41].

Литература

1. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.

2. Рост численности членов ООН с 1945 года // UN.ORG. URL: <http://www.un.org/ru/sections/member-states/growth-united-nations-membership-1945-present/index.html>
3. Переход Косово под протекторат ЕС отвечает международному праву // РИА «Новости». 18.02.2008. URL: <http://ria.ru/world/20080218/99456927.html>
4. Арриги Дж. Долгий двадцатый век. М., 2006.
5. Поланьи К. Великая трансформация. СПб., 2002.
6. Зорькин В. Д. Апология Вестфальской системы // Россия в глобальной политике. 2004. № 3. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_3223
7. Филатов А. С. Вестфальская система как мифологема // MATERIK.RU. URL: <http://www.materik.ru/country/detail.php?ID=19451&print=Y>
8. Маркс К. Маркс — Энгельсу в Манчестер // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 29. М., 1962. С. 294—296.
9. Люксембург Р. Накопление капитала. Изд. 5-е. М.; Л., 1934.
10. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М., 2006.
11. Балибар Э. Национальная форма: история и идеология // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. М., 2004. С. 103—124.
12. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 3. М., 1955. С. 7—544.
14. Бек У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008.
15. Валлерстайн И. Конструирование народа: раса, нация, этническая группа // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. М., 2004. С. 83—102.
16. Маргелов М. Принципы повержены, новых нет // Российская газета. 28.02.2008. URL: <http://rg.ru/2008/02/28/a211760.html>
17. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Он же. Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 290—367.
18. Клейменов И. М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации : дис. ...д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Омская юридическая академия. Омск, 2015.
19. Филин Г. Черная кровь сирийской войны // VERSIA.RU. 24.02.2016. URL: <https://versia.ru/cel-vsex-uchastnikov-konflikta-zavladet-neftyanyimi-mestorozhdeniyami>
20. Иноземцев В., Пономарев И., Рыжков В. Континент Сибирь // Независимая газета. 02.11.2012. URL: http://www.ng.ru/ideas/2012-11-02/5_siberia.html

21. Хадаев А. Лицо сибирской национальности // Российская газета. 05.04.2011. URL: <http://rg.ru/2011/04/05/reg-sibir/sibiryaki.html>

22. Геллинер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. 1992. № 1. С. 9–61.

2. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ: НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПЕРЕДЕЛЫ МИРА И ИХ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

А.В. Баранов

Сепаратизм в Каталонии: общественное мнение и трансформации партийной системы региона

Актуальность темы в том, что многие страны в условиях глобализации испытывают нарастающие риски сепаратизма. Мировой экономический кризис активизировал сепаратистские движения. Особенно уязвимы полиэтничные государства. К таким странам относится Испания, в которой повышенный потенциал сепаратизма сложился в Стране Басков и Каталонии.

Цель статьи — определить тенденции развития общественного мнения и трансформации партийной системы Каталонии за 2005–2015 гг. в контексте кризиса испанского «государства регионов».

Региональное сообщество Каталонии имеет высокоразвитую идентичность. В Каталонии сложилась сложносоставная идентичность. Опрос, проведенный Центром изучения общественного мнения Жене-ралитета Каталонии (июнь 2015 г.), показал: считают себя «как испанцами, так и каталонцами» 36,2%, «больше каталонцами, чем испанцами» 23,3%, «только каталонцами» 24,9%, «только испанцами» 5,3%, «больше испанцами, чем каталонцами» — 3,0% [1, р. 30]. В 2008 г. из 7519 тыс. жителей региона 65% считали себя каталонцами [2, с. 73, 83, 107, 124]. Но по данным Института статистики Каталонии родным каталонский язык является для 31,0% жителей сообщества старше 15 лет, языком идентификации — для 36,4%, а языком повседневного общения — для 36,3% (2013 г.) [3]. Двуязычие укоренено в регионе. Каталонская идентичность в большей мере конструируется, а не наследуется.

Радикализация партий и общественного мнения началась вследствие кризиса «государства автономий», бесплодных попыток правившей Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) начать переход к федеративному строю. Технологии и лозунги скопированы у Страны Басков, где выдвинут «план Ибарретче» для мирного постепенного отделения. В 2006 г. парламент Каталонии добился принятия новой редакции Статута сообщества. Каталонцы впервые названы нацией; закреплено обязательное знание и равное употребление двух

языков, расширены полномочия сообщества в международных отношениях, судебной системе и финансах.

Каталония — это 16% населения, 23% ВВП, 24% промышленной продукции, 28% экспорта Испании. В регионе высок уровень жизни. Но внешний долг сообщества вырос за 2011–2012 гг. с 17,8 до 23% его ВВП [4, с. 107, 130–131]. Отказ центральных властей субсидировать бюджетный дефицит стал спусковым механизмом сепаратизма. Каталония возглавила блок сообществ, требовавших увеличить долю в распределении налогов.

В Каталонии налицо обособленная партийная система. Партии делятся на три направления. Представители первого выступали за независимость (распавшаяся правоцентристская коалиция «Конвергенция и союз» и Левые республиканцы Каталонии). Второе направление — за федерализм (ИСРП, “Podemos”). Третье направление отстаивает унитарное государство (Народная партия и “Ciudadans”).

Для сепаратистской мобилизации используются исторические события. Дата разгрома движения за независимость (1714 г.) превращена в день массовых демонстраций под лозунгами: «Мы — самостоятельная страна», «Каталония — не Испания», сжигаются изображения монарха и государственный флаг. На выборах в парламент Каталонии в ноябре 2012 г. сторонники независимости сохранили 71 мандат из 135, маятник качнулся влево. КиС получила 50 мест (спад влияния), левые республиканцы — 21 (успех) [5]. Тогдашний председатель Женеералитата А. Мас избрал рискованную, но успешную тактику роста требований, блока всех сторонников независимости. Соглашение между ведущими националистическими силами прагматично.

Евросоюз предупредил, что в случае обретения независимости Каталонии придется заново вступать в ЕС. Ей надо будет пройти многоступенчатую процедуру интеграции, заручиться поддержкой всех стран, в том числе Испании, имеющей право вето. Против сепаратизма выступает крупный бизнес региона.

Парламент Каталонии 23 января 2013 г. проголосовал за декларацию о суверенитете. Регион объявлен «суверенным политическим и правовым субъектом», поставлена цель — референдум о самоопределении. В поддержку декларации проголосовали 85 депутатов, против — 41, а 25 воздержались [6].

Опрос населения о независимости 9 ноября 2014 г., не имевший юридической силы, прошел при низкой явке — 35,8%. Среди явившихся 80,8% высказались за независимость Каталонии, 10,7% — за федерализацию и 4,5% — за сохранение автономии [7]. Опрос стал успехом сторонников независимости.

Власти Испании объявили о готовности применить предусмотренные конституцией средства для сохранения единства страны. Парламент и Конституционный суд Испании объявили каталонский опрос противозаконным. Но правительство Народной партии во главе с М. Рахоем отказывалось провести федерализацию, теряя инициативу. Поддержка основных партий — НП и ИСПР снижается, что подтвердили региональные выборы весной 2015 г. и общеиспанские выборы в декабре 2015 г.

Партии Каталонии пришли 14 января 2015 г. к соглашению о проведении плебисцитарных выборов, по итогам которых будут предприняты шаги обретения независимости. К. Вивер Пи-Суньер возглавил группу экспертов, готовящих программу обретения независимости, в т.ч. — проект конституции.

Ведущие партии и движения (Демократическая конвергенция Каталонии во главе с А. Масом и Левые республиканцы Каталонии во главе с О. Жункерасом) подписали «дорожную карту» по достижению за полтора года независимости. Парламентские выборы определены как первый шаг в обретении независимости [8]. В течение 10 месяцев после выборов будет подготовлен проект Конституции. Еще через 8 месяцев проект будет вынесен на референдум. В итоге принятия конституции парламент провозгласит независимость не позднее марта 2017 г.

Единый предвыборный список с программой независимости выставили «Левые республиканцы Каталонии» и «Демократическая конвергенция Каталонии», «Каталонская национальная ассамблея» и «Omnium Cultural», «Демократы Каталонии» и «Левое движение». Коалиция названа «Вместе в поддержку „да“» [9]. Другая коалиция — «Каталония, да, мы можем» состоит из трех левых партий — «Подемос», «Инициативы зеленых за Каталонию» и «Объединенных левых и альтернативных». Она поддерживает федерализм. За сохранение автономии — Народная партия и Демократический союз Каталонии, Ассоциация предпринимателей Каталонии [10].

В итоге сентябрьских выборов 2015 г. блок «Вместе в поддержку „да“» набрал 45,9% мест и создал коалицию с левой «Кандидатурой народного единства» (CUP) (7,4%) [11]. Новым главой Женералитета избран член CUP К. Пучдемон, что означает успех левых партий.

Внеочередные выборы депутатов Палаты депутатов Испании 26 июня 2016 г. привели в Каталонии к победе леворадикальной коалиции “Unidos Podemos” — 24,5% голосов, выступающей за федерализм и референдум о статусе Каталонии. Непримиримые сецессионисты — левоцентристская коалиция ЛРК и «Каталония, да» получили 18,2%.

Правоцентристская «Демократическая конвергенция Каталонии» — 13,9%. Но наметился и рост влияния партий — сторонниц государственного единства. Правящая в стране Народная партия в Каталонии нарастила результаты с 11,1 до 13,4%. ИСПР смогла сохранить 16,1% голосов. Центристская либеральная партия «Ciutadans» ослабла с 13,1% до 10,9% голосов [12].

Сделаем выводы. Каталонское сообщество прочно интегрировано, проявляет высокоразвитую идентичность на территориальной (более, чем этноязыковой) основе. Общественное мнение за 2005–2015 гг. развивалось по линии роста популярности независимости, наибольшую поддержку этого проекта оказывают сторонники левых партий и жители сельской местности, малых городов. Сложилось с 2009 г. шаткое равновесие коалиций сторонников государственного единства и пути к независимости.

Трансформация партий Каталонии такова. Они вовлечены в конфликты: сообща — против центральной власти и местных «происпанских» сил; друг против друга — на основе идеологий. Электорат сегментирован по основным осям «равенство — свобода», «унитаризм — сепаратизм». Характерно усиление партийной фрагментации, что требует проводить гибкую политику союзов. Ввиду экономического роста в стране и усталости электората (четвертая избирательная кампания за год) сложилось шаткое равновесие унитаристских и сепаратистских сил. Сторонники государственного единства — массовый слой, но ослабленный делением на федералистов и автономистов. Перспективы конструктивного регулирования конфликта связаны с поиском компромиссов и федерализацией Испании.

Литература

1. Valors socials i politics a Catalunya. Barcelona, 2015.
2. Кирчанов М.В. Националистическая модернизация (каталонский опыт). Воронеж, 2010.
3. Població de 15 anys i més segons llengua inicial, d'identificació i habitual. 2013. URL: <http://www.idescat.cat/economia/inec?tc=3&id=da01&dt=2008>
4. Волкова Г.И. Испания и регионы: политические вызовы и приоритеты XXI века. М., 2014.
5. Badia F., Sarsanedas O. Elections in Catalonia: Neither Here Nor There // CIDOB. Barcelona Centre for International Affairs. URL: http://www.cidob.org/en/articulos/spain_in_focus/december_2012/elections_in_catalonia_neither_here_nor_there
6. Primer paso hacia la soberanía // El País. 22.01.2013.

7. 9N/2014: Tu hi participes. Tu decideixes. URL: <http://www.participa2014.cat/resultats/dades/en/escr-tot.html>
8. A los españoles // El País. 9.05.2015.
9. Junts pel Sí promete que su hoja de ruta independentista evita “saltos al vacío” // La Vanguardia. 4.09.2015.
10. Duran acusa a Mas de utilizar el Parlament para poner orden en Junts pel Sí // La Vanguardia. 4.09.2015.
11. Roger M., González Liste A. Junts pel Sí prevé aceptar pate del plan anticapitalista de la CUP // El País. 3.10.2015.
12. 26 J Elecciones Generales 2016 en Catalunya. URL: <http://especiales.publico.es/resultados-elecciones/generales/2016/comunidad/9/catalunya>

А.М. Барсуков
Этнорегиональные партии и проблема сепаратизма
в современной Европе

Анализ современного европейского политического процесса и отношений позволяет говорить о том, что европейское политическое пространство трансформируется и является неоднородным [1, с. 20]. Российский политолог М.В. Стрежнева считает, что в ЕС налажены множественные транснациональные каналы политических связей, которые без поддержки гражданского общества будут малоэффективны. Необходимо отметить, что по мнению М.В. Стрежневой «существует неоспоримая связь между интеграционными институтами и формированием национальных курсов внутри ЕС. Приоритеты групп интересов, действующих в национальной политике, оформляются в контексте, который включает Евросоюз» [2, С.28]. Расхождение интересов государств-членов ЕС осложняет задачу наднационального регулирования и подчеркивает фрагментированность ЕС как властного института [2, С.33]. Процессы глобализации и регионализации актуализировали необходимость осмысления истоков и последствий регионального сепаратизма и роста электоральной поддержки этнорегиональных политических партий в современной Европе.

Сравнительный анализ в условиях возрастания роли этнорегиональных партий позволяет выявить особенности трансформации партийно-политических систем в современной Европе. Отметим, что подъем этнорегиональных партий пришелся на 70–80-е гг. XX в., когда эти партии получали поддержку электората, вследствие игнорирования этнических проблем общенациональными партиями [3]. В 1990-х гг. в отдельных регионах Европы наблюдалось ослабление электоральной поддержки этнорегиональных партий. История образования партий

этнорегионального толка во многом совпадает с основными этапами становления европейской многопартийности. Одной из причин их появления был ответ этнических меньшинств на процессы централизации в ходе эволюции государственности в Европе в конце XIX века и изменение государственных границ в результате мировых войн XX века. Так, например, в Бельгии катализаторами активности этнорегиональных партий стали — конфессиональная принадлежность, этнокультурные движения, неравномерность экономического развития, что привело неизбежно к дистанцированию Фландрии и Валлонии в политической сфере. Усиление региональной идентичности Фландрии и Валлонии привело в итоге к невозможности создания эффективной общенациональной партийной системы, что подтверждается кризисами коалиционно-партийного характера правительства и институциональными реформами [4].

Сравнительный анализ этнорегиональных партий как специфического типа партии в последнее десятилетие привлекает особое внимание со стороны исследователей. Исследования европейских политических партий влияют на объяснение партийных систем в рамках региона. Этнорегиональные партии на самом деле существуют во всех странах Западной Европы. Совпадение этничности и региональных движений в странах Западной Европы привело к образованию термина «этнорегионализм». Для этнорегиональных партий присущ национализм, который основывается на особенностях и различиях этнической идентичности и территориальных притязаниях внутри государства. Особо отметим, что этнорегиональные партии играют ключевую роль в мобилизации социальных ожиданий этнической группы. Этнорегиональным партиям присущи специфические черты [5]:

- Ограниченные условия;
- Существует основа идентичности (альянс, этническая группа, язык);
- Идеология;
- Организационная устойчивость;
- Народная поддержка;
- Электоральная поддержка;
- Уровень влияния.

Региональные партии можно определить как независимые формирования с региональной идентичностью [6]. Территориальный аспект идентичности региональных партий и их принципа работы является решающим в этом отношении. Отметим, что многие внешне гетерогенные партийные «образования» могут быть включены в категорию региональных партий. Тем не менее, в исследовании региональных

партий представляется важным то обстоятельство, что сравнительный анализ этнорегиональных партий позволяет в некоторой степени характеризовать европейскую партийную систему путем объяснения причин их автономизации, консолидированности и многовариантности комбинаций партийных систем на уровне региона. Соблюдение данного условия позволит исследователю уделить больше внимания территориально-политическим факторам формирования этнорегиональных партий.

Автор предлагает выделить следующие основные типы региональных партий, действующих в политическом пространстве современной Европы [4]:

1. Региональные партии, генезис которых лежит в лоне конфликта между центром и периферией, развивавшиеся как автономные представители территории, что способствовало процессу регионализации.

2. Региональные партии, которые стали заложниками сложившейся модели административно-территориального деления и электоральных округов в рамках федерации.

3. Региональные партии, которые стали своего рода «филиалами» –представительствами европейских региональных партий, действуя в масштабе национального государства с определенным электоральным отклонением от общеевропейских результатов.

4. Этнорегиональные партии, которые появились в результате процессов регионализации государств, подъема и эволюции национального движения в них. Это стало следствием того, что на национальном уровне произошли фрагментация партийной системы и утрата оригинальности общенациональных партий.

5. Региональные партии, которые возникли в результате изменения территориально-политической конфигурации: государственные границы, объединения территориальных формирований в пределах нового государства и т.д.

Деятельность этнорегиональных партий неразрывно связана с расширением автономии конкретных регионов. Европейская интеграция породила феномен «демократического дефицита», предопределенного известной «бюрократизацией» системы публичного действия.

Европейская интеграция предполагала централизацию процесса принятия властно-политических решений. Это процесс увеличивал разрыв между населением регионов и агентами публичной политики с одной стороны. Одновременно с этим, «смещение» главных центров принятия решений и трансформация механизмов формирования политики в отношении регионов побуждали этнорегиональные партии расширить свою электоральную поддержку в регионах.

Наряду с этим, европейская интеграция и экономическая глобализация обострили существующие территориальные диспропорции, ослабляя периферийные регионы и усиливая сильные регионы-лидеры. Изначально европейская интеграция означала централизацию принятия решений на европейском уровне в большинстве секторов политики. Неудивительно, что начало этого процесса многие этнорегиональные партии связывали с последствиями европейского интеграционного процесса, создававшего разрыв между населением регионов и национальными центрами власти и управления. Однако по мере «европеизации» процесса принятия властно-политических решений, как это не парадоксально, евроскептическая позиция постепенно распространялась и среди тех, кто изначально стоял на позициях еврофилии. В настоящее время в рамках системы европейских этнорегиональных партий выделяются «Демократическая народная партия Европы» и «Европейский свободный альянс», которые объединили большинство региональных и автономистских партий в Европе.

Особенность этнорегиональных партий является то, что они территориально концентрированы. В итоге электоральная система, используемая на европейских выборах, в большинстве случаев более выгодна для них, нежели электоральная система, используемая на обычных выборах.

Этнорегиональные политические партии как потенциальный фактор демократизации общеевропейского политического процесса проявляют себя неоднозначно. С одной стороны, они способствуют формированию (обновлению или возрождению) региональной (реже национальной) идентичности, способствуя закреплению в европейском сознании идеи «Европы регионов». Именно они стремятся формулировать и отстаивать специфические региональные интересы. Региональные партии также способствовали политической консолидации и мобилизации регионов, содействуя оформлению региональных политических систем. Наконец, они реально содействовали проведению в жизнь политики децентрализации (деволюции) во многих странах Европы, что объективно способствовало демократизации национальных политических систем [7].

С другой стороны, необходимо отметить, что электоральный успех крайне правых партий к которым относят многие исследователи этнорегиональные партии начиная с конца 1980-х годов уверенно набирали популярность [8]. Однако поддержка избирателей не была всегда стабильно высокой, и исследователи отмечают феномен электоральной волатильности [9]. В целом необходимо отметить, что итоги выборов в Европарламент 2014 г. на которых этнорегиональные пар-

тии получили уверенную электоральную поддержку, отражали сходные общественные настроения, в том числе и после выборов [10]. Рост евроскептицизма исследователи отмечают с 1995 года и наряду с этим стали обостряться вопросы, связанные со стратегией социально-экономического развития регионов ЕС [11]. Таким образом, в середине 1990-х г. в партийно-политическом поле начинают отражаться социальные изменения [12]. Электоральная поддержка этнорегиональных партий в современной Европе привела к тому, что многие партийные лидеры стали стремиться добиваться не только автономии, но и сецессии [13]. Одним из проявлений влияния трансформации партийно-политического поля современной Европы и кризиса многоуровневого управления стал выход Великобритании из ЕС. Данный факт может в будущем катализировать структурный, культурный и поведенческие кризисы в современной Европе.

Литература

1. Чихарев И.А., Прохоренко И.Л. Трансформации европейского политического пространства: измерения и направления // Политическая наука. 2014. № 2. С.8–26.
2. Стрежнева М.В. Территориальный и функциональный типы организации политических пространств (в развитие интеграционной теории) / М.В. Стрежнева // Политическая наука. 2014. № 2. С.26–44.
3. Швейцер В. Региональные партии выходят на авансцену // Современная Европа. 2006. № 4. С. 84–93.
4. Барсуков А.М. Этнорегиональные партии на политической авансцене Бельгии // Этносоциум. 2010. № 2 (26). С. 126-134.
5. Huri Tursan Ethnoregionalist parties as ethnic entrepreneurs // Regionalist parties in Western Europe. L., 1999.
6. Lieven De Winter Conclusion: a comparative analysis of the electoral, office and policy success of ethnoregionalist parties // Regionalist parties in Western Europe. L., 1999
7. Барсуков А.М. Этнорегиональные партии как фактор демократизации общеевропейского политического процесса // Регионология. 2010. №4. С.17–27.
8. Caramani D. The formation of national party systems in Europe: a comparative historical analysis // Scandinavian Political Studies. Vol. 28. № 4. 2005. P. 292–332.
9. Caramani D. Is There a European Electorate and What Does It Look Like? Evidence from Electoral Volatility Measures, 1976–2004 // West European Politics. 2006. Vol. 29. № 1. P.1–27.

10. Public opinion in the European Union [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb83/eb83_publ_en.pdf
11. Bolstad J. Dynamics of European integration: public opinion in the core and periphery // European union politics. 2016. №1. P. 23-44.
12. Mann M. The Sources of Social Power. URL: <https://uniteyouthdublin.files.wordpress.com/2015/01/the-sources-of-social-power-michael-mann.pdf>
13. Massetti E. Between autonomy and secession: decentralization and regionalist party ideological radicalism // Partu politics. 2016. Vol.22. P.59–79.

А.М. Бетмакаев

Национализм, сепаратизм и судьба империй в XX в.

Сепаратизм был порождением национализма Нового времени. Многие страны Европы были созданы насильственным объединением этнически и политически разнородных территорий. В XIX — первой половине XX в. территориальные требования националистов Османской, Австро-Венгерской и Российской империй основывались, как правило, на ирредентистских и сепаратистских требованиях. Первое требование заключалось в том, что жители области другой страны культурно и лингвистически принадлежали к объединяющей нации. Например, ирландские националисты, добившиеся частичной независимости в 1922 г., хотели получить весь остров Ирландия, несмотря на то, что большинство жителей Ольстера выступали за сохранение провинции в составе Соединенного Королевства [1, р. 209–213]. Требование отделения исходило от движений, которые стремились освободить свои нации от иностранного господства и провозгласить государственную независимость. Активность националистов оказала заметное влияние на то, что в документах Берлинского конгресса 1878 г. впервые появился термин «самоопределение наций», и стала использоваться формула «право наций на самоопределение» [2, с. 10].

У двух многонациональных империй — Австро-Венгерской и Российской — оказалась одинаковая судьба: обе потерпели поражение в Первой мировой войне и прекратили свое существование. Но для России военное поражение не привело к ее исчезновению с географической и политической карты. Территориальная целостность бывшего государства была восстановлена почти в полной мере, а национальные движения потерпели поражение. Большевики обещали народам России «решение национального вопроса» сначала на основах национального самоопределения вплоть до отделения, а затем — в рамках многонаци-

онального государства [3, с. 115]. Сепаратизм в СССР подавлялся тоталитарной диктатурой.

По мнению Э.А. Паина, Советский Союз и нацистская Германия являлись «вторичными империями» — особыми (диктаторскими) модификациями империй, сохранившими их главную сущность — авторитаризм и производные от него свойства политики — экспансионизм и колониализм [4, с. 9].

Перекраивая карту Европы, «третий рейх» опирался на сепаратистские движения (немцы в Чехословакии и Польше). Во время Второй мировой войны нацисты присоединили Эльзас (Франция), ликвидировали независимость многих стран, создавая с помощью сепаратистских движений государства-сателлиты (Хорватия, Словакия). Опираясь на концепт «жизненного пространства» арийской расы, нацистский «новый порядок» исключал создание многонационального рейха [5, с. 214–231].

Державы-победительницы во Второй мировой войне разрушили «третий рейх». Основатели Ялтинско-Потсдамского миропорядка — сверхдержавы США и СССР — больше не пытались захватить новые территории. Они расширяли свое влияние через союзы и контроль над государствами-сателлитами. Американское руководство «свободным миром» иногда называли «американской империей», хотя многие исследователи отмечали, что на рубеже XIX–XX вв. США стали превращаться в империю, но не традиционного типа [6, с. 5]. Советский Союз имел больше параллелей с традиционными империями. В ходе войны СССР присоединил страны Балтии, большую часть польской территории и незначительные области Чехословакии и Румынии. За редким исключением это было повторное приобретение территорий Российской Империи. Советские лидеры удерживали сферу влияния в Восточной Европе посредством контроля над коммунистическими партиями «братских стран» с помощью Коминформа, а не посредством оккупации [7, р. 144–167].

И США, и СССР прибегали к политике «двойных стандартов» при использовании принципов Организации Объединенных Наций. Они вмешивались во внутренние дела других государств и поддерживали сепаратизм из геополитических соображений. Ответственность за возникновение нового сепаратизма они возлагали на геополитического соперника. Так, советская блокада Западного Берлина в 1948–1949 гг. была ответной мерой, которая, по мнению Москвы, должна была побудить западные страны к образованию объединенного немецкого правительства и не допустить возникновения сепаратной Западной Германии. В 1950–1953 гг. «объединительный» поход армии Северной

Кореей на Юг полуострова при попустительстве Мао Цзэдуна и Сталина углубил раскол Кореи [8, с. 130–140].

Сверхдержавы выступили за освобождение народов колониальных империй европейских держав. СССР, исходя из идеологии марксизма-ленинизма, был сторонником деколонизации, которая привела бы к ослаблению капиталистического мира. Соединенные Штаты поддерживали борьбу колониальных народов за независимость по идеологическим и историческим причинам и конкурировали с СССР за влияние на страны «третьего мира», который появился в процессе деколонизации [9, р. 474–484].

Европейские метрополии выдвигали различные аргументы для оправдания колониализма. Во Франции, которая после 1945 г. вела войны против национально-освободительных движений в Индокитае, Северной Африке и на Мадагаскаре, сторонники сохранения колониализма утверждали, что, во-первых, колониальные войны являлись «защитой» западной цивилизации от новых форм варварства; во-вторых, что некоторые колонии были участниками Французского Союза; в-третьих, колониальные народы сами решат остаться с Францией, если удастся исключить влияние просоветских движений [10, р. 252–261]. Попытка федерализации Французского Союза в 1945–1960 гг. посредством предоставления гражданства жителям африканских колоний как альтернатива империи и созданию национальных государств провалилась из-за сопротивления колониалистов во Франции и националистов в Африке [11, р. 431–437].

Британские аргументы в защиту империи отличались от французских: Британская империя была самой великой империей, которую когда-либо видел мир; империя продемонстрировала британский дар управления и обеспечения широкого разнообразия возможностей для людей всего мира. Кроме того, оправданием сохранения колоний являлась «глобальная ответственность» Британии — понятие для обозначения национальных интересов в обеспечении доступа к нефтяным ресурсам, в сохранении глобальной стабильности и в исключении вакуума власти в важных регионах [12, р. 204–209]. В конце концов, Британское правительство предпочло иметь дело с националистическими движениями для обеспечения стабильного перехода от имперского правления к независимости колоний [13, р. 183–192].

Движения, борющиеся за освобождение своих народов, стремились сконструировать национальное самосознание и объединить людей в колониальных обществах, фрагментированных на племена, касты и религиозные конфессии. Империализм метрополий был одним из важных источников подъема борьбы против колониализма. С дру-

гой стороны, национализм народов черной Африки, Индии и других регионов часто представляется результатом влияния западных интеллектуалов, которые оспаривали имперское правление, опираясь на традиции христианства и идей Просвещения, американской Декларации Независимости, Великой Французской революции, либерализма и марксизма [14, р. 182–185].

Африканская и индийская версии национализма имели параллели с национализмом в странах Восточной Европы, поскольку их объединяло общее обстоятельство — не только с этническое, но и культурное и религиозное разнообразие. В этих обстоятельствах этнический национализм не мог стать основой для создания государств [15, р. 38–46]. Национализм в «третьем мире», как и в Восточной Европе в конце XIX — первой трети XX в., был проектом объединения общества с целью развития современных экономических систем. Прочная связь между модернизацией и национализмом, выявленная британским исследователем Э. Геллнером, находит подтверждение как в восточноевропейском, и в антиколониальном национализме [16, с. 228–229].

Национализм в Восточной Европе, проявившись в событиях 1956 г. в Венгрии и Польше, в «пражской весне» 1968 г., в польском кризисе 1980–1981 гг. и в «революциях 1989 г.», являлся средством борьбы с коммунизмом [17, с. 336]. Инициированная М.С. Горбачевым демократизация в странах советского блока привела к выходу восточноевропейских стран из «социалистического содружества», а в СССР обернулась дискуссией о судьбах Союза, в которой союзный центр не смог предложить союзным республикам ни адекватный их представлениям формат отношений [18, с. 107], ни привлекательную экономическую политику [19, с. 390–391].

И хотя «последняя империя» [20, с. 17] разделила судьбу «классических» империй Нового времени, следует признать, что любая — заморская или территориально интегрированная — империя в XX в. гибла по-разному [21, с. 114–118]. Ослабление имперского центра вследствие военного поражения дало шанс для торжества национального сепаратизма (Австро-Венгерская, Османская, Российская империи), а подъем национальных движений в заморских колониях подтолкнул метрополии к роспуску империй сверху (Британия, Франция). Дезинтеграция СССР была сочетанием нескольких факторов, среди которых сепаратизм первоначально не являлся центральной идеей национальных движений.

Литература

1. McMahon D. Ireland, the Empire, and the Commonwealth // Ireland and the British Empire / ed. by K. Kenny. Oxford, 2006.
2. Язькова А.А. Сепаратизм в контексте международного права // Сепаратизм в политической жизни современной Европы / под ред. П.Е. Канделя. М., 2015.
3. Романенко С.А. Распад многонациональных государств Центральной Европы в XX веке: Австро-Венгерская империя // Ответственные науки и современность. 2014. № 6.
4. Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2004.
5. Буханов В.А. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах (1933–1945). Екатеринбург, 2013.
6. Согрин В.В. США как либерально-демократическая империя // США — Канада. Экономика, политика, культура. 2015. № 1.
7. Pons S. The Global Revolution: A History of International Communism 1917–1991. Oxford, 2014.
8. Zubok V.M. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011.
9. Bradley M.P. Decolonization, the Global South, and the Cold War, 1919–1962 // The Cambridge History of the Cold War. Vol.1. Cambridge, 2010.
10. Shepard T. Decolonization and the Republic // The French Republic: History, Values, Debates. Ithaca, 2011.
11. Cooper F. Citizenship Between Empire and Nation: Remaking France and French Africa, 1945–1960. Princeton, 2014.
12. Levine P. The British Empire: Sunrise to Sunset. N.Y., 2007.
13. Black J. The British Empire: A History and a Debate. Farnham, 2015.
14. Chacko P. The Internationalist Nationalist: Pursuing an Ethical Modernity with Jawaharlal Nehru // International Relations and Non-Western Thought: Imperialism, Colonialism, and Investigations of Global Modernity. N.Y., 2010.
15. Betts R.F. Decolonization. N.Y., 2004.
16. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. М., 1991.
17. История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа / отв. ред. Ю.С. Новопашин. М., 2007.
18. Симонян Р.Х. Прибалтика в контексте распада СССР // Ответственные науки и современность. 2014. № 3.

19. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006.

20. Плохий С. Последняя империя. Падение Советского Союза / пер. с англ. М., 2016.

21. Мотыль А. Пути империй: Упадок, крах и возрождение имперских государств / пер. с англ. М., 2004.

А.А. Бибнев **Сепаратизм на Мартинике**

Феномены сепаратизма и деколонизации являются важным аспектом в мировой политике и международных отношениях. Франция — одна из самых крупных метрополий в мировой истории. Во второй половине XX века многие ее колонии получили независимость, другие остались в составе страны и получили статус заморских департаментов. В данной статье мы рассмотрим вопрос сепаратистского движения в заморском департаменте Франции — острове Мартиника, который находится в бассейне Карибского моря.

Говоря о Мартинике, мы сталкиваемся со своеобразным видом сепаратизма, который граничит с расизмом. По данным переписи населения за 2002 год абсолютное большинство этнического состава населения составляют чернокожие и мулаты — 90%. Остальные 10% приходятся на белых европейцев, индейцев и азиатов [1]. Официальным языком Мартиники является французский, однако в обиходной речи используется креольский язык, который представляет из себя смесь французского и африканских языков. Такой этнический состав обусловлен историей острова.

Во время открытия Мартиники ее населяли индейцы карибы. Коренные жители, пытавшиеся изгнать французских поселенцев, к 1660 году были истреблены или вымерли от европейских болезней, и для работ на созданных французами плантациях стали массово завозить рабов из Африки. В 1822 году на Мартинике произошло восстание чернокожих рабов, успешно подавленное французами. В 1824 году был своевременно раскрыт и предотвращен заговор чернокожих, планировавших полностью истребить белых на Мартинике.

Как мы видим, в истории Мартиники были случаи бунта чернокожего населения с попытками изгнать европейскую власть и вообще европейцев с острова. Противоречия были сглажены в апреле 1848 года, когда декрет временного правительства во Франции отменил рабство в колониях. В 1870 году жители Мартиники получили избирательные права и представительство в парламенте Франции. В 1946 году Франция, следуя политике конструктивной «деколонизации свер-

ху», предоставила Мартинике статус «заморского департамента» в рамках Французской Республики.

Все эти меры способствовали смягчению конфликта между расовыми группами на острове, однако не смогли умерить аппетиты сторонников независимости Мартиники.

В новейшей истории Мартиники двумя самыми видными фигурами пропагандирующими сепаратизм являются Эмэ Сезер и Альфред Мари-Жан.

Эмэ Сезер — известный общественный деятель, писатель и поэт. В политическом аспекте является антиколониалистом, сторонником независимости, один из создателей концепции негритюда. Негритюд или негритянство — культурно-философская и идейно-политическая доктрина, основу которой составляет концепция самобытности, самоценности и самодостаточности негроидной расы.

В молодости Сезер переехал учиться в Париж, где вместе с другими учившимися во французской столице студентами из африканских стран начал выпускать журнал «L'Étudiant noir». На страницах этого издания он впервые изложил концепцию негритюда — единства черной расы, поработенной и разбросанной по свету в результате колониальной экспансии европейцев. Несмотря на демонстративный вызов официальной колониальной идеологии, негритюд первоначально носил культурный характер и служил для отстаивания ценностей африканских народов, подавлявшихся колонизаторами. Сам Сезер заявлял: «Я принадлежу к расе тех, кого угнетают» [2]. В 1935 году он начал работать над «Дневником возвращения в родную страну» — произведением, с которого началась его слава. В этой поэме Сезер яростно отстаивал достоинство своей расы. Завершив образование, он вернулся на Мартинику и стал работать преподавателем в Форт-де-Франсе, в лицее, который некогда сам окончил.

В 1945 году, баллотируясь от партии коммунистов, Сезер был впервые избран мэром Форт-де-Франса. На своем посту он пребывал вплоть до 2001 года. К одним из наиболее важных его успехов на административном посту стало признание за Мартиникой прав департамента Франции в 1946 году. В знаменитой «Речи о колониализме» [3] Сезер прямо ставил знак равенства между колониализмом и нацизмом. Выйдя из коммунистической партии, он создал Прогрессистскую партию Мартиники и успешно баллотировался в Национальную ассамблею. За годы, проведенные на посту мэра, Сезер много сделал для экономического и культурного развития города и всего острова, периодически высказываясь о необходимости превращения Мартиники в независимое государство. Большой резонанс вызвало заявление сто-

ронника Сезера, который в 1979 году публично заявил: «Нашим европейским друзьям пора паковать чемоданы. Расстанемся как братья, пока еще есть время» [4]. Тем самым мы сталкиваемся с весьма занимательным парадоксом — сепаратизм, который граничит с расизмом. Ведь сторонники независимости Мартиники желают не только получения независимости от Франции, но и высылки европейского населения с острова.

Другим крупным деятелем борьбы за независимость Мартиники является Альфред Мари-Жан. В 1973 году Мари-Жан совместно с Гарсаном Мальсой, Лусьеном Вейером и Марком Пюльваром основали движение «Слово народу», которое в 1978 году стало «Движением за независимость Мартиники». Лозунгом движения стало «деколонизация и независимость Мартиники». Организация позиционирует Францию как колонизатора, который не дает Мартинике осуществить право на самоопределение. Лидеры движения высоко оценивают успехи Алжира и Кубы в деле достижения независимости. Однако, в отличие от приводимых примеров, «Движение за независимость Мартиники» проповедует ненасильственный, демократический метод достижения своих целей и отвергает идею военного переворота. Организация ставит себе задачи: «информировать, просвещать, мобилизовать и организовывать народ Мартиники». На официальном сайте движения сказано, что: «Мы готовы поддерживать и мы поддерживаем диалог с другими сепаратистскими организациями и их союзниками» [5].

Стоит отметить, что «Движение за независимость Мартиники» и ее лидер Альфред Жан-Мари являются серьезной политической силой на острове. Большим достижением движения стало председательство в региональном совете Мартиники в период с 1998 по 2010 годы. Организация выпускает свой журнал «La parole au Peuple», а также имеет свою радиостанцию.

Но, несмотря на популярность организации и лично Альфреда Мари-Жана, жители Мартиники отказались даже от автономии на референдуме, который был инициирован президентом Николя Саркози и проведен в начале 2010 года. Красноречивые 78,9% [6] проголосовавших против увеличения автономии острова свидетельствуют о том, что в большей своей части население Мартиники не стремится ни к независимости, ни к автономии.

Этому феномену есть несколько объяснений. Во-первых, экономические интересы Франции и Мартиники. Владение заморскими департаментами, которые есть у Пятой республики практически во всех уголках света, выгодно для нее с транспортной точки зрения. Мартиника, ее остров-близнец Гваделупа и Гвиана являются главными фор-

постами Франции в Латинской Америке и Карибском море. В свою очередь, для Мартиники чрезвычайно важны парижские инвестиции.

Во-вторых, торговые интересы Мартиники. Справедливо ли это или нет, но экономика острова была ориентирована на Францию с XVII века. Ведущее место в сельском хозяйстве отведено производству экспортных культур — таких как бананы, ананасы, тропические овощи, фрукты и цветы. Сельское хозяйство не удовлетворяет внутренним потребностям острова, из Франции на Мартинику завозятся мясо, зерно и другие продукты питания. Главным товарным партнером острова в экспорте и импорте является Франция.

Приходится признать, что туризм, который является чуть ли не главным средством заработка стран Карибского бассейна, не приносит необходимого дохода, в том числе и Мартинике. По данным за 1996 год бюджетные расходы составили 2,5 миллиарда долларов США, а доходы лишь 900 миллионов долларов [7].

И, наконец, в-третьих, политика Франции в отношении своих заморских территорий. Заморские департаменты располагают дополнительными возможностями для решения проблем, связанных с их специфическим положением. Так, в 2005 году бюджет французского министерства заморских департаментов и территорий достиг 1,16 миллиарда евро [8] и увеличился по сравнению с предыдущим годом на 9,5 процентов. Дело в том, что государство делает отчисления из бюджета для жителей заморских департаментов, освобождая от многих обязательных выплат заморские предприятия и физических лиц. Эти деньги идут на обеспечение пенсий, пособий, на покрытие медицинских расходов и приобретение лекарств по льготным ценам.

Более того, в бюджете ЕС есть особая статья для поддержки наименее развитых регионов Европы. К примеру, за период с 2000 по 2006 годы Франция получила более 16 миллиардов евро, и львиная доля этой суммы была предназначена для ее заморских территорий [9]. Жители заморских департаментов практически освобождены от налогов, как и инвесторы, вкладывающие средства в создание предприятий за морем. Транспортная проблема в отношении заморских французов тоже решена. Чтобы жители удаленных территорий не чувствовали себя в отрыве от Европы, в бюджете Франции есть статья по оказанию им помощи при приобретении авиабилетов экономического класса. Также существуют специальные «мобильные паспорта», которые дают возможность летать во Францию практически бесплатно, выдаются студентам из заморских департаментов, обучающимся в метрополии. Кроме того, ультрапериферийные уроженцы обладают преимуществами при устройстве на госслужбу в метрополии. Это политически при-

вязывает бывшие колонии к метрополии. Заморские госслужащие — опора режима, доверившего им административные рычаги. Тем самым преимущество от статуса заморского департамента Франции для Мартиники представляется куда более выгодным, чем статус независимого государства.

Таким образом, мы приходим к выводу, что сепаратистские настроения на Мартинике представляют собой довольно интересный феномен. Абсолютно невыгодное с экономической точки зрения отделение от Франции обусловлено расовыми мотивами. Темнокожее население желает получения независимости. Парадокс заключается в том, что представители данной этнической группы не являются коренными жителями острова. В данном случае сепаратные настроения не обусловлены ни экономическими, ни историческими предпосылками. Однако представители французской администрации на протяжении нескольких десятилетий отвергают саму мысль предоставления независимости для французских заморских департаментов, ведь они имеют большое значение для торговых и транспортных интересов Пятой Республики. Независимость, которая на данный момент представляется практический невозможной, нанесет вред как Франции, так и самому острову, который потеряет парижские инвестиции и будет вынужден жить в условиях острой нехватки ресурсов.

Литература

1. Мартиника: история, государственное устройство и общие сведения // Материки. Путешествия онлайн. URL: <http://materiki.ru/martinika-istoriya-gosudarstvennoe-ustrojstvo-i-obshhie-svedeniya>
2. Sa biographie // Hommage à Césaire. URL: <http://hommage-cesaire.net/spip.php?rubrique8>
3. Césaire A. Discours sur le colonialisme. P., 1955. URL: <http://www.larevuedesressources.org/IMG/pdf/CESAIRE.pdf>
4. Meisler S. Identity Crisis: To Be French in Caribbean C'est Crazy // Los Angeles Times. 28.12.1985. URL: http://articles.latimes.com/1985-12-28/news/mn-29564_1_french-caribbean
5. Mouvement Indépendaniste Martiniquais. URL: <http://www.mimmartinique.org>
6. Жители Французской Гвианы и Мартиники отказались от автономии // Ведомости. 11.01.2010. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2010/01/11/zhiteli_francuzskoj_gviany_i_martiniki_otkazalis_ot_avtonomii

7. Мартиника (экономика) // Страны мира. Классификатор стран мира. URL: <http://www.mir-geo.ru/martinika/ekono>

8. Analyse d'ensemble des régions d'outre-mer en 2005. URL: http://www.collectivites-locales.gouv.fr/files/files/05_finances_region_outre-mer.pdf

9. INTERREG III (2000-2006) // EUR-Lex. Access to European Union Law. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/RO/TXT/?uri=uriserv:g24204>

В.С. Бойко

Сепаратизм или регионализм? Взаимоотношения «центр-периферия» в Афганистане в XX — начале XXI в. (территориальные и этно-политические аспекты)*

За Афганистаном к концу XX — началу XXI в. стойко закрепился ярлык «неудавшегося государства», и это связано с многими обстоятельствами: иностранным вмешательством (фактически — оккупацией страны под разными формально-юридическими и иными основаниями), слабостью центральной власти и продолжающейся около 40 лет гражданской войной. На протяжении длительного времени подвергается испытаниям и территориальная целостность этого сравнительно молодого государства, возникшего около 270 лет назад в виде союза пуштунских кочевых племен, но лишь к началу XX в. обретшего некоторые атрибуты суверенности и целостности (централизованная власть, границы по большей части административно-политического периметра, институты управления в центре и на местах).

Как доказали классики советской и российской афганистики И.М. Рейснер и Ю.В. Ганковский [1; 2], генезис афганской государственности происходил на рубеже европейского средневековья и нового времени естественным путем вместе со складыванием афганской народности, и лишь частично был ускорен борьбой ведущих на тот момент евразийских держав — Великобритании и России, которые на договорной или ситуативной основе превратили Афганистан в стратегический «буфер» между собой (Памирские договоренности конца XIX в., англо-русское соглашение 1907 г. и др.). Такая интерпретация отличается от западных концепций Афганистана, как «проектного» государства (Б. Гопкинс и др.) [3], «смонтированного» Ост-Индской компани-

* Исследование проведено при поддержке РГНФ (проект 15-01-00440 «Афганистан в 1910-е — 2010-е гг.: проблемы и противоречия постколониальной модернизации в контексте взаимодействия внутренних и внешних факторов»).

ей, с последующей его трансформацией в уже упомянутый «буфер». Этот подход оправдан лишь в той его части, которая учитывает влияние внешних факторов на государственно-политическое строительство в Азии, но он не дает исчерпывающих ответов на вопросы о сложном маршруте Афганистана с его успехами и поражениями, а тем более о нынешнем тупике. Ведь уже на исходе XVIII в. афганская элита рассматривала возможность военного конфликта с одной из сильнейших на тот момент азиатских держав — Цинской империей, то есть она претендовала на региональное лидерство! К концу XIX в. Афганистан, ведомый авторитарным эмиром Абдурахман-ханом, превращается в централизованное по местным меркам государство с элементами бюрократии, подчинения мусульманского духовенства светской власти, отдельных реформ, пока не складывающихся даже в азиатскую модернизацию, но именно это время и есть старт современной истории этой страны в пространственно-политическом, управленческом и даже экономическом отношениях. Однако даже жесточайший режим Абдурахмана не предотвратил попыток автономизации северных территорий с преимущественно тюрко-таджикским населением (т. н. Южный Туркестан), насильственно включенных в состав этой азиатской «империи» в течение и особенно на исходе XIX в. (Балхское ханство и др.). Но тогдашняя, да и последующая расстановка геополитических сил не позволяла ставить сепаратистские задачи как внутри Афганистана, так и на его рубежах, тем более что Абдурахман укрепил северную границу пуштунскими переселенцами из южных и восточных провинций. Но как раз этническое большинство страны — пуштуны (то есть собственно афганцы) в конце XIX в. оказалось жертвой геополитических маневров — в результате трудных переговоров с англичанами в 1893 г. между Афганистаном и Британской Индией была проведена «линия Дюранда» (по имени британского колониального чиновника-переговорщика), разделившая пуштунов, связанных между собой кровным родством, историей, общей культурно-языковой идентичностью, кочевой экономикой.

В современной историографии, а еще более в реальной политике до сих пор не утихают споры, является ли «линия Дюранда» международной (межгосударственной) границей, или ее можно считать одним из вопросов, доставшихся от колониального прошлого, а значит, и ставить в плоскость тогдашнего и современного международного права с намерением пересмотреть в пользу пострадавших. Вероятно, в качестве таковых должны фигурировать пуштуны и конкретно афганская сторона, но при этом нельзя игнорировать те исторические обстоя-

тельства, в которых обсуждалась и проводилась «линия Дюранда» и, конечно, современные геополитические реалии.

Что касается тогдашнего исторического контекста, то его чертой было военно-политическое преобладание англичан в Южной Азии и на некоторых рубежах Центральной Азии (но это не относилось к ее северному поясу, захваченному Россией) — еще в ходе второй англо-афганской войны в 1879 г. был подписан Гандамакский договор, превративший Афганистан в британский протекторат с делегированием внешнеполитических полномочий Дели и Лондону. Но даже в этих неравных условиях британская дипломатия и чиновничество не преследовали сугубо экспансионистских целей на афганском направлении — они укрепляли «стратегическую глубину» империи, не передвигая собственно границу, к тому же весьма условную. Таким образом, «линия Дюранда» скорее отражала соотношение сил на западной окраине имперского пространства, некий предел британского влияния, зафиксированный не только в этой пресловутой линии, но и в десятках и даже сотнях других — локальных — договоренностей с вождями и старейшинами пуштунских племен, кассандарами. Именно поэтому ни Абдурахман и его преемники на афганском троне и вообще во власти, ни британская колониальная элита не рассматривали «линию Дюранда» как общепризнанную и утвержденную границу, тем более что ее в таком качестве не принимали пуштунские пограничные племена, фактически до сих пор игнорирующие как национальное законодательство, так и режим границы, сложившийся на протяжении последних 70 лет после образования суверенных Пакистана и Индии. Афганские государственно-политические лидеры как во власти, так и в оппозиции всегда, особенно после создания в 1947 г. Пакистана с его амбициозной идеологией и внешней политикой и наступления «эпохи М. Дауда», выступали с националистическими лозунгами и призывами к «освобождению пуштунских братьев», но довольно скоро ситуация стала меняться. Несмотря на живучесть, а потом и доминирование в Пакистане исламского фундаментализма, формально, а в некоторых отношениях и содержательно эта страна тяготела к либерализму (республиканская форма правления, многопартийность и пр.), постепенно превращаясь в оплот Запада в Южной Азии. На это обращали внимание и пакистанская часть пуштунской элиты, и рядовое пуштунское население, пользующееся в зоне племен федерального подчинения вдоль границы с Афганистаном (ФАТА) определенной автономией. Между тем, афганская сторона за многие десятилетия после образования Пакистана так и не смогла предложить убедительную альтернативу государственно-политического звучания. Идея независимого Пу-

пуштустана привлекательна лишь пропагандистски, но опыт Палестины, да и того же Пакистана (государства «чистых» мусульман), который до сих пор считается многими проектом с неопределенной перспективой и даже угрозой из-за сохраняющихся этнических, экономических и других проблем, не выглядит убедительным. При этом пуштуны даже в положении разделенного этноса не отказываются от исторических амбиций «избранного народа» — они занимают весьма прочные позиции не только в провинции Хайбер-Пуштунхва (области своего исторического проживания), но также и в Белуджистане, других частях Пакистана и в его правящем классе.

Гораздо хуже обстоит дело в Афганистане, где в результате многолетнего конфликта, имеющего и этно-социальное измерение (в том числе массовую миграцию в соседний Пакистан), изменилась демографическая структура населения, и его верхушка — и отнюдь не в пользу пуштунов, ослабленных к тому же расколом их элиты, начавшимся при Аманулла-хане, но не преодоленным до сих пор. Как бы то ни было, но основная потенциальная угроза пуштунского сепаратизма и для Афганистана, и Пакистана остается скорее мифом, корни которого обычно связывают с интригами англичан и навязанной ими «линией Дюранда». Однако в современных условиях такой вариант решения пуштунской проблемы, как проблемы разделенного народа, и народа, лишенного своей традиционно доминантной роли (по крайней мере, по афганскую сторону границы), не осуществим. Для этого нет ни местных (локальных и национально-государственных), ни междunarодно-политических условий, хотя социальные и другие заботы пуштунских сообществ необходимо решать, что и пытается делать пакистанская сторона, меняя административно-политический, правовой и хозяйственный статус зоны племен федерального подчинения — ведь их многолетняя автономия была скорее неспособностью решать комплекс проблем жизнедеятельности и безопасности целого народа и жизненно важного региона. Похоже, что местное население, особенно молодежь, поддерживает такие инициативы вопреки догмам традиционного образа жизни (пуштунвали), изоляционизма и исламского фундаментализма, не говоря уже о сепаратизме — рудименте исторического прошлого.

Тем не менее, угроза сепаратизма остается, но она больше ощутима на афганском севере, где большую часть населения составляют национальные меньшинства тюрко-таджикского происхождения (узбеки, туркмены, таджики и др.). Их численность возросла в результате обострения ситуации в соседних республиках Центральной Азии в 1990-е — 2000-е годы (гражданской войны в Таджикистане, выдавли-

вания исламистских группировок из Узбекистана и др.), сказались и другие — относительно благоприятные — факторы (удаленность от основных очагов внутриафганского конфликта, возможности экономической активности, помощь соседей в сфере энергетики и пр.). Но десятилетия автономности способствовали формированию региональных и национальных элит (впервые такой эффект проявился в годы гражданской войны 1929 — начала 1930-х гг.) и даже зарождению федералистских идей и практик, хотя они пока не принимаются в основных центрах политической власти и влияния, прежде всего в кабульских коридорах власти. Но исторический опыт афганского регионализма показал свою жизнеспособность — даже в условиях критического ослабления центра (как это было в конце 1920-х и в 1990-е гг.) регионы выживали за счет местных инициатив и ресурсов. Некоторым даже удавалось избегать крайностей гражданской войны, хотя интернационализация исламизма и экстремизма ставит под вопрос способность региональных властей справляться с подобными вызовами. Таким образом, накопленный опыт вынужденного или инициативного регионализма в Афганистане позволяет считать, что в определенных территориально-политических условиях это действующая управленческая опция, дополняющая централистские практики и подходы. Но новые геополитические угрозы отодвигают ее на второй план в пользу унитарных моделей управления и развития — во всяком случае, в близкой и даже среднесрочной перспективе. В такой ситуации сепаратизм будет рассматриваться, как серьезная угроза и отдельным государствам, и региональному порядку, что не избавляет власти и сами разделенные народы (этноты) от необходимости решать насущные проблемы социально-политического, экономического и культурно-образовательного развития, будь то Афганистан или более благополучная страна.

Литература

1. Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954.
2. Ганковский Ю.В. Империя Дуррани. М., 1958.
3. Hopkins B.D. The Making of Modern Afghanistan. Basingstoke, 2008.

М.В. Васильев

Десять угроз и вызовов Европе

Динамично развивающиеся политические события в Европе требуют внимательного анализа современных вызовов и угроз, с которы-

ми столкнулись европейцы. В зависимости от стратегии и волевого решения этих проблем, будет формироваться новый облик современного миропорядка в Европе. Первый вызов стабильности объединенной Европы связан с состоянием ее экономической и финансовой системы. Несмотря на то что на данный момент времени ЕС фактически является экономической супердержавой, он при этом уже семь лет не может преодолеть тяжелые последствия глобального финансового кризиса 2008 г. Экономика еврозоны на фоне дефляции по-прежнему показывает крайне медленный рост. Так, например, валовой внутренний продукт 19 европейских государств в 2014 г. был меньше, чем в 2007 г. [1]. Греция в прошлом году стала первой страной ЕС, объявившей дефолт, активно обсуждался вопрос о возвращении к национальной валюте. Выборы 2015 г. в Греции, Португалии и Испании подвергли сомнению европейскую финансовую политику жесткой экономии. Кризис вокруг греческих долгов наглядным образом продемонстрировал, что проблема евро не может быть решена до тех пор, пока Европа, имея общую валюту, не сможет создать общей финансовой системы.

Экономические трудности Европы порождают достаточно высокий уровень безработицы, особенно в южных и восточных странах ЕС. В рамках ЕС свыше 22 млн чел. официальных безработных. Экономические трудности в ЕС порождают проблему внутренней миграции, которая является вторым вызовом для еврозоны. Существенные различия в уровнях экономического развития и социальной жизни стран Европы приводят к оттоку квалифицированных кадров из менее развитых стран в более развитые, которыми в первую очередь являются Германия и Франция. Кроме того, внутриевропейские мигранты понижают общую стоимость труда в богатых странах. Продолжая рассматривать комплекс экономических проблем, очень важно остановиться на настойчивых попытках США осуществлять финансовое и энергетическое доминирование над Европой и фактически диктовать ей свои правила игры. Фактор политического и экономического влияния США и крупных транснациональных компаний является третьим вызовом для европейцев. С самого начала оформления ЕС американская политика была направлена на максимально возможное участие в его финансовой системе. Главная задача американских финансистов заключается в создании такой экономической ситуации в Европе, чтобы, с одной стороны, начался стабильный отток капиталов из Старого света на счета американских банков, с другой — Европа стала крупным кредитором США. Валютные аналитики из Deutsche Bank отмечают, что только за последние несколько месяцев 2015 г. отток капитала из Ев-

ропейского Союза составил более 300 миллиардов евро [2]. На энергетическом рынке, крупные американские компании стремятся выйти на европейский рынок. Особенно активно в этом направлении себя проявляют сланцевые компании, экспортирующие сжиженный газ. Для того чтобы европейцы согласились приобретать более дорогой американский газ, глобальному бизнесу необходимо создать в Европе цепочку кризисных ситуаций и заблокировать альтернативные контракты с Россией и странами Ближнего Востока [3]. Вершиной политики американского доминирования стало возобновление переговоров по заключению Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, которое не просто свяжет два берега Атлантики едиными правилами, но и поставит транснациональные корпорации и институты выше национальных государств. Секретность обсуждения данного проекта обусловлена тем, что ряд сильных держав Европы скорее всего смогут выторговать себе какие либо бонусы и преференции, остальные же страны рискуют передать свои национальные экономики под внешнее руководство. Естественно, такой сценарий не добавляет оптимизма евроинтеграции.

Четвертый вызов для современной Европы — это определение политического взаимодействия с Россией и поддержание мира на своих границах. Главным камнем преткновения между европейскими руководствами является вопрос антироссийских санкций. В ЕС есть страны как выступающие за отказ от санкций, так и за их сохранение. Причем на первых оказывается давление, как это произошло, например, с Италией. Итальянцы, в свою очередь, возмущены участием Германии в российском газовом проекте «Северный поток-2». Италия полагает, что проект газопровода, за который выступает правительств Германии, противоречит духу санкционной политики против России. Хотя глубинные причины недовольства заключаются в том, что Германия в свое время заблокировала другой российский проект «Южный поток», выгодный для итальянцев. Таким образом, санкционное противостояние России и ЕС обнажило комплекс внутренних противоречий в самой Европе. Историческая боязнь сильной России в европейском сознании сталкивается с четким пониманием того, что в наши дни мировая политика и экономика не может обойтись без нее. Такое противоречие разделяет Европу на части, усугубляя внутренние противоречия.

Пятый вызов для Европы, заключается в высоком уровне бюрократизации и неповоротливости евромашины, неспособной быстро реагировать на динамично меняющиеся условия мировой политики. Одновременно Европейская комиссия руководствуется в отношениях с государствами-членами базовым договором ЕС, в значительной мере

учитывая позицию ведущих государств-членов таких, как Франция или Германия. Центральным учреждениям ЕС часто не хватает политической решительности и бюрократической эффективности, когда они сталкиваются с такими большими проблемами, как греческий финансовый кризис, всплеск миграции или противостояние с РФ. Поскольку система является в комплексе неполной, то часто требуются обходные пути и всякие нелинейные хитрости для достижения цели. Для многих в Европе подобный непрозрачный стиль управления подрывает доверие к европейскому эксперименту. На данный момент не понятен круг полномочий таких органов, как Европейский совет, Совет Европейского союза и Совет Европы. Более того, ЕС так и не смог создать и принять собственную Конституцию, вместо которой действуют разнообразные договоры и соглашения. Руководству ЕС необходимо динамично модернизировать свои властные структуры. В противном случае время может быть катастрофически упущено, а тяжелая бюрократическая машина не сможет остановить центробежные процессы.

Шестой вызов, стоящий перед европейцами, связан с отсутствием дальнейших четких и понятных ориентиров развития Евросоюза. Объединяясь в основном вокруг вопросов политики и экономики, объединенная Европа не смогла выработать для себя систему культурно-ценностных идей и ориентиров, у нее отсутствует единый цивилизационный проект будущего. Идеи демократии, рыночной экономики и свободы передвижения не интегрировали европейцев до той степени, чтобы они отказались от своих национальных корней. Несмотря на активно развивающиеся процессы глобализации и европейского мультикультурализма, немец остался немцем, француз — французом, а поляк будет думать по-польски и каждый из них интересы своей национальной родины скорее всего поставит превыше интересов конфедеративного союза. Отсутствие собственного единого цивилизационного проекта, в комплексе с размыванием исторических традиций, привело к тому, что европейцы оказались растерянными и испуганными перед толпою мигрантов.

Седьмой, миграционный вызов Европы, является наиболее сложным, способным в корне изменить всю политическую картину мира. Миллионная толпа беженцев не только наглядно продемонстрировала Европе несостоятельность идей толерантности и мультикультурализма, но и разделила ее две на части: богатую западную и бедную восточную. Главной точкой преткновения стал вопрос о квотах по распределению беженцев. Восток Европы категорически против квот и допуска большого количества беженцев на свою территорию. Мигра-

ционный кризис наглядно продемонстрировал, что европолитики на данный момент так и не смогли выработать эффективную систему мер его решения. Европа оказалась заложником собственного законодательства, идей толерантности и либерализма. Жесткие меры в виде массовой депортации и ужесточения наказаний для мигрантов пугают многих политиков. Наплыв в Европу беженцев из Африки и Ближнего Востока, резкое ухудшение криминогенной обстановки, агрессивное поведение гостей привели к тому, что во многих странах резко возросла популярность правых политических сил. Несложно догадаться, что по мере эскалации конфликтного противостояния европейцев с мигрантами, в Европе будет набирать все большую популярность идея не только защиты своих ценностей, но и своего национального достоинства. Именно в этих условиях зерна национализма не только смогут прорасти, но и найдут широкую поддержку в народных массах. Угроза национализма может стать восьмым вызовом для европейцев. Практически все националистические партии европейских стран скептически оценивают перспективы ЕС. В рамках происходящих политических процессов таится еще одна серьезная угроза трансформации идей национализма в идеологию фашистского толка. На фоне национального подъема европейцев и их агрессивного противопоставления враждебному исламскому миру может сложиться ситуация, когда одна нация (или в целом европейский этнос) станет противопоставляться остальному миру.

Террористические акты, произошедшие в Европе, заставили национальные государства восстановить внутренние границы. Не имея возможности остановить миграцию на границах Шенгена, многие национальные лидеры заявили о восстановлении паспортного контроля при въезде в свою страну. Это уже сделали Германия, Франция, Дания и Швеция. Установление внутренних барьеров внутри Европы является ее девятым вызовом и существенным шагом назад, так как противоречит самой идее и сущности конфедеративного объединения.

Для того чтобы остановить волну нелегальных мигрантов в конце 2015 г. на экстренном саммите ЕС было предложено создать единую береговую и пограничную стражу, которая самостоятельно осуществит охрану внешних границ Шенгена. Однако правовые аспекты охраны внешних границ могут стать большой проблемой ЕС. Дело в том, что основным камнем преткновения в работе такой пограничной стражи является вопрос соблюдения национальных границ, ведь европограничники должны будут вмешиваться в дела охраны Шенгенской зоны против воли правительств государств-членов. Таким образом, они будут действовать вне пределов национальной юрисдикции государств-

членов, но на их территории. Смогут ли страны ЕС пожертвовать частью своего суверенитета и договориться о такой охране общих границ — вопрос открытый.

Последним десятым вызовом единой Европе является результат суммирования всех остальных проблем. Это стремление к национальному отделению от конфедерации, в надежде, что по отдельности решить комплекс трудностей будет легче. Идеи сепаратизма в среде членов ЕС звучали постоянно, но еще никогда они не обретали своего реального осуществления. И вот 23 июня 2016 г. произошло историческое событие, которое многие эксперты сразу окрестили отправной точкой распада ЕС. Великобритания на референдуме проголосовала за отделение от объединенной Европы. Главный результат свершившегося события заключается даже не в выходе одной, пусть и очень сильной страны из конфедерации. Намного важнее то, что этот референдум продемонстрировал всей Европе правовой механизм решения вопроса выхода. Этим прецедентом непременно попытаются воспользоваться многие политические силы в разных странах ЕС. Скорее всего, сепаратистские стремления в ближайшее время станут одним из наиболее ярких событий политической жизни. Первыми о себе заявят такие территории, как Каталония и Шотландия.

Груз вызовов и проблем, стоящих перед ЕС, ставит под сомнение будущее этой политической организации. Учитывая то, что крупные конфедерации в исторической ретроспективе долго не существуют, они либо видоизменяются, либо распадаются на составные части, у нас есть все основания полагать, что референдум Великобритании стал отправной точкой заката Евросоюза.

Литература

1. Европейский союз: итоги — 2015 и перспективы — 2016 года // Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия». URL:

http://ruskline.ru/opp/2015/dekabr/24/evropejskij_soyuz_itogi_2015_i_perspektivy_2016_goda

2. Аналитики Deutsche Bank предрекают отток капитала из Европы // Forex News. 11.03.2015. URL: <http://profitask.blogspot.ru/2015/03/deutsche-bank.html>

3. Васильев М.В. Борьба глобального бизнеса в контексте сирийского конфликта // Политика, государство и право. 2015. № 10. URL: <http://politika.snauka.ru/2015/10/3467>

4. Васильев М.В. Национализм Европы как реакция на кризис мультикультуранности // Аналитический центр Katehon. URL:

В.А. Гайкин
Политика «защиты и покровительства» корейской диаспоры в контексте подготовки к захвату Маньчжурии Японией в 1931 г.

*Когда число корейцев достигнет 2,5 млн. или больше, их можно будет толкнуть на военные действия... и под предлогом подавления корейцев мы сможем оказать им помощь
«Меморандум Танака» [1, с. 342].*

Плодородные земли долины пограничной реки Туманган на китайской стороне гораздо раньше китайцев начали заселять и осваивать корейцы. В результате к началу XX века эта китайская территория оказалась заселенной корейскими крестьянами-иммигрантами. Регион получил название Цзяньдао. На 1931 г. число жителей превысило 500 тыс. человек, из которых корейцы составили 395 847 человек [2, с. 12]. Корейские иммигранты, пройдя через Цзяньдао, селились и во внутренних районах Маньчжурии.

Во время событий 1907–1909 гг. (попытка оккупации Цзяньдао) японские колонизаторы выработали специфическую многоцелевую политику в отношении маньчжурских корейцев, состоявшую из комплекса политических, экономических и идеологических мероприятий, политику, которая в несколько видоизмененном виде претворялась в жизнь вплоть до 1931 г. и демагогически называлась «защитой и покровительством».

Политика «защиты и покровительства» определялась отнюдь не филантропическими соображениями. Она являлась составной частью агрессивной политики Японии по установлению своего господства в Северо-Восточном Китае. Во-первых, Япония использовала лозунг «защиты корейцев» как предлог для посылки войск в Маньчжурию с целью территориальной экспансии, для содержания в Маньчжурии консульства и полицейских отрядов. Присутствие корейских переселенцев в Маньчжурии стало фактором, усиливающим позиции Японии в этом регионе, расширяло зону ее влияния, давало возможность Японии оказывать давление на китайское правительство.

Другой целью политики «защиты и покровительства» было стремление Японии использовать корейских крестьян для японской сельскохозяйственной колонизации Маньчжурии. Колонизаторы стремились

привлечь корейских переселенцев на свою сторону. Однако, учитывая, что японцы хозяйничали в Корее, подвергали притеснениям и эксплуатации коренных жителей и что причиной эмиграции многих корейцев была именно колониальная политика Японии в Корее, завоевать доверие переселенцев было крайне трудно.

Арендные конфликты, возникавшие между китайскими помещиками и корейскими крестьянами, Япония использовала в своих интересах, разжигая национальную рознь, оглушая корейцев демагогией фраз о заботе, сочувствии и общности интересов. Само по себе широко рекламируемое «покровительство» Японии порождало недоверие китайцев к корейской диаспоре. Частым явлением стали антикорейские выпады на страницах китайской печати, настраивающие общественное мнение против корейцев, именуемых не иначе, как «авангард японской колонизации» [1, с. 342]. Обвинения были выдержаны в шовинистическом духе.

Японская газета «Манчжуриа дэйли ньюс» от 16 января 1924 г. писала: «Ввиду преследования корейцев в Маньчжурии и отношения к японцам, которое является далеко не благоприятным, токийское правительство должно взять на себя обязанность поддержания японского престижа и окончательного разрешения этого вопроса». Ненависть, питаемая китайцами к Японии и ко всему с ней связанному, переносилась на корейцев. Таким образом, Япония претворяла в жизнь излюбленное правило колонизаторов «разделяй и властвуй», вбивая клин между китайским и корейским населением Маньчжурии.

Третьей целью политики «защиты и покровительства» была борьба с антияпонским движением корейского населения Маньчжурии. Если японские карательные экспедиции, периодически (в 1910, 1920, 1930 гг.) вторгавшиеся в Северо-Восточный Китай для расправы с борцами за независимость, были кнутом, то «защита и покровительство» были пряником, которым японцы надеялись привлечь корейское население на свою сторону, создать вокруг борцов за освобождение Кореи вакуум и тем самым обречь их на поражение. С этой целью в Маньчжурии строились школы для корейских детей с преподавателями-японцами, которые рассказывали школьникам о величии Японии и о пагубности национально-освободительного движения. Корейским переселенцам оказывалась незначительная финансовая помощь, сопровождаемая пропагандистской шумихой. Цель колонизаторов состояла в том, «чтобы с минимальной суммы затрат получить максимальные политические проценты» [3, с. 177].

Цели политики «защиты и покровительства» были сформулированы в известном «меморандуме Танака». В главе «Поддержка и защита

корейской эмиграции» говорилось: «С одной стороны, мы сможем использовать натурализовавшихся корейцев, чтобы скупать землю под выращивание риса. С другой стороны, мы сможем увеличить им помощь через посредство «кооперативного общества», ЮМЖД и др., чтобы они могли служить передовым отрядом нашего экономического проникновения. Их натурализацию нужно считать временной необходимостью. Когда число корейцев достигнет 2,5 млн. или больше, их можно будет толкнуть на военные действия, если в этом будет необходимость, и под предлогом подавления корейцев мы сможем оказать им помощь» [1, с. 342].

В 1930 г. маньчжурские власти опубликовали указ, призывающий китайских землевладельцев разорвать все арендные договоры с корейцами [4, с. 128]. Один из китайских журналов писал: «Сейчас корейцы очень плохи. Китайцы в Маньчжурии избегают их и отказываются иметь с ними дело (автор статьи «забыл» о китайских землевладельцах, эксплуатировавших корейских крестьян. — В.Г.). Корейцы потеряли все черты национального характера, а с ними и чувство честности и благопристойности. Под защитой японцев (экстерриториальность), которые намеренно расширяют ее в ущерб китайцам, корейцы покупают землю и уклоняются от финансовых обязательств. Совершают преступления и подлые поступки» [5, с. 851].

Апогеем японской политики «защиты и покровительства» корейцев стал известный Ванпаошаньский инцидент, ставший одним из звеньев в цепи провокаций, предворявших захват Японией Маньчжурии. В Ванпаошане, местечке в 18 милях от Чанчуня, весной 1931 г. группа корейцев арендовала участок земли для выращивания риса. Китайцы — владельцы земель, по которым корейцы рыли каналы, начали протестовать, опасаясь эрозии почвы и затопления 2 тыс. акров их земли. 3 июля 72 японских жандарма были присланы в Ванпаошань и по существу оккупировали местность.

19 сентября 1931 г. Квантунская армия начала боевые действия с целью оккупации Маньчжурии. Независимо от того, был ли Ванпаошаньский инцидент подготовлен Японией, или японские власти «воспользовались ситуацией», этот эпизод стал одним из предлогов к агрессии в Манчжурии и псевдоаргументом для оправдания оккупации. Апологет японской агрессии в Китае К. Каваками в своей книге, вышедшей в 1932 г., писал: «Сегодня в Маньчжурии почти миллион корейцев. Эти корейцы надеются, что Япония будет защищать их. Но Япония не хозяйка Маньчжурии ... дипломатические представления Японии по этому вопросу, как и по многим другим, никогда не приносили плодов. Если Япония обращалась к Мукдену, ее отсылали в

Нанкин, когда она обращалась в Нанкин, ее отсылали в Мукден. Если она апеллировала сразу и к тем и к другим, ответ был — ничего не знаем» [6, с. 103].

Японский журналист пытается подвести зарубежного читателя (а книга, вышедшая в Нью-Йорке на английском языке, была рассчитана именно на него) к мысли о том, что, поскольку ни Нанкинское правительство, ни мукденские власти не брали на себя ответственность в вопросе защиты корейцев, Япония вынуждена была взять на себя решение этой задачи. А единственным радикальным решением было вооруженное вторжение. Таким образом, агрессия в Маньчжурии оправдывается желанием помочь угнетенным корейцам. Нечего и говорить о том, что высказывание автора о надежде миллиона корейцев на японское заступничество — заведомая ложь. Японские империалисты, по большому счету, были незваными «покровителями» корейских крестьян, проводившими политику непрошеной «защиты»

Ванпаошаньский инцидент (июль 1931 г.) стал своего рода кульминацией проводимой японскими агрессорами с 1907 г. политики «защиты и покровительства» корейской диаспоры в Маньчжурии, целью которой было использование корейских эмигрантов в качестве орудия и предлога для экспансии в Северо-Восточном Китае. Он высветил цели и смысл этой политики, ее экспансионистскую подоплеку, как в кривом зеркале отразил суть взаимоотношений трех восточно-азиатских народов в эпоху империалистических войн за передел мира. «Защищая» корейцев Япония обеспечивала себе право на вмешательство во внутренние дела Китая, на военное присутствие в Маньчжурии, на создание экономической базы в сельском хозяйстве этого региона.

Литература

1. The China Weekly Review. 1931. Vol. 57. № 9 (1.08.1931).
2. Мун Ындо. 1920 нёндэмал — 1930 нёндэ чотон манчибан чосон инмин ы киегып кусон kwasэн хвалсантэ (Классовая структура и условия жизни корейцев Восточной Маньчжурии в конце 20 — начале 30-х гг.) // Ёксавахак. 1967. № 1.
3. Шипаев В.И. Корейская буржуазия в национально-освободительном движении. М., 1966.
4. О Сэчхан. Чэман ханин ы сахвечок сильтхэ 1910–1930 (Социальное положение корейцев в Маньчжурии 1910-1930 гг.) // Пэксан хакпо. Сеул, 1970. № 9.
5. Chinese Economic Journal. Shanghai. 1930. Vol. VII. № 2.
6. Kawakami K. Japan Speaks on the Sino-Japanese Crisis. N.Y., 1932.

Д.А. Глазунов
Дело о сепаратизме Ильхама Тохти
(по материалам китайских СМИ)

За последние пять лет в Синьцзяне произошел прорыв в экономическом развитии. ВВП увеличился в 2 раза и достиг 926,4 млрд юаней в 2014 г. Сегодня СУАР занимает 4-е место среди регионов КНР по темпам развития ВВП [1, с. 46]. В сентябре 2013 г. Си Цзиньпин выдвинул грандиозную концепцию «один пояс и один путь», а позже правительство выпустило документ, в котором Синьцзян назван центральным участком в при строительстве Шелкового пути. По сути, СУАР из периферии превращается в «передний край» Китая: «Это позволяет, с точки зрения географии, ресурсов, политики, Синьцзяну превратиться в передний край „экономического пояса Шелкового пути“ и важный стратегический узел» [2].

В связи с этим главная задача государственных органов — изменение имиджа этого региона, который в большей степени ассоциируется с терроризмом и сепаратизмом. Прокуратура СУАР сконцентрировала внимание на работе по резонансным делам, связанных с терактами в Урумчи, Яркенде, Пекине (28 октября) и Юньнани (1 марта), а также с сепаратизмом Ильхама Тохти [3].

Ильхам Тохти

Информация о личности Ильхама Тохти достаточно скудная. О нем можно коротко сказать следующее. Ильхам Тохти (ئىلھام توختى, 伊力哈木·土赫提, Ilham Tohti), уйгур, уроженец г. Артуш, родился 25 октября 1969 г. В 2 года потерял отца, который трагически погиб во время культурной революции. Вся тяжесть воспитания его и еще 4 детей легла на плечи матери.

Закончил Северо-Восточный педагогический университет, обучался в аспирантуре Центрального университета национальностей (г. Пе-

кин). После обучения в аспирантуре работал доцентом в институте экономики Центрального университета национальностей. Его специализация — международные расчеты [4].

В 2006 г. организовал двуязычный уйгурско-китайский веб-сайт «уйгур-онлайн». На открытом им интернет-ресурсе публиковались мнения, интервью зарубежных СМИ, которые расходились с официальной позицией КНР.

Переломным для сайта стал 2009 год. В марте Тохти раскритиковал деятельность главы СУАР Нур Бекри [Нуэр Байкэли]. Во время и после уйгурских погромов, которые произошли 5 июля, Ильхам интенсифицировал свою веб-работу. Власти, в лице вышеупомянутого Нур Бекри, обвинили «уйгур-онлайн» в подстрекательстве и распространении ложной информации, после чего сайт был закрыт [5].

В 2013 г. произошло событие, которое в Китае получило название «наезд на мосту золотой воды». На площади Тяньаньмэнь 28 октября внедорожник с номерами Синьцзян-Уйгурского автономного района врезался в толпу туристов.

В своих интересах Ильхам Тохти стал использовать этот теракт. Он охотно раздавал интервью западным СМИ, в которых критиковал Пекин за репрессии против уйгуров. В частности, во время интервью американской газете «Лос-Анжелес Таймс» сравнил террористов с людьми, которые пошли на добровольный акт самосожжения в знак протеста против политики китайского правительства. При этом проводились параллели с народом Тибета. Отмечал, что их необходимо оправдать из нравственных соображений.

Однако в этот раз китайские правоохранительные органы посчитали, что Ильхам Тохти перешел красную линию. 17 января 2014 г. китайская газета «Глобал таймс» со ссылкой на агентство «Франс Пресс» сообщила, что, по словам представителя пресс-службы МИДа КНР, Ильхам Тохти попал под подозрение в нарушении закона и был арестован [6].

Арест Тохти вызвал шквал критики на Западе. Представитель Госдепа Псаки заявила, что США внимательно следят за этим делом. Она обратилась к китайским властям с требованием о публикации местоположения Ильхама Тохти и других студентов, обязательном соблюдении их прав и обеспечении им свободы слова. CNN и прочие западные СМИ заявили, что дело связано с неудачной религиозной и национальной политикой КНР. Официальные лица Европы и Америки осудили политику Китая в Синьцзяне [6].

По мнению китайских СМИ, Запад в деле Ильхама попытался захватить информационную инициативу и давить на китайское правосу-

дие. По сути, ими события были интерпретированы как давление китайского государства на уйгурского ученого. «Дело Ильхама» раздувалось в интересах Запада. Для западной прессы — это характерная модель поведения, а задача китайского государства — не допустить давления на судебную власть и твердо придерживаться принципа соблюдения законов.

Если западные СМИ подчеркивали особый статус Ильхама, его национальность, то, с точки зрения китайских законов, Тохти — прежде всего гражданин КНР. Поэтому «при нарушении закона не допускается ни увеличения, ни уменьшения наказания»: нельзя «открывать сеть с одной стороны» (网开一面).

30 июля 2014 г., по информации агентства «Синьхуа», народная прокуратура г. Урумчи направила обвинение по делу Ильхама Тохти в народный суд средней ступени, где уже 17–18 сентября 2014 г. началось слушание по делу Ильхама Тохти, обвиняемого в сепаратизме [7]. Помимо этого, в прессе КНР говорилось о связях Ильхама с Всемирным уйгурским конгрессом, о провокационных беседах на лекциях.

Ильхам Тохти на судебном процессе

23 сентября 2014 г. ему был вынесен приговор о пожизненном заключении с конфискацией имущества [8]. После приговора первой инстанции Ильхам подал апелляцию в народный суд высшей ступени СУАР. Названный суд, рассмотрев это дело коллегиально, 21 ноября 2014 г. вручил Ильхаму свое решение, согласно которому апелляция была отклонена, а приговор оставлен в силе [9].

Литература

1. Цзун Хэ. 60 лет спустя // Китай: ежемесячный журнал. 2014. № 10. С. 46–49.
2. «Идай илу» яньсянь дицой дали гоуцзянь «лити сы лу да тун-дао» [Примыкающие районы к «одному поясу и одному пути» энер-

гично будут создавать ответвления Шелкового пути]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2015-11/17/content_5013362.htm

3. Цзычжицзюй жэньминь цзяньчаюань гунцзо баогао [Доклад о работе народной прокуратуры автономного района]. URL: http://www.xjpcsc.gov.cn/ztbd/dbdhhhy/rdh12_3/zxdt/201501/t4028e49c4b0f7c3a014b105564220023.html

4. 伊力哈木·土赫提 URL: <http://www.baike.com/wiki/伊力哈木·土赫提>

5. 中央民大教师伊力哈木被捕 美国声称“深度关切”// News.ifeng.com. 18.01.2014. URL: http://news.ifeng.com/mainland/detail_2014_01/18/33130130_0.shtml

6. 乌鲁木齐警方:伊力哈木·土赫提涉嫌分裂国家被捕 // World.huanqiu.com. 24.01.2014. URL: <http://world.huanqiu.com/exclusive/2014-01/4790715.html>

7. 中央民大原讲师伊力哈木涉分裂国家罪被提起公诉 // News.xinhuanet.com. 30.07.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/yzyd/local/20140730/c_1111871396.htm

8. 维族教师伊力哈木被以“分裂国家罪”判处无期徒刑 // News.163.com. 23.09.2014. URL: <http://news.163.com/14/0923/13/A6R58NK30001124J.html>

9. 伊力哈木·土赫提分裂国家案二审宣判 // News.qq.com. 21.11.2014. URL: <http://news.qq.com/a/20141121/056693.htm>

В.А. Гоголева
Сепаратизм в Италии:
карнавал движений за независимость

Одной из наиболее актуальных проблем для многих европейских стран на современном этапе является проблема сепаратизма. Несмотря на внутренний характер проблемы, сепаратизм оказывает влияние и на международную обстановку, дестабилизируя ситуацию в мире. Кроме того, наличие сепаратистских настроений зачастую приводит к снижению авторитета государства.

Как правило, истоки любого сепаратизма связаны с историческими причинами. Небольшие государства объединялись в более крупные (мирным путем или путем захвата одного государства другим), что могло приводить к ущемлению интересов национальных меньшинств, а впоследствии — к открытому проявлению радикальных форм освободительных движений. Это объяснимо сложной историей Европы и ее культурным многообразием.

Данная работа посвящена проблеме сепаратизма в Италии. Выбор Италии как объекта исследования обусловлен тем обстоятельством, что это государство занимает ключевые экономические и геополитические позиции в Южной Европе, а также существенными отличиями итальянского сепаратизма по своим причинам, стратегиям и институциональным формам от сепаратизма в других постиндустриальных обществах [1, с. 78 — 79]. По данной проблеме существует ряд научной литературы, однако многие авторы преимущественно касаются проблемы в рамках изучения представленных в парламенте партий с сепаратистским уклоном. А в настоящем исследовании в большей мере затрагиваются сепаратистские движения, не представленные в правительственных кругах.

Для начала обратимся к Конституции Итальянской Республики. Согласно Конституции, особые формы и условия автономии имеют пять регионов: Фриули-Венеция-Джулия, Сардиния, Сицилия, Трентино-Альто-Адидже и Валле-д'Аоста [2, с. 59]. Они обладают наибольшим политическим и экономическим весом среди всех административно-территориальных единиц итальянского государства. В них же наиболее ярко выражены и сепаратистские настроения. Это, прежде всего, связано с историческими причинами. Рассмотрим, с какими факторами связаны сепаратистские настроения в различных регионах страны и как они проявляются.

- Большая часть провинции Фриули-Венеция-Джулия, примыкающей к Триесту, после Второй мировой войны была передана Югославии. Из ряда многочисленных языковых меньшинств выделяется этническое и языковое словенское меньшинство.

- В области Трентино-Альто-Адидже, включающей в себя автономные провинции Тренто и Больцано, около 70% жителей составляют этнические немцы [1, с. 84]: раньше эти территории были частью Австро-Венгерской империи. После Первой мировой войны, в соответствии с Сен-Жерменским мирным договором, Трентино и Южный Триоль перешли к Итальянскому королевству.

- В Валле-д'Аоста с 1948 г. официально признан франко-итальянский билингвизм, причем французский язык выполняет уставную и представительскую функцию [3, с. 227]. Между тем, проведенные в 2001 г. социологические исследования выявили значительный перевес в пользу итальянского языка. Согласно результатам опросов, своим родным языком его назвали 71,58% респондентов, различные говоры/диалекты — 12,16% опрошенных, франкопровансальский — 3,21%, французский — всего 0,99%. Идентифицирующим же символом региона являются именно франкопровансальские говоры. Отме-

тим, что само понятие «говор» (фр. *patois*) в Валле-д'Аоста утратило негативную коннотацию; напротив, говор называется «языком сердца», что подразумевает особую привязанность вальдостанцев к своему родному наречию [4].

- На Сардинии на протяжении многих лет существует движение за независимость от Италии и любого другого государства (*Indipendentismu SARDU*). Его развитие связано с тем, что, как настаивают его идеологи, сардинская культура значительно отличается от итальянской, а также с угрозой постепенного исчезновения сардинского языка. Кроме того, в социальной сети Facebook создана группа «CantonMaritimo» («Приморский кантон»), ставящая цель присоединения Сардинии к Швейцарии. Она выражает позиции Сардинской партии действия. А. Карузо, один из основателей движения, предлагает передать остров Швейцарии в качестве компенсации государственного долга, поскольку официально признанный уровень безработицы на острове составляет 18,1 %. Еще в 2012 г. опрос показал, что 40 % жителей Сардинии проголосовали бы за отделение от Италии [1, с. 85].

- На Сицилии действует партия «Движение за автономию», ее возглавляет губернатор данной области Р. Ломбардо. Партия представлена, хотя и слабо, в обеих палатах итальянского парламента. Ее программа — правоцентристская, не выходит за рамки широкой экономической и политической автономии. Также на Сицилии существует более радикальная партия — «Движение за независимость Сицилии» (*Movimento per l'Indipendenza della Sicilia, MIS*), берущее свое начало от Сицилийского движения за независимость 1943–1947 гг. Основные цели этого движения представлены в виде трех принципов: деколонизация, самоопределение, независимость и борьба с итальянской политикой в Сицилии. Влияние этих организаций невелико [1, с. 85].

- Кроме того, самими гражданами Италии в качестве отдельной ветви сепаратизма выделяется ряд легитимных движений, борющихся за восстановление Италии, какой она была до объединения, то есть до 1861 г. Яркими примерами являются некоторые партии на Юге Италии, ориентированные на восстановление власти Бурбонов, а в Венето наряду с партиями, выступающими за создание независимой республики, существуют движения за возрождение Австро-Венгерской империи и воссоединение Венето с ней (или соединение Австрии и Венето в единое государство).

Главным качественным показателем, по которому различаются сепаратистские движения в Италии, и притом очень значительно, является то, насколько влиятельны и активны то или иное объединение и его идеи. В настоящий момент сепаратистские движения имеют силь-

ное влияние на области в северной части страны. Это связано, прежде всего, с экономическими факторами: например, уровень безработицы в Италии в марте 2016 г. составил 11,4%, а на юге, например, на Сицилии уровень безработицы в два раза больше, чем в среднем по стране [5]. Именно поэтому северяне рассматривают себя как «производителей», а южные регионы — как «потребителей», и считают для себя более выгодным создание государства без южных регионов.

Усиливающееся недовольство Севера по отношению к Югу привело к созданию Северной Лиги за независимость Падании (*Lega Nord per l'Indipendenza della Padania*). Лига Севера была создана в 1989 г. Она выступает за создание независимого государства Падания со столицей в Милане посредством предоставления северным провинциям независимости от аграрного Юга. Как отмечают О.Н. Барабанов и М.О. Шибкова, в программных документах «Лиги Севера» пролеживаются две тенденции: с одной стороны, подчеркивается принадлежность северных областей (Падании) к европейской идентичности и их активное участие в глобальной экономике, с другой стороны, партия настаивает на необходимости защиты собственной идентичности и противостояния вмешательству институтов и механизмов извне [6, с. 100]. Одним из основных принципов, предложенных Лигой Севера, является пункт о создании налогового федерализма. В целом, по мнению О.Н. Барабанова, идеология и политические действия «Лиги Севера» не привели к формированию достаточно серьезной угрозы государственному единству и территориальной целостности Италии. В то же время они внесли достаточно весомый вклад в начавшийся при поощрении ЕС процесс определенной трансформации политической системы страны, ее «деволюции», то есть передачи более широких административных и финансовых полномочий от центрального правительства регионам [7, с. 64].

Глубокие основы в Италии имеет партийный регионализм. Он проявляется в протестных формах, взаимосвязан с этническим и экономическим измерениями фрагментации политических систем [1, с. 80]. Одной из наиболее известных является партия «Независимость Венето», которая в марте 2014 г. организовала референдум за выход Венето из состава Италии [8]. По итогам электронного голосования, проходившего с 16 по 22 марта 89% респондентов на вопрос: «Поддерживаете ли вы создание независимой, суверенной, федеративной республики Венето?» ответили утвердительно. Однако на официальном уровне референдум не был принят во внимание. Это связано с тем, что статьей 5 Конституции Италии закреплено, что Республика единая и неделимая [2, с. 9].

Тем не менее, референдум в Венето дал толчок сепаратизму в других регионах. Также в марте 2014 г. секретарь «Сардинской партии действия» (Partito Sardo d'Azione, PSd'Az) Джон Хиллз заявил о том, что в Сардинии предполагается провести интернет-голосование по вопросу «Хотите ли вы, чтобы Сардиния стала независимым государством?» [9].

Референдум за независимость Венето проходил одновременно с референдумом в Крыму за присоединение к России. Как известно, референдум, проведенный в Крыму, привел к тому, что 96,8% проголосовавших высказались за присоединение к России. Международная реакция на это была разнообразной, а Европейский союз отказался признать результаты референдума. Тем не менее, несмотря на позицию ЕС и центрального правительства Италии, региональный совет северной итальянской области Венето большинством голосов одобрил резолюцию, призывающую национальное правительство Италии признать текущий статус Крыма [10]. Это в свою очередь, дало толчок тому, что в мае 2016 г. в областной совет другой итальянской области, Ломбардии, была внесена резолюция по признанию Крыма частью России [11].

Но наиболее сложная ситуация сложилась вокруг Триеста. В XVIII–XIX вв. Триест был одной из коронных земель Австро-Венгерской империи. Итальянское королевство с момента своего образования считало приобретение Триеста своей основной задачей. После Первой мировой войны эта задача была выполнена. К Италии также отошло почти все Австрийское приморье, где была создана область Венеция-Джулия. В годы Второй мировой войны Триест был оккупирован фашистами, а после войны находился под управлением англо-американских военных властей. В сентябре 1947 г. с целью снижения риска обострения противоречий между Италией и Югославией в регионе было принято решение о создании Свободной территории Триест. Она делилась на две зоны по линии Моргана: зона А находилась под военным и гражданским англо-американским управлением, а зона Б — под югославским. В октябре 1954 г. в Лондоне был подписан меморандум, по которому зона А переходила к Италии, а зона Б — к Югославии. В итоге в 1975 г. территория официально была распущена согласно договору в Осимо. Однако необходимо отметить, что зона Б до конца Второй мировой была преимущественно населена итальянцами. Оккупация Тито этой территории привела к тому, что огромным массам населения пришлось покинуть эти земли. Против тех, кто остался, были развернуты жестокие репрессии. В связи с этими событиями появились движения за создание «свободного государства Триестино» и

движения, как в Венето, за возвращение в состав Австрии [12]. Референдум в Венето оказал влияние и на Триест: в 2014 г. появлялись заявления о необходимости провести референдум о независимости Триеста от Италии. Хотя голосование так и не было проведено, сепаратистские идеи не покидают город, что отражается в публикациях местных журналистов и блоггеров [13].

Итак, несмотря на достаточно большое количество различных сепаратистских движений и их активную деятельность, ни одному из них не удалось достичь поставленных целей и обойти итальянскую конституцию. При этом нужно отметить, что положение национальных и языковых меньшинств в стране нельзя назвать критическим, так как они представляют свои интересы в Парламенте (и в Сенате, и в Палате депутатов). Настойчивость в действиях сепаратистских движений связана с их глубокими историческими корнями. Однако после подъема 2014–2015 гг. наступил некоторый спад их активности. Но можно предположить, что это лишь небольшое затишье перед новыми волнами сепаратизма, способными захлестнуть всю страну. Возможным катализатором движений может стать проблема наплыва беженцев из стран Ближнего Востока. Огромный наплыв мигрантов приведет к ухудшению социально-экономической обстановки в стране, вследствие чего увеличится число сторонников различных сепаратистских движений. В какой-то момент центральная власть может не удержать ситуацию под контролем, и трудно быть уверенными, что Италия долго сможет просуществовать как единое государство.

Литература

1. Баранов А.В. Сепаратизм в современной Италии: факторы развития, институционализация, политические стратегии // Человек. Общество. Управление. 2015. Т. 16. № 12. С. 78–90.
2. Costituzione Italiana, 1948. Roma, 2012.
3. Табаринцева-Романова К.М. К вопросу изучения языковых меньшинств в Италии // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 75. № 2. С. 225–231.
4. Моисеева Д.П. Валле-д'Аоста на перекрестке языков и идентичностей // Россия и Запад: диалог культур. 2015. № 8. URL: <http://www.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-11-32/366—q—q.html>
5. Безработица в Италии увеличилась в феврале до 11,7% // Росбалт. 1.04.2016. URL: <http://www.rosbalt.ru/business/2016/04/01/1503151.html>

6. Барабанов О.Н., Шибкова М.О. Евроскептицизм в Италии: Эволюция политической программы «Лиги Севера» // Вестник МГИМО. 2015. № 5 (44). С. 99–107.

7. Барабанов О.Н. Тенденции развития региональной политики Италии // Вестник МГИМО. 2012. № 1 (22). С. 61–68.

8. Ford M. Europe's Latest Secession Movement: Venice? // The Atlantic Daily. 24.03.2014. URL: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2014/03/europes-latest-secession-movement-venice/284562>

9. Сардиния хочет провести референдум для отделения от Италии // РИА Новости. 26.03.2014. URL: <http://ria.ru/world/20140326/1001130255.html>

10. Совет итальянской области Венето признал текущий статус Крима // Lenta.ru. 18.05.2016. URL: <http://lenta.ru/news/2016/05/18/venetodecision>

11. Теперь и Ломбардия: еще один регион Италии может признать Крым российским // Russia Today. 21.05.2016. URL: <https://russian.rt.com/article/303710-teper-i-lombardiya-eschyo-odin-region-italii>

12. Bagozzi M., Salimbeni L. Il territorio libero di Trieste, la nuova utopia // Eurasia — Rivista di studi Geopolitici. 12.09.2013. URL: <http://www.eurasia-rivista.org/il-territorio-libero-di-trieste-la-nuova-utopia/20127>

13. L'unica salvezza di Trieste? L'indipendenza // Marco Frank blog. 1.12.2015. URL: <https://marcofrank.net/2015/12/01/lunica-salvezza-di-trieste-lindipendenza>

Г.П. Григорян

Сепаратизм в геополитическом контексте

Вступление

История развития государственности протекает через периодические объединения и разъединения. В разных регионах мира и в разные периоды истории человечество проходит через такие процессы, которые в правовой плоскости являются «правом на самоопределение», а вне правовой плоскости они называются сепаратизмом. Данная проблематика также актуальна в постсоветском и восточноевропейском пространствах в последние 30 лет.

С распадом СССР и СФРЮ возникли новые границы и линии разграничения. Есть как сходства, так и различия между процессами в двух регионах. Главное сходство состоит в том, что, на первый взгляд, и тут и там произошло применение права на самоопределение с изме-

нением границ, но отношение международного сообщества к результатам этого развития не однозначное. В чем разница?

Коротко о главном

2 сентября 1991 года состоялось совместное заседание народных депутатов Нагорно-Карабахского округа и Шаумянского района, на котором была принята декларация независимости. 10 декабря того же года вопрос о независимости НКР был вынесен на референдум, 99,89% участников которого высказались за ее независимость [1]. Независимость НКР признана Абхазией, Южной Осетией, Приднестровской Молдавской Республикой и рядом административных единиц разных государств, таких как США, Австралия.

29 мая 1992 года Верховный Совет Республики Южная Осетия принял «Акт провозглашения независимости Республики Южная Осетия» [2]. Независимость страны начали признавать только 16 лет спустя, и 4 государства члены ООН признали ее: 26 августа 2008 года — независимость Республики Южная Осетия признана Российской Федерацией, 3 сентября 2008 года — Республикой Никарагуа, 10 сентября 2009 года — Венесуэлой, 16 декабря 2009 года — Науру, 19 сентября 2011 года — Тувалу, 11 мая 2015 года — Донецкой Народной Республикой [3].

Абхазия провозгласила независимость после войны с Грузией 1992–1993 гг. Ее конституция, в которой республика объявлялась суверенным государством и субъектом международного права, была принята Верховным Советом Республики Абхазия 26 ноября 1994 года [4]. Независимость Абхазии призналась шестью странами-членами ООН (Россия, Никарагуа, Венесуэла, Науру, Вануату, Тувалу), и 4-мя непризнанными или полупризнанными государственными образованиями (Южная Осетия, Приднестровская Молдавская Республика, Нагорно-Карабахская Республика, Донецкая Народная Республика). Вануату и Тувалу отзывали признание независимости уже через 2–3 года [5].

Республика Косово провозгласила свою независимость 17 февраля 2008 г. С тех пор 111 государств-членов ООН признали независимость Косово, 23 из них являются государствами-членами Европейского Союза [6].

В отношении Крыма, который вошел в состав РФ в марте 2014 г. после проведения референдума, в ходе которого 96,77% жителей полуострова высказались за воссоединение с РФ, Вашингтон продолжает заявлять, что не признает «перечеркивание границ посредством силы в XXI веке» и призывает РФ «прекратить „оккупацию“ и вернуть Крым Украине» [7].

Наглядно видна неоднозначная позиция разных стран в вышеперечисленных примерах. Есть ли разница в подходах?

Правовая сторона вопроса

В соответствии с резолюцией 63/3 от 8 октября 2008 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций поручила Международному Суду вынести консультативное заключение по вопросу «Соответствует ли международному праву одностороннее провозглашение о независимости Временными институтами самоуправления Косово?» [8, § 49]. В результате рассмотрения Суд пришел к выводу, что принятие декларации о независимости от 17 февраля 2008 года не нарушает общего международного права, резолюции Совета Безопасности 1244 (1999) или Конституционные рамки. Следовательно, принятие этой декларации не нарушает любые применимые нормы международного права [8, § 122]. В связи с этим заключением возник вопрос: «имеет ли оно универсальный или конкретный характер»? Противники обобщения консультативного заключения Международного Суда указывают, что запрос Генеральной Ассамблеи ООН имел определенную цель и дело — Косово, а не вопрос провозглашения независимости в целом.

Во время рассмотрения дела Суд ответил на два вопроса: имеются ли какие-либо положения в области международного права, запрещающие декларацию независимости и противоречат (или взаимоисключают) ли право на самоопределение и принцип территориальной целостности друг друга.

По первому вопросу заключение гласит, что «практика государств в этот период (XVIII–XIX вв. и первая половина XX в. — Г. Г.) ясно указывает на вывод, что международное право не содержит запрета на декларации независимости. Во второй половине XX века международное право на самоопределение развивалось таким образом, чтобы создать право на независимость для народов не самоуправляющихся территорий и подлежащих иностранному игу, господству и эксплуатации... Очень многие новые государства возникли в результате осуществления этого права» [8, § 79]. По второму вопросу Суд заключил, что «...сфера применения принципа территориальной целостности ограничивается сферой отношений между государствами» [8, § 80]. Таким образом, консультативное заключение Международного Суда распространяется не только на случай Косово, а в нем обсуждаются общие нормы и положения международного права, с которым дело Косово сравнивается. Итак, в первую очередь, заключение носит универсальный характер и может быть применено к другим аналогичным делам и, с другой стороны, оно становится источником международно-

го права «в качестве вспомогательного средства для установления правовых норм» [9].

Чтобы понять, могут ли Консультативное заключение МС и его основные положения быть применены в других случаях, необходимо рассмотреть декларацию независимости «в фактическом контексте, который привел к ее принятию» [8, § 57].

Правовой контекст независимости НКР

Процесс декларации независимости НКР происходил в рамках СССР, который с его конституционной системой существовал до 25 декабря 1991 г. Таким образом, единственный конституционный и правовой контекст, в котором мы можем и должны обсудить правовые предпосылки декларации о независимости НКР, состоит из Конституции СССР и закона от 3 апреля 1990 года «О процедурах решения проблем с выходом союзной республики из СССР».

В 72-й статье Конституции СССР упоминается право сепарации с формулировкой «каждая союзная республика имеет право свободно выйти из СССР» [11]. На основании этого конституционного положения вышеупомянутый закон развивает процедуры сепарации. Так, статья 3 закона гласит: «В случае, если Советская республика имеет автономные республики, автономные области и автономные территории в пределах своих границ, референдумы должны проводиться отдельно в каждой из автономий. Людям, проживающим в автономиях, предоставляется право самостоятельно решать, оставаться ли в Советском Союзе или в союзной республике, а также принять решение об их государственном правовом статусе» [12]. Итак, в соответствии с референдумом от 2 сентября Нагорный Карабах вышел не только из состава Азербайджанской ССР, но и из состава СССР [10].

Выводы

В нынешнюю эпоху глобального перераспределения геополитических дивидендов процесс и право на собственное государство становится предметом манипуляций: либо естественное право народа, нуждающегося в самоопределении по тем или иным уважительным соображениям становится предметом торга на международной арене под «торговой маркой» сепаратизма, либо сепаратизм сеется в то или иное государство по геополитическим соображениям и в интересах третьих стран под предлогом защиты права народа на самоопределение. Из-за подобных подходов попытки реализации права народа на самоопределение на постсоветском пространстве часто перерастают в горячие конфликты и после замораживаются. Такая ситуация способствует расшатыванию неустойчивых ситуаций в регионах и радикализации настроений. Нерешенные конфликты, которые, в

свою очередь, являются часто результатом переделов некогда по «техническим» соображениям проведенных границ, становятся, с одной стороны, предметом геополитической борьбы и, с другой стороны, угрозой регионального, а иногда и более широкого масштаба.

Если бы не было права на самоопределение и явления «сепаратизм», процесс развития государственности, особенно национальных государств, остановился бы в какой-то момент, скажем в 1648 г., 1945 г. или в любой другой дате в истории, когда завершился какой-нибудь значительный передел границ. В этом случае следует учесть, что многие ныне существующие государства, согласно такой логике, не имеют право на существование. В связи с этим, конечно, необходимо подчеркнуть, что есть случаи сепаратизма, которые являются естественным решением для самосохранения данного народа или жителей данной территории, и есть случаи, которые являются результатом геополитических интриг. Обобщать все эти случаи или нет — вопрос важнейший, но естественное право народа на самоопределение не должно быть поставлено под вопрос, особенно если необходимость воплощения в жизнь этого права исходит из соображений безопасности и физической сохранности данного народа или общества.

Литература

1. Нагорно-Карабахская Республика: История и современность, официальный сайт МИД НКР. URL: <http://nkr.am>
2. Акт провозглашения независимости Республики Южная Осетия, информационное агентство Алаанияинформ. URL: http://osinform.org/1646-akt-provozglashenija-nezavisimosti-respubliki-juzhnaja-osetija_5032.html
3. Государственное устройство, официальный сайт, Президент Республики Южная Осетия. URL: <http://presidentruo.org>
4. Виталий Шария. Абхазия эпохи «трех Конституций» // Эхо Кавказа. 26 ноября 2013. URL: <http://www.ekhokavkaza.mobi/a/25181287.html>
5. Джордж Хьюитт: «Где бы Вы ни столкнулись с информацией, неверно интерпретирующей ситуацию в Абхазии, необходимо реагировать, говорить правду о том, что действительно происходит в Абхазии» // Информационное агентство Абхазия-Информ. 12 ноября 2015. URL: <http://abkhazinform.com/intervyu/item/2559-dzhordzh-khyuit-gde-by-vy-ni-stolknulis-s-informatsiej-neverno-interpretiruyushchej-situatsiyu-v-abkhazii-neobkhodimo-reagirovat-govorit-pravdu-o-tom-chto-dejstvitelno-proiskhodit-v-abkhazii>

6. Who Recognized Kosova/Kosovo? The Kosovar People Thank You! URL: <http://www.kosovothanksyou.com/?order=a#recognitions>

7. Госдеп США: Россия должна вернуть Крым Украине // Информационное агентство Regnum. 16 Марта 2016. URL: <http://regnum.ru/news/2098688.html>

8. Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo // Advisory Opinion. No. 2010/25 22 July 2010. International Court of Justice. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/141/15987.pdf>

9. Статут Международного Суда, ст. 38. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/141/15987.pdf>

10. Grigoryan G. Comparative Analysis of the Legal Aspects of Nagorno Karabakh Republic Independence and the Independence of Republic of Kosova // National Question in Central Europe: Democratic Responses to Unresolved National and Ethnic Conflicts. Conference Proceedings, The Institute for Cultural Relations Policy. Budapest, 2013.

11. Конституция СССР 1977 г., ст. 72.

12. Закон о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР, 3 апреля 1990 года, ст. 3. URL: <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/1990.htm>

С.Н. Исакова

Восстановление независимости Австрии после Второй мировой войны: позиции стран антигитлеровской коалиции

В результате аншлюса нацистской Германией в 1938 г. Австрия была лишена суверенитета и стала составной частью Германии. Несмотря на то что большинство австрийцев в апреле 1938 г. высказались за воссоединение с Германией, акт присоединения был насильственным действием, так как население находилось под фактическим давлением со стороны Германии. Аншлюс осудили многие страны, в том числе США, СССР и Великобритания.

Тем не менее, после аншлюса Австрии западные державы долгое время придерживались мнения, что восстанавливать австрийский суверенитет нет необходимости. В частности, премьер-министр Великобритании У. Черчилль 9 ноября 1940 г. заявлял, что «правительство Его Величества не связывает себя никакими обязательствами в связи с переменами, произошедшими в Австрии в течение или после 1938 г.». Он оставил открытым вопрос о будущем Австрии, о восстановлении ее независимости, ссылаясь на то, что «правительство Его Величества не

может... связывать себя признанием или поддержкой в будущем тех или иных территориальных границ в Центральной Европе» [1, с. 45]. Фактически, правительство Великобритании оставляло себе возможность предлагать иные решения по Австрии, не связанные с независимостью.

Однако в англо-американской декларации (Атлантической хартии), подписанной президентом США Ф. Рузвельтом и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем 14 августа 1941 г., утверждалось, что стороны «стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем» [2, с. 318]. Следует полагать, что это заявление относилось и к Австрии.

Весной 1943 г. в Форин офис был составлен меморандум с заголовком «Будущее Австрии». Автор, дипломат Дж. В. Харрисон, предлагал 4 возможных «решения» по австрийскому вопросу:

1. Объединение Австрии с Германией либо в качестве составной части рейха, либо на федеральной основе.
2. Включение Австрии в южно-немецкий союз или конфедерацию.
3. Восстановление Австрии как свободного и независимого государства.
4. Включение Австрии в конфедерацию стран Центральной или Восточной Европы.

Первые два варианта отрицались, так как немецкий элемент был бы преобладающим.

В отношении третьего варианта — восстановление Австрии в качестве независимого государства — Дж. В. Харрисон обращал внимание на различные трудности: во-первых, не было никакого австрийского правительства, даже кандидатур, которые могли бы его создать. Дипломат возлагал надежды на Отто фон Габсбурга, но Габсбурги не пользовались большим влиянием в Австрии, в период их власти практически были исключены связи с Польшей, Чехословакией и Югославией, как и включение Австрии в какую-либо федерацию. Поэтому первое национальное правительство в восстановленной Австрии должен был образовать сам австрийский народ.

Кроме того, так как маленькая и слабая независимая Австрия столкнется с рядом серьезных проблем по восстановлению государства после войны как в экономическом, так и в политическом плане, великие державы должны будут взять на себя значительную долю ответственности за политическое и экономическое сохранение австрийской независимости.

Четвертый вариант, а именно конфедерация Австрии с восточными соседними государствами Польшей, Чехословакией и Венгрией, по мнению Дж. В. Харрисона, был наиболее приемлемым [3, S. 11–12].

Именно четвертый вариант указанного документа явился основой для формирования британской позиции в отношении Австрии при обсуждении этого вопроса с Соединенными Штатами и Советским Союзом [4, с. 171].

Оформление советской позиции в отношении Австрии можно отнести к ноябрю 1941 г., когда И.В. Сталин, говоря о Германии, сказал, что «Австрия должна быть отделена от Германии в виде независимого государства...» [5, с. 119]. В декабре 1941 г. эту же точку зрения он озвучил британскому министру иностранных дел Э. Идену, когда последний был с визитом в Москве.

На Московской конференции, которая проходила 19 — 30 октября 1943 г., министры иностранных дел СССР, США и Великобритании в Декларации об Австрии заявили, что «Австрия — первая свободная страна, павшая жертвой гитлеровской агрессии» [6, с. 328]. Кроме того, с подачи Советского Союза в Декларации говорилось и об ответственности Австрии за участие в войне на стороне противника (речь шла о репарациях).

Таким образом, Московское заявление было явно противоречивым. С одной стороны, союзники признавали Австрию первой жертвой германской агрессии, поддерживали существовавшее в стране в течение войны движение сопротивления против нацистского господства, с другой, — говорили и об ответственности Австрии, которую она должна нести, участвуя в войне на стороне Германии.

Однако американская сторона, вопреки официальным заявлениям, придерживалась той точки зрения, что Австрия нуждается прежде всего в экономическом восстановлении, а уже потом в политическом. Показательна в этом смысле заметка военного министра Г.Л. Стимсона, сделанная им 28 октября 1943 г. в дневнике, которая, несомненно, касалась восстановления австрийской независимости, обсуждаемой тогда в Москве: «...Они (союзники по антигитлеровской коалиции — Прим. авт.) не осознают потребности в экономической поддержке страны, прежде чем навязывать ей мир... Если Австрия уже была в подобном положении по Версальской договоренности двадцать пять лет назад, почему они снова хотят восстановить ее в качестве государства, которое не может себя само обеспечить, о чем они, кажется, вообще не думают...» [7, р. 276–277].

В итоге, несмотря на различные подходы союзников к решению австрийского вопроса и сомнения по поводу экономической жизнеспособности

собности Австрии, преобладающей стала точка зрения Советского Союза, а именно: восстановление Австрии в качестве независимого государства. Это стало основной целью союзнической оккупации Австрии, которая считалась временной мерой до избрания свободного австрийского правительства.

На Потсдамской конференции трех великих держав, проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г. союзники окончательно договорились о проведении дальнейшей политики в отношении Австрии, распределили оккупационные зоны, и 25 августа 1945 г. официально начался период ее оккупации. После конференции 9 августа 1945 г. был опубликован документ Европейской консультативной комиссии — «Сообщение правительств Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Временного правительства Французской Республики о соглашениях относительно зон оккупации и контрольного механизма союзников в Австрии».

В первом соглашении устанавливались структура контрольного механизма союзников в Австрии, его задачи, порядок управления общевосточными делами и делами Вены.

Второе соглашение, о зонах оккупации, устанавливало, что Австрия в границах 1937 г. разделяется на четыре зоны: Северо-Восточная (советская) зона состояла из провинции Нижняя Австрия, леводунайской части провинции Верхняя Австрия и провинции Бургенланд; Северо-Западная (американская) зона включала провинцию Зальцбург, праводунайскую часть провинции Верхняя Австрия; Западная (французская) зона — провинции Тироль и Форарльберг; Южная (британская) зона — провинцию Каринтия, включая Восточный Тироль, и провинцию Штирия, за исключением района Бургенланд.

В Вене, границы которой были восстановлены в границах 1937 г., был образован международный сектор (Внутренний город); районы Леопольдштадт, Бригиттенау, Флоридсдорф, Виден и Фаворитеи заняты вооруженными силами Советского Союза; районы Неибау, Иозефштадт, Хернальс, Альзергрунд, Веринг и Деблинг — войсками Соединенных Штатов Америки; районы Мариахильф, Пенцинг, Фюнфхауз (включая район Рудольфсхейм) и Оттакринг — войсками Французской республики; районы Гитцинг, Маргаретен, Мейдлинг, Лаидштрассе и Зиммеринг — войсками Соединенного Королевства [8, с. 370–372].

Во исполнение этих решений советские войска передали английским оккупационным властям Восточную Штирию, а войска США уступили советским оккупационным властям часть Верхней Австрии,

которая находилась на левом берегу Дуная. Войска Англии, Франции и США вступили в соответствующие зоны оккупации Вены.

К середине 1946 г. обозначились основы регулирования общей деятельности стран-оккупантов на территории Австрии. Они сводились к трем главным целям, которые необходимо было достигнуть в короткие сроки:

- 1) завершение демобилизации вермахта и сокращение оставшихся изолированных единиц;
- 2) сокращение союзнических войск;
- 3) восстановление демократизации Австрии [9, S. 208–210].

Эти вопросы следовало решить в течение трех месяцев. Однако фактически контроль над Австрией продолжался вплоть до 1955 г., когда 15 мая в Вене был подписан Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии. Причиной такого затягивания решения австрийского вопроса стала двойственная позиция стран Запада в условиях начавшейся Холодной войны. Кроме того, возможно именно из-за того, что страны-оккупанты так долго не могли решить австрийский вопрос, Австрия выбрала нейтралитет во внешней политике, что оградило ее от участия в конфронтационных блоках.

Таким образом, рассмотрев в качестве примера восстановления независимости Австрийское государство, можно отметить, что внешний фактор в лице стран антигитлеровской коалиции, а затем и стран-оккупантов осложнил, на наш взгляд, этот процесс, обусловив развитие Австрии по собственному сценарию.

Литература

1. СССР в борьбе за независимость Австрии. М., 1965.
2. Черчилль У. Вторая мировая война: в 6 кн.: пер. с англ. Кн. 4. М., 1998.
3. Stourzh G. Um Einheit und Freiheit. Staatsvertrag, Neutralität und das Ende der Ost-West-Besetzung Österreich. 1945–1955. W., 1998.
4. Исакова С.Н. Австрийский вопрос в дипломатии США, Великобритании и СССР в годы Второй мировой войны // Власть, политика, идеология в истории Европы: сб. научных статей / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2005.
5. СССР и германский вопрос. 1941–1949: документы из Архива внешней политики РФ: в 3 т. Т. 1: 22 июля 1941 г. — 8 мая 1945 г. М., 1996.
6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов: в 6 т.

Т. 1: Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М., 1984.

7. Four-Power Control in Germany and Austria. 1945–1946. L.; N.Y.; Toronto, 1956.

8. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1944. Т. 3.

9. Ефремов А.Е. Советско-австрийские отношения после второй мировой войны. М., 1958.

10. Материалы частного архива Нитаммера. Документ «Германия и Австрия: обзор политического развития» // Gesellschaft und Politik am Beginn der Zweiten Republik: Vertrauliche Berichte der US-Militäradministration aus Österreich 1945 in englischer Originalfassung / Hrsg. O. Rathkolb. W., 1985.

**Д.Н. Искендарова, Н.Е. Кузьминых,
К.М. Табаринцева-Романова
«Сардизм» — феномен сепаратизма «Юга Италии»**

Итальянский сепаратизм обладает рядом особенностей: прежде всего это, как указывает О.Н. Барабанов, отсутствие вооруженного столкновения в борьбе за сепаратизм [1, с. 62]: изучаемое явление носит политико-экономический и социокультурный характер, сложившийся из-за позднего формирования единого национального итальянского государства. Следующая особенность, это то, что фактически сразу же после объединения Италии обозначился контраст между развитым Севером и более отсталым Югом страны. Кроме того, на Юге Италии сразу после объединения страны получили распространение крестьянские бунты против новой «пьемонтской» власти [2]. Показательным является тот факт, что в период правления Муссолини для того, чтобы не подчеркивать внутреннюю неоднородность страны, в официальных документах и прессе вообще запрещалось использовать сам термин «Юг Италии» [3, с. 69].

Еще одной характерной чертой является, так скажем, использование понятия «сепаратизм», которое чаще встречается по отношению к Северной Италии (в исследовательских работах обычно идет речь о деятельности Лиги Севера, о референдуме в Венеции от 2014 г. и т.д.). Принимая во внимание трактовку сепаратизма как политического движения, цель которого — отделение от государства части его территории и создание на ней нового государства, «северный» сепаратизм выглядит логичным, тогда как «южный» сепаратизм до недавнего времени не ставил перед собой такой цели и на этом основании отнесение движения «сардизм» к сепаратистским является спорным. Как указы-

вает А.В. Баранов, в отличие от случаев Венето и Южного Тироля, на Сардинии сепаратизм не имеет глубокой исторической традиции и представляет собой прагматический проект [4, с. 85].

Напомним, что Сардиния является вторым по величине островом Средиземного моря, с численностью населения на январь 2015 г. 1.663.268 человек [5]. В экономическом плане на национальном уровне особенностями Сардинии являются: это единственный регион, который не содержит метана; большая часть воинских частей расположена на острове.

Сам по себе термин «сардизм» не получил широкого распространения, и в узусе мы наблюдаем более частотный термин «движение сардов за независимость». Обращаясь к различным словарям, мы можем встретить следующие интерпретации сардизма: 1) политическое сардское движение, получившее развитие после Первой мировой войны, целью которого являлась административная автономия Сардинии [6]; движение, выступающее за административную автономию Сардинии, более радикально — в культурном и политическом аспектах [7]. Первоначально сардизм представлял собой культурное, социально-политическое течение, которое используя ненасильственные методы, выступало за право на самоопределение, которое игнорировалось материковой частью Италии в начале XX в. Однако парадокс глобализации — рост децентрализации в национальных государствах — привел к тому, что в последние годы мы наблюдаем резкий подъем сепаратистского настроения и, как следствие, активизацию политических партий, выступающих за независимость (Партия сардов, выступающая за создание независимой республики Сардинии; Сардинская партия действия и др.): так, опрос 2015 г. показал, что уже 40% выступают за автономию Сардинии: «мы хотим быть свободными как каталонцы!» [8]. Примечательно, что 30% сардов выступают за независимость от Италии, но предпочитают остаться в ЕС, а 10% — за независимость как от Италии, так и от ЕС [9].

Известный журналист и писатель Джанфранко Питоре, сард по происхождению, сторонник признания независимости Сардинии и борец за право на самоопределение своего народа, пропагандировал идею о признании независимости сардинцев, о том, что они не принадлежат к итальянской нации. Действительно, данный народ смог сохранить и развить вполне самобытную культуру, проявляющуюся как в языке, так и в традициях. Верность обычаям, временами являющаяся причиной столкновений с многочисленными завоевателями, — отличительная черта сардов [10, с. 160–161]. Ей сопутствует глубокая привязанность к своим предкам, жители острова гордятся своей при-

надлежностью к сардам и считают себя нацией, имеющей право на самоопределение.

За непродолжительный срок статус Сардинии претерпевал некоторые изменения, и в конечном итоге регион получил автономию с повышенными полномочиями управления. Однако этого недостаточно, и, по мнению многих сардов, получив независимость, остров будет иметь хорошие возможности для успешного развития. Пребывание в составе Италии пока не приводит к улучшению жизненного уровня граждан, не удовлетворяет их потребности. Правительство Италии, наоборот, притесняет сардинцев в правах, например, отказываясь признавать сардский язык как таковой, считая его не более чем диалектом итальянского [11].

Стоит упомянуть и о действиях самих сардинцев в стремлении получить суверенитет. В последние годы были предприняты две наиболее заметные попытки. Первая из них произошла около десяти лет назад, когда несколько людей провозгласили независимость на крошечном островке возле Сардинии. Второй раз о суверенном праве региона заговорили в 2015 г. Авторы кампании за независимость от Италии предлагают другой стране — Швейцарии — купить остров. По их мнению, в таком случае в выигрыше будут все. У маленькой, но богатой державы появится свой выход к морю, а у маленького и нищего острова — нормальная полиция и действующие законы. Как известно, в административно-территориальном плане страна состоит из 26 кантонов, каждый из которых обладает разным режимом налогообложения, отличием в законодательстве и многим другим. Анклавы в конфедерации отсутствуют. В рамках данной государственной системы Швейцарии, некоторые жители Сардинии подумывают о том, чтобы присоединиться в качестве 27-го морского кантона. Андреа Карузо, инициатор данной идеи, видит широкие возможности для развития сардского народа и региона в целом. Так, например, он сравнивает опыт результата Корсиканской аннексии, которая была провозглашена около 250 лет назад. Как самое важное из этого исторического эксперимента А. Карузо отметил, что с тех самых пор как «Корсика была аннексирована Францией 250 лет назад, она никогда не теряла своей самобытности; специфика Сардинии подвергалась бы еще меньшей угрозе в Швейцарии с ее федеральной системой, которая уважает права национальных меньшинств и имеет опыт работы с разными языковыми, этническими и религиозными группами» [12]. Однако проявления сепаратизма на этом далеко не заканчиваются. Другой вариант получения островом своей самостоятельности предлагает Партия независимости Сардинии (Paris). Члены партии пытаются сначала сделать

независимым сардинский остров Маль-ди-Ветру, а затем уже и всю Сардинию. Глава партии Салваторе Мелони на протяжении всей своей жизни продвигал идею сепаратизма Сардинии, даже несмотря на тюремное заключение по этому поводу и обещания не заниматься политикой до 65 лет. По достижению данного возраста С. Мелони вернулся и не отрекся от своих идей и собрал большое количество сторонников независимости Сардинии [13]. Активисты уже придумали флаг: белый крест на красном фоне с четырьмя маврами, который, кстати, размещен на официальном сайте регионального совета [14].

Особый интерес представляет так называемый региональный совет Сардинии, который является руководящим органом области. В его состав входят двенадцать советников, назначаемых Президентом. Начиная с 2004 г., то есть, когда председатель региона был избран непосредственно народом, а не областным советом, Президенту и совету больше не нужно получать вотум доверия от Ассамблеи для выполнения своих функций. Срок работы регионального совета составляет пять лет, затем состав должностных лиц в данном органе обновляется. Региональное правительство действует на коллегиальной основе, согласовывает с Президентом политические программы. Данный государственный орган также имеет полномочия относительно выбора целей политических программ, утверждает законопроекты, а также резолюции, представленные советниками, и воплощает в жизнь решения совета. Он также должен решать проблемы в политической, административной, экономической и социальной сферах жизни региона. В частности, финансовая отчетность, годовой бюджет и его возможные варианты должны быть одобрены региональным советом. Кажется, что Сардиния, действительно, имеет широкий спектр возможностей, одобренный Правительством Италии, но, тем не менее, несмотря на это, региональный совет всецело поддерживает и активно продвигает идею о получении признания сардов как народа, имеющего право на самоопределение [11].

Таким образом, мы видим, что постепенно сардизм трансформируется из культурно-социального течения в сепаратистскую идеологию для современных политических партий Сардинии, которые все четче формулируют призыв к отделению, не только на основе культурных, языковых традиций, но и рассматривая отделение от Италии как средство решения экономических проблем и выход из кризиса.

При этом сардский сепаратизм является ярким примером того, что получить независимость «мечтают» не только и не столько богатые регионы, как Венеция или испанская Каталония, но и «маленькие и гордые», которые пытаются таким образом сохранить свои культурно-

исторические корни, защитить «народную» память, экономические же перспективы зачастую рассматриваются в более отдаленном плане. Тем не менее, тот факт, что сардизм не только не теряет своей привлекательности со временем, но и привлекает новых сторонников, говорит о том, что этот тип сепаратизма не менее опасен для республиканских властей и может со временем получить все большее политическое развитие.

Литература

1. Барабанов О.Н. Тенденции развития региональной политики Италии // Вестник МГИМО. 2012. № 1 (22). С. 61–67.
2. Orfei G. Scuola e Nazione: una rappresentazione da manuale // Limes. 1994. No. 4. P. 166–167.
3. Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М., 2000.
4. Баранов А.В. Сепаратизм в современной Италии: факторы развития, институционализация, политические стратегии // Человек, общество, управление, 2015. № 1. С. 78–90.
5. Totale della Popolazione residente al 1° Gennaio 2015 per sesso e stato civile // Demo.istat.it. URL: <http://demo.istat.it/pop2015/index1.html>
6. Sardismo // Repubblica.it: il quotidiano online con tutte le notizie in tempo reale. Dizionari. URL: <http://dizionari.repubblica.it/Italiano/S/sardismo.php>
7. Sardismo // Treccani.it. URL: <http://www.treccani.it/vocabolario/sardismo>
8. La Sardegna che vorrebbe l'indipendenza come i catalani // La Stampa. 9.11.2015. URL: <http://www.lastampa.it/2015/11/09/italia/cronache/la-sardegna-che-vorrebbe-lindipendenza-come-i-catalani-rC6wuUh9bWz02y92MUapnK/pagina.html>
9. La Sardegna vuole l'indipendenza. Favorevoli 4 sardi su 10 // Controcampus.it. URL: <http://www.controcampus.it/2012/05/la-sardegna-vuole-lindipendenza-favorevoli-4-sardi-su-10>
10. Алисова Т. Б. Введение в романскую филологию: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. М., 2007.
11. Устав регионального совета Сардинии // Региональный совет Сардинии [Офиц. сайт]. URL: <http://www.regione.sardegna.it>
12. Гирко Т. Сардиния войдет в состав Швейцарии? // Наша газета [web-portal]. URL: <http://nashagazeta.ch/news/politica/17294>
13. Гнетий В. Независимость по принципу ротации // Независимая газета. 9.09.2008. URL: http://www.ng.ru/world/2008-09-09/13_sardinia.html

14. Сардиния хочет референдум для отделения от Италии // Ria.ru [web-portal]. URL: ria.ru/world/20140326/1001130255.html

В.Н. Козулин
К вопросу о формировании
национальной идентичности русинов

Среди малых народов Европы, не имеющих национальной государственности, имя русинов долгое время встречалось гораздо реже, чем имена многих других, таких как, например, кашубы, лужичане, силезцы (не говоря уже о басках, каталонцах или шотландцах). Это связано с тем, что самоидентификация русинов как самостоятельного народа начала активно формироваться только в XIX веке, а в XX веке значительная часть этого народа, проживавшая на территории Советской Украины, подвергалась украинизации и не рассматривалась как самостоятельный этнос.

Поэтому проблема русинского этноса и его национальной самоидентификации в литературе изучена еще довольно слабо. Попытки изучения этого вопроса предпринимались в дореволюционной историографии [1–4], а возрождение интереса к нему произошло только в период декоммунизации конца 80-х — 90-х гг. прошлого века. За последние несколько десятилетий был опубликован ряд научных и публицистических работ на тему русинов [см.: 5, с. 108–109; 6–9], а также основан в 2005 г. международный исторический журнал «Русин». Исследования о русинах встречаются и в современной зарубежной историографии [cf. 10, p. 135–136]. В 2002 г. была издана на английском языке «Энциклопедия истории и культуры русинов» [11].

Основные задачи этого доклада состоят в рассмотрении исторических особенностей формирования русинской народности и выявлении перспектив развития процесса самоидентификации русинов.

Формирование трех наиболее известных восточнославянских этносов (белорусов, русских, украинцев) началось с распадом единого Древнерусского государства. Однако формирование русинской народности, по всей вероятности, восходит к более древним временам. Родиной русинов является часть территории Карпат, в настоящее время разделенная между Украиной, Словакией и Польшей. В IX веке большая часть этнической территории русинов вошла в состав Венгрии. Этими историко-географическими фактами объясняются встречающиеся в литературе иные названия русинов — угро-руссы или карпато-руссы.

Предками русинов исследователи считают восточнославянские племенные союзы уличей, тиверцев и белых хорватов. Эти племена

позже других вошли в состав Древнерусского государства. В эпоху феодальной раздробленности на этих землях возникли Галицкое и Волынское княжества. Будучи приграничными с Венгрией и Польшей, они порой частично или полностью попадали в зависимость от соседей, чаще всего от Венгрии.

В XIV в. территория древнерусских Галицкого и Волынского княжеств была завоевана Польско-Литовским государством и образовала в его составе (с XV в.) Русское воеводство (с центром во Львове), неофициально называвшееся также Червонной Русью. Население этих территорий называло себя прилагательным «руский (руський)» или существительным «русины». По мнению исследователей, этим словом — «русины» (предположительно с ударением на первом слоге) называли себя в древности все жители Руси [12, с. 10]. Позднее у русинов появилось еще одно самоназвание — «руснак» или «русняк» (как противопоставление слову «поляк»).

В европейской литературе русинов довольно часто называют также «рутенами». Словом рутены («rutheni») в латинском языке, особенно в папских документах, обычно назывался древнерусский народ в целом. Слово происходит от аналогичного названия одного кельтского племени, упоминавшегося еще Юлием Цезарем [см.: 13]. Средневековой традиции было свойственно опираться на авторитет античных авторов, и поэтому названия новых народов (подчас искусственно) ассоциировали с некими старыми, упоминавшимися у древних авторов этнонимами. Так, видимо, произошло и с названием русских. Со временем это латинское название «рутены» закрепилось за населением западнорусских земель, в том числе за русинами. Впрочем, термин «рутены» может иметь и более широкое значение — «русские», а слово «Рутения» в латинском языке является одним из вариантов названия России. Известно, что химический элемент, названный в честь России, носит имя «рутений».

Немаловажное значение для дальнейшей эволюции русинской культуры имеет распространение среди русинов греко-католического вероисповедания. Еще в XIII веке галицкий князь Даниил Романович участвовал в переговорах с римским папой Иннокентием IV о заключении церковной унии. Будучи в составе католической Польши и в условиях ослабления, а впоследствии завоевания Византии турками, местное духовенство и шляхта стали все больше склоняться к унии с католиками. В 1596 г. была заключена знаменитая Брестская уния, а в 1646 г. состоялась так называемая Мукачевская (или Ужгородская) уния, введившая греко-католическую церковь среди венгерских русинов.

История формирования русинской идентичности приобрела новый виток в конце XVIII века, после разделов Польши, когда галицкие земли достались Австрийской империи, и из этих земель была образована новая австрийская провинция под названием «Королевства Галиции и Лодомерии». Несмотря на то что австрийские власти предпринимали некоторые меры по уравниванию в правах русинов и поляков, во время так называемой «Весны народов» 1848 г. в Австрийской империи, наряду с другими национально-освободительными движениями, возникает и русинское национальное движение [см.: 4; 6]. В 1849 г. под напором этого национально-освободительного движения в Австрии был создан Русский округ (с центром в Ужгороде), но уже в 1850 г. он был ликвидирован.

По мнению одного современного консервативного автора, возникновение русинского национального движения было связано с вторжением русских войск, пришедших по просьбе Австрии для подавления венгерского восстания 1848 г., когда «народные массы увидели, что „москали“ — это один и тот же с ними народ» [14, с. 19]. Действительно, среди русинов в то время было распространено русофильство или, как его чаще называют украинские исследователи, «москвофильство», противопоставлявшееся возникшему одновременно «украинофильству».

После распада Австро-Венгерской монархии территория австрийской Галиции (с центром во Львове) вошла в состав Польши, а территория «Подкарпатской Руси» (с центром в Ужгороде) вошла в состав Чехословакии, в 1938 г. она получила статус «автономной земли», а в 1939 г. на этой территории было провозглашено независимое государство «Карпатская Украина», обратившееся за покровительством к нацистской Германии, но та не оказала ей поддержки, и она была вскоре оккупирована Венгрией. После Второй мировой войны и Галиция, и «Подкарпатская Русь» вошли в состав Советской Украины, где начался процесс украинизации русинского населения.

Отдельно следует упомянуть русинов, проживающих на территориях Румынии и Молдавии. Эти русины ведут свое происхождение от восточнославянского населения, обитавшего с древнейших времен на землях Приднестровья — в Буковине (которая сейчас разделена между Украиной и Румынией), северной части Днестровско-Прутского междуречья и в районах вдоль Прута и Днестра (вплоть до центральных областей нынешней Молдавии) [7, с. 70]. Эти территории на протяжении истории тоже переходили из рук в руки.

Наконец, значительное число русинов переселились на протяжении нескольких последних веков в разные другие страны и до сих пор

там компактно проживают — в Сербии, Хорватии, США, Канаде и Австралии.

Исследователи русинского языка полагают, что он значительно отличается от украинского. Представители русинского москвофильства утверждали, что из всех восточнославянских языков язык русинов ближе всего к русскому. Это особенно характерно для руснаков Молдавии, избежавших полонизации, которой был подвергнут язык галичан [7, с. 109; 13, с. 158]. То же самое касается этнографических различий между русинами и украинцами.

На этом основании представители современного русинского движения добиваются признания за ними статуса национальных меньшинств во всех тех государствах, где они проживают, что дало бы им больше возможностей сохранять и развивать свой национальный язык и культуру. На сегодняшний день они уже официально признаны национальными меньшинствами в 11 странах. Единственным государством Центральной Европы, до сих пор не признавшим этого статуса за русинами, является Украина, где этот вопрос давно трансформировался в проблему русинского национализма и сепаратизма [5, с. 109–110]. Но даже там, в принятом в 2012 г. законе Украины «Об основах государственной языковой политики», русинский язык был признан одним из языков меньшинств Украины.

Отвечая на вопрос о перспективах формирования русинской идентичности, следует сказать, что этот процесс находится еще на раннем этапе. Ведь и у других более крупных и уже давно всеми признанных восточнославянских народов (белорусов и украинцев) процесс формирования идентичности далеко не завершен.

Процесс формирования идентичности у русинов затруднен следующими факторами. Во-первых, у них до сих пор нет единых кодифицированных норм языка. Существуют три варианта литературного языка и два альтернативных алфавита (на основе кириллицы). Во-вторых, современное русинское национально-культурное движение очень неоднородно. Выделяются как минимум четыре направления или культурных ориентации — прословацкое, пророссийское (русско-или москвофильское), проукраинское и провенгерское (мадярофильское). Для представителей второго направления наиболее характерна тенденция к сепаратизму, по обвинению в котором на Украине в 2012 г. был осужден один из лидеров этого направления отец Димитрий Сидор.

В-третьих, русины чрезвычайно разбросаны территориально. Они проживают на Украине, в Словакии, Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Польше, Венгрии, Румынии, Молдавии, России, США, Ка-

наде, Австралии, Новой Зеландии. В-четвертых, не способствует консолидации и религиозный фактор, поскольку среди русинов есть как греко-католики, так и православные.

Вместе с тем, формирование идентичности у русинов — процесс, имеющий положительное значение в условиях развития тенденции регионализации в современном мире. Как отмечал крупный специалист в области славянской филологии академик Н.И. Толстой, «литературно-языковой и культурный регионализм... отражает объективную потребность иметь, помимо общеэтнической литературной и языковой традиции, также местную, которая связывала бы человека с „малой родиной“» [16, с. 74–75].

Литература

1. Головацкий Я.Ф. Карпатская Русь (Историко-этнографический очерк) // Журнал министерства народного просвещения. Т. CLXXIX. 1875. Июнь. С. 386–390.
2. Казанский П.Е. Современное положение Червонной Руси // «Украинская» болезнь русской нации. М., 2004.
3. Петров А. Пределы угро-русской речи в 1773 г. Исследования и карты. СПб., 1911.
4. Арабажин К. Галицко-русское литературно-общественное движение // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А., Брокгауз, И.Е. Ефрон. Т. VIIa. СПб., 1892. С. 913–922.
5. Павел Роберт Магочий: к 60-летию со дня рождения выдающегося русиниста современности // Русин. 2005. № 1 (1). С. 106–110.
6. Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2002.
7. Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004.
8. Суляк С.Г. Русины: этапы истории (часть 1) // Русин. 2005. № 1 (1). С. 49–60.
9. Суляк С.Г. Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.
10. Wallace R. The Rusyn of the Carpathians // Endangered Peoples of Europe: Struggles to Survive and Thrive. L., 2001. P. 125–136.
11. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Toronto, 2002.
12. Шорников П. Русские люди Молдавского княжества // Русин. 2005. № 1 (1). С. 9–40.
13. Волконский А. Историческая правда и украинофильская пропаганда // Библиотека «Благовещение». URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/volkon/H04-T.htm>

14. Ваврик В. Геноцид карпато-русских москвофилов. М., 2007.
15. Иванов Ю. Родной язык и этническое сознание русинов Молдавии // Русин. 2006. № 2 (4). С. 157–167.
16. Толстой Н.И. Литературный язык Подкарпатской Руси // Русин. 2005. № 1 (1). С. 73–75.

Н.С. Малышева

К вопросу о перспективе выхода Великобритании из ЕС

Европейский Союз продолжает переживать непростые времена. В последние годы к грузу экономических проблем и долговой проблеме ряда участников еврозоны добавились миграционный кризис и последовавший затем рост сепаратистских настроений в регионах и странах-участницах ЕС. И эти настроения играют на руку евроскептикам в отдельных государствах Евросоюза. Со стороны европессимистов звучат обвинения в неспособности европейских институтов обеспечить экономическую стабильность и безопасность границ, в игнорировании интересов национальной безопасности перед наплывом мигрантов. Дело дошло до того, что в 2013 г. правительство Великобритании объявило о проведении в 2017 г. общенационального референдума по вопросу о выходе страны из Европейского Союза. Каковы мотивы проведения референдума, и каким может быть его вероятный результат?

«Британская проблема» или «Брэксит» (от англ. Britain и exit — выход), как ее именуют в западной прессе, имеет давнюю историю. Есть распространенное мнение о том, что британцы более других европейцев расположены к тому, чтобы вырваться из «объятий» интеграции. Такое представление возникло на основе долгого и непростого процесса присоединения Великобритании к Европейскому сообществу, сопровождаемого оговорками и исключениями для членства страны. Особый статус сохраняет Великобритания и теперь, находясь вне еврозоны и Шенгенского пространства и обладая правом на возмещение части взносов, направляемых в ЕС. Правительство консерваторов, возглавляемое премьер-министром Д. Кэмероном, продолжило курс на самоустранение от европейских интеграционных процессов. Здесь стоит упомянуть выход консерваторов в 2010 г. из Европейской народной партии — правоцентристской коалиции Европарламента, затем отказ от Европейского пакта налоговой стабильности; наконец, объявление о референдуме.

Но является ли евроскептицизм характерной чертой Великобритании в настоящее время? И да, и нет. В докризисный 2007 год британцев действительно можно было считать большими евроскептиками на фоне других европейцев — число не доверяющих европейским институтам было на 13% выше, чем число доверяющих, и это был самый высокий

показатель среди стран ЕС [1, р. 94]. Сейчас же, согласно опросам общественного мнения, отношение британских подданных к институтам ЕС мало чем отличается от мнения граждан других европейских стран. Более того, среди стран еврозоны число европессимистов оказалось больше, чем в Великобритании. Таково, например, положение, в Испании, Кипре, Франции, ФРГ [2, р. 100]. Таким образом, отношение к ЕС неустойчиво и меняется в зависимости от экономической ситуации в Союзе.

В то же время, на уровне правительства и политических партий скептическое отношение к ЕС имеет более устойчивый характер, и в этом отношении Великобритания заметно отличается от своих европейских соседей. Другими словами, евроскептицизм — это удел политической элиты Великобритании. И заявление о запланированном референдуме объясняется тем, что к числу евроскептиков относятся влиятельные члены правящей Консервативной партии, в частности, Борис Джонсон — мэр Лондона и возможный преемник Д. Кэмерона на посту лидера партии, Майкл Гоув и другие. Кроме того, на парламентских выборах новым конкурентом для партии Д. Кэмерона является выступающая за выход Великобритании Партия независимости Соединенного королевства, в которую начали переходить консерваторы-парламентарии.

Выиграв парламентские выборы в мае 2015 г., Кэмерон не стал отказываться от проведения референдума; хотя сам неоднократно подчеркивал, что выступает за членство Великобритании в ЕС. Эта двойственная позиция премьер-министра объясняется тем, что убедительного перевеса в сторону еврооптимистов или европессимистов в стране нет. Опрос общественного мнения, проведенный в апреле 2016 г., показал, что мнения разделились: около 40% британцев проголосовали бы за выход из ЕС, и столько же против [3].

Продолжив курс на референдум, премьер пояснял, что основным условием сохранения членства страны в ЕС должно стать реформирование Евросоюза с учетом интересов Великобритании. В ноябре 2015 г. Д. Кэмерон направил председателю ЕС Дональду Туску письмо, в котором сформулировал свои предложения. Британский премьер предлагал провести реформы ЕС или же предоставить Великобритании дополнительные исключения в четырех областях — национальный суверенитет, экономическое управление, конкурентоспособность и свобода передвижения в рамках ЕС [4]. Иными словами, речь шла об изменении основополагающего договора ЕС.

После этого в течение нескольких месяцев проходили активные переговоры между британским правительством и институтами ЕС о приемлемом компромиссе, устроившем бы обе стороны. Окончательное

решение по предложениям Кэмерона было достигнуто на саммите ЕС 19 февраля 2016 г., и так или иначе, его вариант реформирования ЕС был одобрен. Прежде всего, для стран, не входящих в еврозону, было установлено право отложить рассмотрение финансовых законопроектов ЕС, вернув их на обсуждение в Совет министров ЕС. Для приезжающих на заработки в Великобританию граждан ЕС устанавливается ограничительный срок до семи лет, в течение которого они не будут иметь права претендовать на социальные выплаты. Далее, за Великобританией было закреплено право не участвовать в углублении политической интеграции. Было принято дополнение, касающееся вопросов национальной компетенции. Так, если 55% национальных парламентов не поддерживают законопроект ЕС, то он возвращается на доработку в Совет министров [5].

В целом, эти дополнения к европейскому законодательству касаются не только Великобритании, но дают возможность другим участникам воспользоваться новыми правилами. Не исключено, что подобное смягчение правил придаст Евросоюзу большую устойчивость. Однако все принятые в феврале 2016 г. поправки вступят в силу только в том случае, если Великобритания останется в ЕС. Если же в результате референдума страна покинет Евросоюз, то все предлагаемые изменения будут отменены.

После саммита премьер-министр объявил о том, что референдум о продолжении членства Великобритании в ЕС пройдет ранее объявленного срока — 23 июня 2016 г. В ближайшее время главная задача кабинета Д. Кэмерона заключается в том, чтобы убедить Консервативную партию и большую часть населения Соединенного Королевства, что принятые поправки обеспечат преимущества национального суверенитета в ЕС. Учитывая то, что в британском общественном мнении нет перевеса в пользу сторонников и противников сохранения участия страны в Евросоюзе, до июня 2016 г. многое может повлиять на результат референдума. Улучшение либо ухудшение социально-экономической ситуации в стране, динамика миграционного кризиса, агитационные кампании «за» и «против» выхода из ЕС, которые ведутся различными политическими силами — все эти факторы могут повлиять на настроение избирателей.

«Европейский вопрос» для Великобритании выходит за рамки только участия или неучастия в ЕС. Этот вопрос неизбежно затронет программы партий, проблему идентичности, поиск места и определение роли Великобритании в Европе.

Литература

1. Eurobarometer 67: Public Opinion in the European Union, November 2007. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb68/eb_68_en.pdf
2. Eurobarometer 83: Public Opinion in the European Union, May 2015. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb83/eb83_publ_en.pdf
3. YouGov: The Times Survey Results, 11-12th April 2016. URL: http://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/ugdbpjyfyfyn/TimesResults_160412_VI&EURef_W.pdf
4. PM Letter to President of the European Council Donald Tusk, November 10, 2015. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/475679/Donald_Tusk_letter.pdf
5. European Council Conclusions, 18-19 February 2016. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/02/19-euco-conclusions>

Л.В. Монина

Роль внешнего фактора в развитии сепаратизма в Рейнской области Германии в 1923 году

Прежде чем перейти к заявленной теме, автору представляется необходимым сделать несколько вводных замечаний. Сепаратизм многолик, он вызывается комплексом причин, которые переплетаются и накладываются одна на другую. Тем не менее среди них выделяется основная, которая и позволяет отнести данное сепаратистское движение к той или иной группе. Поэтому существует возможность их классификации. Наиболее распространенными видами сепаратизма в прошлом и настоящем являются этнический, религиозный или сочетающий в себе эти факторы этно-конфессиональный сепаратизм. Именно этому виду посвящено большое количество работ современных российских авторов. Кроме того, среди причин сепаратизма называются расовые факторы, идеологические, экономические. В развитии сепаратизма большую роль может сыграть и внешний фактор. Однако в новейшей истории мы найдем не много примеров такого открытого воздействия внешнего фактора на сепаратизм в соседней стране, какой наблюдался в начале 1920-х годов в западных областях Германии. И этим фактором была Франция. Автору представляется интересным выяснить, насколько французский фактор был определяющим.

После Первой мировой войны одной из главных внешнеполитических целей Франции, сформулированной ее президентом, а затем премь-

ер-министром Р. Пуанкаре, было отделение Рейнской области от Германии и создание буферного государства, в результате чего Франция окончательно обезопасила бы себя от восточного соседа и одновременно получила бы залог сохранения своего господствующего положения на европейском континенте [1, с. 225]. Первую попытку добиться этой цели Французская республика предприняла в 1918–1919 гг. В начале 1920-х гг. у Франции появился еще один мотив: она была заинтересована в гарантированных поставках по репарациям. Предложение же Германии пересмотреть условия выплаты репарационных платежей было использовано французским правительством как предлог для реализации своих планов в отношении западных районов Германии. В январе 1923 года на территорию Рурской области были введены франко-бельгийские войска численностью от 80 до 100 тысяч человек. Ответом Германии на оккупацию Рура стала политика пассивного сопротивления, сорвавшая на первых порах расчеты союзников на гарантированное получение германских репараций. Частные предприятия и государственные учреждения оккупированной области работали исключительно в интересах Германии. Но уже весной 1923 года оккупационные власти ужесточили свою политику в контролируемых областях: стали закрывать шахты и предприятия, конфисковывать запасы угля, установили контроль над железными дорогами, увольняли неблагонадежных служащих, высылали предпринимателей и политиков. В результате быстро выросло число безработных, содержание которых взял на себя рейх. Собственникам закрытых предприятий предоставлялись кредиты в размере миллиардов (а затем и триллионов) марок для выплат рабочим и служащим, потерявшим работу, что спровоцировало инфляцию, переросшую в гиперинфляцию. Результатом стало быстрое обнищание населения, резкое сокращение поставок продовольствия из сельской местности в города. Возникла угроза голода. Стало понятно, что продолжение политики пассивного сопротивления может привести Германию к катастрофе. Необходимо было сменить тактику и сделать это должно было новое правительство во главе с Г. Штресманом.

Оккупация французами Рура не привела сразу к усилению сепаратистских настроений в западных областях Германии. По крайней мере, эти настроения не проявлялись открыто. Хотя надо заметить, что после первой волны сепаратизма, охватившей после Первой мировой войны в том числе западные районы Германии, он не исчез полностью. Так, в январе 1920 года при непосредственном участии Х. Дортена было создано Рейнское народное объединение (*Rheinische Volksvereinigung*), целью которого было создание независимого Рейнского государства и защита прав

католического населения и католической церкви [2]. Однако именно ухудшение экономического положения населения, т.е. дополнительный — экономический — фактор придал импульс сепаратистскому движению в Рейнланде в конце лета — осенью 1923 года.

15 августа 1923 года в Кобленце представители различных сепаратистских организаций собрались вместе и образовали Объединенное Рейнское движение, руководителями которого были избраны Ханс Дортен и Йозеф Маттес. Заметной фигурой в организации был ахенский фабрикант Лео Декерс. Таким образом, наблюдалась консолидация сепаратистов в Рейнской области и координация их действий. Одним из крупных центров сепаратизма стал Дюссельдорф. В докладе правительственного чиновника, датированном 28 сентября 1923 года, содержалась информация о положении и действиях сепаратистов в этом городе. В частности сообщалось, что сепаратисты обсуждали вопросы о границах будущего государства, его столице, что они создавали штурмовые группы, вооруженные резиновыми дубинками и револьверами. И, наконец, самое важное — сепаратисты Дюссельдорфа поддерживали федералистскую идею создания автономного государства в границах рейха [3]. Французские и бельгийские власти оказывали частично открытую, частично тайную поддержку набиравшему силу сепаратистскому движению. В том же Дюссельдорфе 30 сентября во время многочисленной демонстрации сепаратистов произошли кровавые столкновения с немецкой полицией, которая в результате была окружена и разоружена французскими оккупационными войсками [1, с. 360].

Своего апогея сепаратизм в Рейнланде достиг в 20-х числах октября, когда в ряде городов — Аахене, Юлихе, Бонне, Трире, Кобленце и др. — произошли вооруженные выступления сепаратистов, провозгласивших независимую Рейнскую республику со столицей в Кобленце. Над зданиями городских ратуш были подняты флаги новой республики, сформированы органы власти, в том числе правительство Рейнской республики во главе с Й. Маттесом. С населением новая власть «общалась» с помощью постановлений, объявлений и листовок. Самым первым постановлением правительства в Кобленце уничтожалась свобода слова и вводилась предварительная цензура для СМИ [4].

Нужно отметить, что население оккупированной области в целом не поддержало сепаратистов, более того, оказывало им противодействие, особенно полиция и чиновники, сохранившие в своем большинстве верность германскому правительству. Зато новые органы власти пользовались активной защитой французских и бельгийских оккупационных властей. Так, 25 октября Пуанкаре принял решение об активной и офици-

альной поддержке «автономистских устремлений на оккупированной территории».

Таким образом, характерной особенностью рейнского сепаратизма было отсутствие прочной базы в виде поддержки населения региона, и это делало его уязвимым и зависимым от поддержки извне, в том числе финансовой. Слабости сепаратистскому движению в Рейнланде добавляло отсутствие единой цели. Сторонники независимой Рейнской республики под французским протекторатом представляли собой радикальное крыло сепаратизма. Оно было радикальным и по целям, и по методам, и по уровню присутствия внешнего фактора. Другими словами, радикальное крыло сепаратистов было нацелено на сецессию. Вторым — центристским — направлением рейнского сепаратизма стало движение, выдвинувшее более умеренную программу, смысл которой сводился к выходу Рейнланда из состава Пруссии и создание нового субъекта германской федерации. Самым известным представителем такого варианта сепаратизма был обербургомистр Кельна Конрад Аденауэр. Хотя Кельн находился за пределами франко-бельгийской зоны оккупации, но тоже оказался в водовороте событий. Аденауэр излагал свой план создания Рейнской республики на нескольких конференциях, в которых участвовали представители рейха и Рейнской области и Рура. Смысл этих конференций сводился к установлению контактов между властями разного уровня с целью поиска выхода из кризиса. Аденауэр доказывал выгоду для Германии выхода Рейнланда из состава Пруссии, что, по его словам, позволило бы начать переговоры с французами о прекращении оккупации. В то же время Аденауэр допускал в качестве крайней меры выход Рейнской области из состава рейха и создание Западногерманского государства. Это, как он считал, позволило бы избежать аннексии Рейнланда Францией, дало бы возможность Германии освободиться от Версальского договора и, как следствие, от репарационных платежей и, наконец, создало бы предпосылки для прочного примирения двух государств — Франции и Германии [5, S. 555]. Третий вариант сепаратизма в западных областях Германии можно обозначить как «валютный сепаратизм». Его сторонники добивались большей самостоятельности в проведении налоговой политики, формировании бюджета, но главное требование сводилось к введению самостоятельной валюты [6, S. 156]. Это требование можно расценить как естественную реакцию на обострившийся экономический кризис и гиперинфляцию. Вообще, среди жителей оккупированной области все заметнее становилось стремление взять на себя решение насущных задач. И это стремление поощрялось центральным правительством в лице некоторых мини-

стров и канцлером Г. Штреземаном. И Штреземан, и министр финансов Лютер в октябре 1923 года выступали за временное экономическое отделение оккупированной области от остального рейха, поскольку нести расходы на ее содержание Германия уже была не в состоянии [1, с. 282].

Растущее в октябре — ноябре 1923 года недовольство населения политикой сепаратистского правительства привело к дистанцированию французов от рейнских сепаратистов, что выразилось в частности в сокращении финансовой поддержки. Ситуацию усугубляло соперничество лидеров сепаратистов и дифференциация в их рядах. Но самый сильный удар по независимой Рейнской республике нанесло германское правительство. Его лидер (а затем министр иностранных дел) Г. Штреземан считал главным средством решения внутренних проблем, в том числе проблемы сепаратизма, активную и успешную внешнюю политику. При этом он использовал два метода: сигнализировал Франции о готовности к переговорам и компромиссу и искал контактов с Англией, рассчитывая на британское вмешательство в ситуацию в интересах Германии [5, S. 570]. И уже в ноябре 1923 года Франция пошла на уступки в вопросе о репарациях, согласившись с назначением американского банкира Ч. Дауэса на роль арбитра в решении вопроса о размерах репарационных платежей. Изменение позиции Франции по этому ключевому вопросу повлекло за собой и окончательное прекращение поддержки сепаратистского правительства. В ноябре 1923 года оно пало. Рейнская республика прекратила свое существование.

Таким образом, можно утверждать, что сецессионистский вариант сепаратизма в Рейнской области был реализован благодаря французской (и бельгийской) поддержке. В данном случае внешний фактор был решающим. Но другие виды сепаратизма, о которых шла речь, являлись, скорее, результатом экономического кризиса. Внешний фактор в данном случае проявил себя опосредованно, доведя до крайности те экономические трудности, которые переживала послевоенная Германия.

Литература

1. Винклер Г. Веймар. История первой немецкой демократии. 1918—1933 / Пер. с нем. М., 2013.
2. Morsey R. Rheinische Volksvereinigung. 1920–1923/24 // Historisches Lexikon Bayerns. URL: https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/Rheinische_Volksvereinigung,_1920-1923/24
3. Bericht des Reichspostministers über Lage und Aussichten der separatistischen Bewegung in Düsseldorf [28. September 1923] // Das Bun-

desarchiv. URL: http://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/11a/str/str1p/kap1_2/para2_89.html

4. Vor 80 Jahren. Der 23. Oktober 1923. Die Separatisten in Koblenz an der Macht // Rheinland-Pfalz. Landeshauptarchivverwaltung. URL: <http://www.landeshauptarchiv.de/index.php?id=393>

5. Rödder A. Der Mythos von der frühen Westbindung // Institut für Zeitgeschichte. München–Berlin. URL: http://www.ifz-muenchen.de/heftarchiv/1993_4_6_roedder.pdf

6. Hirsch F. Stresemann. Ein Lebensbild. Frankfurt, 1978.

Н.Ю. Самойлов

Вовлечение молодежи в религиозные и этнические конфликты на примере Северной Ирландии

В условиях усиливающейся международной интеграции и создания наднациональных государственных образований (ЕС) одной из важных проблем в современном мире продолжает оставаться сепаратизм. Одним из примеров этноконфессионального сепаратизма является Северная Ирландия. Североирландская проблема является уникальной для Западной Европы по причине высокой степени влияния религии. В Северной Ирландии дети с самого раннего возраста приобщаются к конфликту через осознание религиозных отличий [1, с. 127]. Этот регион — пример того, как конфессиональная принадлежность сообщается с этнической.

Проблема нынешнего североирландского сепаратизма начинает формироваться на рубеже XVI–XVII вв. В это время территория Ирландии начинает заселяться англичанами и шотландцами. Наряду с этническим аспектом неприязни возникает и религиозный, поскольку большинство переселенцев — протестанты, в отличие от коренного католического населения. Развитие конфликта приводит к появлению законов, жестко ограничивающих права коренного населения [2, с. 124–128].

Новый этап борьбы ирландцев за национальную независимость наступает в XX веке. В 1913 г. создается организация под названием Ирландские Добровольцы [3], которая стала предшественницей печально известной ИРА — Ирландской республиканской армии. В 1914 г., с началом Первой мировой войны, среди членов и сторонников «добровольцев» произошел раскол. Часть из них выступила в поддержку Англии, другие, напротив, решили сосредоточиться на подготовке вооруженного восстания для свержения английского господства.

Строительство национальных государств сопровождается созданием общенациональной мифологии, поиском неких «рубежных» дат и событий собственной истории. Конечно, влиянию национальной мифологии подвержена прежде всего молодежь. И события весны 1916 года по сей день являются одним из важнейших событий в национальном самосознании ирландцев. Они именуются Пасхальным восстанием и происходили с 24 по 30 апреля 1916 г. в Дублине и ряде графств Ирландии. Это была попытка сторонников республики свергнуть власть англичан. Общее число жертв составило 485 человек. Отметим тот факт, что среди погибших участников восстания 35% составила молодежь в возрасте до 29 лет [4, р. 6]. Шестнадцать участников восстания были казнены, но практически сразу они обрели статус героев, а их смерть от рук англичан стала символом борьбы за независимую республику. В 1919 г. началась война за независимость Ирландии. Она завершилась в 1921 г. предоставлением Ирландии статуса британского доминиона. В 1921 г. были подписаны так называемые Статьи соглашения по договору между Великобританией и Ирландией. Согласно им Северная Ирландия оставалась в составе Великобритании [5]. Собственно, Северная Ирландия представляет объединенную территорию шести из девяти графств ирландской провинции Ольстер. Вопрос воссоединения Ирландии и является ключевым в североирландском конфликте. Раскол среди сторонников и противников договора привел к гражданской войне 1922–1923 гг. [6]. В войне победили сторонники договора, но их победа не привела к решению североирландской проблемы. От активных военных действий ИРА переходит к террору.

Разногласия между центральным правительством и боевиками ИРА к концу 1930-х гг. привели к «маргинализации» ИРА, вынужденной из-за своей радикальной позиции уйти в подполье. Впрочем, степень поддержки ее ирландским обществом была чрезвычайно высока.

В 1949 г. Ирландия выходит из Британского Содружества и объявляет о создании независимой Ирландской республики. Лондон продолжает настаивать, что Северная Ирландия останется в составе Великобритании, пока североирландский парламент не выскажется за присоединение к Ирландии. В 1960-х гг. начинается борьба за свои права католическая часть жителей региона. Они создали Ассоциацию гражданских прав Северной Ирландии с целью борьбы против ущемления прав католиков [7, р. 138–139]. С середины 1960-х гг. в Европе и США происходит становление массового молодежного движения, что нашло свое отражение и в Северной Ирландии. Молодые активисты стали составлять большую часть «Ассоциации» и других организаций со схожими целями и задачами. Они боролись за избирательную рефор-

му, против дискриминации при трудоустройстве, добивались отмены Акта об особых полномочиях [8]. ИРА в это время (вторая половина 1960-х гг.) устраивала провокации на границе с Северной Ирландией. За это время было убито 17 и ранено 32 человека. В самой Северной Ирландии между двумя враждующими лагерями случались стычки, потасовки. Всплеск насилия случился в 1969 г. в городе Дерри, где сражались между собой сторонники унии с Великобританией, сепаратисты-католики и местная полиция. Главную роль в столкновениях играли молодые люди радикальных взглядов, сражавшиеся с обеих сторон.

Начиная с 1969 года все более непостоянной становилась структура противоборствующих сторон. Возникшее в начале 1920-х гг. противоборство «умеренных» и «радикалов» стало повторяться вновь и вновь на различных уровнях. К примеру, если ранее существовала единая ИРА, то в 1969 г. она раскололась на две части: относительно умеренную «официальную» ИРА, и радикальную «временную», готовую идти на крайние меры [9]. При этом временная ИРА вербовала в свою ряды в основном католическую молодежь. Похожая ситуация наблюдалась и среди протестантов. У них то создавались, то откалывались друг от друга военизированные группы, напоминавшие ИРА, такие как Ольстерские добровольческие силы [10].

В 1972 г. в городе Дерри случилось Кровавое воскресенье [11]. Мирная демонстрация католиков была расстреляна английскими военными. 13 человек было убито на месте, ранено 14 человек. Больше всего погибло молодых людей в возрасте от 17 до 30 лет [12]. Это событие спровоцировало ИРА на ответные акции. Проблемой стало и предвзятое расследование, оправдавшее военных, вызвавшее взрыв недовольства католического населения. В марте 1972 г. Лондон приостанавливает деятельность парламента Северной Ирландии [13, р. 12–39]. Что касается характера противостояния между двумя сторонами непосредственно в Северной Ирландии, то его вполне можно назвать гражданской войной, в которой нет четкой линии фронта, но есть «свои» и «чужие» районы (в зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности). Одна из главных ролей в конфликте по-прежнему у радикальной молодежи, только на смену потасовкам с применением холодного оружия и подручных средств приходят перестрелки, похищения, теракты и т.д.

Попытка решения конфликта путем референдума о статусе Северной Ирландии в 1973 г. не принесла успеха. Католики бойкотировали его, посчитав что результат заранее известен. Ответным действием центральных властей стало подписание в 1973 г. Саннингдейлского

соглашения [14, р. 25]. Ратификация соглашения была сорвана протестантами.

Первые успешные шаги на пути решения конфликта были сделаны в 1985 г. В этом году было подписано Англо-Ирландское соглашение, в котором территория Северной Ирландии объявлялась входящей в состав Соединенного Королевства до тех пор, пока за это выступает большинство ее населения [14, р. 25]. В 1993 г. между премьер-министрами Великобритании и Ирландии была заключена Декларация Даунинг-Стрит, подтвердившая право населения Северной Ирландии на выход из состава Великобритании через референдум [15, р. 154–156]. Несмотря на сближение Ирландии и Великобритании, ключевым препятствием на пути решения проблемы продолжала оставаться ИРА, в течение 1990-х гг. совершившая ряд терактов в Великобритании. Опять же, нельзя было говорить и о достижении компромисса между протестантским и католическим населением региона. Однако 10 апреля 1998 г. было подписано Белфастское соглашение, которое и по сей день определяет вектор мирного урегулирования проблемы [15, р. 182–196]. Подписание соглашения было омрачено самым кровавым терактом за время конфликта — 15 августа 1998 г. в городе Ома был взорван начиненный взрывчаткой автомобиль, что повлекло гибель 29 мирных граждан, еще более 220 получили ранения. Ответственность за взрыв взяла на себя Подлинная Ирландская республиканская армия, основанная в 1997 г. — очередное радикальное ответвление ИРА. Теракт сплотил всех, стороны стали прикладывать усилия к достижению компромисса. В 2005 г. временная ИРА заявила о разоружении [16].

Подводя итоги, отметим, что конфликт в Северной Ирландии еще далек от завершения. Из актуальных на данный момент проблем мы выделим основные.

Во-первых, на свободе сейчас находятся многие бывшие активные участники военизированных группировок протестантов и католиков. Разумеется, далеко не все вышедшие на свободу активисты прекратили заниматься преступной деятельностью.

Во-вторых, не преодолен этнокультурный и религиозный раскол. Хотя в отношении молодежи правительство предпринимает меры, в основном культурно-просветительского характера. В Северной Ирландии районы проживания католиков и протестантов отделены друг от друга стенами и заграждениями. Это препятствует разрастанию конфликта, но не решает его. На территории Северной Ирландии по-прежнему происходят стычки, потасовки и даже мелкие теракты. Правда, количество жертв снизилось до одного-двух в год, но напряженная ситуация сохраняется.

В-третьих, замороженный статус конфликта теоретически дает радикальному крылу ИРА повод для новых атак. Проблемой является невозможность окончательной ликвидации ИРА, ввиду отсутствия четкой структуры, отсутствие возможности отследить точное число ячеек и участников.

В-четвертых, в Северной Ирландии меняется демографическая ситуация. На данный момент большинство населения по-прежнему составляют протестанты (абсолютное большинство которых — юнионисты, сторонники сохранения Северной Ирландии в составе Великобритании). Однако темпы рождаемости среди националистов-католиков значительно выше [17], и когда именно католики будут составлять большинство населения, может произойти эскалация конфликта.

Таким образом, сочетание вышеперечисленных проблем может снова сделать Северную Ирландию «горячей точкой» Европы.

Литература

1. Напалкова И.Е. Религиозный фактор в развитии ольстерского конфликта во второй половине XX — начале XXI века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38 (176). История. Вып. 37.
2. Гольман Л.И. История Ирландии. М., 1980.
3. Coleman M. The Irish Revolution, 1916–1923. L., 2013.
4. 1916 List Book Covers (Список жертв «Пасхального восстания»). URL: http://www.glasnevintrust.ie/__uuid/55a29fab-3b24-41dd-a1d9-12d148a78f74/Glasnevin-Trust-1916-Necrology-485.pdf
5. Documents on Irish Foreign Policy Series: Excerpts from the Anglo-Irish Treaty (Статьи соглашения по договору между Великобританией и Ирландией) // The National Archives of Ireland. URL: http://www.nationalarchives.ie/topics/anglo_irish/dfaexhib2.html
6. Cottrell P. The Irish Civil War, 1922–23. L., 2008.
7. White R. Ruairí Ó Brádaigh: The Life and Politics of an Irish Revolutionary. Bloomington, 2006.
8. Civil Authorities (Special Powers) Act (Northern Ireland), 1922. (Текст «Акта об особых полномочиях») // CAIN Web Service. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/hmso/spa1922.htm>
9. Moloney E. A Secret History of the IRA. L., 2002.
10. Bruce S. The Red Hand: The Protestant Paramilitaries in Ulster. Oxford, 1992.
11. Walsh D. Bloody Sunday and the Rule of Law in Northern Ireland. L., 2000.

12. 'Bloody Sunday', Derry 30 January 1972 — Names of the Dead and Injured (Список погибших и раненых 30 января 1972 г.). URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/bsunday/deadinj.htm>

13. Cunningham M. British Government Policy in Northern Ireland, 1969–2000. Manch., 2001.

14. Hayward K. Irish Nationalism and European Integration: The Official Redefinition of the Island of Ireland. Oxf., 2013.

15. Tonge J. Northern Ireland: Conflict and Change. L., 2013.

16. Полный текст заявления временной ИРА о разоружении // The Guardian. 28.07.2005. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2005/jul/28/northernireland.devolution>

17. Devenport M. Census Figures: NI Protestant Population Continuing to Decline // BBC.com. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-20673534>

А.В. Сковородников **Конфессиональный фактор сепаратизма в Югославии в 1990-е годы**

Одной из главных геополитических проблем современности является соотношение между принципом территориальной целостности государства и правом наций на самоопределение. Ради поддержания хотя бы относительно стабильного миропорядка нужно согласиться с необходимостью сохранения сложившихся границ. Если же это оспаривается, то, как правило, без предложения мирной альтернативы решения проблемы.

По итогам Второй мировой войны Ялтинско-Потсдамская система очертила новые реалии международных отношений. Балканы традиционно были одним из самых беспокойных регионов, с высоким конфликтным потенциалом для будущего межгосударственных контактов. Балканы это узел, в котором сходятся интересы всех главных европейских государств, и именно поэтому судьба балканских народов символизирует собой судьбу всех европейских народов. Конечно, это довольно упрощенная схема, но в целом она верна и подчеркивает особую значимость этой области для обеспечения гарантии выполнения собственных интересов.

Югославия (СФРЮ) стала крупнейшим государством Балканского полуострова. СФРЮ представляла собой многонациональное и многоконфессиональное образование, что естественно порождало множество конфликтных ситуаций внутри страны. Нерешенность межнациональных вопросов и слабость политической системы ослабляли меж-

дународное положение Югославии. Югославия была точкой соприкосновения трех культур, которые можно условно определить как славяно-православную (сербы, черногорцы, с оговорками — македонцы), европейско-католическую (или средневропейскую — хорваты и словенцы) и исламскую (боснийцы-мусульмане и албанцы). Югославия являла собой во многом механическое соединение нескольких крупных народов, а также других национальных меньшинств, питавших друг к другу глубокую ненависть. Они были разделены языком, религией, культурой, устремлениями в будущее. Раздираемое противоречиями государство, долгие годы скрепляемое не столько коммунистическим режимом, сколько железной рукой И. Тито, постоянно подвергалось давлению извне. Это воздействие носило разнонаправленный характер: США, СССР, а в конце 1980 — начале 1990-х и новые игроки, заинтересованные в усилении собственных позиций в регионе. К их числу можно отнести Германию, Ватикан и ряд мусульманских стран. Эти государства оказывали активное содействие сепаратистским силам внутри страны, что приводило к дестабилизации и деморализации и без того не особо прочной государственной системы.

Сепаратизм в Югославии приобрел свои специфические черты. Этническая и культурно-историческая уникальность дополнялись религиозной принадлежностью и особой нетерпимостью к представителям иных конфессий. Наиболее остро данные противоречия проявили себе во взаимоотношениях между сербами, хорватами, босняками и албанцами. При этом отсутствие механизма смягчения конфликтных ситуаций приводило к еще большей напряженности. Сепаратизм стал мобилизующей общенациональной идеей в процессе создания независимых государств.

Начало распада Югославии предвляло, в том числе крушение СССР, а также завершение холодной войны. Переговоры между главами югославских республик изначально не имели особых перспектив и предсказуемо закончились безрезультатно. Приверженцы ультранационализма одержали победу в борьбе со сторонниками югославянского федерализма. Цепь взаимных обвинений сделала возможность достижения компромисса очень проблематичной и практически нереализуемой. Ко всему этому примешивалась еще и этническая мифология, пронизанная целым комплексом стереотипов и предрассудков.

Насилие и резня санкционировались авторитетными деятелями, стоящими во главе республик, этнических и религиозных групп, политических движений. Они искали новые источники легитимности и нашли их в обосновании возможности применения силы к оппонентам. Любые позитивные сдвиги в решении конфликтных ситуаций были

объективно невыгодны лидерам сепаратистов, ведь нормализация положения в регионе снижала внешнее внимание к проблеме и уменьшала шансы на достижение независимости.

Таким образом, был выбран путь интернационализации кризиса.

Идея распада активно поддерживалась различными силами извне. В 1991–1992 годах все страны Запада признали независимость Хорватии, Словении, Македонии, а затем Боснии и Герцеговины. В этой ситуации сопротивление сербов, долгое время являвшихся носителями идеи сохранения единства государства, не заставило себя долго ждать. На территории Хорватии возникла Республика Сербская Краина, на территории Боснии — Республика Сербская, которые активно поддерживались властями Белграда.

В конечном счете, все это привело к длительной кровопролитной гражданской войне, ставшей трагедией для многих народов данного региона. Ослепленные крайним этническим национализмом и конфессиональной нетерпимостью хорваты, сербы, боснийцы и другие народы Югославии начали в массовом порядке истреблять друг друга. Эксперименты по созданию великих однородных по этническому составу государств во имя нации дорого обошлись самим югославянским народам. Вновь, как и в период Второй мировой войны, начались этнические чистки. Взаимоуничтожение родственных народов было поставлено у сербов, хорватов и боснийцев на поток. В ужасе братоубийственной войны было трудно сохранить здравый смысл. Его затмили ярость и стремление отомстить, во что бы то ни стало. Все это подогревалось политическими элитами и давлением извне.

Подобные события происходили, несмотря на то, что данная область заселена по преимуществу родственными этносами славян. Естественно, что в данной ситуации чрезвычайно важной являлась конфессиональная принадлежность. Только таким образом на Балканах возможно самоидентифицироваться, ведь остальные признаки, характеризующие нацию, у южных славян практически идентичны. Понятие хорват приравнивалось к понятию католик, серб — православный, босниец — мусульманин, именно это добавляло религиозную окраску всему происходящему. Надо сказать, что церковные структуры в бывшей Югославии строго оберегают идентичность наций, к которым принадлежат, и твердо отстаивают старые стереотипы, предубеждения, предрассудки, а также нетерпимость по отношению к нациям, исповедующим другую религию. Вот лишь несколько наиболее показательных примеров этого. Республика Сербская изначально задумывалась и создавалась как православное государство, где Православная церковь входит во все сферы общественной жизни. С другой стороны, актив-

ную позицию занимало католическое и мусульманское духовенство. В этой обстановке довольно неприглядную и негативную роль сыграла католическая церковь. Разжигаемые Ватиканом конфессиональные противоречия усиливались невероятно быстро и порождали массу трагических последствий. По сути, произошло повторение событий Второй мировой войны. Напомним, что по договору Тито и Папы Римского, партизаны не должны были занимать лагерь смерти Ясеновац, что позволило усташам уничтожить там около миллиона человек, в основном сербов, евреев и цыган. Другое требование Папы, выдвинутое Тито, состояло в приеме войска лидера хорватских фашистов А. Павелича в партизаны. Так хорватские усташы были переведены из блока фашистов в антифашисты, поскольку международная ситуация для них была очень неблагоприятна и их требовалось спасти [1]. Десятки тысяч военных преступников перешли в партизаны с теми же правами, что и сербы, воевавшие с агрессорами с 1941 г. Стоит сказать отдельно о геноциде по отношению к Православной Церкви. Усташы в соотрудничестве с оккупантами и мусульманами ликвидировали огромное количество православного духовенства. Ватикан, разыгрывая свою карту и в 1940-е гг., и в 1990-е годы, усугублял и без того катастрофическое положение в Югославии. Сербохорватское противостояние усугублялось еще и сербо-мусульманской ненавистью [2]. Неоднократно осквернялись и разрушались православные святыни и культурно-исторические памятники в Хорватии, Боснии и Косово. Сочетание повседневного бытового национализма, запугивания и откровенного попустительства со стороны местных властей оказалось крайне эффективным. С другой стороны, православные сербы, памятуя о насилии со стороны католиков и мусульман, также не оставались в долгу. Реакцией на насилие и притеснения было ответное насилие.

Промежуточным итогом противостояния стало подписание в 1995 году Дейтонских соглашений, по которым в составе Боснии и Герцеговины были образованы Республика Сербская и мусульмано-хорватская Федерация Боснии и Герцеговины, были закреплены их границы, а на территорию государства введены стабилизационные военные силы (SFOR) под управлением НАТО и с разрешения ООН [3]. Но это не решило проблему сепаратизма в регионе, а напротив, создало условия для дальнейшей эскалации конфликтов.

Следующим этапом стал косовский кризис, который можно признать началом демонтажа прежней системы функционирования государств, с точки зрения сохранения их внутренней целостности. Его последствия оказались чрезвычайно серьезными и оказывают воздействие на международные отношения по сей день. Сепаратизм приоб-

рел характер общемировой тенденции, а конфессиональный фактор стал его неотъемлемой составляющей.

Литература

1. Dedijer V. The Yugoslav Auschwitz and the Vatican. The Creation Massacre of the Serbs during World War II. Buffalo, 1992.

2. Андреев В. Конфликты в бывшей Югославии: корни и историческая подоплека. 2 июля 1995 // Genstab.ru. URL: http://www.genstab.ru/yugo_istoki.htm

3. Сковородников А.В. Дейтонские соглашения и завершение гражданской войны в Югославии // Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность): сборник научных статей. Барнаул, 2011.

С.Н. Соколов

Сепаратизм на политической карте мира в XXI в.

Политическая карта мира постоянно меняется не только качественно, но и количественно: оккупация и аннексия (захват военным путем), ирредентизм (присоединение к другому государству), цессия (уступка), концессия (аренда), адьюдикация (присуждению территории по решению арбитража), интеграция и выход из состава государства какой-либо его части (сецессия). К сепаратизму можно отнести ирредентизм и сецессию.

В XXI веке произошло несколько таких изменений на политической карте мира. Рассмотрим их более подробно, используя справочник ЦРУ по странам мира [1], справочные источники сети Интернет [2–4], а также некоторые учебники и монографии [5–10].

Постсоветское пространство. В 1991 г. Южная Осетия провозгласила себя независимым государством, в 1992 г. тоже сделала Абхазия. В 2008 г. Россия признала независимость этих двух территорий. Данные государства признаны также Никарагуа, Венесуэлой и Науру.

В Чеченской Республике с 2000 г. вновь установлен суверенитет Российской Федерации. В 2007 г. незаконные вооруженные формирования провозгласили Кавказский Эмират, который охватывает Чечню, Ингушетию, Дагестан, Северную Осетию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию. Чеченская Республика Ичкерия, существовавшая до этого, упразднена и преобразована в Вилайт Ичкерии Кавказского эмирата.

В 2014 г. парламент Автономной Республики Крым проголосовал, чтобы войти в состав России. 16 марта 2014 г. был проведен референдум, на котором большинство голосов получили сторонники присоединения к России (что признано Россией, но не Украиной). 17 марта 2014 г. объявлена независимость Республики Крым от Украины и заявлено о присоединении его к России. 21 марта 2014 г. Россия признала государственную независимость Крыма с последующим присоединением к РФ — были созданы два новых субъекта РФ: Республика Крым и город федерального значения Севастополь.

В апреле 2014 г. на территории Украины были образованы Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика, которые 12 мая провозгласили независимость от Украины и 24 мая 2014 года образовали конфедеративное государство Новороссия, непризнанное другими государствами.

Кроме того, на постсоветском пространстве существуют непризнанные Приднестровская Молдавская Республика (независимая от Молдавии с 1991 г.) и Нагорный Карабах (независимый от Азербайджана с 1992 г.).

Европа. Референдум о независимости в Черногории был проведен в 2006 г., явка избирателей превысила 86%. По результатам референдума большинство голосов было отдано за отделение от Сербии. За независимость Черногории высказались 55,4% избирателей, принявших участие в голосовании; против — 44,6%. Таким образом, Черногория провозгласила независимость, что и было признано Сербией и мировым сообществом.

В 1999–2008 гг. бывший автономный край Сербии — Косово управлялся Временной администрации ООН в Косово (UNMIK). В 2008 г. объявлена независимость Республики Косово, получившая частичное международное признание (в том числе в большинстве западных стран).

Азия. На севере Ирака в 2005 г. был создан Курдистанский автономный регион, практически не подчиняющийся правительству Ирака. В ноябре 2013 было создано Региональное Правительство Сирийского Курдистана, практически не подчиняющееся правительству Сирии.

В 2006 году было заявлено о создании Исламского государства Ирак, в 2013 г. стало называться Исламское государство Ирака и Леванта (запрещенное в РФ), в июне 2014 г. в Сирии и Ираке объявлен халифат, контролирующий обширные территории на севере и востоке Сирии, а также на севере и западе Ирака.

До 2005 г. шла гражданская война на острове Суматра в Индонезии между правительственными войсками и сепаратистами Движения

свободы Ачеха, начавшаяся в 1976 г. К 2009 г. непризнанное государство Тамил-Илам, образованное в 1993 г. на северо-востоке Шри-Ланки, утратило контроль над территорией, на которую претендовало. Таким образом закончилась гражданская война между правительством и организацией «Тигры освобождения Тамил-Илама», начавшаяся в 1983 г.

В 2006 г. на северо-западе Пакистана был провозглашен непризнанный Исламский Эмират Вазиристан. В 2010 г. на юго-западе Филиппин провозглашен непризнанный Султанат Сулу. В 2011 г. в южном Йемене был создан самопровозглашенный Исламский Эмират Абьян.

В 1988 г. Организация Освобождения Палестины провозглашает Государство Палестина, получившее широкое дипломатическое признание, в том числе Статус государства-наблюдателя ООН (29 ноября 2012 года). В 2007 г. организация ХАМАС вооруженным путем захватила контроль над сектором Газа. 6 января 2013 Палестинская Автономия официально переименована в Государство Палестина (но не признана Израилем).

В Восточном Тиморе еще в 1975 г. была провозглашена его независимость от Португалии, но через 9 дней в страну вторглись части индонезийской армии, и Восточный Тимор был объявлен 27-й провинцией Индонезии. В 1999 г. под давлением ООН в Восточном Тиморе был проведен референдум по вопросу самоопределения. В результате 78,5% населения высказались за независимость. Страна с 1999 по 2002 г. была под временным управлением переходной администрации ООН. В 2002 г. провозглашается независимость Демократической Республики Восточный Тимор (Тимор-Лешти).

Америка. В 2004 г. в Гаити совершен государственный переворот, возглавленный «Революционным фронтом сопротивления Артибонита». Мятежники заняли север страны, почти все крупные города и окружили столицу. На севере страны провозглашается государство Артибонит.

С 2010 г. Нидерландские Антильские Острова прекратили свое существование и распались на части. На острове Бонайре в 2004 г. был проведен референдум, большинство проголосовавших выступили за поддержание тесных связей с Нидерландами. С 2006 г. подписано соглашение с Нидерландами о том, чтобы стать муниципалитетом Нидерландов. С 2010 г. Бонайре, Синт-Эстатиус и Саба (или Карибские Нидерланды) — специальные муниципалитеты (автономные территории) Королевства Нидерландов. В 2009 г. на референдуме жители острова Кюрасао высказались за отдельный субъект в Королевстве Ни-

дерландов. С 2010 г. Кюрасао является автономной частью Нидерландов, также как и голландская часть острова Синт-Мартен.

Африка. На Коморских островах остров Нзвани (Анжуан) окончательно вернулся в состав федерации. Он становился непризнанным независимым государством в 1997–2002 и 2006–2008 гг.

После распада Сомали в 1991 г. было образовано несколько самопровозглашенных государств. В 2004 группа сомалийских исламистов, действующих на юге Сомали на осколках Союза исламских судов, когда вся власть в Сомали оказалась в руках Временного Федерального правительства, провозгласила Исламский Эмират Сомали (Джамаат Аш-Шабааб). В 2006 г. в центре Сомали создано Сомалийское Государство Галмудуг; в 2008 г. — Химан и Хэб. В 2010 г. на северо-востоке — Республика Авдаленд; в 2011 г. на юго-западе Азания и Сомалийское Государство Джубаленд; в 2012 г. на севере — Сомалийское Государство Хатумо (в 2008–2009 гг. Сомалийское Государство Нортленд; в 2010–2012 гг. — Сул, Санааг и Айн).

В 2011 г. в результате гражданской войны при военной поддержке ряда стран НАТО и их арабских союзников правительство в Ливии было свергнуто. В 2012 г. на территории провинции Киренаика, а в 2013 г. на территории провинции Феццан были провозглашены автономии, не признанные центральными властями страны.

В Судане переговоры между повстанцами на юге страны и центральным правительством в 2003–2004 гг. формально завершили 22-летнюю гражданскую войну, и в 2005 г. Южный Судан получил автономию. Кроме того, он получил право после 6 лет автономии провести референдум о своей независимости. В результате 98,8% населения высказались за независимость. Таким образом, Республика Южный Судан в 2011 г. провозгласила независимость от Судана.

В 2012–2013 г. на части Мали существовало непризнанное государство Азавад, на части Центральноафриканской Республики в 2015–2016 гг. — Республика Логоне.

Океания. В 2005 г. в Папуа — Новой Гвинее остров Бугенвиль получил статус автономного региона, который до того был непризнанным государством с 1990 г. и назывался Республика Мекамуи, в 2005 г. преобразованное в Королевство Мекамуи.

Непризнанные государства возникают в многонациональных странах как в результате сепаратистских движений, так и из-за передела национально-государственных границ, «разрезающих» ареалы проживания народов [10].

Согласно С. Маркедонову, частично признанные государства — это государства, «не признанные ООН, но признанные государства-

ми — членами ООН» [11], таким образом, их участие в международных отношениях ограничено правовым полем признающих их государств.

Как пишут В.Н. Холина и А.С. Наумов [10], на политической карте мира в течение XX в. существовали около 120 непризнанных государств, провозглашенные на территории почти 60 стран. Некоторые из них существуют де-факто уже долгое время и по сей день, но не признаны международным сообществом де-юре (например, Тайвань или Северный Кипр).

Многие многонациональные государства подвержены риску сепаратизма, в том числе такие, как Индия, Мьянма, Украина, Испания и др. Непризнанные и частично признанные государства могут и не обозначать полную независимость или международное признание как конечную цель. Риск распада государства зависит от таких факторов, как геополитические, демографические, исторические, экономические, культурные, политические.

Литература

1. Все страны и территории мира: Новый географический справочник ЦРУ. Екатеринбург; М., 2009.
2. Rulers. URL: <http://www.rulers.org>
3. World Statesmen.org. URL: <http://www.worldstatesmen.org>
4. Википедия — свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org>
5. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник. М., 2001.
6. Макошев А.П. Политическая география и геополитика: Учебное пособие. Горно-Алтайск, 2005.
7. Родионова И.А., Холина В.Н. Политическая карта мира: Пособие по географии для поступающих в вузы. М., 1998.
8. Соколов С.Н. Классификация непризнанных и частично признанных государств мира // Познание стран мира: история, культура, достижения: Сборник материалов II Междунар. научно-практ. конф. (Новосибирск, 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 24–35.
9. Соколов С.Н. Непризнанные и частично признанные государства на политической карте мира // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы II Всерос. научно-практ. конф. (Нижегород, 2013 г.). Нижегород, 2013. Ч. V. С. 43–45.
10. Холина В.Н., Наумов А.С. География для школьников и абитуриентов: политическая карта мира: Пособие для учащихся. М., 2004.

11. Маркедонов С. СНГ: Война за «свою» землю // Полит.ру. 3.08.2005. URL: <http://www.polit.ru/article/2005/08/03/outflow>

Х.М. Турьинская
Федерализм versus сепаратизм: африканский опыт

Суверенное государство по-прежнему, несмотря на появление новых наднациональных и внетерриториальных акторов, является главной политической единицей в современном мире и основным субъектом международного права и международных отношений. Проблема суверенитета остается ключевой для понимания процессов, происходящих в мировой политике на меж- и внутригосударственном уровнях. Это в полной мере относится к феномену сепаратизма, который является фактором не только внутренней, но и внешней политики, поскольку воплощает стремление к самоопределению и отделению региона от существующего государства и к образованию нового суверенного государства, претендующего на признание его остальными государствами в качестве юридического лица и полноценного субъекта международного права.

В мировой политической практике принято также делить государства по типу территориально-политического устройства на «унитарные» и «федеративные». Сепаратизм существует в тех и в других, и сепаратистов далеко не всегда вдохновляет именно федеративная идея. Либо федерализация — недостаточная мера для выполнения требований сепаратистов. Либо сепаратисты не удовлетворены уже имеющимися в государстве федеративными инструментами и не видят перспектив дальнейшего совершенствования федеративной системы в стране. Между тем в политической теории бытует мнение о прямой взаимосвязи между федерализмом и демократией. А также о том, что только («справедливо устроенный») федерализм может дать адекватный ответ на сепаратистские вызовы [1]. Даже если сепаратизм — не более чем шантаж, инструмент политического давления региональных политических элит на центральную власть без стремления к реальному отделению [2].

Очевидно, что рассматривать федерализм — как идею и как практику — невозможно в отрыве от проблемы суверенитета, а точнее, его не/делимости. Ряд исследователей напрямую увязывают понимание федерализма с пониманием суверенитета. Полагают, что суверенитет принадлежит составным частям федерации, либо что суверенитет делят между собой федеральный центр и субъекты федерации. Еще одна позиция состоит в том, что суверенитетом обладает только федераль-

ный центр, поскольку о едином государстве можно говорить лишь в том случае, если оно обладает полным суверенитетом. Французский правовед Леон Дюги выразился радикальнее: с точки зрения понятия суверенитета «нельзя создать юридически удовлетворительную конструкцию федерального государства» [3, с. 531–532]. Во французской традиции федерализм «невообразим» и приравнивается к анархии. Л. Дюги прямо противопоставлял федерализм и суверенитет [4, с. 283–284]. Некоторые исследователи пытаются высвободить рассуждения о федерализме из «объятий» сопутствующих теорий (суверенитета, государства и права) и предлагают изучать федерализм «в чистом виде», ибо федерация — это вообще «не государство». Предлагается покончить с идеей о «плавающих границах» определяемого понятия и отказаться от «мутного» взгляда на федерализм как на одновременно и «некоторый уровень единства», и «некоторый уровень децентрализации» [5, с. 91].

Федералисты, представляющие разные исследовательские традиции, пытаются свести воедино всевозможные мнения и «раз и навсегда» дать четкое определение федерализма через понятие суверенитета либо вовсе абстрагируясь от этой проблемы. О безуспешности попыток точно определить федерализм свидетельствует стабильно возрастающий поток литературы по теме. Между тем федеративная практика разнообразнее, чем федеративная теория. Подобное положение вещей подтверждает мысль о том, что мы имеем дело с очередным примером конвенциональности термина, употребляемого в нескольких научных дисциплинах и широко используемого в обыденной практике: «все примерно понимают, о чем идет речь», то есть о широкой автономии региона и о гипотетическом сценарии его «развода» с центром, желательно мирного. Договориться между собой по поводу общего понимания федерализма не могут, например, не только политологи и юристы, но и политологи внутри своего «цеха». «Нет определения — нет и понятия» [6, с. 8].

Если признать, что государственный суверенитет не делится, и субъекты федерации не могут обладать суверенитетом, то федерализм юридически невозможен. Реально ли быть одновременно и вместе, и раздельно: страны объединились, но «не совсем и временно»? Возможны ли два суверенитета на одной и той же территории, два уровня государственности, «государство в государстве», несколько суверенных государств в границах единого суверенного государства? Как такое — «федеративное» — политическое образование может иметь два или несколько равных центров силы, обладающих правом окончательного решения по каким-либо вопросам? Неслучайно лишь государ-

ство — унитарное или федеративное — как целое и как обладающая международной правосубъектностью единица (а не отдельный регион как часть федеративного государства, субъект федерации) может выступать в качестве стороны в рассматриваемых в Международном суде ООН судебных делах, решения по которым обязательны для исполнения.

Автономия регионов существует и в так называемых унитарных государствах, причем в некоторых из них она значительно шире, чем в ряде так называемых федеративных государств. Можно ли считать, что федерализм — это конституционно (в отличие от унитарных систем) подразумеваемая, потенциально допускаемая и фактически реализуемая возможность «торга» регионов с центром? Реальность часто не совпадает с текстом конституции, поэтому в политической теории и практике одни и те же страны могут называться одновременно унитарными и региональными (сильно децентрализованные унитарные государства, «devolved states», например, Великобритания, Италия) либо региональными и федеративными (например, Испания, ЮАР), хотя в конституциях этих стран нет упоминания о федеративном принципе государственно-территориального устройства.

С другой стороны, государство, в соответствии с буквой конституции считающееся федеративным, в действительности оказывается «по духу» унитарным. Это, например, африканские федерации, Венесуэла, Индия и другие страны, политические системы которых относят к «незападным формам федерализма» и называют квазифедеративными («дефекты фикции»?). Но и на «Западе» мы видим не одну модель, а целую «гамму» федерализмов как более или менее децентрализованных систем. Даже в таком «образцовом» федеративном государстве, как США, политические представления администрации «не являются ни космополитическими, ни федералистскими. США делают ставку на государственный суверенитет... и на односторонние меры по обеспечению своих национальных интересов» [7, с. XLVIII].

Маловероятно, что федеральный центр позволит техасским сепаратистам добиться отделения нефтедобывающего региона от Соединенных Штатов, какой бы долгой, исторически фундированной и политически изощренной ни была борьба Техаса за независимость и за свои «уникальные права», претензии на которые обусловлены особым порядком вхождения штата в состав союза.

Федерализм имеется в виду в тех случаях, когда принципиальное значение придается культурным и историческим «образам» регионов, либо когда автономизация расценивается как путь разрешения «этнических конфликтов» и «национального вопроса», как единственно

возможный способ сохранить культурные различия, понимаемые в качестве безусловной самоценности. Федерализм априори считается более демократичной, чем унитаризм, моделью, предпочтительной для культурно сложных государств, поскольку в них «автоматически» возникает проблема меньшинств, а разнообразие рассматривается как конфликтогенный фактор, который требует институционального «ответа». Вместе с тем, очевидно, любую страну можно считать культурно сложной. При этом за «притязаниями культуры», как правило, скрываются определенные политические и экономические интересы групп, да и сами культуры отнюдь не гомогенны.

С точки зрения периферии «центр ассоциируется с агрессивностью, силой, стремлением к унификации, стабильностью, благополучием, упорядоченностью, предсказуемостью, освоенностью и самодостаточностью... Центр — концентратор разнообразия и сложности, периферия — фрагментированное, но стремящееся к простоте пространство...» [8, с. 101]. Однако сепаратисты, вступающие в противоборство с центром, не могут предложить «чудесного разрешения противоречий», возникающих при сосуществовании различных культурных групп. Добившись отделения «своих» территорий и придя к власти в новообразованных государствах, они зачастую сами сталкиваются с оппозицией в лице новых «меньшинств» или «большинства», дискриминируемых и недовольных положением дел. Сепаратистские движения, претендуя на демократический суверенитет, сами оказываются не в состоянии обеспечить соблюдение прав человека [7, с. 26].

С другой стороны, федерализм видится как выражение политической фрагментации, как прямой путь к сепаратизму и дезинтеграции государства, как вынужденный компромисс. Отсюда намеренное избегание использования федеративных механизмов, а именно автономии. И если к федеративной модели обращаются, то предпочитают не называть ее федеративной, опасаясь «раздавать авансы» региональным элитам. В таких ситуациях и заходит речь о квазифедерализме, или децентрализации.

Вышесказанное касается и Африки. В отношении этого континента существует стереотип: все страны демонстрируют разнообразие в социально-культурном плане, поэтому федерализм им «показан», настоятельно рекомендован. В описаниях африканских систем территориально-политического устройства царит тот же концептуальный плюрализм. Исследователи полагают, что на сегодняшний день в Африке нет ни одной «настоящей» федерации, и даже «классические» конституционные федерации — Нигерия и Эфиопия — в действительности представляют собой квазифедеративные политические образо-

вания [9, с. 80–81], дисфункциональные системы, федерализм «на бумаге», федерации без федерализма.

Сепаратистские движения на Африканском континенте действуют и в унитарных (Сенегал, Мали, Ангола, Алжир, Ливия, Марокко, Нигер и др.), и в региональных/децентрализованных (ЮАР, Судан, Кения, Камерун, ДРКонго, Танзания), и в федеративных (Нигерия, Эфиопия, Коморы, Сомали) государствах. Случаи же сецессии — через референдум, с образованием новых государств, которые получают официальное признание и членство в ООН, — единичны, являются результатом многолетней вооруженной борьбы регионов против центрального правительства и подкрепляются специальными культурными и историческими аргументами.

В 2011 г. отделился от Судана нефтедобывающий Южный Судан, который в первой половине XX в. управлялся британской колониальной администрацией в качестве «закрытой» христианской территории отдельно от северных мусульманских районов, а в составе независимого Судана с 1972 г. располагал автономией. С 1950 г. бывшая итальянская колония Эритрея являлась субъектом Федерации Эфиопии и Эритреи, которая в 1962 г. была упразднена эфиопским императором, что и спровоцировало эритрейский сепаратизм. Затем Эритрея находилась в составе Эфиопии в качестве провинции, с 1987 г. автономной. Отказавшись от участия в новой эфиопской системе «этнического федерализма», Эритрея в 1993 г. осуществила «мирную» сецессию и тем самым отрезала Эфиопии выход к морю. Вооруженный пограничный конфликт между двумя странами продолжается.

Пример терминологического хаоса в описании политической системы и связанной с этим противоречивости и подвижности оценок ситуации с сепаратизмом/сецессионизмом — занзибарский вопрос в Объединенной Республике Танзания [10]. Сепаратизм на Занзибаре «вошел в традицию» и обострился в связи с перспективой получения и распределения доходов от добычи разведанных на танзанийском шельфе запасов углеводородов. Пользующийся политической, экономической и культурной автономией Занзибар требует как минимум признания Танзании федеративным государством, в котором архипелаг вернет утраченную государственность и получит статус партнера, равного с материковой частью страны. Радикальные сепаратисты требуют полного отделения на том основании, что Занзибар до объединения с Танганьикой в 1964 г. был суверенным государством. Парадокс заключается в том, что различные политические силы, опираясь на двусмысленные трактовки законов и исходя из собственных интересов, неодинаково представляют федерализм и место Занзибара в поли-

тической системе ОРТ. Танзания — одновременно и «союз», и «асимметричная федерация», и «региональное», и «унитарное» государство, и «одна страна», и «две страны», то есть «конфедерация». Позиции варьируют от «Занзибар растворился в Танзании» до «Занзибар — независимое государство».

И в федеративных, и в региональных (децентрализация оговорена в тексте конституции) государствах Африки автономия регионов формальна, не наполнена реальным содержанием. Политическая культура «становящихся» африканских наций подразумевает сильный центр и высокую степень централизации власти в государстве. Связь сепаратизма с федерализмом условна, а то, что понимается под термином «федерализм», не является ответом на сепаратистские устремления. Вопрос, в чьих интересах отделение той или иной территории в определенный исторический период и в конкретной ситуации, имеются ли для этого внутренние и внешние ресурсы, и не больше ли выгод сепаратистам принесит не сецессия, а ограниченная автономия и перманентный торг с центральной властью под лозунгом борьбы за «подлинный» федерализм.

Литература

1. Bauböck R. Why Stay Together? A Pluralist Approach to Secession and Federation // Institut für Höhere Studien (IHS), Wien: Reihe Politikwissenschaft / Political Science Series. No. 51. 1997.
2. Филиппов В.Р. Сепаратизм реальный и иллюзорный // Сепаратизм и его роль в мировом политическом процессе: интернет-конференция Алтайской школы политических исследований (АШПИ), 1 апреля — 30 июня 2016 г. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3787>
3. Федерализм: Энциклопедия. М., 2000.
4. Barrera G. Confederation, Federal State, and Federation: Around Louis Le Fur // The Ashgate Research Companion to Federalism. Farnham, 2009.
5. Beaud O. Théorie de la Fédération. P., 2007.
6. Элез А.Й. Критика этнологии. М., 2001.
7. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003.
8. Реут О.Ч. Политика империи и государственный суверенитет // Дневник АШПИ. № 29. Барнаул, 2013.
9. Steytler N., de Visser J. «Fragile Federations» and the Dynamics of Devolution // Federalism as Decision-Making: Changes in Structures, Procedures and Policies. Leiden, Boston, 2015.

10. Турьинская Х.М. Квазифедерализм в Африке: Объединенная Республика Танзания // Федерализм в Африке: проблемы и перспективы. Federalism in Africa: Problems and Perspectives. М., 2015.

П.В. Ульянов
Польский сепаратизм в контексте
военного противостояния трех империй
в период Первой мировой войны

Особенность войны между государствами имперского типа заключается в проблеме национально-территориальных переделов, в результате которых приграничная территория в период их противостояния представляет собой важный стратегический участок фронта, как для нападающей стороны, так и для обороняющейся. При этом жители областей, находящихся в подданстве воюющих стран и вынужденных бороться друг с другом, имеют право на три альтернативных варианта действия. Первый сводится к тому, что народ поддерживает сторону, в подданстве которой находится. Во втором варианте он примыкает к «вражеской стороне», войска которой впоследствии оккупируют область. В третьем случае в народе распространяются сепаратистские настроения, за счет которых агитаторы призывают людей не поддерживать ни «имперский центр», ни силы «врага».

В качестве исторического примера рассмотрим польский сепаратизм и его роль в период Первой мировой войны как альтернативный вариант действий жителей Польши через призму военного противостояния трех государств имперского типа (России, Германии и Австро-Венгрии) на Северо-западном (Польском) участке фронта.

Территория Польши входила в состав Российской империи с момента последнего ее раздела в 1815 г. Несмотря на ее автономный статус в принятой в 1815 г. конституции, царское правительство пыталось удерживать область в своих границах. Кризисными ситуациями были восстания 1830 и 1863 гг., после которых со стороны «имперского центра» предпринимались репрессивные меры, а после второго восстания были упразднены признаки автономии. В других областях, отошедших к Пруссии (западные земли Великой Польши с городом Познань и польское Поморье) и к Австрии (южная часть Малой Польши, большая часть Червонной Руси и аннексированный город Краков в 1846 г.), также имели место признаки сепаратизма. Так, в марте 1848 г. в Познани поляки выдвинули программы автономии и независимости из-за нежелания оставаться в составе будущего единого германского государства [1, с. 461–462].

В начале Первой мировой войны Польша стала Северо-Западным (Польским) участком Восточного фронта, где проходила борьба между российскими, германским и австро-венгерскими войсками, по которому линия фронта разделяла территории самой Польши, Галиции и Познани. Поэтому важная роль польского сепаратизма заключалась в реализации идеи по созданию независимой страны и объединению всех ее земель. В принципе, царское правительство пообещало объединить российскую часть Польши с польскими землями Германии и Австро-Венгрии после войны и вернуть статус автономии [2, с. 8–9]. Эти тезисы стали применять авторы российских листовок, призывавших поляков на борьбу с немцами как с «лютыми врагами славян» [3, с. 292], предрекая повторение событий Грюнвальдской битвы [4, с. 291]. С другой стороны, немецкие пропагандисты, гарантируя свободу, независимость и неприкосновенность по отношению к полякам и победу над российскими войсками [5, с. 262, 263; 8, с. 263], обещали освободить их от «русского владычества» [6, с. 263]. Вдобавок к пропаганде присоединились и австро-венгерские агитаторы, предлагавшие нечто подобное [7, с. 185].

На территории российской части Польши в поддержку России выступили представители Национально-демократической партии Р. Дмовского, желавшие объединить все польские земли с получением статуса автономии в унии с Россией. Противоположной точки зрения придерживались члены Польской социалистической партии (ППС) Ю. Пилсудского, считавшие, что объединение земель произойдет при условии поражения России в войне. Но, несмотря на разногласия польских партий в выборе между двумя альтернативами, польские пропагандисты стали подталкивать жителей Польши, Познани и Галиции к третьему сепаратистскому варианту действия в сочетании с антироссийскими настроениями.

Следуя в русле сепаратизма, польское объединение «Союз организаций независимости», призывало не поддерживать Россию, не идти на братоубийство, а включиться в борьбу за независимость [8, с. 188–189]. Их поддерживали ППС вместе с «Крестьянским союзом» и предостерегали соотечественников от поддержки «москалей» как «носителей самодержавия» [9, с. 191–192]. С такими же идеями выступала общественная организация «Польская конфедерация», припоминая январское восстание 1863 г., призывала рабочих не отвечать на призывы «жадной Москвы», ибо Россия, по их мнению, ничего кроме порабощения не несла [10, с. 192–193]. Соответственно, общая идея организаций на территории российской части Польши сводилась к проявлению антироссийских настроений с уклоном в сторону сепаратизма, не прибегая к помощи Германии и Австро-Венгрии, хотя поддержка последних подразумевалась.

лась. При этом роль польского сепаратизма заключалась в выборе поляками собственных взглядов на сложившуюся обстановку в российско-германских отношениях.

Другой вариант борьбы за независимость предлагали польская национальная фракция австрийского Рейхстага «Польское Коло» и группа легионеров-независимцев из «Польских легионов», во главе которых стоял польский офицер Ю. Пилсудский. «Коло» призывало принять сторону Австрии в борьбе с «московским господством» [11, с. 190], а легионеры — отказаться от братоубийства и бороться против «угнетателя», то есть России [12, с. 194–195]. Схожую позицию занял прогерманский «Союз польского народа», вдохновленный идеями марксизма, который проявлял агрессивное отношение к «самодержавной России», начавшей войну под давлением «партий капиталистов». Следовательно, польская пропаганда за пределами российской части Польши, ориентировалась на второй вариант действия в сочетании с идеями сепаратизма, роль которого заключалась в создании независимого польского государства при помощи иностранных держав.

Таким образом, польский сепаратизм открыл дорогу немецким и австрийским агитаторам и пропагандистам, отчего российская пропаганда была безрезультативной. Ко всему прочему решающую роль сыграло «Великое отступление» российской армии из Польши в 1915 г. В итоге второй вариант создания польского государства был реализован с помощью Германии, в лице кайзера Вильгельма II, издавшего 5 ноября 1916 г. манифест о создании на территории только российской части Польши Королевства Польского. Россия, несмотря на военное время, со своей стороны выступила с протестом против этого акта, сославшись на нарушение международного права [13, с. 52]. Но факт остался фактом, и к власти в новом государстве пришел Временный государственный совет, хотя реальная сила была в руках немецкого генерал-губернатора Г. фон Безелера. В принципе, некоторые обещания Германия и Австро-Венгрия выполнили, дав новой стране валюту, собственную армию, родной язык и конституцию, принятую 12 сентября 1917 г., по которой власть принадлежала монарху и двухпалатному парламенту. Правда, оккупация Польши немецкими войсками вызвала негативную реакцию со стороны поляков, сводившуюся теперь к призыву не поддерживать «род крестоносцев» и «тевтонов-захватчиков» [14, с. 203–204], а «вспомнить» о России как о «преданной польской союзнице» [15, с. 205]. И, тем не менее, Россия в лице Временного правительства, а затем и большевиков после событий октября 1917 г. признала право Польши, оккупированной немецкими войсками, на самоопределение [16, с. 23;

17, с. 31], но лишь вторые отменили международные акты четырех ее разделов [17, с. 31].

По окончании Первой мировой войны и с распадом Австро-Венгрии Польша освободилась от немецкой оккупации, и всю полноту власти в ней получил Ю. Пилсудский. Поскольку по Версальскому договору Польша приобрела большую часть немецкой провинции Познань и часть Померании, а по Сен-Жерменскому договору — Западную Галицию, то у новой власти появилась идея возродить Речь Посполитую в границах 1772 г. («от моря и до моря»). Это привело к серии вооруженных конфликтов польской армии с ВС Западно-Украинской народной республики и РККА Советской России.

Таким образом, польский сепаратизм как третий вариант действий, в сочетании со вторым вариантом, после Первой мировой войны привел к созданию независимой Польской республики в результате прекращения существования трех империй. Следуя в русле явления «сепаратизма», польский народ сумел осуществить некоторые идеи по созданию государства и объединению земель, не без помощи держав-победительниц Великобритании и Франции, хотя при этом возникли национально-территориальные проблемы как на границе с Германией и Советской Россией, так и с государствами, образовавшимися после распада Австро-Венгерской империи.

Литература

1. Бонвеч Б., Галактионов Ю.В. История Германии. Т. I. С древнейших времен до создания Германской империи. М., 2008.

2. Воззвание. К полякам // Иванов Ю.В. Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. 1914–1945 годы. М., 2014. С. 8–9.

3. Поляки // Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны / авт.-сост. А.Б. Асташов. М., 2012. С. 290–301.

4. Воззвание Верховного главнокомандующего русской армией // Пропаганда... С. 290–301.

5. Обращение к полякам // Пропаганда... С. 262–265.

6. Поляки // Пропаганда... С. 262–265.

7. Призыв к полякам // Пропаганда... С. 185–186.

8. Соплеменники // Пропаганда... С. 187–206.

9. Товарищи и братья крестьяне! // Пропаганда... С. 187–206.

10. Польская конфедерация. Братья рабочие // Пропаганда... С. 187–206.

11. Обращение «Польского Кола» в Вене // Пропаганда... С. 187–206.

12. Сородичи и будущие товарищи по оружию // Пропаганда... С. 187–206.

13. Kumaniecki K.W. Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty. 1912 — styczeń 1924. Warsz., 1924.

14. Голос беженца-поляка из Калишинской губернии к братьям полякам завоеванной Польше // Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны / авт.-сост. А.Б. Асташов. М., 2012. С. 187–206.

15. Ответ на манифест Вильгельма // Пропаганда... С. 187–206.

16. Воззвание к польскому народу // Иванов Ю.В. Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. 1914–1945 годы. М., 2014. С. 22–23.

17. Иванов Ю.В. Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. 1914–1945 годы. М., 2014.

С.А. Усольцев
Религиозные факторы иудейского сепаратизма
в восстании 66–70 гг.

Антиримское восстание в Иудее 66–70 гг., называемое также Иудейской войной, стало серьезным вызовом для Империи и катастрофой для Иудеи. Говоря о жертвах, Иосиф Флавий, участник и историкограф этих событий не скупился на цифры. Так, количество погибших во время резни в Кесарии он оценивает в 20000 человек (ВJ. II, 18, 1), количество погибших в Иерусалиме — 1100000, количество пленных — 97000 человек (ВJ. VI, 9, 3). На подавление мятежа было брошено 60000 солдат Рима и союзников (ВJ. III, 4, 2). Даже если учитывать склонность Иосифа к преувеличению, можно сделать выводы о серьезных масштабах восстания. Фанатизм некоторых повстанческих групп поражал современников. Иосиф рассказывает о массовых самоубийствах zelотов, не желающих сдаваться римлянам. Война закончилась для иудеев разгромом, разорением, разрушением Иерусалима и Храма, антисемитской реакцией. В ряду других антиримских выступлений, Иудейская война выделяется религиозной окраской, обилием групп боевиков [1, р. 37–63], разнообразными террористическими акциями, фанатизмом смертников — все это не только добавляет злободневности, но и делает тему отличным субстратом для спекуляций, как антисемитских, так и сионистских. Соблюдая осторожность при оперировании штампами и ярлыками, попробуем составить представление о природе антиримского восстания в Иудее 66–70 гг. и проследить динамику религиозных мотивов повстанческого движения.

Попытки дать оценку характеру восстания предпринимались разными исследователями в рамках различных подходов [2, с. 20–21]. Ча-

сто иудейское восстание рассматривается прежде всего как национально-освободительное (националистическое [3, р. 355–357]) движение с ярко выраженными чертами религиозной войны [4, кол. 978]. Г.М. Лившиц, верный последователь теории классовой борьбы, настаивал, что корни Иудейской войны — в классовых противоречиях в самой Иудее. Народные массы восстали против эксплуататоров: римских чиновников и иудейской аристократии [5, с. 232–233]. По мнению М. Штерна, восстание в Иудее скорее было национально-освободительной войной, однако в немалой мере носило характер социального возмущения. Особенно ярко социальный характер движения виден в деятельности радикальных групп, породивших вождей, которые объявляли себя мессиями [6, с. 176]. Самым массовым народным движением в годы войны было выступление Симона сына Гиоры, популярного лидера мятежного крестьянства. Он, как и Иоанн Галилеянин, был поставлен священниками и ведущими фарисеями для командования провинциальными отрядами [7, р. 120]. Е.М. Смеллвуд охарактеризовал его как лидера террористической группы, который имел «программу, включающую социальную революцию в интересах бедных» и использовал верные ему отряды для грабежа богатых [8, р. 301]. М. Гудман полагал, что провозглашение Симоном освобождения рабов и прощения долгов не составляло социальной программы, а было тактическим ходом, направленным на достижение победы [9, р. 219].

К восстанию в Иудее трудно приклеить ярлык и однозначно охарактеризовать его как движение за отделение от Рима и создание собственного государства, или как социальный бунт, или как религиозную войну. Из сочинения Иосифа Флавия можно увидеть, что в Иудее действовали разные группы интересов: эллинизированные общины городов; коллаборационисты; умеренные, к которым относился сам Иосиф; радикалы различного толка, готовые воевать в том числе и друг с другом. И нельзя сказать, что какая-то из этих групп выражала настроение подавляющего большинства хотя бы на определенном этапе. Можно ли вообще говорить об иудейском восстании как о сепаратистском движении?

Необходимо посмотреть, как воспринимает восстание наш главный источник, Иосиф, какие понятия он использует для обозначения происходящего. Во второй главе Иудейской войны читаем: «Едва потушена была эта вспышка (выступление лжепророка из Египта. — С.У.), как появилась другая, точно в больном организме воспаление переходит с одной части на другую. Обманщики и разбойники соединились на общее дело. Многих они склонили к отпадению (ἀποστάσις), воодушевляя их на войну за освобождение (ἐλευθερία)...» (ВJ. II, 13, 6). Этот отрывок мы привели в качестве иллюстрации, потому что здесь рядом встреча-

ются такие примечательные понятия, как ἀπόστας — отпадение, измена, расстояние, промежуток [10, с. кол. 178] и ἐλευθερία — свобода, независимость [10, с. кол. 412]. От слова ἀπόστας происходит современное английское “apostasy” — отступничество, слово употребляемое часто в религиозном контексте [11, р. 34]. В латинском переводе Иудейской войны употреблено слово “defectio”, в частности, в отрывке (BJ. II, 16, 1), в котором прокуратор Гесий Флор обвинил иудеев в отпадении. В ответ на обвинения Флора, «множество иудеев» отправилось к Агриппе с требованием отправить к императору Нерону посольство с тем, чтобы возразить на обвинения Флора, дабы их молчание не укрепило подозрения в их отпадении. Здесь Иосиф тоже употребляет слово ἀπόστας (BJ. II, 16, 3).

Агриппа, который боялся восстания, выступил перед народом с речью. В передаче Иосифа эта речь выглядит весьма ярким призывом забыть о свободе и смириться с римским господством. Мечты о свободе, сказал Агриппа, — это безумство, ибо у иудеев нет достаточных сил и средств, чтобы всерьез противостоять Риму. Даже свободолюбивые афиняне, господствовавшие над Элладой, разбившие на море Ксеркса, даже лакедемоняне, у которых были Фермопилы и Платеи, живут указаниями из Италии и мирятся со своей участью (BJ. II, 16, 4). Восемь раз Агриппа употребил слово «свобода» (ἐλευθερία) и три раза — «отпадение» (ἀπόστας). Вернее сказать, Иосиф вложил в уста Агриппы эти слова. Как подчеркивала Т. Раджак, повествование Иосифа — плод заднего ума [12, с. 81], поэтому содержание данной речи можно принимать за истину в целом, но в деталях — это скорее идеи самого Иосифа [12, с. 97]. Всего в Иудейской войне слово ἀπόστας встречается 29 раз в одном и том же контексте.

Наиболее близко подобраться к пониманию сущности восстания можно, анализируя его начало. На начальном этапе дают о себе знать предпосылки и причины, через которые проявляется природа явления. Собрать воедино все причины восстания пытались еще Иосиф Флавий и Тацит. С тех пор сложилась немалая историографическая традиция, которую вкратце освещает в своей диссертации Ю.К. Рогова [2].

В пятой книге Истории Тацит настаивал на том, что природа восстания иудеев в их религиозной нетерпимости и обособленности, которые приводили к конфликтам с римскими властями. Главным же виновником восстания Тацит называет прокуратора: «Терпение иудеев длилось, пока прокуратором не стал Гесий Флор, тогда началась война...» (Hist. V, 10). Здесь Тацит солидарен с Иосифом Флавием, который лично на Флора возлагал вину за развязывание конфликта в Самарии. Более того, Иосиф обвинял Флора в сознательной и злонамеренной провока-

ции с целью вызвать волнения (ВJ. II, 15, 3). Недовольный затуханием конфликта, Флор объявил представителям народа, что желает, чтобы они в знак примирения торжественно встретили две когорты, идущие в Иерусалим. Когорты получили инструкции применить оружие в случае любого оскорбительного слова из толпы. Все закончилось избиением жителей Иерусалима и открытым мятежом. Вслед за этим прокуратор обвинил иудеев в сепаратизме, причем Иосиф настаивает, что обвинение было ложным, направленным только на то, чтобы дать новую пищу войне (ВJ. II, 16, 1). Настоящим же началом антиримской войны следует считать отказ священников храма принимать любые дары от неиудеев, это означало прекращение жертв за римлян и императора. По мнению Иосифа Флавия, это событие даже более значимо, чем уничтожение римского гарнизона крепости Масада (ВJ. II, 17, 2).

Иосеф Телушкин полагал, что главная причина восстания — неуважение римлянами религиозных обычаев евреев, периодические оскорбления, выражаясь современным языком, их религиозных чувств. Критическим моментом стало посольство к Калигуле, который был раздражен отказом иудеев признавать божественность императора и пообещал иудейским делегатам разрушить храм. Только смерть Калигулы тогда не дала развиваться конфликту. Й. Телушкин подчеркнул, что действия Калигулы радикализировали самых умеренных евреев [13, с. 106–107]. М. Гудман отмечает, что патриотизм иудеев тесно сплетен с национальной религией, и их политическая активность, вероятно, более чем у других народов мотивирована религиозными идеями. Тем не менее, не стоит забывать, что и эллины, и римляне тоже воевали именем своих богов [9, р. 16].

О том, как причины восстания сплелись из явных объективных конфликтов [14, р. 215] и трудноуловимых римлянами религиозных мотивов, говорит сообщение Иосифа об ожидании Мессии. Главное, что мотивировало zelотов — пророчество, которое Иосиф называет двусмысленным, пророчество о человеке из Иудеи, который станет владыкой мира. Иосиф и сам был не чужд некоторого мистицизма. По крайней мере, он считал допустимым делать ссылки на пророчества при анализе исторических фактов. Не исключено, что этот прием — всего лишь, попытка заигрывать с теми, кто симпатизировал Флавиям, ведь царь из Иудеи, по мнению Иосифа — это Веспасиан, избранный императором в иудейской земле (ВJ. VI, 5, 4).

Начало войны выглядит как массовый бунт, в котором как в котле варятся разные мотивы, цели, интересы. Е. Смеллвуд отмечал, что, по крайней мере, на первом этапе восстания идея национального объединения для освободительной войны еще не сформировалась и у каждого на

уме были свои резоны [8, р. 302]. Только в самом конце войны, во время осады Иерусалима, конфликтующие между собою лидеры объединились против римлян. По мнению Г.М. Лившица, именно в ходе войны восстание приобрело характер сепаратистского движения, во многом благодаря стремлению аристократии добиться для себя большей власти в провинции. И Веспасиан отреагировал на этот запрос раздачей гражданских прав провинциалам [5, с. 285–296].

Как нам видится, основной тренд развития конфликта в Иудее описывает следующую траекторию. Задолго до восстания в Иудее, в целом покорной, действуют маргинальные группы религиозных фанатиков, готовых на решительные действия против Рима и на теракты против коллаборационистов. Маргинальность этих ревнителей-зелотов имеет тенденцию превращаться в мейнстрим по мере того, как Римские власти ущемляют религиозную свободу иудеев, отталкивая элиты. После конфликта в Кесарии между эллинизированной общиной и иудеями, при подстрекательстве со стороны прокуратора начинается восстание. На этом этапе у восставших нет общего представления о целях и методах борьбы. Элиты занимают умеренную позицию, но уничтожаются радикалами. Радикальные банды имеют разные социальные и политические программы и группы поддержки, но находят и точки схождения: национализм, религиозный мистицизм, готовность объединиться для борьбы с Римом. Кульминацией стало падение Иерусалима и массовое самоубийство защитников Масады. Трагизм последних событий Иудейской войны показывает, что из всех целей восстания на первое место к 70 году выходит борьба за национальную и религиозную независимость Иудеи от Римской империи.

Литература

1. Horsley R.A. Josephus and the Bandits // *Journal for the Study of Judaism*. Vol. 10. Iss. 1.
2. Рогова Ю.К. Рим и иудеи в период ранней империи: К проблеме взаимодействия античной и древнееврейской цивилизаций. Дисс. ...канд. ист. наук. СПб., 2006.
3. Mendels D. *The Rise and Fall of Jewish Nationalism*. N.Y., 1997.
4. Иудейская Война I // *Краткая еврейская энциклопедия*. Т. 3. Иерусалим, 1994.
5. Лившиц Г.М. *Классовая война в Иудее и восстания против Рима*. Минск, 1957.
6. Штерн М. *Период второго храма* // *Очерки по истории еврейского народа* / Под ред. С. Эттингера. Тель-Авив, 1972.
7. Horsley R., Hanson J. *Bandits, Prophets and Messiahs*. N.Y., 1985.

8. Smallwood E. M. The Jews Under Roman Rule: From Pompey to Diocletian. Leiden, 1981.
9. Goodman M. The Ruling Class of Judaea: the Origins of the Jewish Revolt Against Rome A.D. 66–70. Camb., 1987.
10. Греческо-русский словарь, составленный А.Д. Вейсманом. Изд. 5-е. СПб., 1899.
11. Woodhouse S.C. English-Greek Dictionary. A Vocabulary of the Attic Language. Oxf.; L., 1910.
12. Раджак Т. Иосиф Флавий. Историк и общество. М.; Иерусалим, 1993.
13. Телушкин Й. Еврейский мир. М.; Иерусалим, 1995.
14. Seland T. Establishment Violence in Philo and Luke: A Study of Non-Conformity to the Torah and Jewish Vigilante Reactions. Leiden; N.Y.; Köln, 1995.

I.V. Demidova

Migrants' Integration: Problems and Solutions
Интеграция мигрантов: проблемы и решения

Introduction

It is estimated that 250 million people currently live outside their country of origin, many having moved for a variety of reasons in which the search for protection and the search for opportunity are inextricably entwined. [3]. For Russia this is a topical issue because it has involved the country in three aspects: as a host, transit and departure country. Mass influx of migrants into the cultural and political environment cause concern among local residents and contribute to the growth of extremist nationalist views, including on religious grounds. Proper measures need to be taken quickly in cases like these to minimise the damage.

Categories of migrants

There is no universally accepted definition for the word migrant as the term migrant is commonly understood to cover all cases where individuals decide to migrate for reasons of personal convenience and without intervention of an external compelling factor. The word is applied to people moving to another country or region to better their material or social conditions and improve the prospect for themselves or their family. There are several distinct categories of migrants:

— documented migrant (a person who entered a country lawfully and remains in the country in accordance with his or her admission criteria);

— economic migrant (a person leaving his or her habitual place of residence to settle outside his or her country of origin in order to improve his or her quality of life for the purpose of employment, asylum seeking, etc.

— irregular (undocumented, clandestine) migrant (a person who, owing to unauthorized entry, breach of a condition of entry, or the expiry of his or her visa, lacks legal status in a transit or host country. The term may also cover those migrants who have entered a transit or host country lawfully but have stayed for a longer period than authorised or subsequently taken up unauthorized employment).

— skilled migrant (a migrant worker who is usually granted preferential treatment regarding admission to a host country because of his or her skills or acquired professional experience);

— temporary (contract) migrant worker (a skilled, semi-skilled or untrained workers who remain in the destination country for definite periods as determined in a work contract with an individual worker or a service contract concluded with an enterprise) [5, c. 58].

Push and pull factors for migration

Migration is often analysed in terms of the push-pull model, which looks at the push factors, which drive people to leave their country (such as economic, social, or political problems) and the pull factors attracting them to the country of destination.

Push factors are the reasons why people leave an area (lack of services or safety, war, poverty, crop failure, flooding, drought, high crime, etc.)

Pull factors are the reasons why people move to a particular area (good climate, political and economic stability, higher employment, better services, less crime, lower natural risk from hazards, more fertile land, etc.) [5, c. 59–60].

Economic benefits of migration

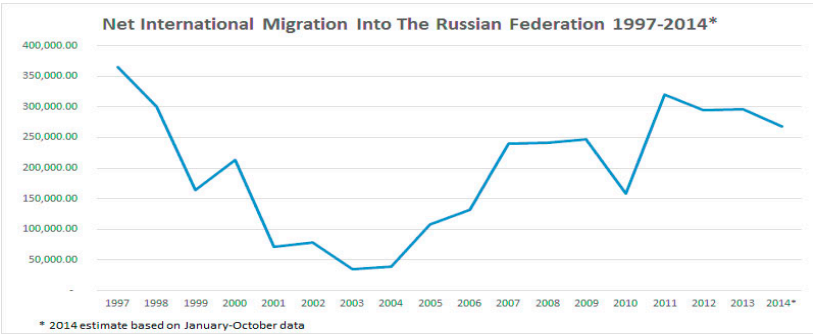
The global economy is approaching a demographic shock: the working-age populations of many developed economies are going to decline. As a result, numerous organisations will be unable to find enough employees in their home markets to sustain profitability and growth. For instance, the United States will need to add 26 million workers by 2030 to sustain the average economic growth of the two past decades (1988–2008) unless a technological breakthrough replaces manpower, while Western Europe would need to add 46 million employees. In Germany in 2030, there will be 50 people aged 65 and over for every 100 working age. Today, that ratio is 34 % [1].

In the first quarter of 2015, the natural decline of Russia's population (the difference between the number of deaths and births) reached 34,584 people, 13 percent more than in the first three months of 2014. There simply

are not enough Russians to do the mostly menial jobs that migrants do. Supporters of the mass migration say that migrants are a welcome boost for Russia's flagging labor force. The Russian Federation faces a labour gap and ageing workforce: statistics says that from 1993 to 2010 Russia's population decreased from 148, 6 to 141, 9 million. An increasing labour force and birth rate act as a counter-balance. If the existing trends do not change, Russia's population will be from 100 to 107 million by 2050. It is going to be a catastrophic disaster for such a big country, on the territory of which there are 40% of the world's natural resources. To maintain GDP growth of 4% to 6% a year we need to have workforce of 80-90 million people. Influx of migrants could help the country mitigate the effects of their shrinking, aging population. Russia's population consists of 24% pensioners and objectively we cannot give up inviting immigrants. [4, c. 78-79].

Considering Russia's birth and death rates we will have to continue to attract guest workers from the CIS countries — failing to do so would make a sharp contraction in the workforce inevitable. For most of the past decade Russia has actually been one of the largest net importers of labour in the entire world. Through their sheer numbers and, more importantly, through their ability to help offset the damage of the 1990's "demographic hole," immigrants have become enormously important to Russia's economics, politics, and society and integrating them has been an enormous challenge.

Mark Adomanis describes the dynamics of labour migration into Russia (1997-2014). He states that until recently migrant workers were moving to the Russian Federation in growing numbers: in 2013 the level of net migrants was one of the highest since 1990-s. However, in 2014 migration started to taper off — "the net level of migrants is on pace to shrink by 10%"

[1].

From a broad perspective, due to the ruble collapse, fewer people from the CIS-countries are choosing to move here. This trend is going to have an inevitable ripple effect on economic and demographic prospects.

Adaptation of migrants to the host's country culture

Adaptation is a process of change and adjustment to new environmental conditions. Adaptation of migrants can be defined as the process of fitting in to the society of settlement and functioning successfully in a new environment.

Three distinct aspects of intercultural adaptation have been identified:

1. Sociocultural adaptation, which is based on the culture learning approach and reflects the ability to engage in constructive interaction with a different culture. Sociocultural problems are caused by initial, external events, such as immigration and a different cultural environment.

2. Psychological adjustment, which facilitates the individual's sense of wellbeing, positive appraisal of situations and general satisfaction with life. Psychological adaptation has been considered an important issue for immigrants' health, as previous research has consistently demonstrated that immigrants suffer from higher levels of emotional distress and poorer mental health than the host populations. Poor adaptation patterns among immigrants relate to increased levels of depression, anxiety, low self-esteem, and other psychological problems.

3. Practical, everyday adjustment, which involves the most important tasks immigrants have to face such as experiencing a language barrier, financial hardship, inability to confirm their qualifications and get an adequate job [2].

All these factors may result in unemployment or engagement in low-skilled and low-paid jobs which put them in the low-income strata of the society. A new environment and language difficulties often cause significant isolation from the society, which manifests itself through a lack of understanding of cultural traditions and social norms, no contact with the host population and, as a result, a very secluded life. Although there is no agreement on how to define and measure adaptation while moving from one culture to another, it has been suggested that most migrants go through initial culture shock, which has significant consequences for their wellbeing. The extent and outcomes of this culture shock and following adaptation may depend on many factors, from cultural distance to migration motivation and expectations [3].

Acculturation is based on the extent to which the culture of origin is being maintained or preferred, and the extent to which the new host culture is adopted. On the basis of the interaction between these two dimensions, 4 different acculturation strategies can be employed:

— Integration. It means preserving the heritage together with acquiring some characteristics of the host culture. The strategy of integration predicts more positive outcomes in psychological and sociocultural adaptation;

— Assimilation. It is the strategy that relinquishes the ethnic heritage and substitutes it with the new, acquired cultural identity;

— Separation involves maintaining the culture of origin and rejection of the culture of settlement.

— Marginalization refers to a rejection of the both the culture of settlement and the culture of origin.

Marginalization and separation are often associated with poor adaptation, which can lead to serious psychological disturbances, including clinical depression, anxiety, and other mental disorders.

Several specific measures aimed at solving the problems migrants face may be proposed:

— Developing a programme for establishing in migrant workers' native countries integrated migration centres for systematic recruitment of workforce (especially skilled workers) for employment abroad.

— Creating integrated migration centres in order to structure and systematise the influx of migrants on the basis of methodical selection and employment, probably following the suit of campuses in which workers may have assistance during the period of adaptation to the new environment.

— Analysing the targets and outcomes of adaptation,

— Implementing the model of acculturation considering different aspects that play a role in the acculturation process. These aspects may include some personal factors (reasons for migration, language fluency, acculturation strategies, and cultural identity) and situational factors (length of contact, cultural distance, social support).

Coping Strategies for anti-migration appeal

Economists promise the potential economic benefits of migration while many local residents are concerned about their ability to cope with newcomers and the strain they place on public services. Migration is thought to cause a decline in the average level of wages and an increase in product and housing costs, erode national borders and cultural identity and violate the established civilisations balance in the region and the world at large. Economic difficulties enhance the growth of nationalist and xenophobic attitudes among local residents towards immigrants. Migrant workers are often exposed to discrimination, trafficking, labour right abuses, unfair treatment, poverty, lack of access to justice, racial profiling, etc. Both external and internal migration fed into a vast network of corruption (migrants bribed policemen to prevent getting fined or arrested for registration violation; businesses bribed the authorities to prevent getting raided, etc.). If the state

wants the labour migrants to come here, it needs to decide what measures that promote labour migration can be taken, how to attract people with the necessary skills and how to guarantee their adaptation. A system for analysing labour market needs must be created to assess which skills are missing from the labour market and how many people with such skills are required.

Several different although linked policy developments are needed in special areas:

- low cost housing with hygienic facilities;
- educational institutions for migrants and their families;
- medical facilities;
- sanitation;
- support to civil society organizations;
- limiting wage competition, forcing the employer to pay retroactively the prevailing collective bargaining or minimum wage for the work performed by the migrant,
- setting serious penalties, including imprisonment for illegal employment;
- increasing adaptation financing [6].

Conclusion

There will often be substantial cultural differences between migrants' home countries and their destination country — differences which go well beyond differences in languages. Cultural adaptation and integration is not a one-way-street: the host country population will also have to adapt and be open to new cultures. To minimise friction and conflict and to foster mutual understanding and integration, it is important to educate both migrants and the host country population about their different cultures and values. Adaptation and integration take time and may even be fully achieved only in the second or third generation, it should be seen as a long-term process that needs to be encouraged and supported continuously.

Considering substantial levels of migration, the state has to implement reforms national wisely and in suitable proportions as levers for improving the outlook of its economic development. The goal is to have enough people with the skills and knowledge required for economic development in our state. If Russia wants to be successful in the international competition for attracting people who have the capacity to generate income, it has to guarantee for such people a suitable working and living environment.

References

1. Adomanis M. Immigration into Russia is on Pace to fall by 10% // Forbes. URL:

<http://www.forbes.com/sites/markadomanis/2015/01/02/immigration-into-russia-is-on-pace-to-fall-by-10/#799b652a393c>

2. Annan K. 4 steps to managing migration with compassion // World Economic Forum. 15. 06. 2015. URL: <http://www.weforum.org/agenda/2015/06/4-steps-to-managing-migration-with-compassion>

3. Davis N. Global agenda council on migration. 2016 // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/communities/global-agenda-council-on-migration>

4. Демидова И. Migration. Is it a threat or an opportunity? // Материалы международной научно-практической конференции «Общество и этнополитика» в трех частях. Часть 1. Новосибирск, 2015. С.77–82.

5. Демидова И.В. Миграция зло или благо? // Сборник тезисов докладов и статей международной научно-практической конференции российских и зарубежных университетов и РЭУ им. Г.В. Плеханова при участии представителей государственных и муниципальных органов власти «Государственное регулирование миграционных процессов и межнациональная политика как факторы обеспечения стабильности в современном мире: российский и зарубежный опыт». М., 2015. С. 58–62.

6. Семина В.В. International Organization for Migration as a Participant of Migrants' Integration // Политика, государство и право. 2016. № 2. URL: <http://politika.snauka.ru/2016/02/3730>

T. Rocchi

Separatist, Autonomist, and Regionalist Political Parties and Movements in Europe: Continuity and Change

Separatist, autonomist, and regionalist political parties first emerged in Europe in the late 19th century. There are now dozens of such parties and movements in Europe, including overseas territories of European states, Turkey, and the successor states of the former Soviet Union, Czechoslovakia, and Yugoslavia [1].

Ethnic minority parties are nationalist parties seeking independence or autonomy to ensure a minority's free development in its own nation-state. Ethnic identities and nationalism are the creations of the changes in Europe since the French Revolution. Regionalist parties seek autonomy or independence to preserve a region's distinct identity. Regional identities developed before ethnic identities in Europe. Nationalities continually emerge as people's consciousness of ethnic identity evolves and as people make a decision to form a nationality by which they identify themselves. Hans Kohn

noted that “nationalities are products of the living forces of history, and therefore always fluctuating, never rigid. Nationalities are groups of very recent origin and therefore are of the utmost complexity” [2, p. 13–14].

A fairly rare phenomenon is the presence of separatist and autonomist parties among ethnic majorities in nation-states. Spain has Castilian movements. The Russian Soviet Federative Socialist Republic declared its own sovereignty in 1990 within the Soviet Union, one of the last union republics to do so.

Beginning in the late 19th century, separatist and autonomist parties predominated in multi-ethnic empires in Eastern Europe such as Austria-Hungary and Russia. Between 1882 and 1925, there were nearly 300 political parties in the Russian Empire; they included 60 nation-wide parties (общероссийские партии) such as Constitutional Democrats, Socialists-Revolutionaries, Bolsheviks, Mensheviks, and about 230 ethnic minority parties (национальные партии). Few parties had programs, organized networks, and newspapers. They tended to be intelligentsia circles [3, 9] and spanned the political spectrum from right to left [4].

A geographic shift from Eastern Europe to Western Europe is one major change in the history of separatist, autonomist, and regionalist parties. The Internet site *Parties and Elections in Europe*, compiled by German constitutional lawyer Wolfram Nordsieck, lists parties in parliaments of European countries and regions. Parties with descriptions of “separatism”, “minority interests”, and “regionalism” are mostly found in Western European countries such as Spain, France, Italy, and the United Kingdom [5].

There are several reasons for this geographic shift. Article 280.1 of the Russian Criminal Code bans separatist activities aimed at violating the territorial wholeness of the Russian Federation [6]. In Western Europe, separatist, autonomist, and regionalist parties oppose centralizing policies in their own states and they often regard the European Union as a super-state that not only violates sovereignty of member-states, but also keeps centralizing states in power. Euroscepticism—hostility to the European Union—spans the political spectrum in Europe. One can argue that Eurosceptic parties of all tendencies are nationalist and separatist parties that want independence from the European Union.

A major change since the late 19th century is that separatist, autonomist, and regionalist parties in Europe now form part of a complex political party structure. There are four major types of parties in Europe. They include: (1) separatist and autonomist parties within states; (2) regionalist parties in states. Both types of parties function both at national and local levels; (3) national parties of individual states; (4) European Political Parties also called Euro-Parties or Pan-European Political Parties. Euro-Parties are

European federations of national and regional political parties based upon ideology. Members include parties in European Union member states and from other countries. These parties field candidates for the European Parliament elections held every five years. Voters throughout the European Union vote for candidates from Euro-parties. Members of the European Parliament from different Euro-Parties then form Political Groups based upon ideology.

European parties also belong to political internationals—international federations of parties grouped by ideology. There are also many associations of ethnic minorities throughout Europe that are not classified as political parties. These associations often represent minorities' interests in dealing with governments. Ethnic minority associations take on a role as quasi-political parties or movements. A major minority organization is the Federal Union of European Nationalities. Special organizations exist for Roma, Sinti, and Travellers (nomadic peoples) and for indigenous peoples [7].

Another change in the history of minority and regionalist parties has been the emergence of the Internet as a major form of communication. Sites for parties contain large amounts of current full-text material including programs and position papers. However, the Internet has certain disadvantages particularly the tendency of sites to come and go. Parties can exist on the Internet even if they represent a few followers or only an individual. An Internet presence is not an automatic indicator of a party's numerical strength or electoral success or abilities to shape politics in a country.

There are at least two news sites covering separatist, autonomist, and regionalist parties and movements. They include *Nationalia*, sponsored by the Generalitat (regional government) of Catalonia, Spain [8] and *Springtime of Nations* by American ethnographer Chris Roth. Both sites strongly suggest that a new «springtime of the peoples» is on the horizon, a phenomenon not seen in Europe since the revolutions of 1848-1849 [9].

Just as in the 19th century, separatist, autonomist, and regionalist parties in Europe span the spectrum from right to left. This phenomenon is a warning against associating nationalism exclusively with the far right, fascism and national socialism. The biggest Euro-Party representing minority and regionalist parties is the European Free Alliance (EFA). The EFA emphasizes that it is «an umbrella organization that gathers 40 progressive nationalist, regionalist and autonomist parties throughout the European Union (EU), representing stateless nations, regions, and traditional minorities in Europe» [10]. Other minority and regionalist parties belong to the European People's Party (Christian Democrats); European Green Party; the centrist Alliance of Liberals and Democrats for Europe. Belgium's *Vlaams Belang* (Flemish Interest) and Italy's *Lega Nord* (a northern Italian sepa-

ratist party) belong to the far right Movement for a Europe of Nations and Liberty. There are separatist Communist parties in the breakaway republics of Transnistria, Abkhazia, and South Ossetia [11].

Attempts by separatist parties to form political internationals of their own have proven unsuccessful. Conflicting nationalism of the parties is undoubtedly one major factor. The oldest separatist international is the Unrepresented Nations and Peoples Organization (UNPO), formed in 1991. The UNPO has few European members while others have dropped out of the organization after obtaining independence [12]. The Anti-Globalization Movement of Russia made a virtually farcical attempt to form a separatist international in late 2015 [13].

Separatist, autonomist, and regionalist parties have been part of the European political scene since the late 19th century. They still span the spectrum from right to left, but they have undergone many changes. These parties are an integral part of a multi-tiered European political party structure and they have international connections. Many of them are Eurosceptic which means that they oppose policies both of their nation-states and the European Union. The rise of the Internet has allowed them to share their views with larger audiences. The numerous ethnic minority and regional organizations, now functioning as quasi-political parties can always evolve into full-fledged parties.

The biggest change has been the geographic shift of these parties from Eastern Europe to Western Europe. Eastern Europe has traditionally been an area of ethnic nationalism where nationality is often identified with ethnic origin. Civic nationalism has generally prevailed in Western Europe where nationality is identified with citizenship in a nation-state. Separatist, autonomist, and regionalist parties are expressions of how people identify themselves—with an ethnic group or a region instead of to a nation-state. As Hans Kohn noted, nationalities are products of the living forces of history, and therefore always fluctuating, never rigid.

If one looks at the long list of separatist, autonomist, and regionalist parties and movements in Europe in the second decade of the 21st century, one might conclude that Europe is disintegrating along ethnic and regionalist lines. This would be the impression looking at the lists of parties compiled by Wikipedia, the free Internet encyclopedia [7]. Something different appears to be happening. The presence of these parties can indicate that many Europeans are rethinking how they identify themselves. And this is accompanied by continual debates about defining Europeans and the European identity. What is badly needed is a common European historical narrative of separatist, autonomist, and regionalist parties and movements beginning with the French Revolution and continuing to the present. And even

such a narrative may show considerable changes and continuity in coming years.

References

1. Rocchi T. Separatist, Autonomist, and Regionalist Political Parties and Movements in Europe: a Short Bibliography, 2016 // Academia.edu. URL: <https://independent.academia.edu/TonyRocchi>
2. Kohn H. The Idea of Nationalism: a Study in Its Origins and Background. N.Y., 1961.
3. Зевелев А.И., Свириденко Ю.П., Павлов Д.Б., Степанский А.Д. Теоретико-методологические, историографические и археографические аспекты // Политические партии в России: история и современность. М., 2000.
4. Кривенький В.В., Постников Н.Д., Смирнова М.И. Национальные партии России // Политические партии в России: история и современность. М., 2000.
5. Countries // Parties and Elections in Europe. URL: <http://www.parties-and-elections.eu/countries.html>
6. Уголовный кодекс РФ. URL: <http://www.uk-rf.com/glava29.html>
7. Rocchi T. Separatist, Autonomist, and Regionalist Political Parties and Movements in today's Europe: the Internet Presence, 2016 // Academia.edu. URL: <https://independent.academia.edu/TonyRocchi>
8. Nationalia. Online News about Stateless Nations and Peoples. URL: <http://www.nationalia.info>
9. Springtime of Nations. URL: <http://springtimeofnations.blogspot.ca>
10. What is the European Free Alliance? // European Free Alliance. URL: <http://www.e-f-a.org/about-us/whats-efa-and-history>
11. Союз коммунистических партий — Коммунистическая партия Советского Союза // СКП-КПСС. URL: <http://skpkpss.ru/o-skp-kpss>
12. Members // Unrepresented Nations and Peoples Organization. URL: <http://unpo.org/members.php>
13. Антиглобалистское движение России. URL: <http://anti-global.ru>

V.V. Semina

Separatism in Catalonia: History and Fight for Sovereignty

Introduction

Separatism refers to the advocacy of separation or secession by a group or people from a larger political unit to which it belongs. In modern times, separatism has frequently been identified with a desire for freedom from

perceived colonial oppression [2]. Separatist movement (independence movement) can vary in terms of the context they appear and the reasons of its origins. The majority of states is not homogeneous and they comprise several nations united due to some historical events, political and economic reasons. Nation states are the product of territorial conformation defined by power groups at a given time, and that over the years, could not quell, mitigate or integrate real local identities.

There are several types of separatism:

- Religious separatism. It exists when separatist groups plan to withdraw from the state on the basis of their different religious identity and want to interact only with people of the same religion. (Establishment of Israel, separation of India, Pakistan and Bangladesh).

- Ethnic separatism — on the basis of cultural and linguistic identity (the USSR dissolution, the separation of Czechoslovakia into Czechia and Slovakia).

- Racist separatism — discrimination against people on the basis of their race ('black' separatism in the USA, 'white' separatism in the USA and Europe).

- Geographical and socioeconomic separatism — desire to separate a region and gain sovereignty due to geographical and socioeconomic aspects (the Cascadia separatist movement in the USA).

- Gender and sexist separatism — discrimination of groups of people on the basis of gender and sexual orientation (feminism movement, queer separatist movement) [3].

Regional elections

Due to mass media political crises and fight for independence of Catalonia is under way in Spain, though both parties of the conflict are trying to follow the rules.

Pro-independence parties (called Catalonia's separatist groups) gained the majority of seats in Catalonia's regional government in 2015. Such an outcome of elections could throw the whole country into the struggle for independence and sovereignty.

The Catalan president, Artur Mas, has called early regional government elections for autumn 2015. He has turned those elections into a vote on separating of Catalonia from Spain. If he gets a mandate from the Catalan people, he promises to use it to push Madrid's authorities for a referendum on Catalonia's independence.

Catalonian elections in 2015 show that the nationalist coalition called Junts pel Si (Together for Yes with Artur Mas i Gavarro, a Catalanian's leader, as its member) took 62 seats in the regional Parliament and far-left pro-independence Popular Unity Candidacy party (CUP) gained 10 seats.

The results mean that both of them as an alliance would be able to carry a comfortable majority of 72 seats in case of voting (the Parliament has 135 seats) [1].

That led to the approval of the resolution of Catalonia's getting autonomy from Spain by 72 members of regional Parliament (63 members of Parliament voted against it). Instead of facing the results and making attempts to solve the issue Spanish authorities do not react to such a situation calling Catalonia's actions illegitimate and announced to appeal this decision to Spain's Constitutional Court.

The history

The Catalonia's striving for independence from Spain has a long history. Taking in account the fact of Catalonia becoming the part of Spain only in the 18th century and the Catalan language bearing strong resemblance to French (and almost no resemblance to Spanish) Catalans have made several attempts to gain its autonomy since those times. Civil War of 1936-1939 almost gave them long-awaited results, which then failed after Franco's hispanicizing the country, banning the local press, the Catalan language, putting separatists and pro-independence activists to prison. (Francisco Franco was a Spanish general, the President of Spain in 1938-1973 known as a dictator who established a totalitarian state in Spain). In 1979 Catalonia got back its autonomy and the patriotic slogan "Catalonia is not Spain" is widely spread.

Separatism in Catalonia

In 2009-2010 Catalonia polled several straw votes for its independence and over 90% of the pollees were in favour of Catalonia's gaining sovereignty from Spain.

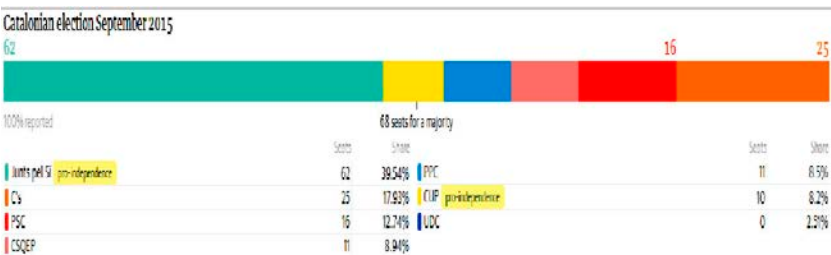
After winning the regional elections in 2012 pro-independence activists ratified the Declaration of Sovereignty which proclaimed Catalonia as a sovereign political and legal subject of Spain and intended to hold a referendum on the issue of sovereignty in 2014. The Constitutional Court of Spain declared the referendum illegal, and then Catalonia's government also approved of such a decision blocking the referendum and canvassing public opinion polls instead.

More than one third of the whole Catalonia's population took part in the straw vote held in November 2014. The results of the poll showed that the majority of Catalans supported Catalonia's autonomy. The vote contained only two questions: "Would you like Catalonia to become a state?" and "If you answered 'yes' to the first question, would you like Catalonia to be an independent state?" About 81 % of voters answered 'yes' to both questions, while 5% replied 'no' and 10% considered that Catalonia should become a state, but not an independent one.

A 2010 decision by Spain’s Constitutional Court to call away a statute giving Catalonia more powers has added fuel to the fire and caused support for independence to rise.

Today separatists hope to get Catalonia’s sovereignty by 2017.

Separatists are playing a long game, with the support of younger generations which they consider to be the key to the pro-independence movement’s future. There are many halfway solutions that could weaken support for a split — from a simple in-out referendum to new tax-gathering rules, a properly federal Spain or a confederation between Catalonia and the rest of the country [1].

Reasons for sovereignty

What reasons stay behind separatists’ striving for sovereignty?

Firstly, Catalonia is an economically developed region of Spain with a fifth of Spain’s gross domestic product, a fourth of the whole state export and a great attraction for tourists though the population is only 16% of the total population. Separatists gained great popularity pointing at real problems of budget distribution. They claim that Catalans lose about 10% of gross domestic product annually in favour of other less economically developed Spanish regions. Moreover, the population tends to be frustrated at the current political and economic situation in the country and lose trust to national institutions and the European Union as a whole. Besides analysts say that separatism is based on the striving of all nations for sovereignty, especially in states where ethnical and political borders are different. Such differences can lead to a conflict as the minority will always take chances to get out of control of the majority taking into account the fact that the majority makes decisions without considering minority’s interests. It is worth mentioning that in Catalonia national consciousness is very strong. They managed to save cultural identity (e.g. local press in the native language, regional historical museums, national holidays, monuments to prominent residents of Catalonia etc.). Finally, the local language is closer to the language spoken in Province, France rather than to the Spanish one.

Who against

Many Catalans are said to be strongly against the independence of the region and the opportunity to gain autonomy from Spain. Businessmen, bankers and manufacturers greatly oppose to Catalonia's sovereignty. Besides executives of many pharmaceutical, sewing, food and other industries announce their readiness to eliminate the capital of their companies from the region. Moreover they fear to lose access to Spanish market and the EU market in case of Catalonia gaining sovereignty. Similar announcements were made by representatives of major bank institutions located in Catalonia; among them are Caixa and Sabadell. They reason that the financial crisis awaits Catalonia in the nearest future due to the inavailability to use the services of the Central Bank, its exit of the EU and the outflow of deposits from banks.

There are also pro-Spanish activists in Catalonia itself. They insist that the issue of Catalonia's independence and the amendments to Constitution could be considered only at a nationwide referendum throughout all Spanish regions.

Reaction of Spain

Spanish Prime Minister Mariano Rajoy is certain that the resolution of Catalonia's sovereignty will have no further consequences. He plans to appeal against it in the Constitutional Court as Spanish Constitution does not allow the division and separation of the state and the exit of any regions (there are no such statutes in the Constitution). Reacting to the agreement, Spain's conservative government immediately issued a statement emphasizing the importance of forming a new national government with "an ample parliamentary base" in order to "face the separatist challenge". Spanish government also made an announcement calling all former straw votes held in favour of Catalonia's sovereignty a farce. Prime minister Mariano Rajoy's conservative Popular Party is trying to form a coalition in order to stay in power after losing its absolute majority in parliament in legislative elections [4].

More conservative representatives of Spanish society claim Spanish government to use the statute 155 of the Spanish Constitution. The statute lets the government halt the regional autonomy and introduce the direct governing from Madrid in case of the strong violation of the state laws by local authorities. The Secretary of Defence Pedro Morenes confirmed that the government would be ready to apply the statute 155 against separatists and use any actions in order to save the unity of the state.

Moreover Spanish Prime Minister Mariano Rajoy hopes to get support of the world community. According to him German Chancellor Angela Merkel, British Prime Minister David Cameron and US President Barack Obama are said to oppose the breakup of Spain. That means that pro-

independence separatists have no international acclaim and support. Both hope the European Union to help settle up the conflict in a peaceful way as in case of sovereignty Catalonia will have to lose the EU membership without the right to get an access to the EU membership again short-term prospects.

References

1. Kassam A. Catalan Separatists Win Election and Claim It as Yes Vote for Breakaway // The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/sep/28/catalan-separatists-win-election-and-claim-it-as-yes-vote-for-breakaway>
2. Separatism // The Canadian Encyclopedia. URL: <http://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/separatism/>
3. Patil K. Separatism Explained with Examples // The Buzzle. URL: <http://www.buzzle.com/articles/what-does-separatism-mean-with-examples.html>
4. Tremlett G. Catalonia's Separatist Government will Struggle to Break Stalemate with Spain // The Guardian. 11.01.2016. URL: <http://www.theguardian.com/world/2016/jan/11/catalonias-separatist-government-will-struggle-to-break-stalemate-with-spain>

3. СЕПАРАТИЗМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.В. Бредихин

Трансграничное сотрудничество непризнанных государств на постсоветском пространстве

Тенденции глобализации в современном мире способствуют появлению новых политических акторов, стремящихся к международному признанию. Их работа направлена на процесс государственного строительства, ведение внешнеэкономической деятельности, вхождение в политические и военные блоки с иными государствами.

Появление непризнанных государств на постсоветском пространстве было обусловлено распадом СССР и «парадом суверенитетов», который прошел в большей части бывших союзных республик. Среди причин их появления можно назвать национализм доминирующей нации, ирредентизм с народами соседних республик, в том числе и проблему разделенного русского народа, экономическую ситуацию в стране, стремление национального большинства к вхождению в наднациональные образования, в частности в Европейский союз, что влечет раскол в обществе и ущемляет права национальных меньшинств.

На сегодняшний момент многие из непризнанных республик осуществили процедуру взаимопризнания, было создано Содружество непризнанных государств (СНГ-2), а Абхазия и Южная Осетия получили государственное признание от Российской Федерации, Никарагуа, Венесуэлы и Науру. Вануату и Тувалу, под давлением США и Грузии, впоследствии отзывали свое признание. Нагорно-Карабахская Республика в настоящее время среди признавших ее регионов имеет штат Новый Южный Уэльс (Австралия), штаты Род-Айленд, Массачусетс, Луизиану, Мэн, Калифорнию, Джорджию и Гавайи (США).

Как видим, процесс признания непризнанных государств на постсоветском пространстве не ограничивается исключительно государствами, но и возможен благодаря позиции крупных регионов Австралии и США. Данная тенденция, на наш взгляд, соответствует духу «европейского регионализма» (Европейская хартия местного самоуправления, 1985 г.) и отражает права нации на самоопределение. При этом характерной чертой выступает «замороженность» конфликтов с бывшей метрополией и возможность перехода их в «горячую стадию»,

как было в недавних карабахско-азербайджанских отношениях и в условиях войны в Донбассе.

Новые государства постсоветского пространства не живут в системе «изоляции» и не строят закрытых экономик. Как и для любого государства, для них характерна приграничная деятельность, ведение экономических отношений с соседями. Но большая часть республик этим не ограничивается, организует культурные, социальные, экологические контакты. Немалую роль играет сохранение и развитие постсоветской идентичности и связи с Российской Федерацией [1, с. 318]. Важным вопросом выступает проблема интеграции непризнанных государств в такие образования на постсоветском пространстве как СНГ, ОДКБ, Таможенный союз, Евразийский экономический союз [2, с. 23].

Наднациональные образования государств бывшего СССР, в частности ЕАЭС, формируются по принципу принятия лучшего опыта от других транснациональных проектов. От Европейского Союза ими был взят опыт локальной интеграции, направленной на «снятие барьеров» между приграничными регионами и муниципалитетами. В качестве соответствующего института использовались еврорегионы, имеющие своей целью создание единого экономического и социокультурного пространства во многих случаях под единым политическим управлением.

Непризнанные государства, в частности Донецкая и Луганская народные республики сегодня имеют опыт деятельности в рамках еврорегиона «Донбасс» [3, с. 34]. Несмотря на то что официальным Киевом прекращена работа по линии всех российско-украинских еврорегионов, некоторые гуманитарные проекты совместно с Ростовской и Воронежской областями Российской Федерации они все же ведут: начиная от размещения беженцев и заканчивая вопросом восстановления Донбасса.

По аналогии, подобный еврорегион возможно создать Армении с непризнанным Нагорным Карабахом. Трансграничное образование выступит логичным продолжением созданного в 2009 году еврорегиона «Евро-Кавказ» (грузинские Дманиси, Болниси, Марнеули и Ниноцминда и армянские Тавуш, Лори и Ширак), благодаря которому два грузинских муниципалитета уже сейчас вовлечены в процесс евразийской интеграции. Еврорегион будет способствовать решению проблемы непризнанного Нагорного Карабаха, так как его участниками, согласно духу европейского регионализма, могут выступить как общественные объединения, так и территориальные общины и иные субъекты международного права.

Реализация процесса интеграции Абхазии и Южной Осетии в СНГ и ЕАЭС возможна при создании совместных еврорегионов Абхазии с Краснодарским краем и этнически близкой Республикой Адыгеей, и в рамках создания единого аланского пространства Южной Осетии и Северной. Подобный вариант еврорегиона «Кавказ» в 2008 году рассматривался Советом Федерации [4], однако тогда не был реализован.

Приднестровская Молдавская Республика, не имеющая общих границ с Российской Федерацией, оказалась в ситуации окружения еврорегионами, созданными Украиной со странами Европейского Союза («Верхний Прут» и «Днестр»). Она предлагает свой вид интеграции с ЕАЭС. Это создание евразийских регионов — трансграничных образований не связанных с приграничным аспектом, но имеющем культурно-языковое и историческое единство с Россией. Основным вектором сотрудничества в данном случае рассматриваются экономические связи и создание совместных российско-приднестровских инновационных кластеров на территории непризнанной республики.

С другой стороны, возможно рассмотрение будущего сценария развития Приднестровья с точки зрения его ориентира на «Новороссию», в случае реализации событий «Русской весны» по всему Юго-Востоку Украины либо изменению статуса Украины на проевразийское государство. В данной ситуации непризнанная республика в своем стремлении развития сотрудничества с ЕАЭС и проевразийскими государствами не будет одинока и к совместным проектам может присоединиться молдавская автономия Гагаузия, руководство которой неоднократно заявляло о невозможности поддержания курса Кишинева на интеграцию в Европейский Союз и объединение с Румынией. По данным референдума 2014 года, в случае начала Молдавией процесса европейской интеграции, 98,09% проголосовавших высказались за независимость Гагаузии, а 97% поддержали идею вхождения в Таможенный Союз (ЕАЭС) [5, с. 58].

Интересна роль трансграничного сотрудничества в государствах Прибалтики, где в связи с «Русской весной» на Украине, возвращением Крыма в состав России и объявлением независимости Донецкой и Луганской народных республик, были проведены «профилактические» работы с русским населением: социологические исследования, организация телевидения на русском языке, показательные военные учения [1, с. 27].

Литва, Латвия и Эстония входят в общие еврорегионы не только со странами ЕС, но и Российской Федерацией («Балтика», «Нарва-Ивангород» и др.). Эстонская Ида-Вирумаа и латвийская Латгалия рассматриваются Таллином и Ригой в качестве потенциальных сепара-

тистов, потому с 2014 года эти территории находятся под тщательным наблюдением, ведь согласно общепринятым европейским нормам они могут потребовать и получить широчайшую автономию и институты по формированию своих локальных интеграционных образований с Российской Федерацией. При этом Таллин может получить аналогичное развитие ситуации в исторической области Сетумаа, населенной православными сету (псковской чудью), чья территория проживания оказалась разделенной надвое и половина ее находится в Печерском района Псковской области [7, с. 140].

Отсутствие признания со стороны всех государств-участников Евразийского экономического союза создает препятствие на пути интеграции непризнанных государств с евразийским пространством. Решением сложившейся проблемы может выступить европейский опыт, где уже давно активно функционирует Комитет регионов, объединяющий трансграничные образования. Создание подобного органа в структурах Евразийской экономической комиссии позволит не только вовлечь непризнанные государства постсоветского пространства в работу ЕАЭС, но и станет значимым шагом на пути урегулирования многолетних конфликтов.

Литература

1. Штански Н.В. Становление «новой» постсоветской идентичности в «непризнанных государствах» на примере Приднестровья // Безопасность Евразии. 2008. № 2. С. 315–326.
2. Крылов А.Б., Арешев А.Г. Евразийская интеграция: проблемы и потенциал развития // Россия и новые государства Евразии. 2014. № 4 (25). С. 23–33.
3. Бредихин А.В. Перспективы развития еврорегиона «Донбасс» в условиях Центр-Периферийного конфликта на Украине // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 31. С. 29–35.
4. В СФ предлагают создать т.н. еврорегион «Кавказ» для поддержки Южной Осетии и Абхазии // РБК [официальный сайт]. 24.09.2008. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20080926161146.shtml>
5. Биткова Т.Г. Гагаузские альтернативы // Путь к миру и безопасности. 2015. № 2 (49). С. 57–66.
6. Межевич Н.М. Российско-эстонская граница: история формирования и современное значение для развития северо-запада России // Псковский региональный журнал. 2007. № 4. С. 134–145.

А.А. Ковалев
Сепаратизм как прямая угроза
национальной безопасности Российской Федерации

В современном понимании сепаратизм используется в большей степени с пропагандистскими целями. Для того, чтобы дискредитировать противоположную сторону, сторонники центральной власти стараются дискредитировать в общественном сознании само это социально-политическое движение. Таким образом, формируется резко отрицательное восприятие самого термина «сепаратизм». Например, в происходящем конфликте на Востоке Украины это ярко выражено тем, что возникшие проблемные вопросы рассматриваются не с точки зрения политического плюрализма, а с позиции планомерной дискредитации той части населения и территории, которые изъявили протестное социальное и политическое волеизъявление. Именно поэтому фактор сепаратизма активно используется в информационных войнах. При этом часто просто нивелируется тот аспект, что существует международный принцип на самоопределение (в том числе закрепленный в Уставе ООН) [1]. Однако при этом возникает правовая дилемма, так как отсоединение одной части от основной является нарушением целостности государства, но эта коллизия также зафиксирована в Уставе ООН. Возникает некая правовая противоречивость и двойственный взгляд на одну и ту же проблему. Таким образом, не существует четкой позиции по этому вопросу и, как часто бывает в праве и геополитике, баланс определяется как некая сумма критериев, сложенных из исторических и этнических аспектов, которые в результате составляют правовую основу для принятия политических решений и аргументации есть ли у данного сообщества или территории право на отсоединение и самоопределение, или этого же права нет. Конфликтность принятия этого решения заключается в том, что заключение о правомерности происходящих действий формируется внешними сторонами, а не самими акторами конфронтации. Оно навязывается монопольно решениями центральной власти государства, подверженного сепаратистскому конфликту, путем внутри- и внешнеполитического, вооруженного воздействия, или смесью подобных инструментов. Угроза подобных действий заключается в опасности возникновения процессов авторитаризма или геноцида.

Со времен Гая Юлия Цезаря, любая сформировавшаяся структурно элита рано или поздно начинает стремиться к сепаратизму [2]. И характерной особенностью данного процесса является то, что идеи сепаратизма в большинстве случаев начинают воплощать именно элиты, сформированные по этническому принципу. При слабой этнической

национальной элите сепаратизм возможен только в случае целенаправленного контролируемого внешнего воздействия заинтересованных геополитических акторов. Но, таким образом, возникает очередная дилемма. С одной стороны, любое эффективное государственное управление должно формировать и опираться на сформированную фактически селекционным путем национальную или этническую элиту, а с другой — это является потенциальной опасностью в плане возникновения сепаратистских настроений.

В мире происходит постоянный процесс объединения или разъединения стран и территорий. Например, политическая борьба басков или каталонцев в Испании, Квебек в Канаде, противостояние Косово в Югославии, оппозиция Шотландии в Великобритании, самоопределение Крыма в Украине. Таким образом, данные процессы являются естественными и исторически обоснованными, и именно поэтому даже Уставом ООН невозможно предусмотреть однозначную формулу определения, какой процесс происходит в определенном государстве — сепаратизм или, все-таки, объективное самоопределение. Поэтому, несмотря на всю относительность данного явления, оно достаточно инструментализировано, и на практике всегда можно понять, какую позицию примет тот или иной геополитический актор через угол взгляда своих политических интересов. Таким образом, возникает конфронтация второй степени, когда один лагерь принимает сторону центральной власти дестабилизированного государства, а второй лагерь соблюдает либо нейтрально-наблюдательную позицию, либо подключается к активным или вспомогательным действиям по поддержке сепаратистских настроений и действий. Происходящие процессы являются геополитическими, а, соответственно, имеют как сторонников, так и противников, а также массу аспектов, критериев, взглядов, позиций и интересов участвующих и заинтересованных сторон. Поэтому конечный результат выстраивается из комплекса факторов поддержки геополитическими акторами, заинтересованными в информационном, политическом или идеологическом пространстве.

Естественным фактом является то, что двойственность политики в целом, и геополитики в частности, это результат исторической борьбы и лоббирования интересов. Таким образом, возникает угроза внешнего разжигания (в том числе и искусственного), стимулирования или политического и финансового поддерживания сепаратистских настроений, даже при движении вразрез с первоначальными посылами группы сообщества, которые выразили идею самоопределения. В таком случае народ становится заложником интересов внешних интересов и манипуляций.

Часто оценка того или иного государства — результат некоего политического процесса и решений центральной власти, в том числе конституционально-правовых, исторических факторов, заинтересованности геополитических акторов в конкретных случаях децентрализации или централизации. Это динамичный процесс, поэтому однозначного универсального критерия и определения на уровне международных принципов и организаций не может быть по определению. Как уже говорилось, существует два основополагающих принципа — права на самоопределение и права на государственную целостность. И международные структуры и акторы геополитического процесса должны разумно и взвешенно подходить к каждому конкретному случаю проявления таких настроений и связанных с ними действиями.

Так, например, противники проектов ДНР и ЛНР как раз и апеллируют к одной из концепций в Уставе ООН (а именно государственной целостности), полностью игнорируя равноправную ей концепцию самоопределения и волеизъявления. В этом случае ситуация получается все-таки патовой. Но отсутствие выработанных и всесторонне согласованных инструментов по урегулированию подобных конфликтов и противостояния не означает поддержку политики пассивного бездействия, даже несмотря на фундаментальность и очень большую заинтересованность внешних сил в конкретном противостоянии, потому что происходят разновекторные политические процессы. В первую очередь это связано с тем, что та власть, которая сейчас представляет государство Украину, сама, с их же точки зрения, пришла в результате самоопределения и волеизъявления населения страны. И если одним лагерем, поддерживающим данное политическое явление, это называется «революция», то вторым лагерем геополитического противостояния характеризуется как государственный переворот. Как уже говорилось выше, это чисто оценочный фактор, не имеющий определяющего и конструктивного значения.

Украина, в ее разновекторном культурном и историческом значении, могла быть только нейтральным государством, базирующемся на балансе по оси Запад-Восток. Но активное вмешательство внешних сил, эскалирующих проблемные вопросы разности менталитета и исторического прошлого регионов Украины, и несостоятельность собственной национальной элиты спровоцировали возможность социального, гражданского, политического и вооруженного конфликта, который мы наблюдаем. Также, мы наблюдаем в данной конфронтации действие политики двойных стандартов, когда принципиально не признается политическая и гражданская воля на самоопределение ДНР, ЛНР и Республики Крым. И это при условии того, что само государ-

ство Украина возникло в результате как раз процессов самоопределения и волеизъявления граждан, проживающих на территории этого государства в 1991 году.

С целью пресечения подобной деструктивной деятельности, представляющей прямую или косвенную угрозу целостности и национальной безопасности Российской Федерации, на законодательном уровне был предусмотрен ряд документов, методологически обозначающих характер и признаки подобной опасности государству.

Так, в «Стратегии национальной безопасности РФ» [3] одной из основных угроз государственной и общественной безопасности определена деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий с целью распространения различных деструктивных форм идеологии, в том числе и сепаратизма (п. 43). Поэтому с целью обеспечения необходимой степени безопасности предполагается совершенствование структуры и эффективности функциональной деятельности властных органов относительно выявления, предупреждения и пресечения любой деструктивной деятельности внешних и внутренних сил в вопросах проявления сепаратизма (п. 47).

Более четко определены различные виды наказания, связанные с подобной деятельностью в Уголовном Кодексе РФ [4]. Для пресечения подобных мероприятий сформирована статья 280.1, в которой предусмотрена ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации. В частности, отдельным пунктом предусмотрена ответственность за подобную деятельность, совершенную с использованием СМИ или ИКС.

А Военной доктриной РФ [5] прямо предусмотрено определение военной угрозы государству в виде готовности сепаратистских организаций к применению военной силы или насилию (п. 8, часть «в»). Там же к основным внешним военным опасностям отнесена угроза эскалации вопросов территориальных противоречий путем роста идей и деятельности, провоцирующей или поддерживающей сепаратизм.

Выводы. Таким образом, исходя из вышеперечисленного, мы видим, что основным фактором в существовании и эскалации проблематики сепаратизма является именно проблематика неоднозначности трактовки, отсутствия механизмов и методологии определения данного процесса на международной политической арене. Задача научного политического сообщества на сегодня состоит в планомерной, всесторонней, взвешенной разработке и подготовке концепции определения права на самоопределение. В ином случае, эскалация агрессии и деструктивных геополитических процессов захлестнет все регионы мира.

Современные международные отношения требуют кардинальной реструктуризации и формирования новой архитектуры, механизмов и инструментов политических взаимоотношений и международного контроля за геополитическими процессами и соблюдением международных принципов и права.

Литература

1. Устав Организации Объединенных наций. URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>
2. Севастьянов А.Н. Основы этнополитики. М., 2014.
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: [Утверждена Указом Президентом Российской Федерации 31 декабря 2015 г.]
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: [Принят Государственной Думой 24 мая 1996 г.: по состоянию на 13 июня 2016 г.]
5. Военная доктрина Российской Федерации: [Утверждена Президентом Российской Федерации 26 декабря 2014 г.]

С.В. Козлов

Конфликт на Востоке Украины в политической риторике президента П. Порошенко

Для любого государства вопрос об источниках и эффективных каналах собственной легитимации был и остается одним из центральных, поскольку непосредственно связан с обеспечением устойчивого функционирования этих претендующих на монополию легитимного насилия институтов. Особенно остро стоит проблема легитимности перед вновь учрежденными государствами, к числу которых относятся все государственные образования, получившие независимость после распада Советского Союза [1].

Постсоветская Украина в определенном смысле являет собой модельный случай выработки и реализации такого формата символической политики, который направлен на легитимацию новообразуемых институтов и элитных группировок, претендующих на то, чтобы выступать от лица всего политического сообщества. Безусловно, символическая политика не сводится к конструированию национальной идентичности, но в ситуации коллапса советской государственности именно эта задача вышла на первый план. Потребовалось переопределение истории для конструирования и поддержания существования коллективного «Мы» этнических украинцев. Выбор образа коллективного прошлого был продиктован спецификой интересов именно тех

групп, которые определяли векторы суверенизации постсоветской Украины в институциональном и символическом плане [2].

Однако, как со всей очевидностью показали события последних трех лет, осуществление того сценария, который украинские интеллектуальные и политические элиты выбрали для конструирования украинской национальной идентичности, привело к столкновению двух вариантов идентичностей: западно-украинской и восточно-украинской — что в конечном счете обернулось эскалацией гражданского противостояния и институциональной дезорганизацией [3]. Итогом стал вооруженный конфликт на востоке страны, который, то затухая, то разгораясь с новой силой, продолжается уже более двух лет.

В условиях фактического коллапса украинского государства и растущей зависимости его от внешних сил важнейшей задачей киевских властей является легитимация проводимого курса и собственной власти, мобилизация общества, укрепление его солидарности перед лицом существующих вызовов. Очевидно, что различные акторы обладают в поле символической политики разными ресурсами и статусами. Доминантным актором здесь, безусловно, является лидер страны, который персонифицирует символический центр нации-государства. Именно президент Украины претендует на то, чтобы задавать легитимное видение различных событий, одним из важнейших среди которых является вооруженное противостояние в Донбассе.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить особенности репрезентации вооруженного конфликта на Востоке Украины действующим украинским президентом Петром Порошенко. Для осуществления названной цели были проанализированы все тексты публичных выступлений и обращений П. Порошенко, содержащиеся на официальном сайте президента Украины с момента вступления П. Порошенко в должность в июне 2014 г. и до июля 2016 г. включительно. Несмотря на то, что адресаты обращений были различными, рассмотренный нами корпус текстов можно рассматривать как определенное смысловое единство, которое репрезентирует основные идеологемы, востребованные в актуальном для Украины политическом контексте.

Уже в инаугурационной речи П. Порошенко назвал конфликт *«настоящей войной»*, которая была *«спланирована и развязана»*. И хотя в первых выступлениях украинского президента инициатор этой войны не называется, менее чем через 3 недели после вступления в должность он начинает называть «агрессором» Россию. В дальнейшем Россия предстает в риторике П. Порошенко как наследник Российской империи и Советского Союза, который вынашивает *«имперские планы»*, *«желает реанимировать советскую империю зла, реабилитиро-*

вать Сталина, переписать историю», стремится «уничтожить отдельную большую европейскую нацию». Россия для П. Порошенко — это не только хранитель негативного имперского и советского опыта, но и актуальный агрессор, открыто использующий свою военную мощь против Украины. Описывая Парад Победы в Москве 9 мая 2015 г., Порошенко говорит: «под предлогом Великой Победы, армия агрессора будет греметь своей смертельной мощью на весь мир. Некоторые из подразделений всего несколько дней назад были в Донецке и появятся на военном параде в Москве».

Российская агрессия проявляется не только в военной сфере. У нее есть экономическая и идеологическая составляющие. Цель экономической агрессии — *«...истощить Украину — вплоть до полного изнеможения»*. Идеологическую агрессию осуществляют *«современные последователи Геббельса, мобилизованные на информационную войну против Украины»*. Все формы агрессии сплетаются в понятие *«гибридной войны против Украины — военной, информационной, психологической, экономической»*.

Вооруженные противники киевской власти — ополченцы Донецкой и Луганской народных республик — в изображении украинского президента смыкаются с внешним врагом и, как правило, перечисляются через запятую: *«бандиты, террористы и интервененты»*. Актуальный враг имеет обличие *«объединенной дэнээровско-элэнэровской банды и тех, кто за ней стоит, с чьих рук она кормится, кто ее вооружает, строит и вдохновляет на кровавые преступления»*. Стремление интерпретировать внутренний конфликт как *«приски Москвы»* приводит к появлению понятия *«российско-террористических войск на оккупированных территориях Донбасса и Крыма»*. Ополченцы ДНР и ЛНР характеризуются как *«нелюди, для которых, кроме обесцененных рублей, нет больше ничего святого»*.

«Боевикам и террористам» противопоставляется мирное население Донбасса, которое, по словам П. Порошенко, *«сейчас фактически находится в заложниках у боевиков»* и *«под оккупацией»*. Украинский президент постоянно подчеркивает, что украинская нация едина: *«Все идеи сепаратизма были искусственно навязаны Украине извне. Украина является монолитной»*. Он настаивает на том, что гражданский конфликт в Донбассе может быть прекращен при помощи *«перекрытия границ и вывода иностранных войск с нашей территории. Как только войска будут выведены, никакого конфликта не будет. Его не существует. Он — надуманный»*.

Вместе с тем, иногда вскользь упоминаются признаки того, что существуют определенные проблемы как с «правильным» восприяти-

ем живущих в народных республиках сограждан остальными украинцами («Донбасс ...многим из мобилизованных кажется ментально чужим»), так и с восприятием украинского государства жителями Донбасса (так, П. Порошенко напоминает участникам совещания по информационно-патриотическому воспитанию, что на них лежит *«частичная ответственность за возвращение Украины в сознание гражданских жителей Донбасса»*). Впрочем, последнее объясняется воздействием *«кремлевской пропаганды»* и объявляется *«порчей»*.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что население Донбасса выступает в политической риторике П. Порошенко не как субъект политического действия, а как объект восстановления украинского суверенитета. Волеизъявление, осуществленное населением самопровозглашенных республик в ходе всенародных выборов 2 ноября 2014 г., Порошенко называет *«псевдо-выборами»*, *«фарсом под дулами танков и автоматов»*, осуществленным *«оккупантами, бандитами, боевиками»*. Взгляды жителей Донбасса, не укладывающиеся в доминирующий украинский дискурс, просто не подлежат рассмотрению: *«Мы <...> не будем переделывать под это целую Украину, которая является достаточно единодушной в вопросах соборности, территориального устройства, языка, геополитической ориентации»*. Выразителем же чаяний украинской нации, всей Украины, граждане которой *«были, есть и будут единой семьей»*, является сам украинский президент.

Таким образом, вооруженный конфликт на Востоке Украины в политической риторике украинского президента П. Порошенко предстает как акт внешней агрессии со стороны Российской Федерации. Сепаратисты представлены как российские марионетки, а поддержка со стороны населения *«оккупированного»* Донбасса объясняется воздействием российской пропаганды. Население *«народных республик»* лишается политической субъектности и не может выступать как коллективный актор, самостоятельно определяющий свою судьбу.

Литература

1. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.
2. Козлов С.В. Региональные варианты исторической памяти постсоветской Украины // Ценности и смыслы. 2014. № 6 (34). С. 20–31.
3. Березняков Д.В., Козлов С.В. Символическая политика постсоветской Украины: конструирование легитимирующего нарратива // Полис. Политические исследования. 2015. №4. С. 34–45.

С.В. Кротов, В.А. Мелехин, К.П. Рехтина
Сибирский сепаратизм:
истоки и дисфункциональная сущность

Актуальность исследования сибирского сепаратизма связана с обеспечением экономической, национальной и социальной безопасности Российской Федерации, что напрямую связано с сохранением её территориальной целостности и особенно такой жизненно важной территории, как Сибирь.

Любые проявления сепаратизма несут потенциальную или реальную угрозу целостности государства, граждане которого по-прежнему переживают социальную драму, связанную с крушением СССР. Напомним, что одной из политических идей, выступившей обоснованием развала СССР, является тезис о предоставлении этносам права самим определять уровень своего суверенитета; это ли не экспликация для сибирских сепаратистов?

Обеспечение государственной безопасности и благополучия населения России предполагает сохранение Сибири, богатой природными ресурсами и представляющей собой территорию, превышающую по площади всю зарубежную Европу, в качестве неотъемлемой части государства. Предотвращение угрозы современного сибирского сепаратизма и снижение степени его опасности является одной из важнейших задач, стоящих в настоящее время перед народом и властью. Сейчас это особенно актуально на фоне мировых вызовов, когда НАТО во главе с США сокрушает одно государство за другим (Ирак, Ливия, попытка свержения законного правительства в Сирии).

Определенные круги, как зарубежные, так и внутри России, на протяжении последней четверти века выдвигают различные версии создания так называемых Сибирских Соединённых Штатов. Так, с определенной периодичностью известный государственный деятель и авторитетный американский геополитик, идеолог З. Бжезинский говорит, что ничего страшного не произойдет, если современная Россия самораспадется на три конфедеративных государства [1]. Другой цитируемый специалист У. Мид, являвшийся крупным внешнеполитическим экспертом в США, прокомментировал предложение достаточно серьезных политических сил в руководстве своей страны о возможной покупке за 2-3 триллиона американских долларов всей Сибири [цит. по 2]. Есть и множество других «заманчивых рекомендаций» по поводу того, как стоит поступить с сибирскими землями, являющимися сами по себе ничем иным, как проклятием.

По мнению цитируемых специалистов, все эти операции сделают жизнь населения более комфортной и обеспеченной. Не ясно только,

за чей счет и как произойдет это процветание. Но данные идеи, которые воспроизводятся зачастую в шуточных и видоизмененных формах, не становятся от этого менее опасными. Так, например, в декабре 2006 г. в Томске была зарегистрирована инициативная группа по подготовке референдума по созданию Сибирской республики.

Тем не менее, как и всякое явление, сибирский сепаратизм имеет свою историю, тенденции формирования и развития. Феномен сибирского сепаратизма, впервые проявивший себя в середине XIX века, активно исследовался сибирскими историками, изучавшими причины его возникновения, формы проявления в царской России, в период революции 1917 года и гражданской войны. Примером, обладающим потрясающим своеобразием, является время гражданской войны в Сибири, когда относительно длительный срок большевистскому правительству противостоял ряд правительств Урала и Сибири. Этот деструктивный опыт прошлого наталкивает на серьезные размышления.

Судьба сибирских сепаратистов-областников при советской власти имела свое продолжение. В этой связи следует отметить публикации Н.Н. Аблагней, Н.В. Блинова, Л.М. Горюшкина, В.А. Должикова, Л.А. Жадан, С.Ф. Коваль, В.К. Коржавина, Г.В. Круссера, Н.А. Лапина, С.Г. Лившица, Е.Г. Михеенкова, И.В. Нам, В.Н. Назимок, Г.И. Пелих, Н. Перейра, А.В. Ремнёва, М.Г. Сесюниной, Н.В. Серебrenникова, С.Г. Сватикова, В. Стельмах, А.В. Сушко, М.В. Шиловского и др. Подробно данные работы рассмотрены, например, в диссертации Д.И. Щербинина [3].

Современный сибирский сепаратизм, по нашему мнению, будучи отражением дисфункционального ряда функционирования общественных процессов, несет в себе, согласно Роберту Мертону, латентную, непреднамеренную и неосознаваемую по своим последствиям функцию распада системы [4, с. 616].

Социальная дисфункциональность, включая рассматриваемый случай сепаратизма, по своей природе объективна и реальна в конкретный период времени, но потенциально может быть изменчива при проявлении новой социальной реальности, либо новых социокультурных условий. Любая дисфункция социально-политического свойства может быть преобразована или иначе интерпретироваться в условиях, когда обществу предлагаются революции «оранжевого», «розового», «болотнинского» или иного толка, именно в такой период историко-социологического времени и опасен сепаратизм.

Подтверждением латентной опасности сибирского сепаратизма является то, что часть ученых и экспертов, признающих реальность современной версии идеологии сибирского сепаратизма, не видят её

опасности для российской государственности, не считая должным её изучать.

Исследования, проведенные алтайскими и красноярскими учёными, показывают, что латентная стадия сибирского сепаратизма имеет место быть. Внимание социологов концентрируется на совокупности следующих тесно взаимодействующих проблем: выяснении научных оснований для тревоги по поводу развития сепаратистских настроений сибиряков; выявлении основных форм, типов и видов современного сибирского сепаратизма; его отличий от так называемого сибирского областничества; установлении социальных групп населения Сибири, которые в наибольшей степени подвержены сепаратистским настроениям.

Особый интерес представляют вопросы о характере взаимодействия друг с другом проявлений современного сибирского (регионально-территориального) сепаратизма и этнического сепаратизма коренных народов Сибири (бурятов, якутов, тувинцев, алтайцев, хакасов и др.). Также важно знать то, каковы негативные последствия сибирского сепаратизма и каким образом их можно уменьшить и есть ли у него какие-либо позитивные следствия [5].

Если история повторяется или гипотетически может повториться, стоит вспомнить реалии гражданской войны в России. В тот период западными державами и Японией двигал инстинкт: и Европа, и США, и Япония были готовы воспользоваться плодами гражданской войны с целью получения дешёвых ресурсов и необъятных территорий.

Возвращаясь к анализу опасностей возникновения и развития сибирского сепаратизма, стоит отметить, что совсем недавно угрозы сепаратизма в России были реальностью. В защищенной диссертации одного из соавторов статьи была произведена оценка потенциала возникновения сепаратизма в отдельных регионах нашей страны [6]. Для выявления степени развитости сепаратистских тенденций или возможного потенциала стремлений к отделению регионов России была использована оригинальная балльная шкала (Рис.1). В ней учитывались все отмеченные в диссертации катализаторы или стимуляторы сепаратизма. Балльная шкала оценок охватывала большее количество составляющих. Таким способом оценивались как отдельные объективные моменты, стимулирующие конфликт, которые существовали в то время, так и целый спектр субъективных факторов, которые потенциально могли изменить ситуацию в государстве.

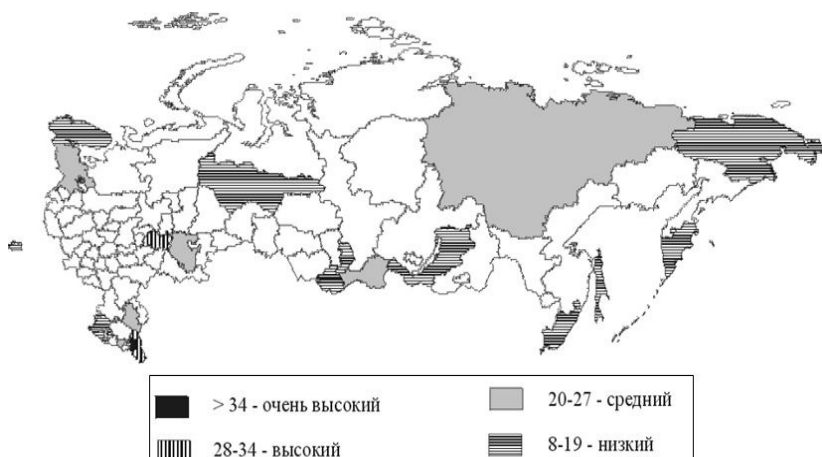

Рис. 1. Потенциал возникновения национального сепаратизма в некоторых регионах России в 2002 г.

В таблице 1 даны количественные показатели основных причин, которые могли стимулировать стремление к отделению в этих регионах, и главных сдерживающих факторов, имеющих отрицательные значения. Балльная оценка каждой причины была получена путем суммирования всех ее составляющих, катализирующих национальный сепаратизм, в соответствии с их значимостью.

Регионы России	Созревание нации	Экономические причины	Этнические лидеры	Различия нац.	Национальная элита	Политико- географические	Демографическая структура	Сдерживающие причины	Итого
Алтай	4	1	1	2	2	5	2	0	17
Башкортостан	10	3	3	2	4	3	2	-1	26
Бурятия	6	1	1	2	1	5	2	-2	16
Дагестан	12	-1	2	4	4	6	2	-1	28
Калмыкия	8	0	3	3	3	2	2	-1	20
Камчатская обл.	1	3	1	0	1	5	1	-1	11
Карелия	7	3	1	2	2	5	2	-2	20
Мурманская обл.	2	3	1	0	1	3	0	-2	8
Приморский кр.	2	1	2	0	2	5	0	-1	11
Саха	5	4	3	2	2	2	2	0	20
Сахалинская обл.	1	4	2	0	1	5	0	-1	12
Татарстан	12	3	3	2	4	4	2	-1	29
Тыва	9	0	2	3	3	5	2	0	24
Хакасия	5	3	3	2	1	2	1	-1	16
Чечня	19	-1	4	4	4	6	4	-1	39
Чукотский АО	4	1	1	3	2	5	1	0	17

Таблица 1. Потенциал возникновения национального сепаратизма в некоторых регионах России в 2002 г.

Даже в не самый простой период становления современной российской государственности потенциал возникновения стремлений к отделению был, в целом, в регионах России невелик. Сибирь это не только необъятная территория и колоссальные ресурсы, но это еще

совершенно разные регионы страны. Различия внутри сибирского региона практически такие же большие, как и в РФ. Основным мотивом отечественных сторонников отделения являются экономические доводы и нежелание подчиняться федеральному центру, концентрирующему в себе основную часть рентных доходов страны, получаемых прежде всего с сибирских территорий.

Но Сибирь это не только ЯНАО с ВРП на душу населения, как в Катаре (лидер в мире) и ХМАО с ВРП, как в Люксембурге. В Тыве и Республике Алтай подушевой местный продукт соотносим не с Европой, а с бедными странами Азии и Латинской Америки. Чуть лучше ситуация в Алтайском крае и Забайкалье. Аналогично различается этноситуация, исторический контекст, не говоря уже о социально-политических предпочтениях населения. Есть приближающиеся к постиндустриальному обществу города Новосибирск и Томск, а есть поселения Южной Сибири, где даже не проведено электричество. Внутри регионов силен тувинский, алтайский и бурятский национализм. А ведь национализм выступает как фундамент, на который можно надстроить политические конструкции, а в дальнейшем основной целью может стать создание отдельного государства.

Понятно, что есть элитные местные группы, которые могут при обретении самостоятельности существенно выиграть, но что получит большинство населения, если все-таки сецессия произойдет?

Литература

1. Бжезинский З. Геостратегия для Евразии // Независимая газета. 27.10.1997.
2. Дороченков А.И. Взгляд на национально-политические проблемы России // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб., 1995. С. 103–117.
3. Щербинин Д.И. Конфликтный потенциал современного сибирского сепаратизма (по материалам социологических исследований в Алтайском и Красноярском краях, Республике Алтай, Кемеровской и Челябинской областях). Автореф. ... канд. социол. наук. Барнаул, 2010.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
5. Щербинин Д.И. Сибирский сепаратизм: сущность и современные формы проявления // Социально-гуманитарные знания. Региональный выпуск. 2009. С.168–174.
6. Кротов А.В. География национального сепаратизма: причины, происхождение и пути урегулирования. Дисс. ...канд. геогр. наук. Барнаул, 2002.

Т.С. Мизимбаев
Милиция Алаш Орды: проблемы формирования
и деятельность по защите национальной автономии

Движение «Алаш Орда» провозгласило своей целью создание национальной автономии на территории современного Казахстана в условиях неустойчивости центральной власти после революции 1917 г. «Алашская автономия» была учреждена на общекзахском съезде в Оренбурге 5–13 декабря 1917 г., центром ее был определен г. Семипалатинск, один из важнейших форпостов российского приграничья [1, с. 32]. Одним из важнейших структурных элементов любого государства являются собственные вооруженные силы. В автономии Алаш Орда они получили название милиции. Термин «милиция» наиболее подходил для определения создаваемых вооруженных сил. Главной задачей создаваемой милиции была защита автономии Алаш и населения от сил, которые были против нее, а также для поддержания спокойствия внутри «Алашской автономии». На состоявшемся в Оренбурге в декабре 1917 г. Съезде был поставлен вопрос о создании милиции.

С докладом по данному вопросу выступил Халиль Габбасов. Его доклад вызвал бурное обсуждение, в ходе которого члены съезда пришли к выводу, что «при отсутствии всякой власти в стране возможно возникновение гражданской войны, ...анархия угрожает опасностью жизни и имуществу населению областей казак-киргизского (казахско-го — Т.М.) народа» [2, с. 68–69].

Съезд постановил создание национальной автономии, ее наименование «Алаш», организацию временного народного совета «Алаш Орда» и заявил, что «Алаш-Орда обязуется принять энергичные меры к созданию народной милиции» [2, с. 72]. Для организации народной милиции были приняты определенные правила набора, обучения, обеспечения оружием и обмундированием, а также вопросы финансирования и управления.

Так, общее число милиционеров должно было составить 13500 человек, призываемых из лиц мужского пола в возрасте от 20 до 35 лет, причем отдавалось предпочтение вольному найму, только в случае недобора применялся жребий.

Милиция формировалась из числа людей, изъявивших собственное желание защищать национальную автономию. Учитывая недочеты в работе по призыву на тыловые работы 1916 года, произведенной царской администрацией, алашординцы использовали их негативный

опыт и составили хорошо продуманную концепцию создания, финансирования и деятельности милиции.

В сентябре 1918 г. в Уфимском государственном совещании участвовало и правительство Алаш Орды. Там были закреплены основы национально-государственного устройства России, которые должны были исходить из федеративных принципов: «устроение освобождающейся России на началах признания за ее отдельными областями прав широкой автономии...» [2].

Это было знаменательное событие, которого ждали все. В телеграмме Алихан Букейханов сообщает: «Комитет совещания признал автономию Алаш Орды. Все силы бросить на формирование народной милиции. Алаш — одна из частей России. И поэтому одна из основ — милиция Алаш. Ищите все необходимое для формируемых полков. Все, что нужно, берите, не бойтесь влезать в долги. Покупайте современное оружие. Пусть продолжается работа по организации частей милиции в Тургае и Уральске» [3].

Работа по формированию милиции, началась еще раньше, а именно в январе 1918 года. Так, в Семипалатинске формировался 1-й конный полк, куда вошли студенты Семипалатинской семинарии и работающая молодежь, в том числе и М. Ауезов и Ж. Аймаутов. Командование этим первым отрядом осуществлял Х. Тохтамышев. Он начинает военную подготовку в местечке Сор в окрестностях Семипалатинска [4]. В первом полку считывалось 750 бойцов и 38 русских наставников-офицеров [5, с. 91].

Повсеместно создавались отряды и в других городах. Так, численность отряда в Зайсане достигала 200 человек, Каркаралинске и Усть-Каменогорске по 250, но сообщалось об отсутствии необходимого вооружения и обмундирования.

Эта проблема решалась путем принятия инструкции, где были прописаны требования к форме и ее унификация: «Аульное сообщество, от которого принимается джигит, обязано дать пару новых сапог, одну смену нового белья, бешмет и шаровары защитного цвета, желательно из чекменя (верблюжей шерсти), шапку коричневого цвета (кзылборк), короткую баранью шубу или полушубок» [6, с. 123]. Одновременно предоставлялись лошади — мерины от 4-8 лет, и конское снаряжение. Оружие для милиции, а это, главным образом, ружья, патроны, шашки и другое вооружение по плану должны были приобретаться за счет национального фонда, который и занимается их распределением». На это выделялась сумма в размере 16 миллионов 300 тысяч рублей. По вопросу обеспечения было решено, что аульное сооб-

щество на местах «обязано снабдить своих милиционеров лошадьми, седельным прибором и одеждой» [7, с. 72].

Однако при реализации данных положений возникли определенные проблемы. Во-первых, трудности сбора средств в связи с тяжелым экономическим положением в крае, отсутствием определенных отлаженных каналов поставок оружия и боеприпасов. На территории Казахстана отсутствовали предприятия оборонной промышленности, все вооружение и обмундирование приходилось приобретать издалека, ввиду нестабильного положения в стране и роста спроса по завышенной цене.

Эта проблема решалась постепенно путем переговоров с другими правительствами и комитетами, и летом 1918 года Алашордынцы закупали оружие у Комуча и получали помощь от Сибирского правительства. Так, «переговорив с Комучем, они приобрели 600 ружей и несколько пулеметов и выслали их через Оренбург в Джамбейты. Правительство Комуча подарило Уильскому уаялату 2 автомобиля «Мерседес» [7, с. 132].

К середине осени объем поставок Комуча увеличился и «на вооружение получено от Самарского комитета 2000 винтовок, 58 пулеметов, 2 пушки и 2 автомобиля» [7, с. 133]. Было решено создать отряды милиции в Букеевской Орде, Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиречинской областях. Распределение численности милиционеров по областям происходило следующим образом: в Букеевской — 1000, Уральской — 2000, Тургайской — 3000, Акмолинской — 4000, Семипалатинской — 1500, Семиречинской — 2000 [2, с. 72].

По мнению автора статьи, неравномерное распределение связано прежде всего не с количеством населения области, а с ситуацией, сложившейся в том или ином регионе. Так, в Акмолинской области в начале XX века резко возросло число населения в результате переселения крестьян из центральных губерний Российской империи. Естественно, недавние переселенцы все еще считали себя неотъемлемой частью огромной страны, и идея о создании национальной автономии могла быть не поддержана ими. Поэтому здесь должен был функционировать крупнейший отряд милиции численностью 4000 человек. Напротив, в Семипалатинской области — одной из крупнейших по населению, число милиционеров должно было составить 1500 человек, вследствие более стабильной обстановки в ней. Как и для любого дела, для основания народной милиции требовались деньги, на сумму 42 миллиона 886 тысяч рублей. Необходимая сумма для покрытия расходов расходов должна была быть собрана с казахского населения выше-

указанных областей, причем она распределялась пропорционально количеству населения.

Следующим важнейшим пунктом на пути формирования милиции являлось создание кадров офицерства и инструкторов. Как известно, боеспособность любого воинского подразделения зависит от эффективности и профессионализма офицеров и инструкторов, которые занимаются общим командованием и обучением воинскому делу подчиненных. Подготовка офицерских кадров стала первоочередной задачей, которую необходимо было решать.

В постановлении съезда оговорено, что «для обучения милиционеров приглашаются офицеры из расчета 1 офицер на 100 милиционеров и 1 инструктор на 50 милиционеров [2]. Не вызывает сомнений тот факт, что для претворения в жизнь данного пункта было необходимо одномоментно мобилизовать большое количество офицеров из местного населения.

На тот момент в среде казахской интеллигенции были отдельные представители-офицеры, служившие в армии Российской империи, более того участники Первой мировой войны. Это Молданияз Бекимов, Нугыман Сарбопин, Хамит Тохтамышев, Санжар Аспандияров и другие. Однако офицерских кадров остро не хватало. Решением этой проблемы должна была стать подготовка в кратчайшие сроки инструкторов из числа грамотной казахской молодежи. Документально оно было оформлено в виде формулировки «Поместить в Оренбургское юнкерское училище лиц, изъявивших на то желание» [2]. Обучение должно было вестись в 3 приема и на это выделялось 100 тысяч рублей.

Последующие события, такие как ухудшение отношений с советской властью, образование Западного отделения Алаш Орды — Уильского Оялата и заключение военно-политического договора с Уральским войсковым правительством, — придали новый импульс делу формирования милиции. Суть договора заключалась в том, что казаки и казахи нацеливались на совместную борьбу против советской власти, обороняя собственные права на самоопределение, причем была сохранена первоначальная идея милиции, а именно — отказ Алаш от участия в общероссийской борьбе в пользу обороны собственной территории.

Несмотря на все трудности, руководителям Алаш Орды удалось организовать вполне боеспособные соединения, проявившие себя в боевых действиях на Семиречинском фронте. Милиция выполняла поставленные перед ней цели в тяжелых условиях гражданского

противостояния, нехватки вооружения, обмундирования и командного состава.

Формируя отряды, интеллигенция в лице партии Алаш боролась за национальную автономию, а именно права коренного населения на самоопределение. Можно расценить это как борьбу за собственный альтернативный путь развития страны, но, потерпев поражение, алашордынцы изменили свои планы в сторону сотрудничества с советской властью.

Литература

1. Гужвенко Ю.Н. Восточный Казахстан: этносоциальные отношения в 1990-е — начале 2000-х годов. М., 2009.
2. Алаш Орда: сборник документов / сост. Н. Мартыненко. Алма-Ата, 1992.
3. Думан А. «Алаш әскері» // Егемен Казакстан. 2013. № 121.
4. Думан А. «Алаш әскері» // Сыдықов Ерлан. Алаш қаласының тарихы. Зерттеу. Семей, 2010.
5. Восточное отделение Правительства Алашорды: сборник документов / сост. Е.Б. Сыдықов, Е. Е. Сайлаубай, Л. К. Кадырова и др. Семей, 2010.
6. История Западного отделения Алаш Орды, Сборник документов и материалов / под общ. ред. М.Н. Сдыкова. Т. I. Уральск, 2012.
7. Мурсалим Б.С. Войска Алашской автономии. Алматы, 2015.

Ж.М. Молдагазина

Полиэтнический состав населения и русификация городского пространства Восточного Казахстана в советский период*

Полиэтнический состав населения Восточного Казахстана начинает складываться к концу XIX века. Преобладающим большинством в составе населения были казахи, по данным на 1870 г. все население области составляло 294618 человек, из них казахов было 84,4%. Население Восточного Казахстана в те годы увеличивалось в основном за счет естественного прироста. До 1906 г. приток переселенцев оставался незначительным, всего 8,2% всех мигрантов Казахстана. Так, в конце XIX в., по данным переписи 1897 г., доля казахов в области составляла 59,7%, а русских — 38,6% [1, с. 4].

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации исследовательского проекта № 15-11-22005а(р).

Между переписью населения 1897 г. и первой всесоюзной переписью 1926 г. произошло множество событий, повлиявших на структуру населения. Численность населения области составляла 899583 человека, то есть увеличилась за 30 лет на 67%. На территории Восточного Казахстана проживали представители 43 народностей. Основную массу населения составляли три народности: казахи, русские и украинцы. Среди них первое место занимали казахи (49%), второе место русские (41,2%), третье — украинцы (9,8%) [2, с. 28]. В сравнении с данными переписи 1897 г. заметно сокращение казахского населения. Основными причинами этого можно считать: народное восстание 1916 г., гражданскую войну, голод 1921–1922 гг., а также административно-территориальное размежевание Средней Азии. Данные трагичные события привели к массовой гибели людей, откочевке за пределы Казахстана.

Тенденция к сокращению коренного населения наблюдается и в межпереписной период 1926–1939 гг. В казахстанской историографии утвердилась цифра — 616 тысяч человек, безвозвратно откочевавших в 30-е годы. В 1939 г. казахов в области стало на 54,1% меньше, чем в 1926 г., одной из самых страшных причин, сопутствующих этому был голод 1931–1932 гг., последовавший за массовой коллективизацией. В период свирепого голода на востоке страны потери составили почти 379,4 тыс. человек, или 64,5% от общего числа этноса в 1930-е гг. [3, с. 14]. Но несмотря на то, что в результате этих трагичных событий численность коренного населения сокращалась, к 1939 г. общая численность населения области увеличивается на 7,3%. В основном численный прирост происходил за счет русского населения. Увеличилась также численность татар, немцев и др. этносов. Миграционные процессы и увеличение русского населения повлияли на закрепление русскоязычного населения в регионе.

Основным фактором увеличения русского населения в области стал переселенческий фактор, принявший массовый характер в 1920–1930-е гг. [4, с. 31]. В результате усилившегося в начале XX в. переселенческого процесса население региона продолжало оставаться полиэтническим, но с увеличением русского населения преимущественно в городах. Казахское же население в основном проживало в сельской местности на юге региона.

В течение периода, ограниченного переписями населения 1926 и 1959 годов, население республики формировалось в основном за счет миграции. В советский период Казахстан пережил несколько переселенческих волн, особенностью данного периода было то, что миграция населения была связана не с аграрным переселением, а с промышлен-

ным. Развитие промышленного потенциала региона привело к нехватке рабочих кадров. Эту проблему необходимо было как-то решать, и было решено переселить квалифицированные рабочие кадры из России, Украины и Белоруссии [5, с. 64]. Приезд рабочей силы повлек за собой увеличение численности городского населения. Все миграционные процессы 30-х годов носили преимущественно добровольный характер.

Следующий этап миграций связан с насильственным переселением в Восточно-Казахстанскую и Семипалатинскую области в конце 1930-х — начале 1940-х гг. В результате в 1937 г. в Казахстан было насильственно переселено около 95241 дальневосточных корейцев. К 1939 г. в Восточном Казахстане насчитывалось 309 корейцев [3, с. 15]. В 1940 г. дополнительно из Украинской ССР в Семипалатинскую область в неплановом порядке прибыли еще 53 переселенческих хозяйства. Самым массовым стало переселение (депортация) на территорию области немцев (1941–1942) и чеченцев (1944). В Восточный Казахстан направлялось более 28000 немцев, проживающих в районах Поволжья. В феврале 1944 года, после ликвидации Чечено-Ингушской АССР, большинство депортированных спецпереселенцев (344,5 тыс.) разместили в Казахстане: в ВКО расселилось 34167, в Семипалатинской области — 31236 человек [5, с. 68].

В период войны из временно оккупированных фашистами регионов прибывало эвакуированное население. К концу 1942 г. их число достигло 532,5 тыс. человек, многие из них размещались на территории Восточного Казахстана. Из прифронтовой полосы было эвакуировано и 142 промышленных предприятия. Всего во время Великой Отечественной войны на территорию Казахстана прибыли сотни тысяч эвакуированных. В годы войны упала рождаемость, увеличилась смертность и снизился естественный прирост населения. Сократилась численность сельских жителей, но в то же время возросла численность горожан [6, с. 64].

Великая Отечественная война не прервала индустриальное развитие городов Восточного Казахстана, а напротив, мобилизовала все силы для обеспечения нужд фронта, все предприятия региона стали работать в усиленном режиме. В послевоенные годы эвакуированные предприятия возвращались в освобожденные районы.

В первые годы после войны произошли большие изменения в социально-демографической структуре населения Восточного Казахстана. В первую очередь они определялись экстенсивным промышленным освоением региона, за этим последовал растущий процесс урбанизации и изменения в этносоциальном составе населения. В конце 1940-х

гг. происходило снижение численности городского населения, однако уже в начале 1950-х гг. ситуация достаточно сильно изменилась. В 1950 г. наблюдается увеличение рождаемости в Восточно-Казахстанской области, это было связано с притоком в область большого количества населения в репродуктивном возрасте.

Большой приток населения в республику наблюдался в середине 1950-х гг. Он был связан с индустриальным развитием края и прежде всего с освоением целинных земель. Всего на первом этапе массового освоения целинных земель (1954–1956 гг.) в Казахстан прибыло около 650 тыс. человек. В период 1939–1959 гг. численность населения республики увеличилась на 45,3%. По темпам роста населения в тот период Казахстан занимал почетное первое место в СССР [6, с. 71].

В период освоения целинных земель численность населения Казахстана в целом и Восточного Казахстана в частности, особенно в городской местности, возросла, прежде всего за счет механического прироста мигрантов. Мигранты приезжали в основном из союзных республик, главным образом из РСФСР и Украины. Механический прирост городского населения в Восточно-Казахстанской области в 1950 г. был наиболее высоким среди всех областей республики, он составил 28,1%. Только за один год численность населения в Лениногорске (ныне Риддер) увеличилась на 5,2 тыс., в Зыряновске — на 5,4 тыс. чел. Еще более значительным было увеличение численности населения в рабочих поселках, расположенных вблизи крупнейших промышленных предприятий области [7, с. 185]. За этот период увеличилась и численность сельского населения республики — на два миллиона человек или в полтора раза.

Произошли существенные изменения в соотношении русского и казахского населения области: доля русских составляла 70,9%; казахов — 18,9%. В Семипалатинской области этническое наполнение было более равномерным: доля русских составляла 45%; казахов — 35%. Темпы роста русского населения наблюдались в городах, особенно в Усть-Каменогорске — в 8,1 раза [5, с. 69]. Численность населения в регионе увеличилась на 70,7%. Как отмечает А.Н. Алексеенко, конец 50-х — начало 60-х гг. — время, когда доля казахского этноса в составе населения области была самой низкой, а доля русского — самой высокой за всю историю существования Восточного Казахстана.

Сложившаяся в регионе ситуация отразилась на языковом выборе региона. В городской среде наблюдалась очевидная диспропорция между численностью казахоговорящего и русскоговорящего казахского населения. В 1959 г. в Восточно-Казахстанской области из общего числа казахов 139179 считали своим родным языком русский 1493,

тогда как из 521100 русских считали родным языком казахский только 29 [8]. Русский язык активно использовался в индустрии, образовании, в строительстве и обеспечении инфраструктуры, соответственно, казахи, переезжавшие на постоянное место жительства в города, были вынуждены социализироваться на русском языке.

Несколько иначе шел процесс формирования национальной структуры населения Семипалатинской области. Отсутствие здесь крупных предприятий цветной металлургии и, как следствие, массового притока рабочих и специалистов из других республик бывшего СССР обусловило более значительный удельный вес в области казахского населения. Тем не менее, общая тенденция увеличения численности и доли русскоязычного населения, характерная для всего региона, проявилась и в Семипалатинской области.

В 1960-е годы наблюдается тенденция к сокращению миграционного притока населения в Казахстан. Сальдо межреспубликанской миграции становится отрицательным. Этот период характеризуется демографическим взрывом у казахского населения. В то же время, казахи как и прежде в основном проживают в сельской местности и остаются далеки от промышленно развитых городов. В межпереписной период 1959–1970 гг. численность населения области увеличилась на 15%. Наиболее высокие темпы роста были у казахского населения, в 1970 г., в сравнении с 1959 г., казахов в области стало больше на 40,8%. Темпы роста русского населения выросли на 12,7% [1, с. 12].

В 70-е годы городская среда большинства союзных республик продолжает оставаться преимущественно русскоязычной. Большинство молодых казахов плохо знали свой родной язык. Однако, согласно данным переписи 1970 г., около 98% считали казахский своим родным языком, 40% признавали, что владеют русским как вторым. Все государственные дела осуществлялись на русском языке. Сфера применения казахского в городской среде сводилась преимущественно к бытовому уровню, а в сельской — и к хозяйственному, и к социально-политическому [8].

К концу 70-х — началу 80-х годов стала явной дифференциация в этнотерриториальном расселении: города были русифицированы, а автохтонное казахское население проживало на юге области, преимущественно в сельской местности. К концу 1980-х гг. выросло уже не одно поколение казахов, получивших образование и квалификацию при Советском Союзе, резко возросла доля казахов, работающих в системе образования и культуры, аппарате управления, 49% казахов было занято в здравоохранении, физической культуре и социальном обеспечении, в этих же отраслях работало 38% русских. В Семипала-

тинской области по-прежнему работало в управлении 55% русских и 24% казахов, в рядовых партийных и общественных организациях — 45% русских и 43% казахов [5, с. 73].

К концу советского периода удельный вес казахов в составе республики не достигал и 40%. В первые годы после провозглашения суверенитета Казахстана казахи впервые стали определять вектор развития городского, трудового и культурного пространства республики. Постепенно казахи становятся доминирующим этносом в государстве [3, с. 18].

Литература

1. Алексеенко А.Н. Народы Восточного Казахстана. Усть-Каменогорск, 1994.
2. Аргынбаев Х. Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов XIX — начале XX вв. (по материалам Восточного Казахстана). Алма-Ата, 1959.
3. Алексеенко А.Н. Место встречи Усть-Каменогорск: два мира, два образа жизни в поисках взаимодействия и сотрудничества. Астана; Алматы, 2016.
4. Атантаева Б.Ж., Камалджанова Т.А. Влияние миграции на формирование этнических диаспор Восточного Казахстана в 1937–2005 гг. Семей, 2014.
5. Гужвенко Ю.Н. Восточный Казахстан: этносоциальные отношения в 1990-е — начале 2000-х гг. М., 2009.
6. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1987–1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999.
7. Ескендилов М.Г. Динамика социально-демографической структуры населения Восточного Казахстана // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 287. С. 181–185.
8. ЦДНИ ВКО. Ф. 659. Оп. 3. Д. 11. Л. 2.

О.Б. Молодов

Предпосылки регионального сепаратизма в Украине в социологическом измерении

Трансформация общественно-политической и социально-экономической системы на постсоветском пространстве характеризуется различными противоречиями. Вследствие этого периодически возникают социально-политические конфликты, которые часто остаются неразрешенными и способствуют аккумулярованию латентного недовольства населения [1, с. 68].

Мониторинг общественно-политических настроений жителей Украины в 2000-е гг. наглядно показывал наличие и обострение глубинных противоречий между регионами страны. Результаты социологических опросов Украинского центра экономических и политических исследований имени А. Разумкова (Центр Разумкова) являются основными эмпирическими данными нашего исследования общественно-политических и сепаратистских настроений жителей Украины.

С целью учета территориальной специфики общественного мнения нами применяется общепринятое деление страны на четыре региона:

— «Запад», куда включены 7 областей (Волинская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ровненская, Тернопольская и Черновицкая);

— «Центр», куда входит г. Киев, Винницкая, Житомирская, Киевская, Кировоградская, Полтавская, Сумская, Хмельницкая, Черкасская и Черниговская области;

— «Юг» (Автономная республика Крым, г. Севастополь, Николаевская, Одесская и Херсонская области);

— «Восток» (Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская и Харьковская области).

Настоящее деление наряду с географическим принципом учитывает и этнолингвистическую и отчасти конфессиональную специфику территорий, особенно заметную на окраинах страны.

В декабре 2013 г., судя по результатам опроса Центра Разумкова, в целом поддерживали «Евромайдан» как акцию протеста 45% жителей Украины, не поддерживали — 36%. «Раскол» по региональному признаку проявился уже здесь: значительную долю позитивных ответов дали респонденты с Запада и из Центра страны (83 и 56% соответственно). Напротив, отказали в поддержке протестных мероприятий 58% жителей южных и 61% восточных областей [2].

Во время противостояния в Киеве абсолютное большинство жителей Украины считали себя патриотами своей страны (ответы «да» — 49%, «скорее да» — 35,5%). Наиболее патриотически настроенными выглядели жители Запада («да» — 71%), в меньшей степени — Востока («да» — 39,4%) и Юга («да» — 30,8%). Патриотизм представляет собой один из базовых элементов построения большого социума. Он тесно связан с идентичностью, которая вследствие распада СССР была изменена на новую, проявляющуюся в соотношении себя с определенной страной постсоветского пространства [3, с. 75]. Патриотизм и идентичность (как этнонациональная, так и гражданская) в совокупности играют значимую роль в сохранении целостности государства,

укреплении солидарности граждан и стабилизации общественной жизни.

Как показали результаты опроса, больше половины жителей юго-востока Украины слабо соотносят себя с новой государственностью, не ощущают себя частью единого украинского общества.

В марте 2014 г. две трети (67,2%) жителей позитивно отнеслись к прекращению полномочий президента страны В. Януковича, а 19,6% — негативно. Если подавляющее большинство населения Запада и Центра страны поддержали это решение Верховной Рады (95,4 и 85,4% соответственно), то мнение жителей Юга и Востока разделилось. При этом в южном и восточном регионах страны доли сторонников и противников «импичмента» президента почти сравнялись: на Юге (40,5 и 37,6% соответственно), на Востоке (40,5% и 37,1% соответственно).

Результаты исследования показывают, что оценки населением глубины противоречий западных и восточных регионов существенно различаются (табл. 1) [2]. Треть жителей юга и востока Украины — регионов, отличающихся спецификой этнолингвистического и конфессионального пространства — заявили о наличии противоречий, которые могут привести к распаду страны. На Западе наличие подобных факторов отметили только 10% опрошенных.

Таблица 1. Насколько глубоки противоречия западных и восточных регионов, которые могут привести к распаду? (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	Страна в целом	Запад	Центр	Юг	Восток
Да	23,1	9,7	16,2	33,3	33,2
Нет	60,6	73,5	65,0	59,2	49,0
Затрудняюсь ответить	16,3	16,8	18,8	7,5	17,8
*Опрос проводился в декабре 2013 г.					

Опрос общественного мнения выявил и отсутствие единства по ключевой проблеме Евромайдана — перспективах интеграции Украины с Европейским Союзом (табл. 2) [2]. Сторонниками вхождения в ЕС стали прежде всего жители западных областей страны (86%), а население Центра — в меньшей степени (59%). Напротив, 62% жителей Востока и 57% Юга Украины продемонстрировали желание войти в состав Таможенного союза ЕврАзЭС (в настоящее время — ЕАЭС).

В целом по стране мнения относительно интеграции разделились, и приоритетным направлением стало вступление в ЕС («за» 48%). Доля сторонников вхождения в международные объединения с участием России составила 35%.

Таблица 2. Удельный вес сторонников вступления Украины в Европейский Союз и в Таможенный Союз ЕАЭС (в %)*

Регион	Вступление в ЕС		Вступление в ТС ЕАЭС	
	Да	Нет	Да	Нет
Запад	85,8	5,6	3,6	84,2
Центр	58,9	17,9	16,8	55,9
Юг	28,5	58,7	57,0	24,8
Восток	23,4	61,4	62,0	21,4
В целом по стране	48,0	35,9	35,1	45,3
* Опрос проводился в декабре 2013 г.				

На наш взгляд, представляет особый интерес мнение населения о региональном сепаратизме и возможности изменения государственной принадлежности своей области или республики (табл. 3) [2].

Таблица 3. Хотели бы Вы, чтобы Ваша область вышла из состава Украины и стала самостоятельной или присоединилась к другой стране? (в %)*

Регион**	Варианты ответа на вопрос о самостоятельности области			Варианты ответа на вопрос о присоединении к другой стране		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Запад	2,8	88,8	8,9	2,5	88,5	8,9
Центр	1,1	88,9	10,0	0,5	89,0	10,5
Юг	12,7	80,7	6,5	13,1	77,8	9,2
Восток	4,7	87,0	8,3	8,6	80,2	11,2
В целом	4,4	86,9	8,6	5,5	84,4	10,2

по стране						
* Опрос проводился в декабре 2013 г.						
** В Крыму вопрос ставился о Крыме, в г. Киеве — о Киеве.						

Как видно из таблицы, незначительное число жителей Украины положительно ответили на вопрос о возможной самостоятельности их региона («за» — 4,4%), а также о вхождении его в состав другого государства («за» — 5,5%). Максимальные показатели по «сепаратизму» среди населения различных территорий выявлены в южной части страны, где 13% жителей заявили о желании полного суверенитета для своей территории и столько же — о ее присоединении к другой стране. Идеи федеративного устройства Украины в декабре 2013 г. поддерживали 15,8% жителей страны: в меньшей степени население Центра и Запада (11 и 12% соответственно), в большей степени Юга (18%) и Востока (22%) [2].

В ходе опроса выявлялось также отношение населения к другим возможным сценариям политико-территориального развития страны. В частности, выход юго-восточных областей из состава страны и присоединение их к России поддержало 7,5% жителей Украины, в основном из числа населения южного региона (14%) и восточных областей (12%). Создание на территории страны двух независимых государств: одного на основе западных и центральных областей, другого — юго-восточных областей, поддержали 7% респондентов, большая часть которых проживает на юге (13%) и на востоке страны (11%) [2].

То есть общественное мнение еще в начале украинского кризиса отражало разобщение населения в вопросах дальнейшего политического развития страны, ее интеграции с Европой, а также сепаратистские настроения жителей юго-восточной части Украины.

В странах постсоветского пространства внимание исследователей сосредоточено на проблеме институционального доверия — доверия населения к государственным и общественным институтам — поскольку оно играет весьма важную роль в социальной консолидации. Итоги опроса, проведенного в марте 2014 г., показали, что из общественных институтов положительный баланс доверия имеет только церковь (ей доверяет 68%) и отечественные СМИ (62%) [2]. Уровень доверия к государственным органам остается чрезвычайно низким. Однако в настоящее время наблюдается жесткое противостояние Украинской православной церкви (Московского патриархата) с Украинской православной церковью Киевского патриархата. Особое место занимает Украинская греко-католическая (униатская) церковь, большинство сторонников которой проживает на Западе страны. Есте-

ственно, что такое положение усиливает дифференциацию в среде верующих граждан, большинство из которых идентифицирует себя с православием [4; 5].

Таким образом, кризисная ситуация в Украине во многом стала результатом недооценки властью настроений в социуме, показывающих наличие глубинных противоречий между жителями различных регионов страны. За четверть века суверенитета почти у половины населения страны не завершилось формирование гражданской идентичности, что отрицательно влияет на его общественно-политические настроения. В Украине отсутствуют консолидирующие «центры» как в лице высших должностных лиц или органов государства, так и среди общественных объединений или движений. Культурная самоидентификация населения и его сплочение вокруг православия, отраженные в данных социологических опросов, в ситуации конфессионального «раскола» являются иллюзорными и чаще способствуют групповой и региональной дифференциации.

«Евромайдан» и дальнейшие события в Украине обострили региональные противоречия и сепаратистские настроения, ранее имевшие латентный характер, в результате общественно-политический конфликт рискует остаться «замороженным» на долгие годы. Своевременная и продуманная реакция властных структур на сигналы, исходящие от общества, на наш взгляд, могла бы привести к погашению конфликта или минимизации его социально-экономических и политических последствий.

Литература

1. Дементьева И.Н. Протестные настроения в комплексе трендов общественного развития // Проблемы развития территории. 2014. № 4. С. 67–81.

2. Україна–2014: Нові перспективи і нові загрози (аналітичні оцінки). Київ: Центр Разумкова. URL: http://razumkov.org.ua/upload/Booklet_170414_nnn.pdf

3. Бабосов Е. Идентичность как фактор консолидации // Беларуская думка. 2013. № 3. С. 74–79.

4. Молодов О.Б. Религиозность украинского общества и отношение к церкви в период кризиса 2014 г.: социологическое измерение // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы II Всероссийской научной конференции / Под ред. Е.Ю. Семеновой. Самара, 2015. С. 176–181.

5. Молодов О.Б. Доверие к церкви как фактор консолидации современного украинского общества // В мире научных открытий. 2013. № 11.6 (47). С. 100–105.

К.П. Пашуто
Сепаратистские тенденции на постсоветском пространстве и феномен failed-state: опыт Южной Осетии

Распад Советского Союза, обусловленный совокупностью внутренних и внешних причин, привел к появлению на геополитической карте мира новых акторов системы международных отношений. Построение государственности в новых независимых государствах осложнялось наличием большого количества внутренних проблем — политических, экономических, социальных, демографических. Центробежные тенденции после 1991 года не ослабли, а только усилились — и вот уже в новых независимых государствах активизируются этнические национализмы, которые в ряде постсоветских государств приводят к сепаратизму.

Сепаратистские тенденции были характерны для многих государств данного региона, однако в большинстве своем они были преодолены через централизацию (Россия) и усиление исполнительной власти (Таджикистан). Однако в таких государствах, как Грузия, Молдавия, Азербайджан и Армения, несовпадение этнических и политических границ ввергло государства в анархию вооруженных конфликтов. Постсоветское пространство в условиях распада биполярной системы международных отношений превратилось в регион нестабильности, и следствием сепаратизма в данном регионе стало появление ряда непризнанных государств, которые де-факто превратились в failed-state. Чрезвычайно интересным с практической и теоретической точки зрения является опыт Южной Осетии.

Несмотря на то что Южная Осетия обрела свою «непризнанную государственность» только в 2008 году, грузино-осетинский конфликт продолжался на протяжении почти двадцати лет — то переходя в стадию острой конфронтации, то приобретая латентный характер. Необходимо отметить, что сама архитектура Советского Союза в фундаменте своем содержала существенные противоречия: советские республики были «нарезаны» без учета этнических, национальных и конфессиональных различий. Более того, на протяжении всего существования СССР в Цхинвальском регионе проводилась политика «грузинизации» — насильственной ассимиляции автохтонного населения реги-

она современной Южной Осетии. Ситуация осложнялась противоречивой политикой большевиков — практика этнического нацистроительства сопровождалась критикой гражданского национализма, который противопоставлялся патриотизму и расценивался как феномен империалистического мира. Контроль над данными процессами ослабевает в перестроечный период, и в советских республиках активизируются национализмы двух типов: национализм республиканской нации и национализм внутри республики. Первый тип национализма был направлен против центральной власти, ему была присуща сильная антикоммунистическая и антирусская компонента. Второй тип национализма был направлен против первого типа — он ориентировался на союзный центр, видя в нем защиту от экспансии республиканского национализма.

В Грузии противоречия между этими двумя национализмами усиливались стремлением национальных меньшинств восстановить «историческую справедливость» и прочертить государственные границы по линиям расселения этнических меньшинств. В 90-е гг. происходит обострение отношения Грузии с Южной Осетией, что было связано с внутривнутриполитическими процессами, протекавшими в Грузии. Так, было восстановлено действие Конституции 1918 года, согласно которой государство признавалось унитарным — то есть без автономных республик, коей являлась Южная Осетия. Также в 1989 году официальным языком государства был объявлен грузинский, что вызвало всплеск негативной реакции осетин, вылившийся в требования предоставления независимости от Грузии. Лозунги председателя Верховного Совета Звиада Гамсахурдиа «Грузия для грузин, осетины, вон из Грузии» только подогревали градус конфликта.

В сентябре 1990 года Советом народных депутатов Юго-осетинской автономной области было провозглашено создание Юго-Осетинской Советской демократической Республики. Уже с этого периода начинаются межэтнические столкновения, а стремление Грузии силами Национальной гвардии вновь установить контроль над Южной Осетией и Цхинвали приводит к гражданской войне (1991–1992 гг.). Положение Грузии осложняется в связи со вспыхнувшей в самой Грузии гражданской войной, и стороны идут на урегулирование конфликта. 24 июня 1994 года Борис Ельцин и Эдуард Шеварнадзе подписывают Сочинское соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта. Но несмотря на наличие договоров и соглашений, развивающих и укрепляющих мир и безопасность в регионе (Соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта от 24 июня 1992 года; Соглашение о дальнейшем развитии

процесса мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта от 31 октября 1994 года; Меморандум о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте от 16 мая 1996 года), Южная Осетия де-факто становится независимой республикой, однако де-юре остается административной единицей Грузии. Конфликт между Грузией и Абхазией не был решен — он переходит в стадию «затухания» и приобретает латентный характер.

Следующая фаза обострения была связана со стремлением нового президента Грузии, Михаила Саакашвили, восстановить территориальную целостность государства. В 2004 году в зону нахождения миротворческих сил России, Грузии и Южной Осетии были переброшены грузинские военные силы, однако попытки занять стратегические объекты региона были неудачными, и грузинские силы были выведены из региона.

Следующим витком развития противоречий между Грузией и Южной Осетией стал вооруженный конфликт в Южной Осетии 2008 года — «пятидневная война». Помимо вышеназванных государств, против Грузии выступили Абхазия и Россия. Активные боевые действия начала грузинская сторона, столкновения продолжались пять дней и закончились подписанием плана мирного урегулирования конфликта. При признании Абхазии и Южной Осетии руководство РФ ссылалось на прецедент Косово — несмотря на то, что в феврале того же года президент РФ Владимир Путин заявлял, что это прецедент «взламывает всю систему международных отношений, сложившуюся даже не за десятилетия, а за столетия. И он, без всяких сомнений, может повлечь за собой целую цепочку непредсказуемых событий» [1]. Однако негативное отношение к косовскому прецеденту было пересмотрено новым руководством, и уже 26 августа 2008 года независимость Абхазии и Южной Осетии была признана Российской Федерацией. Основанием для признания, согласно обращению президента РФ Дмитрия Медведева, стали:

- 1) нарушение грузинскими властями международных соглашений, Устава ООН и возобновление огня;
- 2) обращения к РФ президентов Абхазии и Южной Осетии с просьбой признать независимость и суверенитет республик;
- 3) население Южной Осетии и Абхазии на проводимых референдумах неоднократно высказывалось в поддержку независимости республик [2, с. 27] .

В настоящее время государства признаны также Республикой Никарагуа, Боливарианской Народной Республикой, Республикой Науру,

Республикой Вануату, а также непризнанными и частично признанными республиками постсоветского пространства — НКР, Приднестровской Молдавской Республикой, Сахарской Арабской Демократической Республикой, Луганской Народной Республикой и Донецкой Народной Республикой.

В 2008 году для мировой общественности пятидневная война стала неожиданностью, и зачастую звучали обвинения в адрес России, искусственно спровоцировавшей столкновения между сторонами конфликта. Однако очевидно, что потенциал грузино-осетинского конфликта был своеобразной «бомбой замедленного действия», заложенной в Грузинской ССР. Стремление Грузии обрести независимость от союзного центра при игнорировании внутренних межэтнических противоречий спровоцировало стремление регионов с автохтонным негрузинским населением избежать «грузинизации» и ассимиляции, и, как следствие, обрести независимость, суверенитет и начать строить собственную государственность с опорой на бывший союзный центр и наследницу СССР Российскую Федерацию.

Таким образом, если относиться к распаду Советского Союза как закономерному явлению — в том смысле, что закономерным итогом национальной политики большевиков должно было стать создание национальных государств — то и южноосетинский сепаратизм является в той же мере закономерным. Однако нынешний статус Южной Осетии не позволяет говорить о том, что конфликт исчерпан — так как статус государства на международной арене остается неопределенным. Некоторые эксперты говорят о том, что оптимальным решением данного конфликта стало бы включение государства в состав Российской Федерации [3]. В 2008 году Россия не пошла на этот шаг, опасаясь реакции международного сообщества, а также дальнейшего ухудшения отношений с Грузией. Южная Осетия оказалась в «подвешенном состоянии» — она не входит ни в состав Грузии, ни в состав России, существует на «полулегальном положении» под протекторатом России, являясь практически «недееспособной» на международной арене. Русская весна 2014 года и присоединение Крыма, повлекшее значительные издержки для самого государства и граждан России, вновь вызвали в регионе настроения, сигнализирующие о стремлении государства войти в состав РФ [4]. Однако на данный момент вероятность реализация такого сценария является довольно низкой, о чем наглядно свидетельствует стремительное ухудшение социально-экономического положения России.

Между тем, признание Южной Осетии Россией как независимого и суверенного государства в какой-то мере стало прецедентом для при-

знания Крыма, несмотря на то, что в большей мере руководство РФ ссылалось на прецедент Косово. И в случае с Южной Осетией, и в случае с Крымом существовали реальные предпосылки для выхода из состава Грузии и Украины. Более того, Крым действительно никогда не был «исконно украинской территорией». Конечно, апелляции к Крыму как колыбели русского государства в силу того, что именно в Херсонесе крестился князь Владимир, довольно слабы, однако изначально при подписании Беловежского соглашения необходимо было учитывать неоднородность республик и будущий статус тех регионов, которые были в большей мере лояльны союзному центру, нежели центру республиканскому. В принципе, и Южно-осетинский конфликт, и «Крымскую весну» можно было предупредить и предотвратить в двух случаях — во-первых, если бы изначально при «цивилизованном разводе» между республиками была бы сформирована обширная договорно-правовая база, закрепляющая особый статус отдельных регионов бывших советских республик, или же если бы данные соглашения прописывали возврат новых независимых государств к границам 1918 года. Во-вторых, проведение своевременных преобразований — например, конституционное закрепление статуса Южной Осетии как автономной республики с двумя государственными языками, а в случае с Крымом — федерализация Украины — также могли бы предотвратить сепаратизм в данных регионах.

Литература

1. Путин: независимость Косово повлечет непредсказуемые последствия // РИА Новости. 22.02.2008. URL: <http://ria.ru/politics/20080222/99907461.html#ixzz4C7hBtT00>
2. Хецуриани Дж. Признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии в контексте международного права: взгляд из Грузии // Кавказ и глобализация. 2008. № 4. Т. 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/priznanie-rossiey-nezavisimosti-abhazii-i-yuzhnoy-osetii-v-kontekste-mezhdunarodnogo-prava-vzglyad-iz-gruzii#ixzz4C7erHh2F>
3. Михайлов В. Абхазия. Южная Осетия. Российские перспективы на Кавказе. URL: http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=15742
4. Крючков И., Дергачев В.. Южная Осетия переносит «крымский сценарий» // Газета.ru. 26.05.2016. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2016/05/26_a_8266673.shtml

М.Е. Попов

Социокультурная интеграция как способ урегулирования конфликтов идентичностей и преодоления сепаратизма на Северном Кавказе *

Проблема исследования социокультурной интеграции как инструмента предотвращения сецессий и урегулирования региональных конфликтов связана с решением следующих задач: 1) системным анализом взаимосвязи и взаимозависимости интеграции, идентичности, конфликта; 3) выявлением факторов этнического сепаратизма как источника конфликтов идентичностей в северокавказском регионе; 2) концептуализацией социокультурной интеграции в качестве способа предотвращения сецессий и разрешения этнических противоречий.

В современной России социокультурная интеграция характеризуется тенденцией к увеличению этнических контактов, размывающих культурные границы. Преодоление сепаратизма, системная стабильность и безопасность полиэтнических российских регионов зависят от масштабов и уровня макросоциальной солидарности и гражданской интеграции. В этой связи первоочередное значение приобретает комплексный анализ интеграции как процесса ценностной консолидации, благодаря которому этнические сообщества достигают высокого уровня общероссийской идентификации.

Исследования антиконфликтного потенциала интеграции и анализ механизмов адаптации региональных сообществ к изменяющимся условиям модернизации являются одними из актуальных в теоретическом и практическом аспектах. Это обусловлено фундаментальным положением проблем интеграции в социальных и политических науках, а также поиском новых консолидационных ресурсов в процессе деэскалации региональных конфликтов и предотвращения сецессий.

Специфика региональных конфликтов как угроз и вызовов интеграции северокавказского социума заключается в том, что они протекают на фоне столкновения конкурирующих ценностей и идентичностей. Понятие ценностного столкновения уточняет концепт регионального этнического конфликта как конфликта идентичностей, подчеркивая системно-генетический характер данной объяснительной модели. В структурном отношении региональные конфликты выступают следствием эскалации социальных неравенств и роста этнического сепаратизма, угрожающих социальной безопасности и интеграционным про-

* Статья подготовлена в рамках проекта «Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе», Грант Президента МД-7429.2015.6.

цессам в полиэтническом сообществе. Как отмечают Дж. Эстебан, Л. Мейорал и Д. Рей, «внутригосударственные конфликты приобретают выраженный этнический характер. Более половины гражданских конфликтов после Второй мировой войны классифицированы как этнические или религиозные. Одним из оснований классификации регионального этнического конфликта является его идентификация в качестве антигосударственного мятежа от имени этнической группы. Бру-бейкер и Лейтин, рассматривая историю внутригосударственных конфликтов второй половины XX века, пришли к выводу об исчезновении биполярной идеологической оси на фоне масштабной этнизации насильственных столкновений» [1, р. 853–864].

Социальная дезинтеграция усугубляет сепаратистские тенденции и регионализацию Северного Кавказа, порождает аномию, апатию, пассивность, а носителей радикальных идеологий подталкивает к этнополитическому и религиозному экстремизму. Актуализация антиконфликтных механизмов социокультурной интеграции связана с необходимостью выработки секулярной, надэтнической модели макросоциальной консолидации, поддерживающей межэтническое сотрудничество и межкультурный диалог. Интеграция как процесс конструирования и продвижения гражданских ценностей, идентичностей, институтов, позволяющий этносоциальным субъектам взаимодействовать на основе принципов безопасности, справедливости, равноправия, становится основным методом разрешения региональных конфликтов идентичностей и преодоления этнического сепаратизма.

Методологической основой исследования является системный подход к анализу социокультурной интеграции, объединяющий конфликтологическую и неофункционалистскую парадигмы. На этапе исследования структурных причин роста этнической напряженности на Северном Кавказе важным методологическим основанием служит концепция «конфликтов идентичностей» Дж. Бертон и Дж. Ротмана [2, с. 21–25]. Это позволяет определить региональные этнические конфликты в качестве конфликтов идентичностей, социальных по форме (между этносоциальными субъектами различного уровня) и ценностных по содержанию, источником которых являются культурные различия. Теория разрешения конфликтов акцентирует внимание на потенциале социокультурной интеграции к трансформации деструктивных конфликтов идентичностей в конструктивные конфликты интересов.

Необходимость стимулирования социокультурной интеграции в полиэтническом сообществе обусловлена ценностными и инструментальными причинами: с этической точки зрения, создание интегриро-

ванного «общества для всех» является самоочевидной социетальной целью; структурные факторы интеграции связаны с необходимостью уменьшения культурных и социальных различий, ведущих к социальной фрагментации и оказывающих негативное воздействие на модернизационные процессы и предотвращение сецессий: социокультурная интеграция подразумевает формирование надэтнической гражданской идентичности.

Социокультурная интеграция находится в зависимости от следующих факторов: 1. Признание плюрализма этнических идентичностей в рамках единого нормативно-правового пространства. 2. Представительство этнических групп в целях предоставления гарантии того, что их интересы учитываются в процессе принятия государственных решений. 3. Перераспределение экономических ресурсов между различными субъектами в целях предотвращения социальных неравенств, поляризаций, диспропорций, фрагментаций на основе экономического статуса, этнической и религиозной идентичности.

Теория интеграции стремится к сочетанию концептов индивидуальной свободы и групповой лояльности как контр-нарративов насильственной ассимиляции, что можно рассматривать в качестве движения к плюрализму и уважению к культурным различиям на индивидуальном и коллективном уровнях. В этнонациональной сфере социокультурная интеграция формирует рационально-коммуникативные механизмы гражданской консолидации на основе принципов равенства и справедливости. Социальная справедливость, создание «общества для всех», является всеобъемлющей целью интеграции. Справедливость относится к социетальным принципам и ценностям, которые позволяют социальным субъектам получать справедливую долю выгоды за справедливую долю ответственности в рамках совместной жизни в обществе. Концепции социальной справедливости определяют гражданское общество как наиболее желательное и достижимое при условии, если права и обязанности распределяются в соответствии с согласованными принципами равенства; это интегрированное общество, в котором социальные субъекты могут принимать участие в культурной, экономической и политической жизни на основе равенства прав и возможностей, справедливости и достоинства. Социокультурная интеграция снижает этническую напряженность, что связано с высоким уровнем солидарности и безопасности, ослаблением этнонационализма, редукцией негативной стереотипизации «других» как «этнических врагов».

Региональные конфликты идентичностей — следствие реактуализации сепаратизма и радикализации политизированных этничностей. В

качестве системных факторов, определяющих остроту этнического сепаратизма и, как следствие, эскалацию конфликтов идентичностей на Северном Кавказе, выступают социальные неравенства и фрагментации. Анализ взаимосвязи роста конфликтности и идентичности приводит к мысли о деструктивном воздействии на безопасность северокавказского региона этнической интолерантности и религиозного фундаментализма.

Конфликты идентичностей опасны тем, что в их генезисе и динамике социальная неудовлетворенность будет с высокой степенью вероятности политизирована; воздействие установок к сецессии и насилию состоит в том, чтобы сконцентрировать агрессивный потенциал в точке этнической интолерантности и конфессиональной непримиримости. Величина насилия в конфликтах идентичностей детерминирована интенсивностью этнической напряженности и социальной неудовлетворенности, а также масштабами институциональной поддержки и мобилизации, являющимися условиями открытого противостояния.

Региональные конфликты затрагивают экзистенциально значимые коллективные ценности и идентичности, поэтому участники эмоционально вовлечены в идентификационные конфликты; в силу эмоциональной заряженности и иррациональности конфликты идентичностей перестают быть средством преодоления социальных фрустраций и становятся деструктивной самоцелью: этнический сепаратизм, политизация этничности, негативные культурные стереотипы в восприятии «других» играют ключевую роль в инициации таких конфликтов.

При обсуждении антиконфликтогенных механизмов социокультурной интеграции на Северном Кавказе необходимо учитывать следующее. Во-первых, социокультурная интеграция — это политический проект, содержание которого в значительной степени определяется проблемами обеспечения безопасности полиэтнического российского общества. Во-вторых, развитие северокавказского региона после окончания вооруженных конфликтов показывает недопустимость и невозможность ориентации на изоляционизм и культурную исключительность той или иной этносоциальной системы.

Социальная дезинтеграция, вызванная затяжными региональными конфликтами, может быть преодолена целенаправленным конструированием интеграционной гражданской идентичности, культивированием плюрализма и толерантности. В северокавказском социуме стратегия интеграции должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении различий, но на принципах гражданской солидарности и межэтнического сотрудничества.

Интеграционные задачи обеспечения региональной безопасности и преодоления этнического сепаратизма в его наиболее деструктивной форме — конфликтов идентичностей — носят системный общероссийский характер. Социокультурная интеграция в этом аспекте должна выступать в качестве инструмента конфликтного предупреждения — упреждающего воздействия на конфликтную среду путем разрешения этносоциальных противоречий.

Литература

1. Esteban J. et al. Ethnicity and Conflict: Theory and Facts // Science. 2012. Vol. 336. P. 853–864.

2. Попов М.Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: общероссийский и региональный аспекты. Ставрополь, 2011.

Ю.Н. Цыряпкина

Узбекско-киргизское межэтническое противостояние во время Ошских событий 2010 г. (на основе теории Р. Брубейкера)

Двадцатипятилетнее развитие республик постсоветской Центральной Азии изобилует примерами этнических конфликтов. Одним из самых кровопролитных межэтнических конфликтов стали Ошские события 2010 г. на юге Республики Кыргызстан, случившиеся сразу после Народной революции 7 апреля 2010 г., когда было свергнуто правительство президента Курманбека Бакиева.

В рамках данной статьи автор анализирует механизмы мобилизации узбекской и киргизской общин накануне и в течение конфликта 11-12 июня 2010 г. через призму конструктивистской концепции американского социолога Роджерса Брубейкера. Его труд «Этничность без групп» появился в 2004 г. [1] и для многих антропологов, социологов, исследующих причины этнических конфликтов, стал пошаговой инструкцией для выявления механизмов включения различных групп в конфликты. Одним из достижений Р. Брубейкера стало отделение понятия «этничности» (группы) от группизма [1, р. 12]. На группизм влияют политические, социальные и психологические процессы, благодаря которым этническая группа остро ощущает свои границы. Одним из важных выводов Р. Брубейкера стало утверждение о том, что этнический конфликт не всегда нужно понимать как конфликт между этническими группами [1, р. 13]. Представители различных этнических групп (политики, элиты, общественные деятели и др.) зачастую используют этническую риторику для мобилизации этнических групп и вовлечения в этнические конфликты.

Узбеки в Кыргызстане проживали в основном на юге республики и имели существенную долю в составе населения. Согласно переписи населения 2009 г., узбеков насчитывалось 768,4 тыс. человек (14,3%) в составе населения [2, с. 126]. В период президентства А. Акаева лидеры узбекской общины укрепились материально, в частности, лидер узбекской общественности г. Джалал-Абад Кадыржан Батыров. Тесному взаимодействию президента и лидеров национально-культурных объединений способствовал курс А. Акаева на построение толерантного общества: «Киргизстан — наш общий дом!», наличие национально-культурных центров, возможности обучения на юге Кыргызстана на узбекском языке в школе. Это касалось не только узбеков, но и русских, республика отличалась самым либеральным законодательством в отношении русского языка, который в 2000 г. получил статус официального. Нужно отметить, что у узбекских бизнесменов были неплохо налажены формальные и неформальные контакты с правительством. К примеру, в 1999 г. на деньги К. Батырова был построен частный Кыргызско-Узбекский университет дружбы народов в г. Джала-Абад, на открытии которого присутствовал лично президент А. Акаев.

Ситуация изменилась с приходом в 2005 г. к власти выходца из Юга К. Бакиева, при котором изменились принципы национальной политики и выстраивалось этнодоминирующее государство с титульной группой во главе, соответственно, лидеры узбекской группы потеряли неформальные контакты с правительством [2, с. 150]. К. Батыров — лидер узбекской общественности Джалал-Абада — так и не смог наладить конструктивного взаимодействия с президентской семьей. Соответственно, между К. Батыровым и президентом К. Бакиевым начинается противостояние. Считается, что в период 2005–2010 гг. лидер узбекского национально-культурного центра г. Джалал-Абад К. Батыров в Кыргызстане требует автономии, признания официальным узбекского языка на юге, допуска узбеков в силовые, властные и другие структуры. Следуя логике Р. Брубейкера, требования К. Батыров предъявлял от имени ГРУППЫ (узбеков Кыргызстана), но при этом преследуя собственные экономические интересы и выгоды.

Новый пик противостояния узбекского бизнесмена К. Батырова и семьи экс-президента К. Бакиева приходится на события, последовавшие после свержения президента К. Бакиева. 14 мая 2010 г. К. Батыров помог Временному правительству Р. Отунбаевой отбить здание администрации Джалал-Абада, которое захватили пробакиевские силы (братья бежавшего из республики президента К. Бакиева). Семья экс-президента К. Бакиева умело использовала слухи о том, что именно узбеками в мае 2010 г. был сожжен дом семьи Бакиевых в селе Тейит.

Местные киргизы интерпретировали поведение узбеков как угрозу государственности.

Столкновение двух кланово-олигархических групп: бизнесмена К. Батырова с бакиевской семьей на юге Кыргызстана привело к мобилизации киргизов и узбеков и к последовавшей в дальнейшем этнической войне 2010 г. После ряда межэтнических столкновений в мае 2010 г. и отсутствия реакции властей Временного правительства разрастание конфликта между узбеками и киргизами на юге республики стало делом времени.

Конфликт начался в ночь на 10 июня в центре г. Ош. Это столкновение очень быстро переросло в побоище с применением подручных средств. Отличительной особенностью этих событий стало то, что милиция не смогла справиться с участниками конфликта. Вскоре сами милиционеры стали подвергаться нападениям. Только в полночь подоспевшие к силовикам подкрепления смогли вытеснить узбекских участников конфликта в сторону узбекских махаллей (часть города, объединенная в квартал, имеющая местное самоуправление).

Утром 11 июня 2010 г. по городу Ош и Ошской области распространился слух о том, что имели место изнасилования и убийства киргизских студенток узбекскими мужчинами. Ночью с 10 на 11 июня во многих узбекских махаллях (кварталах) началось возведение баррикад из камней, деревьев и грузовых контейнеров, использовавшихся для придорожной торговли. Во второй половине ночи с 10 на 11 июня происходила стремительная мобилизация киргизских участников, как в самом городе, так и в близлежащих сельских районах. Причем киргизские участники утром 2010 г. были вооружены оружием, отобранным у пограничников, там же было захвачено несколько грузовых машин. В связи с массовым распространением оружия конфликт получил чудовищную кровавую динамику. В большинстве районов местные власти никак не препятствовали агрессии погромщиков. Ночью с 10 на 11 июня в городе появились первые убитые и раненые [3, с. 323]. В Оше на стенах домов были сделаны надписи «Озбектерге олум» (в переводе означает «смерть узбекам»), «UZ», «KG», «RUSSKIE», «сарты»*, что являлось указателями для ограбления домов.

* Сартами в XIX в. называли оседлых жителей, торговцев, ремесленников. По мнению С.Н. Абашина, сартов сложно приписать к какой-либо этнической группе, сарт — это особое самосознание, которое вполне могло существовать с другими типами самосознания [см.: 4, с. 27]. Хотя неоспорим тот факт, что в событиях 10–12 июня 2010 г. термин «сарт» приписывали узбекам, делая акцент на их вовлеченность в торговые занятия в Оше.

Бездействие Временного правительства, попытки милиции локально остановить кровопролитие привели к тому, что 11 июня в Оше весь день проходили погромы. К концу дня в городе было зафиксировано 45 погибших. Мобилизованные из сельской местности участники погромов (киргизы) начали штурмовать узбекские махалли. Узбеки собственными силами эвакуировали женщин, детей и стариков — в направлении границы с Узбекистаном. На киргизско-узбекской границе в Андижанской области заработали пункты приема беженцев.

Насилие, которое имело место в течение ночи и двух дней — 10 и 11 июня, как и в последующем, имело двойственный характер. Скорее всего, оно было заранее спланировано, имело черты сговора с военными; в карательных акциях были задействованы БТРы, атаковавшие баррикады узбекских махаллей и участвовавшие в сожжении узбекской собственности. По свидетельствам очевидцев, зафиксированным в отчете Международной независимой комиссии по расследованию трагических событий, произошедших на юге, 11 июня 2010 г. БТРы были пригнаны солдатами из отдаленных районов и переданы воинствующей толпе киргизов в Фуркате. Эти свидетельства легли в основу проведенного экспертного анализа, представленного А. Князевым [3, с. 332].

12 июня 2010 г. глава Временного правительства Роза Отунбаева обратилась к президенту России Д.А. Медведеву с просьбой ввести миротворцев для подавления массовых беспорядков и межэтнических столкновений между киргизами и узбеками. Российское руководство выразило обеспокоенность Ошскими событиями, но не имело законных оснований вмешиваться в конфликт [3, с. 333].

13 июня 2010 г. в Андижанской области Узбекистана размещалось 45 тысяч официально зарегистрированных беженцев из Оша. В последующие дни конфликт медленно угасал, было сожжено 70% Оша. Аналогичные погромы, но с меньшим количеством жертв, произошли в Джалал-Абаде и Джалал-Абадской области. Согласно информации Министерства здравоохранения, по состоянию на 1 декабря 2010 г. число погибших составило 418 чел., в городе Оше и Ошской области погибло 348 человек, в Джалал-Абадской — 70. Среди погибших в Оше и Ошской области узбеков — 225 человек, в Джалал-Абадской — 41. В Оше и Ошской области погибло киргизов — 77, в Джалал-Абадской области — 27 [5].

Западные антропологи Аксана Исмаилбекова и Софи Рош из Германии обрисовали механизмы мобилизации этничности в Ошских событиях 2010 г. Исследователи считают, что в советское время значение национальной принадлежности было многосторонним, но основ-

ным источником идентификации, однако, оставалось место рождения. «Быть бухарцем, ошанином, джалалабадцем и так далее было важнее, чем киргизом, узбеком, уйгуром или таджиком. До тех пор, пока русский язык был языком межнационального общения, этническая составляющая находилась в культурной, а не в политической сфере. Этническая принадлежность могла также рассматриваться как свидетельство принадлежности к экономической нише — узбеки слыли в Южной Киргизии торговцами» [6]. Но такое деление не было препятствием для взаимных браков и совместного проживания. Обычной практикой было владение, по крайней мере, двумя-тремя языками — языком своих соседей и русским. На юге Кыргызстана проживало единое общество, которое на протяжении веков совместно населяло и обустроило эти территории, выработав присущую региону симбиозную культурную форму. Однако в постсоветский период, особенно во второй половине 2000-х гг., когда национальные различия стали культивироваться в политической сфере, они явились источником противостояния. Местные жители согласны, что этническая составляющая стала одним из самых простых факторов мобилизации населения. К этому фактору добавились предрассудки, слухи и личные разногласия [6].

Если рассматривать процессы собирания в группы как узбеков, так и киргизов накануне и во время Ошских событий, то можно отметить, что были умело использованы этнические лозунги в политической борьбе клана Бакиевых против Временного правительства, защитниками которых на Юге республики стали узбекские предприниматели. При этом сыграла свою негативную роль память о 1990 г., когда локальный конфликт за землю и воду уже приобрел этнический характер. Западные антропологи считают, что в Ошских событиях, скорее, произошла борьба за ресурсы. Население юга республики в течение двух десятилетий проживало в крайней бедности, было вынуждено полагаться на натуральное хозяйство, что делало его чувствительным к вопросам владения дефицитной плодородной почвой и возможности торговли на базаре.

В то время как этническая принадлежность все больше становилась политизированной, правительства А. Акаева, К. Бакиева и Р. Отунбаевой упускали из виду реальные проблемы в регионе. Это, в первую очередь, высокий уровень безработицы и нехватка ресурсов, которые препятствовали нормальной социализации молодых людей, притом, что в Кыргызстане процент трудоспособного населения очень высок и для них не хватало работы. Увеличился разрыв между богатыми и бедными. Следовательно, «этнические» столкновения можно

было бы рассматривать как комплекс социально-экономических и политических проблем, десятилетиями не разрешаемых в республике.

Литература

1. Brubaker R. Ethnicity without Groups. Harvard University Press, 2004.
2. Цыряпкина Ю.Н. Центральная Азия в 1990–2010-е годы: основные тенденции внутренней и внешней политики: учебное пособие. Барнаул, 2015.
3. Князев А.А. Векторы и парадигмы Киргизской независимости (очерки постсоветской истории). Бишкек, 2012.
4. Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии в поисках идентичности. СПб., 2007.
5. Хроника насилия: события на юге Кыргызстана (Ошский регион). Доклад (2012. № 2) Норвежского Хельсинкского комитета, Правозащитного центра «Мемориал», Freedom House. URL: <http://www.fergananews.com/news/photos/2013/06/774.pdf>
6. Исмаилбекова А., Roche S. Проблеск надежды в окровавленном Кыргызстане // Фергана. Информационное агентство. URL: <http://www.fergananews.com/articles/6687>

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Список литературы, подготовленный Алтайской краевой универсальной научной библиотекой им. В.Я. Шишкова *

Монографии и сборники статей

Албанский фактор кризиса на Балканах : сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; [редкол.: Е. Ю. Гуськова (отв. ред.) и др.]. — Москва : ИНИОН РАН, 2004. — 192 с. — (Проблемы глобальной и региональной безопасности).

Асимметрия мировой системы суверенитета : зоны проблемной государственности / [М. В. Ильин и др.] ; под ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Каф. сравнит. политологии. — Москва : МГИМО-Университет, 2011. — 246, [1] с.

Бжезинский, З. Украинский шанс для России / Збигнев Бжезинский. — Москва : Алгоритм, 2015. — 238, [1] с. — (Политический инсайд).

Брехт, А. О государственном устройстве Германии : федерализм и регионализм в Германии. Разделение Пруссии / Брехт Арнольд ; пер. с англ. Б. Я. Жуховецкого ; вступ. ст. И. П. Трайнина. — Москва : Гос. изд-во иностр. лит., 1947. — 215 с.

Бышок, С. О. Евромайдан имени Степана Бандеры : от демократии к диктатуре / Станислав Бышок, Алексей Кочетков ; Народная дипломатия, Фонд развития институтов гражд. о-ва. — 2-е изд. — Москва : Кн. мир, 2014. — 511 с., [12] л. цв. ил.

Быюкенен, А. Сецессия: право на отделение, права человека и территориальная целостность государства : [перевод] / Аллен Быюкенен. — Москва : Рудомино, 2001. — 239 с. — (Публикации Музея и общественного центра им. А. Сахарова; вып. 2. Серия «Теоретические проблемы прав человека»).

Валецкий, О. В. Югославская война, 1991–1995/ Олег Валецкий. — 3-е изд., доп. и перераб. — Москва : Крафт+, 2011. — 651, [5] с.: ил., карты.

Вершинин, Л. Р. Украина — вечная Руина. Гопак на крови / Лев Вершинин (он же Putnik 1). — Москва : Яуза-пресс, 2014. — 315, [2] с. — (Информационная война).

Волкова, Г. И. Испания: государство автономий и проблема территориальной целостности / Г. И. Волкова ; МГИМО — Ун-т МИД России, Иберо-американский центр. — Москва : МАКС Пресс, 2011. — 326, [1] с.: табл.

Волова, Л. И. Принцип территориальной целостности и неприкосновенности в современном международном праве / Л. И. Волова ; отв. ред. В. К. Собакин ; Рост. гос. ун-т. — Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1981. — 191, [1] с.

Восстание меньшинств : Косово. Молдавия. Украина. Грузия. Курдистан : сб. информ. агентства REGNUM / [отв. ред. Т. Рапопорт]. — Москва : Европа, 2006. — 179 с.: ил. — (Евровосток).

* Составитель — А.Н. Левкович, главный библиотекарь читального зала общественно-научной литературы АКУНБ им. В. Я. Шишкова.

Выговский, И. И. Апологеты колониализма: (критика буржуазных концепций распада колониальной системы империализма) / И. И. Выговский ; Акад. наук Укр.ССР, Ин-т истории. — Киев : Наукова думка, 1974. — 98, [2] с.

Горбачев, И. Г. Реализация права наций на самоопределение в Советском государстве: (проблемы интернационализма) / И. Г. Горбачев. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1985. — 122, [1] с.

Григорьев, М. С. Крым: история возвращения / М. С. Григорьев, О. Ф. Ковитиди. — Москва : Кучково поле, 2014. — 397, [2] с., [16] л. ил.: портр. — (Логика власти).

Дело об отделении Сибири от России / арх. публ. А. Т. Топчия, Р. А. Топчия ; сост. и коммент. Н. В. Серебренникова. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. — 387 с. — (Сибирский архив).

Джуретич, В. Развал Югославии: основные течения 1918–2003 гг.: ист. предпосылки гражд. войны в Югославии 1991–1995 гг. агрессия НАТО против серб. народа 1999 г. / Веселин Джуретич ; Серб. акад. наук и искусства (Балканол. ин-т) г. Белград. — Москва : Кобекс интернешнл: Кристи инженеринг : СтройСпецМонтаж, 2003. — [4], 650 с.: ил.

Добронравин, Н. А. Модернизация на обочине: выживание и развитие непризнанных государств в XX — начале XXI века / Николай Добронравин ; [Европ. ун-т в Санкт-Петербурге]. — Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. — 252 с.: ил.

Дугин, А. Г. Украина: моя война: геополитический дневник / Александр Дугин. — Москва : Центрполиграф, 2015. — 511, [1] с.

Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии : [сб. ст. : пер. с англ.] / Бруно Коппитерс [и др.] ; с коммент. Н. Попеску, Г. Нодиа. — Москва : Весь Мир, 2005. — 312 с.

Жирохов, М. А. Семна распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР / Михаил Жирохов. — Санкт-Петербург : БХВ-Петербург, 2012. — 677 с. : ил. — (Окно в историю).

Затулин, К. Ф. Россия и Абхазия: две страны — один народ / Константин Затулин. — Санкт-Петербург : Алетейя: Историческая книга, 2011. — 402, [4] с., [8] л. цв. ил.

Захаров, В. А. Признание независимости Южной Осетии и Абхазии: история, политика, право / В. А. Захаров, А. Г. Арешев ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр кавказ. исслед., Акад. наук, культуры и образования Кавказа. — Москва : МГИМО-Университет, 2008. — 358, [1] с.

Каппелер, А. Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / Каппелер Андреас ; пер. с нем. С. Червонной. — Москва : Прогресс-Традиция: Традиция, 2000. — 342 с.

Керри, Дж. О России «с любовью» : [пер. с англ.] / Джон Керри ; [коммент. А. К. Пушкина]. — Москва : Алгоритм, 2015. — 255 с. — (Политический инсайд).

Клямкин, И. М. 2014. Год Украины / Игорь Клямкин. — Москва : Фонд «Либер. миссия», 2015. — 207, [1] с.

Ковалев, А. А. Самоопределение и экономическая независимость народов / А. А. Ковалев. — Москва : Междунар. отношения, 1988. — 155, [2] с.

Коданева, С. И. Британский регионализм: конституц. реформа / С. И. Коданева. — Москва : Юрист, 2004. — 140 с. — (Res cottidiana).

Константинов, А. Д. Предложение крымского премьера. Расследователь / Андрей Константинов, Александр Новиков. — Москва : АСТ, 2014. — 414, [1] с.

Коровин, В. М. Накануне империи. Прикладная геополитика и стратегия в примерах / Валерий Коровин. — Москва : Алгоритм, 2015. — 270, [1] с. — (Четвертая мировая).

Коровин, В. М. Третья мировая сетевая война / Валерий Коровин. — Санкт-Петербург : Питер, 2014. — 349, [1] с.

Корэйба, Я. В. Проблемы европейской политики в отношениях между Россией и Украиной / Якуб Корэйба ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. — Москва : Аспект Пресс, 2014. — 220, [1] с. — (Постсоветские и восточноевропейские исследования; 3).

Косово и международное право : (по материалам «круглого стола», 28 марта 2008 г.) / [редкол.: Анисимова С. А. и др.]. — Москва : Клуб «Реалисты», 2008. — 126 с.

Крылов, А. Б. Сепаратизм в странах Востока / А. Б. Крылов ; [отв. ред. А. А. Прусаускас] ; Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. — Москва : Наука, 1992. — 176 с.

Ленин, В. И. Критические заметки по национальному вопросу. О праве наций на самоопределение. О национальной гордости великороссов / В. И. Ленин. — Москва : Политиздат, 1985. — 91, [2] с.

Матвеев, В. А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. — 1917 г.) / В. А. Матвеев ; Юж. федер. ун-т. — Ростов н/Дону : Юж. федер. ун-т, 2011. — 447 с.

Мильчакова, О. В. Конституционный контроль в странах бывшей Югославии / О. В. Мильчакова. — Москва : ДПК Пресс, 2014. — 304, [3] с.: ил..

Наумова, А. Ю. «Цветные революции» на постсоветском пространстве / Анастасия Наумова, Виктор Авдеев, Александр Наумов. — Санкт-Петербург : Алетей, 2015. — 162, [1] с.: ил.

Овчинский, В. С. «Независимость» Косово в зеркале теневой политики : анализ. докл. / В. С. Овчинский. — Москва : ИНФРА-М, 2008. — 30, [1] с.

Пихорович, В. Д. Украина между Западом и Востоком. Хроники Евромайдана / В. Д. Пихорович. — Москва : URSS: ЛЕНАНД, 2014. — 191 с.

Проблемы этнического сепаратизма и регионализма в Центральной Азии и Сибири: история и современность : [материалы науч. конф., Барнаул, 13-14 сент. 2004 г. / редкол.: В. А. Моисеев (отв. ред.) и др.]. — Барнаул : Азбука, 2004. — 328 с. В надзаг.: Алт. гос. ун-т, Том. гос. ун-т, Алт. центр востоковедных исслед.

Пряхин, В. Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве: (Абхазия, Юж. Осетия, Нагор. Карабах, Приднестровье, Таджикистан) / В. Ф. Пряхин. — Москва : ГНОМ и Д, 2002. — 312 с., [2] л. карт.

Растов, Ю. Е. Сибирский сепаратизм: социологическая экспертиза современных проявлений / Ю. Е. Растов, Д. И. Щербинин ; М-во образования и науки РФ, Алт. гос. ун-т. — Барнаул : Изд-во АГУ, 2010. — 166, [1] с.: табл.

Реутов, В. Ю. Знаки истории / Виктор Реутов. — Барнаул : ИП Колмогоров И. А., 2015. — 178 с.

Рожин, Б. Война на Украине день за днем. «Рупор тоталитарной пропаганды» / Борис Рожин. — Москва : Алгоритм, 2015. — 253, [2] с. — (Военный обозреватель).

Романенко, С. А. Между «Пролетарским интернационализмом» и «Славянским братством»: российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века — 1991 год) / Сергей Романенко. — Москва : Новое лит. обозрение, 2011. — 1012, [1] с. — (Библиотека журнала «Неприкосновенный Запас». Антропология. Философия. Политология. История).

Россия 2014: год новой реальности : материалы XXI междунар. науч.-практ. конф. (28-30 июня 2014 г.) / [редкол.: В. А. Рыжков (отв. ред.) и др.]. — Барнаул : Си-пресс, 2014. — 243 с.: ил. — В надзаг.: Friedrich Ebert Stiftung, Фонд социал. поддержки и гражд. инициатив, Рос. обществ.-полит. центр, Алт. отделение.

Савватеев, И. М. Кризис, распад и крушение колониальной системы империализма : учеб. пособие / И. М. Савватеев; Саратов гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1973. — 36, [2] с.

Савельев, В. В. Модель самоопределения народов в России : учеб.-метод. пособие / В. В. Савельев ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. — Москва : Изд-во РАГС, 2010. — 112, [1] с.

Садулаев, Г. Прыжок волка: очерки политической истории Чечни от Хазарского каганата до наших дней / Герман Садулаев. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2012. — 251, [1] с.

Смирнов, А. С. Проект Новороссия. История русской окраины / Александр Смирнов. — Москва : Алгоритм, 2015. — 350, [1] с. — (Новороссия).

Современный Китай в условиях трансформации / [А. А. Киреев и др.] ; отв. ред. Д. В. Кузнецов, Д. В. Буяров ; М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГБОУ ВПО «Благовещенский гос. пед. ун-т». — Москва : URSS : ЛЕНАНД, 2015. — 253, [1] с. : ил.

Стариков, Н. В. Россия. Крым. История / Николай Стариков, Дмитрий Беляев. — Санкт-Петербург: Питер, 2015. — 251, [1] с.

Стариков, Н. В. Украина. Хаос и революция — оружие доллара / Николай Стариков. — Санкт-Петербург : Питер, 2014. — 239, [1] с.

Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола : [сборник / сост., авт. вступ. ст. и коммент. М. Б. Смолин]. — Москва : Москва, 1998. — 430 с. — (Пути русского имперского сознания).

Хабриева, Т. Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование / Т. Я. Хабриева ; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. — Москва : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2010. — 286, [1] с.

Чемчиева, А. П. Алтайские субэтносы в поисках идентичности / А. П. Чемчиева ; отв. ред. чл.-кор. РАН В. И. Бойко; Рос. акад. наук, Сиб. отделение,

Ин-т археологии и этнографии. — Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. — 254 с.: ил.

Черкасов, П. П. Распад колониальной империи Франции: кризис французской колониальной политики в 1939–1985 гг. / П. П. Черкасов. — Москва : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1985. — 323, [2] с.

Чечня в пламени сепаратизма / [сост. А. П. Сурков, А. Турчина]. — Саратов : Изд-во Приволж. акад. гос. службы, 1998. — 424 с.: ил.

Шармазанашвили, Г. В. Право народов и наций на свободу и независимость: критика буржуазных концепций / Г. В. Шармазанашвили, А. К. Цикунов ; М-во высш. и сред. спец. образования СССР. — Москва : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1987. — 80, [2] с.

Щербинин, Д. И. Конфликтный потенциал современного сибирского сепаратизма: (по материалам социол. исслед. в Алт. и Краснояр. краях, Респ. Алтай, Кемер. и Читин. обл.) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. наук / Щербинин Денис Игоревич ; [Алт. гос. ун-т]. — Барнаул : [б. и.], 2010. — 18 с.

Статьи в периодических изданиях

Абдуллин, А. И. Трехсторонний исследовательский семинар по вопросам регионализма и международного права в Казанском университете / А. И. Абдуллин, Р. Ш. Давлетгильдеев, И. Р. Асатуллин // Московский журнал международного права. — 2014. — № 4. — С. 189-196.

Аватков, В. А. «Пантюркистский» аспект в дискурсе современного татарского национального движения / В. А. Аватков, А. Ш. Бадранов // Национальная безопасность / *nota bene*. — 2014. — № 2. — С. 283-291. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.2.10884. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-28057

Акимов, Ю. Г. «Да здравствует свободный Квебек!» — Шарль де Голль и Французская Канада / Ю. Г. Акимов // Клио. — 2015. — № 3. — С. 241-249.

Александрова, Е. С. События на Украине и в Крыму: проблема международного права? / Е. С. Александрова // Право и политика. — 2014. — № 11. — С. 1691-1701.

Александрова, Е. С. Эволюция демократического права на сецессию: современный этап / Е. С. Александрова // Международное публичное и частное право. — 2015. — № 1 (82). — С. 3-6.

Алиев, А. Ю. Генезис этноконфликтов и стремление к этнократии в абхазском национальном самоопределении: политико-правовой аспект / А. Ю. Алиев // Философия права. — 2009. — № 3. — С. 125-128.

Ахметов, А. А. Условия и пути преодоления сепаратистских тенденций в России / А. А. Ахметов // Власть. — 2010. — № 10. — С. 24-27.

Бараш, Р. Э. К вопросу о содержании категории «разделенный народ» / Р. Э. Бараш // Власть. — 2010. — № 5. — С. 56-59.

Батчаева, А. А. Коррупция и сепаратизм: криминологические взаимосвязи в условиях Северо-Кавказского федерального округа / А. А. Батчаева // Национальная безопасность / *nota bene*. — 2011. — № 3. — С. 94-100. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-15137

Белькович, Р. Ю. Две войны за независимость : Авраам Линкольн и проблема сецессии / Р. Ю. Белькович // Диалог со временем. — 2014. — Вып. 49. — С. 218-235. URL: <http://www.twirpx.com/file/1594333/>

Белькович, Р. Ю. Сецессия и метаязык права / Р. Ю. Белькович // Право и политика. — 2015. — № 5. — С. 651-657.

Белькович, Р. Ю. Субъект сецессии: проблема легитимности / Р. Ю. Белькович // Политика и Общество. — 2015. — № 4. — С. 522-530. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.4.14819. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-33337

Беляев, М. А. Демографическая безопасность России в условиях евразийского сепаратизма: муниципальный аспект / М. А. Беляев // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2014. — № 3 (24). — С. 62-66. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22584532&>

Беляев, М. А. Политические уроки сепаратизма в постсоветской России: региональный транзит / М. А. Беляев // Этносоциум и межнациональная культура. — 2014. — № 6 (72). — С. 122. . URL: <http://etnosocium.ru/etnosotsium-06-2014>

Беляев, М. А. Этнорегиональные модификации сепаратизма в современной России: политологический анализ / М. А. Беляев // Этносоциум и межнациональная культура. — 2014. — № 7 (73). — С. 128. URL: <http://etnosocium.ru/etnosotsium-07-2014>

Богатырев, К. А. Этноконфессиональный конфликт в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Часть II. Современность / К. А. Богатырев // Политика и Общество. — 2011. — № 1. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-13405

Богатырев, К. А. Этнонационализм в постсоветской Чувашии / К. А. Богатырев // Политика и Общество. — 2013. — № 9. — С. 1088-1096. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.9.2638. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-25780

Бойко, Ю. П. Федерализм как способ разрешения национально- территориальных проблем в современном мире / Ю. П. Бойко // Вестник Московского университета МВД России. — 2010. — № 2. — С. 66-69.

Булипопова, Е. В. «Двойные стандарты» в международной политике: от мифологии к технологии / Е. В. Булипопова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2009. — № 7-1. — С. 196-199. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=12892193>

Бунчук, В. Л. Региональная политика федеративного государства как механизм оптимизации и совершенствования федеративных отношений / В. Л. Бунчук // Национальная безопасность / nota bene. — 2012. — № 6. — С. 22-27. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-22716

Бушенева, Ю. И. Экономические основания сепаратизма в Западной Европе / Ю. И. Бушенева // Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир : материалы V междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. Н. Скворцова ; отв. ред. Н. М. Космачева. — Санкт-Петербург : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 2015. — С. 6-13. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23292335>

Буяров, Д. В. К вопросу об этно-религиозном сепаратизме в Синьцзяне / Д. В. Буяров // Актуальные проблемы современности : материалы 4-й науч.-практ. конф. «Альтернативный мир» / отв. ред. Д. В. Буяров. — Благовещенск, 2009. — С. 20-26. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23163442>

Верников, В. Л. Каталония в поисках независимости / В. Л. Верников // Современная Европа. — 2015. — № 2. — С. 61-71.

Визель, М. Несерьезный референдум / М. Визель // Эксперт. — 2014. — № 21. — С. 72-74.

Вишняков, В. Г. Проблемы укрепления территориальных основ Российской Федерации / В. Г. Вишняков // Политика и Общество. — 2012. — № 5. — С. 21-28. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-18514

Владимирова, В. Транснациональные индигенные организации, либеральный мультикультурализм и нарративы об «индигенном сепаратизме» на Севере России / В. Владимирова // Сибирские исторические исследования. — 2015. — № 1. — С. 23-56. URL: http://journals.tsu.ru/siberia/&journal_page=archive&id=1249&article_id=22762

Волков, Н. В. Экстремизм как крайняя форма сепаратизма: проблема определения социально-правовой сущности феномена / Н. В. Волков // История государства и права. — 2006. — № 9. — С. 4-5.

Гибадуллин, Р. М. Оппозиция «Центр — республики» как этнополитическая проблематика / Р. М. Гибадуллин // Власть. — 2010. — № 4. — С. 30-35.

Глигич-Золотарева, М. В. Соединенные Штаты Украины / М. В. Глигич-Золотарева // Федерализм. — 2014. — № 2. — С. 35-50.

Гончаров, В. В. О роли регионального конституционного правосудия в укреплении исполнительной вертикали власти и преодолении центробежных тенденций в государственном управлении / В. В. Гончаров // Российский судья. — 2010. — № 2. — С. 36-40.

Громыко, Ал. А. Дестабилизация Европы и проблемы доверия / Ал. А. Громыко // Современная Европа. — 2014. — № 4. — С. 5-7.

Гуджатуллаев, Р. А. Факторы сепаратистских этнополитических конфликтов на примерах Курдистана, Страны Басков и Нагорного Карабаха / Р. А. Гуджатуллаев // Вестник Пермского университета. — 2015. — № 1. — С. 123-128. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23063065>

Дегтярев, А. К. Гражданский национализм в российском обществе: имперский дискурс / А. К. Дегтярев // Государственное и муниципальное управление : ученые записки СКАГС. — 2014. — № 3. — С. 167-172. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22297934>

Денисюк, С. Г. «Терористичний сепаратизм» в сучасній Україні: спроба теоретико-прикладного аналізу / С. Г. Денисюк, В. О. Корнієнко // Гілея: научний вестник. — 2015. — № 93 (2). — С. 342-345. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23235896>

Дзидзоев, В. Д. Исторические и политико-правовые истоки противостояния Грузии с Южной Осетией и Абхазией / В. Д. Дзидзоев // Философия права. — 2010. — № 3. — С. 87-90.

Диксон, П. Россия в нациосепаратизме Европы / П. Диксон // Эксперт. Северо-запад. — 2014. — № 35. — С. 30: фот. URL: <http://expert.ru/northwest/2014/35/rossiya-v-natsioseparatizme-evrope/>

Егорова, М. А. Концептуальные подходы к этническим конфликтам в Западной Европе / М. А. Егорова // Политика и Общество. — 2009. — № 7. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-10029

Егорова, М. А. Этнические конфликты в Западной Европе: евротерроризм (на примере баскской террористической организации ЭТА) / М. А. Егорова // Национальная безопасность / nota bene. — 2009. — № 4. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-9887

Жильцов, С. С. Государственное устройство Украины: проблемы современного развития / С. Жильцов // Обозреватель. — 2015. — № 5(304). — С. 5-14.

Змеевский, А. В. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом / А. В. Змеевский // Московский журнал международного права. — 2001. — № 4. — С. 3-10.

Ионин, А. Технологический альянс вместо Североатлантического: в поисках нового ответа на стратегические вызовы / А. Ионин // Россия в глобальной политике. — 2015. — № 3. — С. 184-190.

Кагримаян, А. С. Независимость Шотландии: быть или не быть / А. С. Кагримаян // Политика и Общество. — 2014. — № 7. — С. 745-752. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.7.12577. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-30151

Карпович, О. Г. Идеологическая база сепаратизма в системе координат современной мировой политики / О. Г. Карпович // Политика и Общество. — 2014. — № 11. — С. 1339-1352. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.11.12959. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-31639

Карпович, О. Г. «Мягкая сила» бразильской модели федерализма / О. Г. Карпович // Политика и Общество. — 2016. — № 2. — С. 164-171. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.2.17128. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-36323

Кирабаев, Т. Теоретические подходы к исследованию процессов регионализации и региональной интеграции / Т. Кирабаев // Международная жизнь. — 2014. — № 11. — С. 73-94.

Клачков, П. В. Эффективное противодействие сепаратизму в современных условиях / П. В. Клачков, С. А. Подъяпольский // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 6. — С. 920. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21163355>

Кокшаров, А. Сепаратизм отложен на потом / А. Кокшаров // Эксперт. — 2014. — № 40. — С. 52-55.

Комлева, Н. А. Презэмптивная война как технология ресурсного передела мира / Н. А. Комлева // Пространство и Время. — 2012. — № 2. — С. 28-33. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17749365>

Кочетков, Е. Е. Влияние институтов асимметричного федерализма на стабилизацию федеральной и региональной политики / Е. Е. Кочетков // Право и

политика. — 2014. — № 1. — С. 14-22. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.1.10711. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-27085

Лафитский, В. И. Сецессия в современном мире: конституционно-правовые и международно-правовые аспекты / В. И. Лафитский // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2014. — № 1 (44). — С. 30-33. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-29032

Лебедева, М. Л. Проблемы применения практики французского регионализма в России / М. Л. Лебедева // Пробелы в российском законодательстве. — 2015. — № 3. — С. 210-214.

Лебедева, М. Л. Французский регионализм: политико-правовое исследование / М. Л. Лебедева // Бизнес в законе. — 2015. — № 2. — С. 115-119.

Лексин, И. В. Новые субъекты в составе Российской Федерации: проблемы теории, законодательства и практики его реализации / И. В. Лексин // Федерализм. — 2014. — № 2. — С. 51-62.

Лисовская, Г. В. Развитие представлений о национальном государстве в истории политико-правовой мысли / Г. В. Лисовская // Философия права. — 2011. — № 4. — С. 115-118.

Литвиненко, К. О. Сепаратизм как феномен социального буття эпохи модерну / К. О. Литвиненко // Гилея: научный вестник. — 2015. — № 102 (11). — С. 210-214. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24907311>

Литвинова, Т. Н. Этнические аспекты развития федерализма на Северном Кавказе: реалии и перспективы / Т. Н. Литвинова // Политика и Общество. — 2012. — № 5. — С. 43-54. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-18517

Лушников, А. А. Антитеррористическая правовая политика в Северо-Кавказском регионе / А. А. Лушников // Правовая политика и правовая жизнь. — 2012. — № 3. — С. 120-123.

Любарский, Е. С. Ценностные ориентации идеологии терроризма / Е. С. Любарский // Право и политика. — 2011. — № 3. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-14164

Малинов, А. Областничество в исторической ретроспективе / А. В. Малинов, И. Ю. Пешперова // Новое литературное обозрение. — 2015. — № 3. — С. 101-111.

Мамедалиев, Ч. С. Проблема сепаратизма в современном мире. Причины возникновения и пути их преодоления / Ч. С. Мамедалиев // Право и политика. — 2008. — № 12. — С. 2914-2917. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-7622

Мамедов, С. К. Проявления сепаратизма и международное право / С. К. Мамедов // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 2. С. 118-121. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19694271>

Мамедов, С. С. Проблема применения двойных стандартов в международном праве в контексте урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта / С. оглы Мамедов // Закон и право. — 2014. — № 9. — С. 118-123.

Манойло, А. В. Сепаратизм как вызов и угроза международной безопасности / А. В. Манойло // Геополитический журнал. — 2014. — № 7. — С. 11-23. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23204425>

Манойло, А. В. Сепаратизм как вызов и угроза международной безопасности / А. В. Манойло // Тренды и управление. — 2014. — № 2. — С. 105-116. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.2.12410. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-29996

Манойло, А. В. Сравнительный сепаратизм: мировой опыт и российские реалии А. В. Манойло // Мировая политика. — 2015. — № 2. — С.141-169. DOI: 10.7256/2409-8671.2015.2.15335. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_15335.html

Manoylo, A. V. Separatism: Global Experience and Russian Realities / A. V. Manoylo // Конфликтология / nota bene. — 2015. — № 1. — С. 5-16. DOI: 10.7256/2409-8965.2015.1.14206. URL: http://e-notabene.ru/knt/article_14206.html

Марксен, К. Крымский кризис с позиции международного права / К. Марксен // Сравнительное конституционное обозрение. — 2014. — № 5. — С. 56-72.

Матвеев, О. В. Конституционно-правовые аспекты сепаратизма в Европе / О. В. Матвеев // Конституционное и муниципальное право. — 2015. — № 1. — С. 71-74.

Морозов, Г. И. Чеченский терроризм. Преступное орудие сепаратизма / Г. И. Морозов // Право и политика. — 2000. — № 9. — С. 40-52. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-230

Морозов, Ю. В. Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на российском Дальнем Востоке и в Китае / Ю. В. Морозов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2014. — Т. 19, № 19. — С. 72-92. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22653027>

Назаров, М. М. Конфликтный потенциал сепаратизма (по результатам исследования в регионах) / М. М. Назаров // Национальная безопасность / nota bene. — 2012. — № 5. — С. 103-111. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-21904

Ноздрин, А. В. Политика двойных стандартов в международных отношениях / А. В. Ноздрин // Актуальные проблемы современных международных отношений. — 2013. — № 1. — С. 79-83. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20841962>

Нуруллин, Р. М. Понятие сепаратизма в политической науке / Р. М. Нуруллин // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — Т. 152, № 1. — С. 212-221. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=13216700>

Олифир, Д. И. Этнокультурный регионализм Украины: федерализация или раскол? / Д. И. Олифир // Обозреватель. — 2014. — № 8. — С. 68-76.

Орлов, А. А. Проблема сепаратизма на современном этапе: на примере Шотландии и Каталонии / А. А. Орлов // Обозреватель. — 2015. — № 1 (300). — С. 67-80.

Очкалова, А. В. Проблема уйгурского сепаратизма в Китае / А. В. Очкалова // Актуальные проблемы современности : материалы 8-й Всерос. науч.-

практ. конф. «Альтернативный мир» / отв. ред. Д. В. Буяров. — Благовещенск, 2014. — С. 96-99. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23086933>

Очкалова, А. В. Проблема уйгурского сепаратизма в Китае / А. В. Очкалова // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред: Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. — Благовещенск, 2014. — С. 601-603. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23061785>

Призрак сепаратизма // География — Первое сентября. — 2014. — № 10. — С. 11: ил. — Рец. на кн.: Попов, Ф. А. География сепаратизма в современном мире / Ф. А. Попов. — Москва : Новый хронограф, 2012. — 672 с.

Пузаков, А. В. Противодействие сепаратизму: мировой опыт и методы / А. В. Пузаков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 12-3 (38). — С. 169-172. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20584538>

Пузырев, К. С. Проблемы типологизации регионального сепаратизма в современной политологии / К. С. Пузырев // Этносоциум и межнациональная культура. — 2014. — № 9 (75). — С. 124. URL: <http://etnosocium.ru/etnosocium-09-2014>

Пушкарев, В. А. К вопросу об американском сепаратизме / В. А. Пушкарев // Актуальные проблемы современности : материалы 4-й науч.-практ. конф. «Альтернативный мир» / отв. ред. Д. В. Буяров. — Благовещенск, 2009. — С. 91-97. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23163455>

Розин, В. М. Дефицит как форма власти / В. М. Розин, Л. Г. Голубкова // Тренды и управление. — 2014. — № 2. — С. 188-199. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.2.11177. URL: http://www.nbpublish.com/tumag/contents_2014_2.html#29996

Рыков, В. Е. Сепаратизм в США: исторические корни, современность и перспективы / В. Е. Рыков // Российский юридический журнал. — 2009. — № 6. — С. 56-60.

Саврыга, К. П. Украинский кризис и международное право : вооруженный конфликт на востоке Украины и сепаратизм Крыма / К. П. Саврыга // Право и политика. — 2015. — № 7. — С. 954-967.

Сидоренко, А. И. Сепаратизм: способен ли федерализм предотвратить угрозу? / А. И. Сидоренко // Власть. — 2010. — № 5. — С. 68-72.

Сизов, С. Г. Этнический сепаратизм в геополитическом противоборстве в конце XX — начале XXI в. / С. Г. Сизов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2013. — № 2 (12). — С. 14-20. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21041273>

Силаев, Н. Ю. О фрагментации государства, эволюции этнических движений и сепаратизме в России / Н. Ю. Силаев // Сепаратизм в политической жизни современной Европы: материалы конференции / Ин-т Европы Рос. акад. наук. — Москва, 2015. — С. 23-42. — (Доклады Института Европы. № 318). URL: <http://www.old.mgimo.ru/publications/?id=1016180>

Скриба, А. С. Внутренняя среда Украины как первопричина государственной нестабильности и системного кризиса 2014 г. / А. С. Скриба // Международные отношения. — 2015. — № 1. — С. 63-74. DOI: 10.7256/2305-

560X.2015.1.13452. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=31981

Скрипниченко, Д. В. Этническое измерение политических процессов / Д. В. Скрипниченко // *Международные отношения*. — 2013. — № 2. — С. 163-165. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.02.8. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=24466

Скулаков, Р. М. Сепаратизм как угроза территориальной целостности государств / Р. М. Скулаков // *Вестник Дагестанского государственного университета*. — 2015. — № 2. — С. 58-64. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23320891>

Смирнова, В. В. Правовые и организационные проблемы реализации принципа равноправия субъектов Российской Федерации / В. В. Смирнова // *Административное и муниципальное право*. — 2015. — № 8. — С. 780-791.

Сосенков, Ф. С. Вопросы профилактики сепаратизма и обеспечения территориальной целостности России в конституционном проекте П. И. Пестеля / Ф. С. Сосенков. // *Правовая политика и правовая жизнь*. — 2014. — № 1. — С. 48-52.

Сосенков, Ф. С. Идеи государственного единства и профилактики сепаратизма в немецкой политико-правовой мысли: воззрения Фридриха Великого, И. Г. Фихте и Отто фон Бисмарка / Ф. С. Сосенков // *Lex Russica*. — 2015. — № 11. — С. 116-125.

Сосенков, Ф. С. О политико-правовых взглядах Н. Макиавелли на обеспечение территориальной целостности государства / Ф. С. Сосенков // *Право и политика*. — 2015. — № 2. — С. 260-264.

Сосенков, Ф. С. Монархическая форма правления как условие обеспечения территориальной целостности государства в отечественной политико-правовой мысли XVII–XVIII веков / Ф. С. Сосенков // *Политика и Общество*. — 2016. — № 2. — С. 245-253. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.2.12492. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=36331

Сосенков, Ф. С. К вопросу о законодворческом сепаратизме как стратегическом, технико-юридическом и политико-правовом явлении / Ф. С. Сосенков // *Юридическая техника*. — 2015. — № 9. — С. 733-735. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23619100>

Сосенков, Ф. С. К вопросу об уголовно-правовом противодействии сепаратизму в Российской империи: Царство Польское и Великое княжество Финляндское / Ф. С. Сосенков // *История государства и права*. — 2013. — № 8. — С. 31-33.

Сосенков, Ф. С. О вопросах территориальной целостности государства в политико-правовых взглядах Юрия Крижанича / Ф. С. Сосенков // *История государства и права*. — 2015. — № 20. — С. 35-38.

Сосенков, Ф. С. О деструктивном воздействии сепаратизма на государственность / Ф. С. Сосенков, Е. А. Коломейченко // *История государства и права*. — 2013. — № 22. — С. 21-23.

Сосенков, Ф. С. О конституционно-правовых механизмах противодействия сепаратизму в Социалистической Федеративной Республике Югославия / Ф. С. Сосенков // *Genesis: исторические исследования*. — 2015. — №

5. — С.193-211. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.5.15031. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_15031.html

Сосенков, Ф. С. О конституционно-правовых механизмах противодействия сепаратизму в Социалистической Федеративной Республике Югославия / Ф. С. Сосенков // Genesis: исторические исследования. — 2015. — № 5. — С.193-211. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.5.15031. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_15031.html

Сосенков, Ф. С. Противодействие сепаратизму в системе политико-правовых взглядов Г. А. Зюганова / Ф. С. Сосенков // Инновационная наука. — 2015. — № 9 (9). — С. 235-237. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24152827>

Токарев, А. Признаки отделимости / А. Токарев // Коммерсантъ Власть. — 2015. — № 28. — С. 8-16.

Трапш, Н. А. Грузинский взгляд на абхазскую историю как интеллектуальный фактор геополитического противостояния на Кавказе / Н. А. Трапш // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2014. — № 6. — С. 173-178.

Трифонов, В. А. Объективные предпосылки и некоторые закономерности возникновения бандитизма и этнического сепаратизма на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны / В. А. Трифонов // История государства и права. — 2006. — № 2. — С. 34-35.

Тузов, Н. В. Политическая культура Кавказа: от дисбаланса к стабильности / Н. В. Тузов // Право и политика. — 2008. — № 10. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-7189

Туринская, Х. М. Занзибар и союзный вопрос в Танзании: новое «время политики» / Х. М. Туринская // Азия и Африка сегодня. — 2015. — № 6 (695). — С. 34-41.

Фадеев, В. Н. Истоки системного кризиса государственности / В. Н. Фадеев // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 1. — С. 169-172.

Фонсека, Н. Д. Ж. Политика Испанского государства по противодействию сепаратизму / Н. Д. Ж. Фонсека // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2012. — № 3. — С. 128-133. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17943359>

Фонсека, Н. Природа сепаратизма в современном мире / Н. Фонсека // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. — 2012. — № 1. — С. 184-187. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17722380>

Фурсов, К. А. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели / К. А. Фурсов // Восток. — 2015. — № 2. — С. 5-19.

Хачатурян, Б. Федеративные и сепаратистские тенденции на востоке России / Б. Хачатурян // Федерализм. — 2008. — № 2. — С. 165-174.

Храмчихин, А. А. Станет ли Арктика театром военных действий по последнему переделу мира? / А. А. Храмчихин // Арктика и Север. — 2013. — № 10. — С. 52-60. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18789801>

Чагилов, В. Р. Европейский плебисцитарный «парад суверенитетов» как триггер глобального сепаратизма / В. Р. Чагилов // Социально-гуманитарные знания. — 2014. — № 12. — С. 123-125.

Шажинбатын, А. Этнос или этничность / А. Шажинбатын // Педагогика и просвещение. — 2013. — № 4. — С. 368-375. DOI: 10.7256/2306-434X.2013.4.11759. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=28168

Шмат, В. В. Мифы региональной политики: сибирский «сепаратизм» / В. В. Шмат // Регион: экономика и социология. — 2014. — № 2. — С. 52-66.

Шульц, В. Л. Угрозы этносепаратизма и религиозного экстремизма в Приволжском федеральном округе / В. Л. Шульц, Р. Ф. Идрисов, Н. Н. Терехова // Национальная безопасность / nota bene. — 2010. — № 7. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=12860

Юрчевский, С. Д. К вопросу о политическом экстремизме на Северном Кавказе и проблемах противодействия ему. // Административное и муниципальное право. — 2012. — № 4. — С. 65-67. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=18126

Юрчевский, С. Д. Некоторые проблемы противодействия политическому экстремизму (региональный аспект) / С. Д. Юрчевский // Административное и муниципальное право. — 2012. — № 2. — С. 9-13. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=17747

Юрчевский, С. Д. Содержание и формы проявления политического экстремизма / С. Д. Юрчевский // Полиция и деятельность. — 2012. — № 3. — С. 36-42. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=18761

Юсупов, Т. И. Организация вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации / Т. И. Юсупов, И. М. Агзамов // Закон и право. — 2014. — № 12. — С. 93-97.

Ямаева, А. И. Бельгийское государство между федерализмом, сепаратизмом и конфедерализмом / А. И. Ямаева // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 9. — С. 150-152. URL: <http://www.eurasia-allnews.ru/nauchnye-statii/item/240-belgijskoe-gosudarstvo-mezhdu-federalizmom-separatizmom-i-konfederalizmom.html>

Диссертации, авторефераты диссертаций

Бочарников, И. В. Противодействие сепаратизму: теоретико-политологический анализ : автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. полит. наук / Бочарников Игорь Валентинович ; Погранич. акад. ФСБ РФ. — Москва, 2008. — 45 с. URL: http://oldvak.ed.gov.ru/ru/announcements_1/political_sciences/index.php?from4=5&id4=1388

Егорова, М. А. Проблема оснований и форм политической сепарации в современной Западной Европе : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук / Егорова Майя Александровна ; [Рос. ун-т дружбы народов]. — Москва, 2009. — 29 с. <http://dlib.rsl.ru/01003489429>

Мавлонова, А. С. Проблема уйгурского сепаратизма в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии : дис. на соиск. учен.

степ. канд. ист. наук / Мавлонова Анна Сергеевна ; Рос. ун-т дружбы народов. — Москва, 2015. — 221 с. URL: http://dissovet.rudn.ru/web-local/prep/tj/index.php?id=4&mod=dis&dis_id=553

Нуруллин, Р. М. Сецессия как политический процесс : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук / Нуруллин Ринат Маратович ; [Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. — Казань, 2012. — 26 с. URL: <http://dlib.rsl.ru/01005042823>

Поляков, А. Е. Сепаратизм как форма политико-правовой девиации: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук / Поляков Андрей Евгеньевич ; науч. рук. В. П. Сальников ; МВД России. Санкт-Петербург. университет. — Санкт-Петербург, 2003. — 24 с. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1200940>

Ткаченко, Д. В. Юридические механизмы противодействия сепаратизму в современной России : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук / Ткаченко Денис Владимирович ; науч. рук. А. Н. Овчинников. — Ростов-на-Дону, 2007. — 28 с. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1248735>.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Материалы Зимней школы молодых исследователей из России и Казахстана

Ю.Г. Чернышов

Зимняя школа о трансграничном сотрудничестве регионов: основные результаты

Эксперты Алтайской школы политических исследований уже не раз участвовали в проведении зимних и летних школ для студентов, а в последние годы и сами участвовали в организации таких мероприятий. Так, в 2013 году такая форма проведения занятий была апробирована на межрегиональной научной конференции «Европа и Европейский Союз: эволюция идентичностей», которая прошла с 24 по 28 июня в Белокурихе. Организаторами конференции стали Алтайский государственный университет (кафедра всеобщей истории и международных отношений) и Центр Европейского Союза в Сибири [1]. В этом же году в августе в АлтГУ прошла Международная летняя школа молодых лидеров стран Азии «История, культура и этнография Азии». Ее организаторами были Алтайский государственный университет и «Россотрудничество». Молодые люди из Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана 27 августа весь день работали по программе образовательного модуля «Идентичность и международные отношения в Центральной Азии» [2].

11 октября 2015 г. в рамках Международной школы молодых ученых стран Азии в АлтГУ прошел круглый стол «Страны Центральной Азии в системе современных международных отношений. Общественно-политические аспекты взаимодействия» [3].

Идея провести Зимнюю школу с участием молодых исследователей из России и Казахстана появилась на фоне активно развивающихся связей АлтГУ с вузами стран Центральной Азии. Казахстан — наиболее близкий к Алтайскому краю партнер, к тому же имеющий с ним протяженную (более 800 км) общую границу. Следует упомянуть, что в 2015 г. АШПИ уже провела два научных мероприятия, посвященных теме трансграничного сотрудничества регионов — интернет-конференцию и «очную» конференцию [4], и издала по их итогам 31-й выпуск «Дневника АШПИ» [5]. В связи с этим появилась идея обсудить данную тему и применительно к российско-казахстанскому сотрудничеству, пригласив для этого молодых исследователей (магистрантов и аспирантов) из Казахстана и России. Учредителями проекта проведения Зимней школы стали АШПИ, АлтГУ (кафедра всеобщей истории и международных отношений), Алтайское отделение Российской ассоциации политической науки и Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова.

На обсуждение были вынесены многие поднимаемые в современной научной литературе аспекты темы:

1. Теоретические аспекты взаимодействия регионов на основе современных научных подходов к определению приграничного региона, пограничного

пространства, междивизиационного взаимодействия и механизмов обеспечения безопасности.

2. Международный опыт, основные направления и формы взаимодействия в приграничных территориях, включая: политику государств в межрегиональном взаимодействии приграничных областей, интеграционные процессы в приграничных пространствах, проблемы региональной идентичности и имиджа региона, цивилизационные, социокультурные и субъективно-психологические аспекты взаимодействия, проблемы безопасности перед лицом новых вызовов и угроз.

3. Опыт отдельных российских и казахстанских регионов в приграничном сотрудничестве, достижения и проблемы межрегионального взаимодействия с учетом исторических, этнокультурных, геополитических, имиджевых и иных факторов, масштабов и форм сотрудничества с приграничными регионами Центральной Азии в сфере экономики, культуры, науки, образования, туризма.

Школа начала свою работу в зале Президентской библиотеки АлтГУ. На ее открытие пришли более 90 преподавателей и студентов, в том числе из стран Центральной Азии — Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Китая.

Председатель Оргкомитета Школы профессор **Ю.Г. Чернышов** во вступительном слове отметил, что вынесенная на обсуждение тема трансграничного сотрудничества регионов чрезвычайно важна в реальных условиях современного мира. Она важна, в частности, и для казахстанцев, и для жителей российских «двух Алтаев». Интерес к этому проекту молодых исследователей из Казахстана проявился в том, что на школу поступили тексты 18-ти докладов. География «заочного» участия получилась довольно широкой: доклады пришли из Алматы (Казахской академии труда и социальных отношений, Казахского национального университета им. аль-Фараби, Университета КИМЭП), из Астаны (Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева), из Семипалатинска (Семипалатинского финансово-экономического колледжа) и Усть-Каменогорска (Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова, Казахстанско-Американского свободного университета). К ним добавились еще 16 докладов от молодых исследователей, работающих в Барнауле.

С приветствием к участникам Школы обратился проректор по научной и инновационной работе АлтГУ профессор **А.А. Тишкин**, подчеркнувший важность развития в университете центральноазиатского направления исследований. Декан исторического факультета профессор **Е.В. Демчик** добавила, что она испытывает гордость, видя, как много в этом зале находится иностранных студентов, желающих участвовать в научных дискуссиях.

Затем состоялся небольшой онлайн-семинар с участием преподавателей из двух казахстанских столиц — Алматы и Астаны. Тепло поздравила участников с началом работы профессор Казахского национального педагогического университета имени Абая **Р.Р. Каирбекова**. Затем выступила доцент Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева **К.С. Калиева**. Она рассказала о работе Международной летней школы студентов Алтайского региона «Наш общий дом Алтай». Профессор АлтГУ **П.К. Дашковский** поделился

опытом работы Азиатского экспертно-аналитического Центра этнологии и международного образовательного сотрудничества АлтГУ.

После перерыва участники обсуждали выступления экспертов. Первый доклад был посвящен теоретическим аспектам трансграничного взаимодействия регионов. Профессор кафедры ВИМО АлтГУ **О.А. Аршинцева** проанализировала основные научные подходы к теме, встречающиеся в современной литературе. Второй доклад был основан на анализе конкретного эмпирического материала. Профессор кафедры всеобщей истории АлтГПУ **В.С. Бойко** выступил на тему «Приграничье как зона конфликта и сотрудничества в Центральной и Южной Азии».

После докладов прошла дискуссия. В частности, обсуждались вопросы о том, не является ли Большой Алтай «сконструированным регионом», и о том, насколько эта «конструкция», постепенно наполняющаяся содержанием, вызывает интерес в сопредельных странах. Был сделан вывод, что наиболее перспективным в рамках «Большого Алтая» сейчас является именно российско-казахстанское направление сотрудничества.

Завершился первый день работы школы проведением инструктажа по подготовке к ролевой игре. Участники были разделены на две команды, которые получили задание представить свои проекты трансграничного сотрудничества регионов России и Казахстана.

Выступления экспертов, начатые в первый день, продолжил доклад профессора кафедры ВИМО АлтГУ **О.Ю. Курныкина**. Он подробно рассмотрел тему «Внешняя политика Казахстана и перспективы российско-казахстанского сотрудничества». Многие интересные вопросы, поднятые в его докладе (например, «Сложилась ли региональная идентичность в странах Центральной Азии?» и «Какие последствия для России будет иметь проект нового Шелкового пути?»), побуждали слушателей к самостоятельным размышлениям.

Не менее интересным был доклад профессора кафедры востоковедения АлтГУ **Ю.А. Лысенко** «Проблемы и перспективы приграничного взаимодействия РФ и РК в научно-образовательной сфере». Она остановилась на реальных проблемах, которые мешают развитию сотрудничества и нуждаются в решении. Это, в частности, нестыковки в образовательных программах и в системе ученых степеней, принятых в России и Казахстане. Интересен был и статистический материал о том, где предпочитают продолжать учебу выпускники казахстанских вузов.

Затем Школа перешла на новый формат работы — проведение конкурса докладов. Молодые исследователи начали представлять свои научные разработки и отвечать на вопросы жюри. Этот конкурс был продолжен и в третий день работы школы. Результатом стало присуждение первых мест тем, кто смог лучше проявить навыки серьезной научной работы — умение формулировать проблему, анализировать материал, логично делать выводы и аргументированно отвечать на вопросы. После подведения итогов были объявлены имена тех, кому присуждены призовые места:

1) два первых места — **Селезнева Е.В.** (директор Павловского детско-юношеского центра) и **Элеманова Р.Т.** (Киргизия, магистрант АлтГУ по направлению «зарубежное регионоведение»);

2) два вторых места — **Бикетова Е.А.** (аспирант кафедры ВИМО АлтГУ) и **Зокирзода Б.Ф.** (Таджикистан, магистрант АлтГУ по направлению «зарубежное регионоведение»);

3) два третьих места — **Молдагазинова Ж.М.** (Казахстан, магистрант Алтайского государственного педагогического университета по направлению «история») и **Харитонов В.В.** (Казахстан, студент ИФ АлтГУ).

Завершила работу Школы ролевая игра «Проекты развития сотрудничества приграничных территорий России и Казахстана». Ее координатором выступил доцент **А.М. Бетмакаев**. Участники, как уже отмечалось, предварительно были разделены по интересам на две команды, которые должны были представить свои проекты сотрудничества российских и казахстанских регионов по двум основным направлениям: «Инвестиции, торговля и туризм» и «Образование, наука и культура».

Работа в командах была очень интересна для участников, так как среди них были представители разных стран и разных вузов. Каждый старался внести свои знания и опыт в общий проект. Итогом стали две презентации проектов, вынесенные на обсуждение. Завершилась ролевая игра совместным принятием резолюции «Международной экспертной группы молодых исследователей из России и Казахстана».

Затем председатель Оргкомитета школы профессор **Ю.Г. Чернышов** подвел итоги работы Школы и предложил участникам высказать свои мнения о том, как они оценивают эти результаты. Вот наиболее характерные оценки: **Р.Т. Элеманова**: «Спасибо, что вы организовали Школу — я познакомилась с интересными молодыми исследователями, приобрела огромный опыт, и я счастлива, что нахожусь здесь с вами»; **Б.Ф. Зокирзода**: «Спасибо и кафедре, и университету — я приобрел новый опыт и понял, какие есть в моих работах минусы и плюсы, и хочу пожелать, чтобы высказанные нами здесь предложения по развитию международного сотрудничества воплотились в реальности»; **Ж.М. Молдагазинова**: «Я присоединяюсь к словам благодарности и хочу сказать, что каждому из нас Школа дала возможность углубить свои знания, многому научиться. Пусть этот проект развивается и дальше, а Школа станет ежегодной!». Другие участники также поблагодарили всех экспертов и организаторов.

Завершилась Школа вручением всем участникам именных сертификатов. Кроме того, каждый из них получил сборник статей, посвященный исследованию темы трансграничного сотрудничества регионов. На сайте АлтГУ были выставлены подробные отчеты о каждом дне работы Школы, а также фотоальбом [6]. Оргкомитет Школы выразил благодарность всем коллегам, которые оказали помощь в проведении Школы. В данном сборнике публикуются тезисы всех выступлений и докладов участников и экспертов Школы.

Литература

1. Подведены итоги конференции о европейской идентичности // Кафедра всеобщей истории и международных отношений АлтГУ. URL: <http://www.hist.asu.ru/faculty/cafedrs/wp/?p=1648>

2. Международная летняя школа для молодых лидеров стран Азии // Кафедра всеобщей истории и международных отношений АлтГУ. URL: <http://www.hist.asu.ru/faculty/cafedrs/wp/?p=1688>
3. Круглый стол о взаимодействии стран Центральной Азии // Кафедра всеобщей истории и международных отношений АлтГУ. URL: <http://www.hist.asu.ru/faculty/cafedrs/wp/?p=2437>
4. Бикетова Е.А., Козулин В.Н., Чернышов Ю.Г. Дискуссия о трансграничном взаимодействии регионов в истории и современности: научно-практическая конференция Алтайской школы политических исследований (Барнаул, 28–30 сентября 2015 г.) // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2015. №4/2 (88). С. 268–276.
5. Дневник Алтайской школы политических исследований № 31. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии): сб. науч. ст. / под ред. Ю.Г. Чернышова. — Барнаул, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn31.html>
6. Зимняя школа молодых исследователей из России и Казахстана «Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии» // Кафедра всеобщей истории и международных отношений АлтГУ. URL: http://www.asu.ru/structure/faculties/history/foto/winter_school

О.А. Аршинцева
***Регионы в мировой политике. Теоретические подходы
к трансграничному сотрудничеству***

Современные исследовательские подходы к проблемам трансграничного сотрудничества и роли регионов в этих процессах основываются на разнообразных концепциях регионализации. Несмотря на существенные различия, ключевым для них является понятие региона и вытекающие из его определения характеристики. Целью предлагаемого обзора является представление наиболее оригинальных отечественных и зарубежных трактовок региона на фоне тенденций мировой политики, к которым следует отнести процессы глобализации и регионализации, тесным образом связанные между собой.

Оставляя в стороне дискуссии по проблемам глобализации, ограничимся одним из самых нейтральных ее определений как процесса всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Это определение вполне согласуется с трактовкой глобализации как нелинейного, сетевого процесса, по-разному воздействующего на неоднородное глобальное пространство и мировое сообщество. Собственно, мировая политика как новое качество современных международных отношений, порожденное глобализацией, характеризуется исключительным, преобладающим значением международной среды, уплотняющейся и все более ограничивающей свободу действий акторов — как традиционных, так и новых. Ее параметры преимущественно пространственные, но ориентированы они на выявление нового качества пространства. Среди них, в частности, показатели транснационализации международной экономики, характеристики современного киберпространства, контуры сферы единообразного понимания морали и права, индексы транспортной проницаемости планеты [1]. Нетрудно заметить, что из этих характеристик складывается новая парадигма пространства: оно — глобальное, мироцелостное и анклавное одновременно, находящееся в процессе переконфигурации территорий, границ, региональных подсистем международных отношений и «большого пространства» глобальных интересов, а также трансформации международно-правовых институтов и неформализованных механизмов взаимодействия. С учетом такого определения глобального пространства взаимодействие глобализации и регионализации можно образно определить так: глобализация — единство в разнообразии, регионализация — разнообразие в единстве.

Для понимания природы воздействия глобализации на регионы следует различать регионы внутренние и регионы как элементы международной системы. Для внутренних регионов страны глобализация выравнивает возможности участия в международных интеграционных процессах. Одновременно указанные преимущества проявляются заметнее в т. н. приграничных пространствах и регионах. Возвращаясь к заявленному предмету обзора концепций, подчеркнем, что все они рассматривают регионы как сегменты междуна-

родных отношений, которые охватывают несколько соседних стран, объединяя их на самых разнообразных основаниях. Примечательна в этом смысле позиция американского исследователя Г. Хардинга, который вообще отрицает факт существования в мире естественных (географических) регионов, указывая, что вопрос о конфигурации региона может решаться ситуативно — в зависимости от сферы сотрудничества [2, с. 305]. Таким образом подчеркивается подвижность географических границ интеграционных зон. В отечественной науке с этим подходом отчасти согласуется определение, предложенное А. Д. Воскресенским, который понимает под регионом совокупность явлений международной жизни, протекающих в определенных территориально-временных координатах, объединенным общей логикой таким образом, что эта логика и координаты ее существования являются взаимообусловленными [3].

Для того чтобы в полной мере оценить оригинальность исследовательских подходов к проблемам регионализации, стоит отметить, что все они так или иначе выделяют три основные формы взаимодействия стран внутри региона — конфликт, сотрудничество и интеграция. Оставляя в стороне тему региональных конфликтов, обратимся к двум другим — конструктивным — формам внутрирегиональных взаимоотношений. Именно эти варианты неконфликтного взаимодействия находятся в центре внимания экспертов-регионалистов, которые, стремясь выявить различия между сотрудничеством и интеграцией, схожим образом формулируют критерии объединения стран в региональную систему. В регион входят те страны, которые включены в той или иной степени в хозяйственные связи и при этом осознают значение совместных действий, что, в свою очередь, дает синергетический эффект. Таким образом, региональное объединение имеет место, если характеризуется противоположным автаркическим состоянием: вместе лучше, чем каждому по отдельности.

Переходя к конкретным примерам, первой следует назвать концепцию известного американского исследователя, признанного специалиста по вопросам регионализма, профессора Калифорнийского университета Этель Солинген, которая изложила результаты своих многолетних разработок в изданной в 2015 г. книге «Сравнительный регионализм: экономика и безопасность» [4, с. 111–117]. На основе анализа внешней и внутренней политики крупных региональных (преимущественно не европейских) держав, автор сформулировала концепцию «внешнеориентированной регионализации», существо которой составляют несколько основополагающих принципов. Страны региона объединяют интеграционные усилия и проявляют реальное стремление к интеграции, если (1) не стремятся к обособлению с помощью региональных институтов, (2) привлекают внешние инвестиции, (3) проводят внутренние экономические реформы с целью снижения внешних торговых барьеров, (4) снижают расходы на ВПК. Особо следует подчеркнуть, что Э. Солинген сознательно избегает абсолютизации европейской модели интеграции, поскольку разнообразие современного мирового развития выражается в том числе и во множественности вариантов регионализации.

Своего рода подтверждением этого тезиса являются отечественные исследования региона Южной Азии, который пока не находится в центре внимания экспертов-регионалистов. Тем больший интерес представляют работы профес-

сора МГИМО Н.В. Галищевой, в которых анализируются экономические, миграционные и другие процессы в странах региона, включая формирование и деятельность региональной интеграционной группировки — Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии [5, с. 40–67]. Страны региона — Индия, Бангладеш, Бутан, Мальдивы, Непал, Пакистан, Шри-Ланка — связаны, кроме географической близости, исторической (бывшие британские владения), культурно-языковой и религиозной общностью, что не отменяет существенных различий в уровне развития и характере политических режимов. Отмечая возрастающую роль внешних факторов развития экономики стран Южной Азии, исследователь оценивает уровень интегрированности региона в мировое хозяйство как сравнительно невысокий. Это, однако, не отменяет реальных возможностей внутрирегиональной интеграции. Каковы эти возможности, от чего зависит ускорение вялотекущих процессов, какова роль лидеров экономического роста (Индии) — эти и другие вопросы составляют проблемно-аналитическую основу концепции Н.В. Галищевой.

И, наконец, в предлагаемом обзоре вряд ли можно обойтись без китайских сюжетов. Наиболее интересна собственно китайская концептуализация роли и перспектив Китая в качестве крупной региональной державы — т.н. «новый регионализм». Постулаты этой концепции сформулированы следующим образом: во-первых, регионализация противостоит негативным вызовам глобализации. Во-вторых, «китайский регион» не имеет границ: 1) он там, где есть доступ к необходимым ресурсам; 2) Китай — центр региональных образований для усиления собственного влияния. И, в-третьих, политика Китая должна сочетать открытость внешнему миру и принцип сохранения существующих границ государства и цивилизации [6, с. 70–82].

В заключении подчеркнем, что в отборе концепций мы руководствовались и прикладными задачами — расширить информационные возможности молодых исследователей, познакомить с вариантами постановки научной проблемы в предметной области современной регионалистики, стимулировать самостоятельный сравнительный анализ.

Литература

1. Современная мировая политика. Прикладной анализ / Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2010.
2. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под ред. Т.А. Шаплеиной, А.А. Байкова. М., 2013.
3. Воскресенский А.Д. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений (К постановке проблемы) // Восток — Запад — Россия: Сб. статей. М., 2002.
4. Ермолаев А., Байков А. Новые лики интеграции // Международные процессы. Январь — март 2015. Т. 13. № 1(40).
5. Галищева Н.В. Перспективы развития экономики Южной Азии // Международные процессы. Июль–сентябрь 2015. Т. 13. № 3 (42).
6. Ли Син, Ван Чэньсин. Китайская политология о перспективах и смысле Евразийского союза // Международные процессы. Июль–сентябрь 2014. Т. 12. № 3(38).

В.С. Бойко

***Приграничье как зона сотрудничества и конфликта
в Центральной и Южной Азии в 2000–2010-е гг.***

Приграничье — особый пространственно-географический и одновременно социально-политический феномен со множеством функций международно-правового, оборонного и иного характера, к которым в случае совпадения государственных границ с культурно-цивилизационным фронтиром добавляются задачи поддержания диалога между различными этническими общностями, конфессиями и пр.

В данном сообщении, составившем основу экспертного доклада на недавней зимней школе молодых исследователей России и Казахстана в Алтайском государственном университете по проблематике трансграничного взаимодействия регионов Запада и Востока, рассматриваются два различных варианта соседства, заключающих в себе как возможности развития, так и конфликтные сценарии (потенциальные, реальные, завершённые и пр.). Достоверность основных положений и выводов обеспечивается многолетней вовлечённостью автора в разработку концепций и программ сотрудничества приграничных регионов Азиатской части России и сопредельных государств — ближних и дальних соседей (Казахстана, Китая и др.), а также почти 20-летним опытом полевых исследований в центральноазиатском зарубежье и Южной Азии.

В пределах макрорегиона Южной и Центральной Азии высокой степенью конфликтности отличается афгано-пакистанское приграничье, что традиционно объясняется историческими обстоятельствами — проведением англичанами в 1893 г. линии разграничения территории собственно Афганистана (на тот момент — фактического английского протектората без права прямых внешних сношений) и Британской Индии — основной заморской территории Британской империи [1]. Эта так называемая линия Дюранда в советской историографии считалась выражением политики «разделяй и властвуй», а между тем, ее можно рассматривать, как некий предел (рубеж) тогдашнего британского влияния по индийскую сторону границы, выражавшийся во множестве субординированных соглашений с местными племенными авторитетами. Но фактом стало и то, что линия Дюранда разделила родственные пуштунские племена, которые всегда считали себя одним народом, тем более что в силу исторических, а также экономических причин пуштуны, многие из которых вели кочевой образ жизни, по определению не могли признать это разделение в государственно-политическом смысле. Однако уход англичан из Южной Азии и образование к концу 1940-х гг. двух суверенных государств — Индии и Пакистана — актуализировали проблему государственной границы — именно линия Дюранда стала выполнять де-юре эту роль, хотя афганская сторона, независимо от политического режима, фактически никогда не признавала эту границу в новом качестве межгосударственного рубежа, что надолго испортило отношения соседей. Начиная с 1950-х гг. и по нынешний день афганские (пуштунские) националисты выступают за воссоединение пуштунов, хотя их пакистанские собратья давно отказались от идеи вхождения в Афганистан из опасений оказаться в более отсталой социально-политической и хозяйственно-

экономической среде. В силу разных причин не жизнеспособна и идея создания отдельного пуштунского государства — этому помешали постоянные расколы в недрах пуштунской элиты Афганистана, природно-климатические условия зон расселения пуштунских племен, консервирующие архаичные формы их экономической жизни и социальной организации, а также позиция ведущих региональных и внерегиональных держав.

В годы советского присутствия афгано-пакистанское приграничье, особенно зона племен федерального подчинения с пакистанской стороны (FATA) [2], стало главной базой вооруженных исламистских группировок («моджахедов» — «борцов за веру»), поддерживаемых Западом и консервативными режимами зарубежной Азии — в этот и последующий периоды (1980-е — 1990-е гг.) здесь происходила криминализация целых социальных слоев, их включение в «экономику войны» и другие маргинальные формы общественно-государственной жизни. Такая участь в еще большей степени постигла несколько миллионов афганских беженцев, нашедших приют в Северо-западной пограничной провинции (с 2010 г. — Хайбер-Пахтунхва). Афганская молодежь, оказавшаяся в условиях вынужденного или добровольного изгнания нескольких поколений соотечественников жертвой политико-религиозной агитации и рекрутирования в вооруженные группировки, стала главной базой движения талибан (талиб — учащийся религиозного медресе), захватившего в 1996 г. власть в Афганистане. Движения подобного рода существовали и в Пакистане, что расширило зону их действий до региональных масштабов, а впоследствии с началом антитеррористической операции международной коалиции во главе с США закрепило за ней понятие АфПак. Эта конфликтная взаимосвязь выражала не только возросшие масштабы угрозы региону и его соседям, а также особенности стратегии и тактики преимущественно западной коалиции — в ней же содержались возможности взаимодействия соседних территорий афгано-пакистанского приграничья. Наряду с контрабандными потоками товаров и оружия, а также нелегальной миграцией, властями по обе стороны границы неоднократно предпринимались попытки легализации межрегиональных и трансграничных связей через программы смягчения таможенных режимов, зоны свободной торговли и пр. Определенную роль в этом может и должна сыграть общественная дипломатия, примером которой является проведение летом 2015 г. международно-правовой молодежной пакистано-афганской школы силами преподавателей и сотрудников Пешаварского университета, правозащитников и других активистов приграничной зоны. Характерно, что участники школы преодолевали политические недоразумения правящих кругов представляемых ими стран и находили общий язык по самым сложным вопросам обсуждаемой повестки. Они, в частности, были солидарны не только в критике иностранного вмешательства, но и консерватизма пуштунской элиты, включая ее особое почитание кодекса обычного права *пуштунвали*. Пользуясь редкой возможностью общения с представителем России в лице автора данного сообщения, и пакистанские, и афганские пуштуны проявляли искренний интерес к ее политике на южном направлении, возможностям учебы и научно-профессиональной подготовки в российских столичных и периферийных университетах. В случае реализации и поддержки таких наме-

рений и настроений можно было бы говорить о трансграничном сотрудничестве нового типа — по оси Хайбер-Пахтунхва-Российский Алтай, которая многие годы была лишь маршрутом неблагополучия (потока наркотиков, незаконных мигрантов и пр.). В условиях сохраняющегося режима санкций ряда западных и поддерживающих их государств это сотрудничество могло бы развиваться, как торгово-экономическое взаимодействие, что уже находит выражение в растущем ассортименте поставок фруктов и другой продукции из далекого Пакистана на алтайские рынки и в торговую сеть. Не менее перспективными сферами выглядят обмены промышленными изделиями (прежде всего их экспорт в Пакистан), подключение пакистанской стороны к масштабным, хотя пока маршевым, российско-китайским энергетическим проектам, реализация которых гарантировалась бы давним стратегическим партнерством Китая и Пакистана, а также новыми возможностями в рамках ШОС. Разумеется, выстраивание такой «оси» может вызвать возражения на российской периферии, особенно в кругах ориентированных на устаревшие версии евразийства, обеспокоенных традиционными и новыми угрозами азиатским рубежам России. Переломить такие настроения можно лишь успешной практикой двустороннего и многостороннего сотрудничества, в том числе используя богатейшие историко-рекреационные возможности российского туризма в Пакистан, а также развивая весь спектр связей — экономических, культурно-образовательных и пр., включая научные контакты и совместные проекты от археологии до современного южноазиатского изучения. Но для этого потребуются преодолеть отраслевой провинциализм и корпоративность, изменить кадровую политику, ставить и решать серьезные задачи создания уже в азиатском приграничье России международного научно-образовательного и инновационного центра университетско-академического типа (Азиатского университета и т.п.). Для решения этой задачи необходимо осознание и научная фиксация особого хозяйственно-экономического статуса Российского Алтая и сопредельных регионов Казахстана, Китая и Монголии, их цивилизационной идентичности и социальной динамики — того, что может составить культурно-философскую основу и практический «код» сотрудничества с приграничными зонами дальней Азии, включая пакистанскую провинцию *Хайбер-Пахтунхва*, до сих пор известную, как один из главных очагов мирового наркотрафика, политического и религиозного экстремизма, мишенью которого в силу особенностей трансазиатской инфраструктуры оказался и Алтай.

Проекты, так или иначе связанные с решением афганской проблемы, играют большую роль в межрегиональном/трансграничном сотрудничестве в Азии. Один из них формируется, как совместная программа действий стран — ближних и дальних соседей Афганистана — «Сердце Азии». Ее начальные идеи были определены на Стамбульской конференции осени 2011 г. и ныне обретают черты множества сопрограмм в сфере геополитики и [гео-]экономики, культуры, информационного взаимодействия [3, с. 211–219]. Именно в рамках программы «Сердце Азии» в декабре 2015 г. состоялась конференция министров иностранных дел стран-участниц Стамбульского процесса, на полях которой, в частности, было решено продолжить внутриафганский диалог с участием Пакистана, Китая и США. Но при этом многие наблюдатели

отмечают вялость усилий и низкую результативность «стамбульцев» в решении исходных задач этого проекта. Россия также поддержала стамбульский проект, но, как страна второго «соседского» пояса региона ответственности за Афганистан, пока не демонстрирует особого энтузиазма на этом направлении. Пока не привела к подвижкам и новая конфигурация ШОС — процесс интеграции в нее Индии и Пакистана продолжается, и дополнительные импульсы ему может дать общественная дипломатия. Ее выражением стало проведение в октябре 2015 г. в Алтайском государственном университете (Барнаул, Россия) при поддержке Россотрудничества и Росмолодежи международной школы молодых лидеров стран Азии [4].

В Азии предпринимаются и другие интеграционные инициативы, лишь частичного учитывающие интересы стран этого континента, хотя фактор приграничья призван сыграть в них важную роль. К их числу относится американский проект *Большой Центральной Азии*, предусматривающий «вытягивание» из конфликта все того же Афганистана усилиями стран-соседей через активную трансконтинентальную торговлю и развитие инфраструктуры, но игнорирующий при этом Россию, а также Иран, Китай [5]. Эти и другие инициативы выражают не только объективные возможности многостороннего сотрудничества, но и соперничество ведущих региональных и межрегиональных держав. Но при всем их многообразии сотрудничество в регионе Большого Алтая обладает целым рядом преимуществ, и оно может служить основой для новых интеграционных/кооперационных проектов. В случае с Большим Алтаем поступательность сотрудничества обеспечивается как историко-культурными, так и геополитическими причинами, в ряду которых членство и партнерство стран, приграничные территории которых составляют этот регион, в ШОС, то есть наличие доверия на межгосударственном уровне.

Алтай — пространственно-географическое понятие обширного региона, расположенного на стыке 4-х современных государств — России, Казахстана, Китая и Монголии. Его историческая «связность» — этническое родство, миграционные и экономические взаимобмены, подвижность государственных границ до XVII–XVIII вв. и другие факторы — обусловили возникновение и сохранение определенных генетических и вновь приобретенных связей. Есть основания называть указанные территории *Большим Алтаем* — одна из первых попыток такого рода была сделана в 1934 г., когда под топонимом *Большой Алтай* стали понимать, помимо собственно Алтая, и другие территории СССР — Южный Алтай, Калба, Саур, Монрак и Тарбагатай, хотя фактически и топонимически к Алтаю относились и некоторые области сопредельных государств.

Необходимость терминологических новаций возникла в конце 1990-х гг., когда после распада СССР и образования на его месте целой группы суверенных государств стало восстанавливаться и налаживаться разноформатное сотрудничество субъектов РФ и стран/регионов-соседей. Эта, по существу практическая, причина вызвала к жизни многие экономические и иные, преимущественно прикладные, проекты — регион Алтайских гор превратился в трансграничный узел с новыми возможностями межгосударственного и межрегионального взаимодействия. Одной из его первых форм стали выставки-ярмарки

малого бизнеса в приграничном Рубцовске («воротах в Азию»), но на программном уровне первыми выступили представители Китая — в 1998 г. они предложили концепцию создания *Восточно-среднеазиатской зоны*, объединявшей потенциал всех территорий Алтайского региона в целях его ускоренного социально-экономического развития.

На состоявшейся летом 2000 г. в Алтайском крае международной конференции по социально-ориентированным экологическим проблемам сопредельных территорий Алтае-Саянского региона «Наш общий дом» преобладал *экологический подход*, но она стала новым шагом в комплексном осмыслении ситуации на стыке границ 4-х государств — России, Казахстана, Монголии и Китая. Китайская сторона не была представлена на этом форуме, но она выступила с инициативой новой конференции, сфокусированной на научно-техническом и экономическом сотрудничестве указанных государств «в Алтайском регионе» (согласно принятому на конференции документу (декларации) — «в *Алтайском горном регионе*»). Это обстоятельство объективно сужало роль степного Алтая (Алтайского края) в активизировавшихся межрегиональных контактах, и оно было преодолено в ходе конференции «Сибирь в структуре трансазиатских связей: проблемы приграничной торговли и межрегионального взаимодействия» (Барнаул, осень 2000 г.). Там впервые было введено в активный научно-практический оборот понятие *Большого Алтая* и выработаны новые идеи [6], в дальнейшем трансформировавшиеся в формулу *евразия-региона* (лето 2005 г., конференция под эгидой ряда федеральных ведомств РФ и Еврокомиссии «Международные связи субъектов РФ» на о. Ая, Алтайский край) [7, с 334–339].

Строго говоря, *Большой Алтай* существовал и в прошлом — как периодически меняющая свои границы и степени «связности» политико-географическая конструкция (архаичные квазигосударства XVII–XVIII вв., экономически кооперирующиеся территории союзных республик бывшего СССР и в меньшей степени — сотрудничающие приграничные территории СССР и МНР, СССР и КНР). Но и сегодня это научно и практически конструктивное понятие, фиксирующее реально существующий, хотя и неравномерно развивающийся феномен — новый тип приграничного сотрудничества. Межрегиональный интеграционный проект «Алтай — наш общий дом» — лишь одна из инициатив в сфере международного сотрудничества субъектов РФ, призванных повысить уровень взаимодействия приграничных территорий до создания организационно и юридически «модулированных» межгосударственных объединений типа еврорегионов (*регионов приграничной интеграции и сотрудничества*). При этом, помимо собственно экономической составляющей, учитывалось наличие других связей, подчеркивающих историческое и нынешнее тяготение территорий, составляющих Большой Алтай.

Однако к середине 2010-х гг. стало очевидно, что этот проект теряет динамику несмотря на разработку и реализацию новых, гораздо более масштабных, интеграционных инициатив, могущих модулировать и алтайский опыт. Определенную проблему представляют поиски общей культурно-цивилизационной основы истории и современности Большого Алтая — идеи *евразийства* в их преимущественно «классической» основе не кажутся убедительными.

тельными, так как они не вполне созвучны ценностям всех народов, проживающих в рамках этого пространства, ныне разделенного государственными границами и уже вновь приобретенными культурно-цивилизационными особенностями. Эти идеи не находят отклика у китайской стороны, ориентированной на гигантские инфраструктурные проекты в рамках стратегии «одного [экономического] пояса, одного [Шелкового] пути», то есть экономической глобализации по-китайски. У казахстанских участников алтайского проекта свое видение и понимание евразийства, лишенное мессианства и сфокусированное на многовекторности партнерства в Евразии и мире в целом. Монголия, в особенности ее западные аймаки, на многие годы лишившиеся внимания со стороны российского центра и регионов, с трудом восстанавливают старые связи в новой экономической и геополитической ситуации. Помимо этих, по сути внешне обусловленных, тенденций, и отмеченного выше идейно-философского консерватизма, российская сторона демонстрирует инертность и излишнюю закрытость в тактике и даже методике работы — воспроизводятся только традиционные формы, вроде молодежной школы, проповедуются идеи традиционного же российского евразийства, редкие форумы под эгидой Международного координационного совета «Алтай — наш общий дом» носят исключительно корпоративный характер, на них не критично воспринимается собственный опыт и альтернативные подходы, в том числе оценки профессиональных востоковедов.

«Один [экономический] пояс, один [Шелковый] путь» — еще одна новейшая мега-инициатива с интеграционным потенциалом и многократным проявлением фактора приграничья — ее выдвижение в 2013 г. китайским руководством может быть интерпретировано, как всплеск лидерских амбиций в духе стратегии XXI века. Но по сути это стремление обезопасить свое внутреннее развитие и международно-политическую среду в масштабах Евразии, одновременно наращивая конкурентный потенциал Китая в макрорегиональном и глобальном масштабе. Поскольку западным территориям Китая, и прежде всего СУАР, в новом мега-проекте отводится одна из ключевых ролей, эффект развития может сказаться и на других территориях Большого Алтая, хотя в повестке работы соответствующих институций (Международный координационный совет «Алтай — наш общий дом» и пр.) пока нет масштабных идей, а выдвинутые ранее пока не обрели материальную основу (газопровод «Сила Сибири-2», или «Алтай» [8], с пакетом других инфраструктурных замыслов и др.). И причина тому не только резкие изменения геополитической обстановки, мировой и региональной экономической ситуации, но и консерватизм подходов российской стороны (в особенности региональной бюрократии и местного же академического сообщества), уповающих на устаревшие трактовки евразийства и собственное право бессрочной экспертизы. Такие подходы сужают возможности межрегионального сотрудничества даже на таком исторически связном, по-новому освоенном в советское и пост-советское время пространстве, как Большой Алтай. Характерно, что Российский Алтай, будучи воротами в зарубежную [Центральную] Азию, связующим звеном инфраструктуры и торговых связей Евразийского экономического союза, пока не ощутил благ новой постсоветской интеграции — возможно, потому, что это

только начало процесса, но еще и потому, что этот приграничный регион может оказаться в эпицентре соперничества транснациональных компаний, ориентирующихся в массе своей на партнерство с Китаем. Но и здесь в арсенале средств, позволяющих придать приграничному/трансграничному взаимодействию созидательный вектор, выступает общественная дипломатия, пока мало востребованная в регионах/территориях Большого Алтая в силу особенностей их этнической структуры, управления, политического и географического положения. Наибольшую закрытость демонстрирует китайская сторона, малонаселенность Монгольского Алтая и многолетняя пауза в сотрудничестве краев и областей российского приграничья с западными аймаками Монголии породили инерционность этого вектора, но и восточно-казахстанское направление не внушает особого оптимизма — отчасти из-за отмеченных выше просчетов российских участников, но и из-за реальной или мнимой самодостаточности казахстанских партнеров. Тем не менее, Российский Алтай, как центрально-азиатский рубеж России был и остается важной экспериментальной и деловой площадкой для интеграционных проектов различного формата и фокуса, осуществление которых требует профессиональной и общественной экспертизы, включая уникальный и действенный опыт общественной дипломатии.

Таким образом, уже в течение 10–15 лет, в конце XX — первые десятилетия XXI в., на одном из перекрестков Евразии — Алтае — укрепляются экономические и другие связи, формируется новый тип региона приграничного сотрудничества и интеграции. Каждый из его участников выбирает подходящие ему формы и уровни взаимодействия, что отражает и сегодняшнее состояние экономик государств и регионов-партнеров, и состояние их национального законодательства. Такая практика соответствует и мировому опыту — сотрудничеству в регионе Большого Меконга в Юго-Восточной Азии, межрегиональным проектам в Южной Азии и т. д., и соединение подобного опыта, до сих пор накапливаемого в параллельном режиме, могло бы дать больший эффект — уменьшить потенциал конфликтности даже в конфликтных зонах вроде афгано-пакистанского приграничья, и, наоборот, увеличить потенциал их развития и сотрудничества с аналогичными или менее проблемными зонам за счет прямых связей, объединения усилий специалистов различного профиля, в том числе регионоведов, способных повысить уровень принимаемых решений и осуществления межрегионального/трансграничного сотрудничества на гигантском пространстве от пакистанского Хайбера до российского Алтая.

Литература

1. Hayat Khan A. The Durand Line: Its Geo-Strategic Importance. Peshawar, 2000.
2. The Federally Administered Tribal Areas (FATA) of Pakistan. Peshawar, 2004.
3. Бойко В.С. Стамбульский процесс и регионализация афганского конфликта в начале 2010-х гг. // Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии. М.: РУДН, 2014.
4. Россотрудничество и Росмолодежь соберут в АлтГУ молодежных лидеров и молодых ученых со всей Азии. URL: <http://www.asu.ru/search/news/16518>
5. The New Silk Roads: Transport and Trade in Greater Central Asia Starr / ed. S. Frederick. Wash. DC, 2007.

6. Сибирь в структуре трансазиатских связей: проблемы приграничной торговли и межрегионального взаимодействия : документы и материалы международной научно-практической конференции (в рамках 2-й международной выставки-ярмарки приграничной торговли «Сибирь-Азия. Сотрудничество без границ»). Барнаул, 2000.
7. Бойко В.С. Международные связи Алтайского края: азиатский вектор: (научные и практические аспекты) // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур : материалы Пятой международной научно-практической конференции, Барнаул, 24 ноября 2005 г. / БГПУ, Барнаул, 2005. Вып. 5.
8. Китай развенчал российские надежды на строительство газопровода «Алтай». URL: <http://www.bankfax.ru/news/98247>

О.Ю. Курныкин

***Внешняя политика Казахстана и
перспективы российско-казахстанских отношений***

После распада СССР на протяжении последней четверти века был реализован любопытнейший эксперимент по формированию и приобретению субъектности новым международно-политическим регионом, за которым закрепилось название центральноазиатского. Этот регион, будем откровенны, не стал центром мировой политики, но играет все более существенную роль в структуре современных международных отношений.

В силу исторических причин у России сложились особые отношения со странами Центральноазиатского региона, которые на протяжении полутора-двух столетий оказались в орбите российского государства. Парадоксально, но после распада Советского Союза российской дипломатии и экспертному сообществу, по сути, пришлось заново открывать для себя этот регион. Постепенно среди российских экспертов стал привычным взгляд на Центральную Азию как близкий, но все-таки отдельный, внешний регион.

Казахстан, несомненно, один из ключевых игроков в Центральноазиатском регионе. Среди пяти стран региона он лидирует по размерам территории, по объему ВВП и по размерам ВВП на душу населения, по запасам нефти, каменного угля, урана, полиметаллов. Правда, по численности населения Казахстан уступает Узбекистану. Не секрет, что между двумя этими странами наблюдается конкуренция за статус регионального лидера в Центральной Азии.

На протяжении более двух столетий Казахстан был лишен суверенности в международных отношениях, являясь частью российского государства. Распад СССР не был желаемой целью для советских среднеазиатских республик (в отличие от республик Прибалтики и Закавказья). По сути, Казахстан и республики Средней Азии были вытолкнуты из общероссийского пространства (напомню, в Беловежскую Пушу лидеры этих республик не были приглашены, и решение о роспуске Советского Союза было доведено до них лишь постфактум).

Как бы то ни было, в декабре 1991 г. Казахстан стал независимым государством и оказался перед необходимостью определения своего места и роли в мировом сообществе. Задача осложнялась тем, что в стране на момент провозглашения независимости не было подготовленных дипломатических кадров, опыта самостоятельной деятельности на мировой арене, сложившихся концептуальных представлений, определявших внешнеполитический курс государства. Все это нужно было формировать в срочном порядке, и Казахстан справился с этой задачей.

Страны Центральной Азии, с одной стороны, имеют схожие внешнеполитические цели, они заинтересованы в безопасности, стабильности и экономическом развитии своего региона, что подталкивает их к региональному сотрудничеству. Вместе с тем, все более явственным становится то обстоятельство, что внешняя политика каждой из стран ЦА имеет собственное лицо, собственные приоритеты, и это в полной мере относится к Казахстану.

Приоритетными задачами внешней политики Республики Казахстан являлись, во-первых, создание, говоря словами президента Н.А. Назарбаева, «пояса доверия и добрососедства» по всему периметру казахстанских границ, и, во-вторых, продвижение интеграционных процессов в сфере экономики на евразийском пространстве. Именно казахстанскому лидеру принадлежит идея Евразийского союза.

На выработку внешнеполитического курса Республики Казахстан оказали влияния несколько факторов.

1. Более длительное нахождение Казахстана в составе российского государства (по сравнению с другими странами ЦА) обусловило и более глубокое воздействие российской цивилизации на казахское общество. Именно в период нахождения в составе российского государства произошла культурно-хозяйственная переориентация казахов с кочевого на оседлый образ жизни. Широкое распространение среди казахов получил русский язык. Но относительно большая интегрированность в структуры российского государства поставила перед независимым Казахстаном дополнительные задачи.

На начальном этапе (условно — первая половина 1990-х гг.) основной внешнеполитической задачей для Казахстана являлось вычленение из бывшего, по сути, имперского государственного и народнохозяйственного комплекса СССР, причем с наименьшими для себя издержками, и обретение субъектности в международных отношениях. Эта задача осложнялась для Казахстана тем обстоятельством, что это была единственная союзная республика, в которой численность титульного этноса составляла меньше половины (примерно 40%) населения. Подобная ситуация рассматривалась руководством Казахстана как потенциальная угроза территориальной целостности и безопасности страны. На протяжении 1990-х гг. острота этой проблемы в значительной степени была снята в результате отъезда из Казахстана нескольких миллионов граждан нетитульных национальностей и вместе с тем привлечения в страну примерно одного миллиона оралманов — казахов-репатриантов, направлявшихся в основном из Узбекистана, Монголии, Туркменистана, Китая, России, Киргизии и других стран. При этом Казахстану удалось избежать ухудшения отношений с Россией из-за «русского вопроса».

Немаловажным фактором, облегчающим трансграничные контакты между гражданами двух стран, является также сохранение общего культурного пространства и практически отсутствие языкового барьера.

2. Еще один фактор, влияющий на выработку внешнеполитического курса Казахстана — геополитический. Хотя географический фактор оказывает все меньшее воздействие на развитие социума, полностью его отбрасывать было бы непростительной самонадеянностью. Если посмотреть на карту Казахстана, то прежде всего обращают на себя внимания два обстоятельства — срединное положение этой страны в центре Евразии и, во-вторых, наличие протяженной границы с Россией, являющейся самой протяженной сухопутной границей в мире (7512 км). Между двумя странами нет естественных рубежей. Вообще, Великая степь не благоприятствует созданию непроницаемых жестких пограничных рубежей. Степные, малозаселенные пространства и недостаток финансовых и кадровых ресурсов не позволяют плотно закрыть границу (на километр казахстанской границы в среднем приходится один пограничник). В результате российско-казахстанская граница остается одной из наиболее проницаемых на постсоветском пространстве.

По сути, в центре Евразии сформировалась новая геополитическая конфигурация, когда два крупнейших по территории государства, занимающие по этому показателю 1-е и 9-е места в мире, образовали непрерывное геополитическое пространство. Это обуславливает заинтересованность Казахстана в сотрудничестве с Россией в военно-стратегической сфере, его участие в ОДКБ.

Центральное, сердцевинное положение Казахстана на евразийском и постсоветском пространстве располагает к выдвижению различных интеграционных проектов, последовательным сторонником которых на протяжении последней четверти века являлся президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Важно отметить, что это была не просто выигрышная с позиций международного пиара инициатива, это был осознанный выбор, который не всегда встречал поддержку на пространстве СНГ, но который в конечном итоге оказался стратегически оправданным.

При этом казахстанский вариант евразийства заметно отличается от его российских вариаций, в частности, он предполагает ориентацию не только на Россию, но и на Евросоюз, США, Китай. (Отметим, что для российских модификаций евразийства, характерны изоляционистские проявления, более или менее выраженные противостояние англо-саксонскому миру и ориентация на собирание вокруг России степного мира). Апелляция к евразийству не мешает Казахстану развивать отношения со странами Запада. Любопытно, что Казахстан даже позиционировал себя в качестве европейской страны на том основании, что небольшая часть казахстанской территории к западу от реки Урал географически относилась к Европе. Подобное «многовекторное» балансирование позволило Казахстану привлечь в свою экономику значительные западные инвестиции, прежде всего в разработку нефтяных месторождений и других природных ресурсов, в энергетику.

Если в XIX в. борьба за Среднюю Азию определялась преимущественно геополитической мотивацией, то в современных условиях большую значимость приобретают геоэкономические характеристики региона.

Существенную роль во внешнеполитических ориентациях Казахстана играет сырьевой фактор. Показательно, что ни России, ни странам Запада не удалось установить контроль над сырьевыми ресурсами ЦА (характерный момент — отказ Газпрома в январе 2016 г. закупать туркменский газ, что можно расценивать как поворотное событие в российско-туркменских отношениях в энергетической сфере). Это совпало с началом строительства газопровода ТАПИ, впрочем, его судьба представляется неясной из-за трудно прогнозируемой ситуации в Афганистане. Но главным бенефициаром в борьбе за доступ к энергетическим ресурсам ЦА становится Китай.

Руководство Казахстана, после некоторых колебаний, допустило крупные китайские инвестиции в нефтяные месторождения Казахстана. Китайские компании быстро построили нефтепровод от казахстанских нефтяных месторождений в Синьцзян, что значительно меняет конфигурацию трубопроводной системы Центральной Азии.

Все более значимым геополитическим компонентом для центральноазиатского региона и, прежде всего, Казахстана является его связующая транспортная роль между Европой, АТР и Южноазиатским регионом. По сути, речь идет о преодолении внутриконтинентальной периферийности региона за счет формирования новой конфигурации транспортных коридоров в центре Евразии. В связи с этим весьма значимым для ЦАР может стать проект «Экономического пояса Великого шелкового пути», продвигаемый Китаем. Существуют и альтернативные варианты «Шелкового пути», в частности, в обход России.

В качестве долговременной тенденции следует рассматривать возрастающую роль Китая на центральноазиатском пространстве. В Казахстане отдают в этом отчет, внимательно анализируя возможные приобретения и риски. При этом китайская дипломатия действует довольно осмотрительно, стараясь смягчить подозрительность как России, так и центральноазиатских стран к намерениям Китая и выдвигая на первый план формы многостороннего сотрудничества в рамках ШОС. Вместе с тем реализация Китаем крупных инвестиционных проектов в транспортной и энергетической сферах объективно усилит китайский вектор во внешнеполитических ориентациях Казахстана.

Основной задачей на китайском направлении стало для Казахстана в 1990-е гг. окончательное урегулирование пограничной проблемы и налаживание торгового обмена в условиях дефицита товаров на казахстанском рынке. Проблема территориального размежевания между Казахстаном и Китаем была окончательно решена в 1999 г. (за счет передачи Китаю части спорных территорий).

Есть основания говорить о том, что на протяжении последней четверти века внешняя политика Казахстана приобрела свой почерк, свое лицо. Ей присуща рациональность, которая, в частности, проявляется в стремлении, с одной стороны, дистанцироваться от великих держав, а с другой — сохранить с ними хорошие отношения. Казахстан с момента получения независимости позиционировал себя как ответственный и предсказуемый актор на мировой сцене, как удобный посредник в разрешении различных конфликтных ситуаций, будь то на афганском, ближневосточном направлениях или в конфликтных ситуациях

на постсоветском пространстве. И Казахстан значительно продвинулся в достижении этой цели.

Отмеченная выше рациональность внешней политики Казахстана проявляется в ее осторожности, гибкости и сбалансированности. Хотя Казахстан на разных этапах не избегал некоторой увлеченностью Турцией, преувеличенных надежд на сотрудничество с Западом, с арабскими монархиями Персидского залива, Китаем, ему удалось избежать попадания в орбиту какого-то одного центра силы и выстроить равные, партнерские отношения со многими странами к выгоде для себя.

При этом отношения с Россией придавался стратегический характер. Очевидно, позиции России в ЦАР после распада СССР неизбежно ослабли, но при этом Казахстан не допустил резких выпадов против России, как это наблюдалось со стороны некоторых бывших советских республик. После некоторой заминки с середины 1990-х гг. российско-казахстанские отношения стали развиваться по восходящей.

Вместе с тем, взаимодействие Казахстана с Россией в различных сферах может различаться разной степенью интенсивности. Так, не располагая достаточными военными ресурсами, Казахстан демонстрирует готовность к тесному взаимодействию в военно-стратегической сфере. Заметно продвинулась интеграция в экономической сфере. Сохраняется довольно плотная ткань коммуникаций в гуманитарной сфере. Можно даже говорить о некой «особости» взаимоотношений России и Казахстана, по сравнению с другими государствами Центральной Азии.

Говоря о перспективах российско-казахстанских отношений необходимо трезво оценить как базовые, фундаментальные факторы, работающие на сближение двух стран, так и проблемные зоны в двухсторонних отношениях. К сближению между Россией и Казахстаном подталкивают общие интересы в сфере региональной безопасности, наличие экономических и гуманитарных связей, сохранившихся с советских времен, наличие развитой системы транспортных коммуникаций. Обе страны заинтересованы в создании общего экономического пространства со свободным перемещением товаров, капиталов, трудовых ресурсов. Свою роль играет схожесть политических систем России и Казахстана, взаимопонимание и доверие между лидерами двух стран, хотя этот фактор имеет преходящий характер.

Среди факторов центростремительного свойства можно отметить следующие:

1. Схожая структура экономики приводит к конкуренции российской и казахстанской продукции на внутреннем и внешних рынках. Это делает возможным введение ограничений во внешнеторговых операциях с той или другой стороны. Примеры тому уже есть.

2. Следует признать, что проект Евразийского экономического союза, который мог стать прорывным не только в российско-казахстанских отношениях, но и в целом в интеграционных процессах на постсоветском пространстве, оказался запущенным не в самое удачное время. Образование ЕАЭС совпало с серьезными экономическими трудностями, которые переживает как российская, так и казахстанская экономика. Падение цен на нефть и последующее обрушение курса рубля и тенге создают новую реальность, к которой необхо-

димо приспособиться как бизнесу, так и широким слоям населения. Очевидно, будут сокращаться и инвестиционные возможности двух стран, что будет подталкивать Казахстан к дифференциации своих экономических связей. Россия может уступить Китаю лидирующие позиции во внешнеторговом обороте Казахстана.

3. Необходимо учитывать, что и в Казахстане, и в России в активную стадию вступает новое поколение, уже не ностальгирующее по советскому прошлому, которое сформировалось в условиях суверенного существования своих стран. Это поколение более открыто миру; немалая часть молодых людей в Казахстане получает образования на Западе или в мусульманских странах, что ориентирует на различные политико-культурные ценности. России будет нелегко конкурировать на этом поприще, тем более необходимо бережно и эффективно задействовать весьма существенный гуманитарный ресурс в двусторонних отношениях.

В целом, многовекторность внешнеполитического курса Казахстана, предполагающая сохранение баланса между тремя основными опорами — Западом, Россией и Китаем, себя оправдала и по-прежнему будет определять концептуальные подходы внешнеполитического курса Республики Казахстан. Вместе с тем Казахстан ощущает определенный дискомфорт от нынешнего кризиса в отношениях между Западом и Россией, от которого в конечном итоге в выигрыше оказывается Китай. Российско-казахстанские отношения сохраняют немалый потенциал для стратегического взаимодействия, однако этот потенциал предстоит реализовывать в условиях динамично меняющейся и высоко конкурентной международной среды.

Ю.А. Лысенко

Приграничное сотрудничество Российской Федерации и Республики Казахстан в научно-образовательной сфере

В современных условиях приграничное сотрудничество между соседними регионами стран, граничащих друг с другом, является насущной и актуальной проблемой. Россия успешно взаимодействует со всеми приграничными государствами, но одним из наиболее ее значимых партнеров является Казахстан. Для эффективного взаимодействия регионов России и Казахстана в различных сферах, в том числе в сфере науки и образования, имеется ряд объективных условий.

Во-первых, основным фактором положительной динамики приграничного сотрудничества выступают интеграционные процессы, происходящие на пространстве СНГ. На протяжении последних десятилетий они прошли определенную эволюцию от подписания Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ) к договору о Евразийско-Азиатском экономическом сотрудничестве (ЕвАзЭС) и, наконец, созданию Таможенного союза.

Во-вторых, тенденция к российско-казахстанскому сближению определяется геополитическими аспектами. Оба государства входят в десятку крупнейших стран в мире, имея при этом самую протяженную в мире общую границу (более 7000 км). Геополитическое положение двух стран позволяет рас-

смагивать их как своего рода цивилизационный мост между двумя субконтинентами.

В-третьих, лидеры двух государств отлично осознают всю значимость тесного сотрудничества в плане обеспечения стратегической безопасности. Вызовы и угрозы современной эпохи в одинаковой степени нависли над всеми государствами, независимо от их влияния и положения в мире. В связи с этим Россия имеет все основания рассматривать Республику Казахстан как своего главного стратегического союзника в Центральной Азии. Кроме того, Москва заинтересована в сохранении и укреплении своего влияния в стратегически важном регионе, от стабильности которого зависит очень многое на евразийском пространстве. Потерю своего веса среди восточноевропейских стран, уже вступивших или готовящихся вступить в НАТО, Россия наверняка будет компенсировать укреплением своих политических и экономических позиций в Центральной Азии.

Четвертой предпосылкой для развития взаимовыгодного сотрудничества между Казахстаном и Россией является наличие огромного ресурсного потенциала обеих стран. Прежде всего, это касается богатейших месторождений энергетического сырья. По запасам черных и цветных металлов Казахстан и Россия занимают лидирующие позиции в мире.

Необходимо также иметь ввиду, что два государства связывает общее историческое прошлое: имперский и советский периоды. На протяжении двух столетий между Россией и Казахстаном формировалось единое политико-правовое и социально-экономическое пространство, российский и казахстанский народы вместе участвовали во многих исторических событиях: коллективизации и индустриализации, Великой отечественной войне, освоении целины и т.д. Сформировавшийся за эти годы общий психо-эмоциональный фон был скреплен русским языком. Последний играл роль языка межнационального общения и выступал мощным фактором интеграции советского общества. После распада СССР около одного миллиона казахов оказались в пределах Российской Федерации, и свыше 4 миллионов русских насчитывается сегодня в Республике Казахстан. Такая тесная взаимосвязь, усиливающаяся приграничной миграцией, играет особую роль в формировании позитивной морально-психологической атмосферы поддержки населением обеих стран политики укрепления двусторонних отношений.

Для эффективного взаимодействия в приграничной сфере между Россией и Казахстаном на сегодняшний день создана его нормативно-правовая база. Началом ее формирования стало подписание Соглашения о сотрудничестве приграничных областей Республики Казахстан и Российской Федерации от 26 января 1995 года. В последующий период наиболее приоритетные аспекты приграничного сотрудничества нашли отражение в таких документах, как Программы приграничного сотрудничества на 1999–2007, 2008–2011 годы, Договор между РК и РФ о казахстанско-российской государственной границе от 18 января 2005 года, Программа сотрудничества России и Казахстана в гуманитарной сфере, Протокол об основных направлениях сотрудничества таможенных служб двух стран на 2008 год [1].

Равноправное и взаимовыгодное партнерство с Россией имеет стратегический характер и оказывает серьезное влияние на укрепление взаимовыгодного экономического, оборонного, информационного и гуманитарного пространства в рамках СНГ. Масштабный характер носит экономическое сотрудничество между двумя странами, охватывающее ключевые сферы — топливно-энергетическую область, транспорт, инвестиции, разработку ресурсов Северного Каспия. Приграничное экономическое сотрудничество — важная составляющая российско-казахстанских отношений. По официальным данным, на его долю приходится более 70% товарооборота между двумя странами, объем которого в 2014 г. приблизился к 20 миллиардам долларов. В приграничной зоне функционирует более 310 совместных казахстано-российских предприятий.

Особое значение в развитии казахстанско-российского приграничного сотрудничества лидеры России и Казахстана придают сфере образования и науки. Основные принципы взаимодействия двух государств в данном направлении определяются целым пакетом межгосударственных соглашений, одним из которых является подписанный в 1996 г. Договор Четырех: соглашение между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об эквивалентности и признании документов об образовании государственного образца, ученых степеней и званий. Кроме этого, важное значение имеет Соглашение о сотрудничестве по формированию единого (общего) образовательного пространства Содружества Независимых Государств, подписанное в 1997 г. Инструментом в реализации данных соглашений являются также и двусторонние договоры между образовательными учреждениями приграничных регионов России и Казахстана. В частности, у Алтайского государственного университета — лидера высшего образования в Алтайском крае — с вузами РК заключено 20 соглашений, Омского государственного педагогического университета им. Ф. Достоевского — с 19 вузами РК, Томского государственного университета — с 21 вузом РК. На основе договорных отношений строится приграничное сотрудничество и научных учреждений двух государств. Примером может служить договор Института археологии им. Маргулана НАН РК — с лабораторией комплексных археологических исследований Алтайского государственного университета.

Мощным ресурсом развития двусторонних отношений в области образования и науки следует считать и созданные практически во всех вузах Западной Сибири Центры казахского языка и культуры. В Алтайском государственном университете структурой, призванной содействовать развитию сотрудничества в данном направлении является Почетная кафедра «Казахстанский путь и Н. Назарбаев».

Особо следует подчеркнуть, что для интеграции усилий российских и казахстанских вузов с целью повышения их конкурентоспособности на рынке образовательных услуг способствуют и современные требования к высшей школе. Так, в рамках Образовательных стандартов двух стран реализация бакалаврских и магистерских программ большинства направлений подготовки должна сопровождать зарубежными научными стажировками, приглашением иностранных специалистов для прочтения лекций, академическими обменами,

как студентов, так и преподавателей и т.д. Международные рейтинги вузов — реалии времени — также учитывают численность иностранных студентов, участие сотрудников и студентов в международных академических программах, программах двойного диплома, языковых стажировках и т.д.

Взаимодействие в образовательной сфере приграничных регионов России и Казахстана осуществляется на всех уровнях, но наиболее активно оно развивается между высшими учебными заведениями. Распространены такие виды сотрудничества, как: обмен опытом, совместные разработка и реализация образовательных проектов, участие в научных конференциях и семинарах, повышение квалификации преподавателей. В последние годы сотрудничество между российскими и казахстанскими приграничными вузами изменило свой формат и из сугубо двустороннего превратилось в многостороннее. С 2009 г. стали проводиться Форумы вузов приграничных регионов РФ и РК. К настоящему времени состоялось два подобных мероприятия. Их целью является развитие интеграционных связей в области науки, образования и культуры двух стран в рамках Евразийского экономического пространства. На I Форуме (г. Петропавловск, 27–28 февраля 2009 г.) присутствовали делегации 11 российских и 14 казахстанских вузов. Ими был подписан Меморандум о сотрудничестве в сфере образования, науки и культуры и заключено 45 двусторонних соглашений о сотрудничестве между отдельными вузами. В работе II Форума в Омске (21 — 23 мая 2012 г.) участвовали представители 23 вузов, в том числе 11 вузов России и 12 Казахстана, которые приняли Резолюцию и подписали Меморандум о сотрудничестве в области образовании науки и 15 двусторонних соглашений. На II форуме в Омске была также учреждена Ассоциация педагогических вузов по развитию трансграничного образования. В ее рамках для увеличения академической мобильности педагогических вузов планируется осуществлять обмен представителями научных школ, повысить эффективность взаимодействия путем совместной разработки программы «двойных» дипломов, проведения летних школ по педагогике, психологии, экологии и туризму.

Таким образом, на сегодняшний день реалии развития двусторонних отношений между Россией и Казахстаном, и также созданные условия для сотрудничества в сфере образования и науки между двумя государствами позволяют делать прогнозы о положительной динамике этого сотрудничества в ближайшей перспективе. Однако данные прогнозы омрачаются наличием целого комплекса проблем в сфере российско-казахстанского взаимодействия в научно-образовательной сфере, значительно сдерживающие его развитие.

Прежде всего, следует отметить, что национальные системы высшего профессионального образования двух стран кардинально отличаются друг от друга. Казахстан еще в начале 90-х гг. XX в. решительно отказался от советской образовательной модели и начал интеграцию в Болонскую систему. На сегодняшний день реформу высшего образования РК можно считать завершенной, для нее характерно наличие модельно-рейтинговой системы, разбивка учебного процесса на кредиты, три семестра. Россия в этом смысле находится на этапе реформирования высшей школы, главным содержанием которой стала попытка синтезировать национальную и европейскую модель. Очевидно,

что единого образовательного пространства двух государств в этих условиях создать не получится.

Значительно отличаются у России и Казахстана системы подготовки научных кадров. В РФ — сохранена советская модель: аспирантура-докторантура, в РК перешли на западную модель: PhD — докторская ступень двух уровней. Данное обстоятельство объективно приводит к разным требованиям содержания научной работы и критериям процедуры защиты научных результатов. Определенные трудности вызывает в этой связи и процедура нострификации диплома, в случае, если казахстанские исследователи защищались в Диссертационных советах вузов России. Определенные сложности адаптационного характера возникают у граждан Казахстана, поступивших в аспирантуру и докторантуру российских научно-образовательных учреждений. Среди них: постановка на миграционный учет, небольшая стипендия, жилищная проблема и т.д. Все это сдерживает академическую мобильность преподавателей двух стран.

Значительные трудности возникают на этапе формирования совместных образовательных программ, программ двойных дипломов: как подчеркивают эксперты, для данной формы образовательной интеграции у двух государств отсутствует нормативно-правовая база. При реализации программ академической мобильности: семестровых стажировок, программ включенного образования значительным препятствием выступает финансовый вопрос: кому платит студент за стажировку — головному вузу, вузу-партнеру или тому и другому? При этом в договорах о сотрудничестве между вузами РК и РФ такие нюансы, как правило, не прописываются.

Сдерживающим фактором развития программ академической мобильности между двумя государствами является ориентация системы высшего образования Казахстана на Запад. Анализ сайтов вузов страны позволяет говорить о том, что студентам предоставляется колоссальное количество учебных, лингвистических, научных стажировок по линии Министерства образования и науки в страны Евросоюза и США. Для российских студентов вузы Казахстана для прохождения стажировок также представляются малопривлекательными, главным образом, по причине малой информированности о стране и ее образовательных возможностях.

Отдельно несколько слов следует сказать об учебной миграции. С момента распада СССР она носит одностороннюю направленность: выпускники казахстанских школ, как правило, представители русской национальности, предпочитают поступать в российские вузы. В последние годы российские вузы прилагают немало усилий в конкурентной борьбе за казахских абитуриентов. Так, например, на территории Казахстана действует значительное количество филиалов российских высших образовательных учреждений: казахстанский филиал МГУ на базе Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана), филиал Московской академии труда и социальных отношений (г. Алматы); филиал Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (г. Алматы). В российско-казахстанской приграничной зоне функционируют филиалы Тюменского государственного нефтегазового института (на базе Павлодарского государственного университета, г. Павлодар);

Московского института экономики, финансов и статистики (г. Усть-Каменогорск); Челябинского государственного университета (г. Костанай). Ресурсные центры по тестированию и набору казахстанских абитуриентов в г. Усть-Каменогорске и Алматы созданы Алтайским государственным университетом.

Динамика учебной миграции выглядит следующим образом. Например, только в вузах Алтайского края в 2011/2012 учебном году обучались 527 граждан РК, в 2014/2015 учебном году эта цифра увеличилась до 1384 студентов. В Алтайском госуниверситете в 2000 г. из Казахстана обучалось 84 чел., 2004 г. — 90 чел, 2005 г. — 64 чел., 2006 г. — 53 чел, 2014 г. — 465 чел. В Челябинской области число студентов из Казахстана в 2011 г. достигло 1395 чел. Всего в 2015-2016 учебном году из 37 тыс. казахстанцев, обучающихся за рубежом, 26 тыс. обучались в вузах РФ [более подробно о взаимодействии вузов РК и РФ в сфере образования и науки см.: 2].

Рассматривая динамику учебной миграции казахстанских абитуриентов следует понимать, что ее этнический компонент уже почти исчерпан. Если в 90-е гг. XX в., численность русских в Казахстане преобладала, сегодня в Республике они составляют менее 24 % от общей численности населения. Эти факты позволяют прогнозировать в ближайшее время уменьшение количества поступивших в российские вузы казахстанских выпускников школ из числа русских и усиление конкурентной борьбы между вузами РК и РФ за абитуриентов — этнических казахов.

Кроме этого, значительная часть студентов из Казахстана, после завершения обучения, остается в России. Таким образом, Казахстан теряет население за счет учебной миграции, причем это население — молодежь фертильного возраста. В условиях значительных территорий этого государства и относительно небольшой численности населения, этот факт следует расценивать как негативный для демографической ситуации страны. Таким образом, для Казахстана и особенно для приграничных с Россией областей, где живет значительная часть русского и русскоязычного населения, учебная миграция — это не взаимодействие, а скорее усиление конкуренции между российскими и казахстанскими вузами за абитуриента.

Научное сотрудничество вузов России и Казахстана на современном этапе сконцентрировано на проведении конференций и участии ученых двух стран в научных форумах. Традиционно российские и казахстанские ученые выступают с докладами и сообщениями, публикуя эти материалы в совместных сборниках международных конференций. Например, в 2009–2011 гг. только вузами Челябинской области в кооперации с казахстанскими партнерами проведено четыре международных конференции и два «круглых стола» по актуальным научным проблемам. Сотрудничество по реализации конкретных научных проектов пока незначительно и сосредоточено в рамках отдельных кафедр, центров и лабораторий высших учебных заведений. У крупнейших научных государственных фондов России — РФФИ, РГНФ, РНФ — на сегодняшний день нет ни одного совместного конкурса научных проектов с научными фондами Казахстана.

Эксперты объясняют сложившуюся ситуацию рядом причин: до настоящего времени не преодолены последствия советской организации вузовской науки, когда она занималась, в основном, теоретическими вопросами, а прикладные исследования осуществляли специальные научно-исследовательские институты; не все вузы имеют современную научно-техническую базу для проведения сложных, но актуальных исследований; остро ощущается недостаток финансирования; происходит старение кадров; у большей части представителей бизнеса отсутствует заинтересованность в разработке инновационных продуктов. В этой связи стимулирование развития вузовской науки и ее приближение к различным сферам жизни общества остается одной из важных задач государственной политики России и Казахстана [2].

Таким образом, спецификой российских и казахстанских приграничных вузов является наличие у них высокой мотивации к взаимодействию в сфере образования и науки. При этом, обе стороны прилагают колоссальные усилия для поиска конкретных форм и практик его реализации. Однако наличие целого ряда объективных обстоятельств не позволяет на современном этапе в полном объеме развивать данное взаимодействие. Поэтому представляется, что интеграция и сотрудничество приграничных районов РК и РФ более продуктивными будут скорее в экономической сфере. Научно-образовательное сотрудничество будет развиваться в гораздо меньшей степени.

Литература

1. Гусев Л. Приграничное сотрудничество России и Казахстана в сфере экономики. URL: http://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2014_04/Prigran_sotrudnich_Gusev.pdf
2. Жундубаев М. К. Приграничное сотрудничество между Республикой Казахстан и Российской Федерацией на современном этапе: характер развития, проблемы и перспективы // Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. URL: http://polit.msu.ru/pub/DISS_accept/Jundubaev_2014_CD.pdf

А.К. Абдрахманова
***Роль Казахстана в обеспечении
региональной безопасности в Центральной Азии***

Понятие «приграничный регион» подразумевает то, что входящая в него территория испытывает существенное влияние границы. Признаком приграничной территории в социально-экономическом смысле является наличие таможенных пунктов пропуска. Государственная граница с Российской Федерацией представляется как некая мощная фильтрующая система, которая не разделяет приграничные регионы и народы, а очищает международное сотрудничество от «вредных примесей», от всего ненужного, что несет угрозу безопасности сопредельных государств и налаживанию добрососедства [1, с. 9].

Основными задачами приграничного сотрудничества в Казахстане являются создание обстановки доверия, взаимопонимания и добрососедства между органами власти, деловыми кругами и населением приграничной территории Республики Казахстан, совместное решение экономических, транспортных, энергетических, коммунальных, экологических, социально-демографических, гуманитарных и других проблем приграничных территорий, а также содействие реализации внутренней и внешней политики Республики Казахстан, обеспечению национальных интересов и национальной безопасности на государственной границе, в том числе в сфере борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и другими правонарушениями. Обеспечение региональной безопасности связано с предотвращением основных угроз и вызовов, в частности, наркотрафик, распространение религиозного экстремизма и терроризма, нелегальная миграция. Региональная безопасность определяется политикой и стратегией государств Центральной Азии в рамках обеспечения и защиты собственных национальных интересов, а также уровнем интеграционных процессов в регионе. Одной из приоритетных стратегических задач внешней политики Казахстана является создание интеграционных структур в Центральной Азии в сочетании с углублением двустороннего сотрудничества с государствами региона. Это позволяет укреплять региональную безопасность и расширять интеграционные процессы с государствами Центральной Азии.

Основная цель системы обеспечения региональной безопасности состоит в том, чтобы создать механизм, позволяющий выработать политику и страте-

гию государств в области прежде всего защиты собственных национальных интересов, а затем политику сотрудничества и взаимодействия с другими регионами в целях решения возникающих глобальных вызовов, требующих своего решения на региональном уровне. Региональная безопасность имеет два важных момента: во-первых, развитие сотрудничества в различных сферах — политической, экономической, культурной между государствами внутри геополитического региона и, во-вторых, развитие сотрудничества между регионами. Проблемы национальной безопасности Казахстана неразрывно связаны с состоянием сотрудничества между республиками Центральной Азии. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев, говоря об евразийской интеграции, отметил: «Это важный фактор общерегиональной стабильности, повышения конкурентоспособности наших экономик. Мы готовы поддержать стремление других государств СНГ присоединиться к евразийской интеграции» [2].

Таким образом, Казахстан является полноправным актором мирового политического процесса и региональным лидером в обеспечении региональной безопасности и инициатором интеграционных процессов и объединений, системно и планомерно развивая взаимовыгодные отношения в русле дружбы и добрососедства с Центральноазиатскими государствами.

Литература

1. Башмаков А.А. От приграничного сотрудничества к евразийской экономической интеграции. Алматы. 2013.

2. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 27 января 2012 г. Социально-экономическая модернизация — главный вектор развития Казахстана. URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-narodu-kazakhstana_1339760819

Д.А. Абдреева

Факторы, стимулирующие международную логистику и международную торговлю

Международная логистика стала своеобразным ответом на вызов постоянно движущегося вперед времени, суть которого можно охарактеризовать как создание универсального инструментария для решения комплекса проблем, которые возникают в процессе продвижения продукции из сферы производ-

ства в сферу потребления, включая рациональное использование ресурсов как в самом производстве, так и в потреблении.

За последние десятилетия представители крупнейших компаний начали активно исследовать возможности, которые предоставляются глобальным рынком. К тому же, производители стали массово оценивать перспективы зарубежных поставок сырья.

Для значительного роста экспорта товаров и эффективного завоевания международных рынков во всем мире профессионалы занимаются созданием логистических цепей и организаций международных логистических систем.

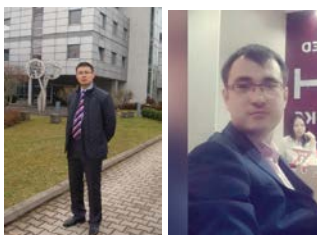
Международная торговля всегда связана с определенными трудностями, угрозами и рисками, поскольку даже при самой простой транзакции международная торговля развивается очень быстро. Все ее составляющие зависят именно от эффективности логистики, занимающейся перемещением товаров по всему миру. Существует несколько способов выхода на международные рынки. Разные компании могут организовать свои международные операции разными способами. У каждого из них свои преимущества, определяющие конкретные особенности ведения логистической деятельности. Тем не менее, наблюдается общая тенденция к глобальным операциям, когда весь мир рассматривается как единый интегрированный рынок. Так каковы же основные факторы, стимулирующие международную логистику и торговлю? Выделим основные:

1. Увеличение спроса на новых рынках.
2. Рост спроса на иностранные продукты.
3. Устранение торговых барьеров.
4. Экономия на масштабах.
5. Специализированная поддержка.
6. Рост объемов сервисных услуг на национальных рынках.
7. Интеграция цепи поставок.
8. Рост спроса на поставщиков.
9. Изменения логистических приемов.
10. Улучшение коммуникаций с потребителями.
11. Совершенствование коммуникаций в бизнесе.
12. Степень соответствия продукции условиям международной торговли.

Следует особо отметить, что все больше компаний в настоящее время понимает это и начинает работать в международных масштабах, на определенном уровне осваивая разные национальные рынки. Правительства практически всех государств оказывают всестороннюю поддержку развитию международной торговли и, соответственно, международных перевозок.

В заключение следует отметить, что в наш век глобализации международная торговля, а следовательно и международная логистика стремительно развиваются, и именно неравномерность развития отдельных отраслей в разных странах способствует импорту и экспорту. Появляется тенденция к безграничному расширению размеров производства, поэтому производство неизбежно перерастает границы внутреннего спроса, и предприниматели каждой страны ведут упорную борьбу за внешние рынки. Росту темпов международного товарообмена и, как следствие, международной логистики способствовала также

интеграция, поскольку были отменены ограничения в торговле между этими странами, на которые приходится почти половина объема мировой торговли. Кроме того, в структуре международной торговли произошли изменения под воздействием научно-технической революции, ускорившей процесс международного разделения труда и вызвавшей рост обмена наукоемкой продукцией, готовыми изделиями и услугами.

Б. Амандосулы, Н.Б. Шуренов
Результаты взаимодействия Казахстана
с трансграничными территориями Узбекистана

В данных тезисах рассматриваются результаты взаимодействия Казахстана с трансграничными территориями Узбекистана после раздела границ, именно поселки Амангельды и Арнасай.

Еще с советских времен в этих поселках жили только казахи, но так вышло, что после раздела границ оба поселка остались в Узбекистане. После этого почти все казахские семьи предпочли перебраться в казахстанские поселки. И вот здесь начинаются все проблемы с переездом казахских семей в Казахстан.

После раздела границ еще одной проблемой стала автотрасса Шардара-Жетысай. Это кратчайший путь для тех, кто хочет попасть в самый отдаленный район Южного Казахстана. После демаркации 25 километров дороги отошли Узбекистану.

Поселок Арнасай, который примыкает непосредственно к Шардаринскому водохранилищу, представляет собой анклав, с трех сторон окруженный территорией Узбекистана. Попасть в населенный пункт и выехать в Шардару можно только по дороге Шардара — Жетысай, которая частично проходит по территории Узбекистана.

Когда началась работа по оформлению линии государственной границы с помощью заградительных сооружений, погранслужба Узбекистана на своей территории выставила посты, и поселок Арнасай оказался отрезанным от внешнего мира. Жители оказались в тяжелой ситуации, не имея возможности попасть в больницу, к родственникам, в районный центр. Точно так же в населенный пункт не могла проехать ни «скорая помощь», ни пожарная машина, ни полицейские.

Решением этой проблемы стала работа местных органов власти, которые не оставили жителей один на один в труднейшей ситуации, организовав на государственном уровне вопрос отселения 71 семьи, проживавшей в Арнасе.

П.М. Аримбекова
Развитие логистики в Таможенном Союзе

Развитие Таможенного Союза подразумевает более тесное сотрудничество в различных экономических секторах. Транспортно-логистическая отрасль не является исключением.

Интеграционный процесс набирает ход и, как полагают эксперты, многие ошибки возможно обойти опираясь на мировой опыт. В большинстве стран логистика является достаточно прибыльным сегментом экономики. На сегодняшний день мировой транспортный рынок оценивается почти в \$ 3 трлн, что составляет 7% мирового ВВП.

В некоторых странах логистика играет определяющую роль. На сегодняшний день за счет логистики в странах-членах Таможенного союза формируется 10–12% ВВП. В странах ЕС данный показатель составляет 20–25%. Для логистики первоочередное значение имеет снижение логистических издержек в конечной стоимости продукции. На сегодняшний день доля логистических издержек в конечной стоимости продукции в странах-членах Таможенного Союза остается пока стабильно высокой и составляет в среднем 20–25%, а иногда доходит до 35%.

Согласно итогам исследований, в 2007–2012 гг. наиболее развитыми логистическими системами обладают Сингапур, Германия, Нидерланды, Япония, Великобритания и Гонконг.

Если оценивать основные показатели развития логистики по индексу и субиндексам LPI в 2012 г., то лидером среди стран ТС является Казахстан, опередив Россию и Беларусь как по индексу, так и по субиндексам LPI, за исключением показателя «качество логистической инфраструктуры», по которому лидером является Беларусь.

Стоит также отметить еще одну страну ТС — Россию. Благодаря своему географическому положению и масштабу территории, она имеет огромный транспортный потенциал. От Калининграда до Дальнего Востока, от Северного Ледовитого океана до Черного моря тянутся автомобильные и железнодорожные магистрали, водные пути и авиационные коридоры. Обладая такими

возможностями, Россия может вывести страну в ряд сильнейших транспортных держав. По мнению экспертов, потенциал Российского транспортного рынка оценивается в \$120 млрд. Из них 55% составляет сектор перевозок и экспедирования грузов всеми видами транспорта, складские услуги — 13%, а сектор услуг по интеграции и управлению цепями поставок — 32%.

Учитывая огромную территорию, решение этих проблем возможно только при комплексном развитии объектов транспортной инфраструктуры, т.е. улучшении качества международных транспортных коридоров, крупнейших транспортных узлов и терминально-логистических комплексов.

Резюмируя вышесказанное, хочется подчеркнуть необходимость реструктуризации логистической системы стран ТС и создания более гибкой, интегрированной с ЕС и другими более развитыми странами системы. Ведь мировая экономика не стоит на месте и рынок с каждым днем предъявляет новые требования.

Для достижения уровня логистики в ЕС странам Таможенного Союза необходимо совершенствовать систему контроля на границах, повышать уровень нормативно-правового регулирования отрасли, уровень подготовки высокопрофессиональных кадров, внедрять новые технологии, значительно повышать качество предоставляемых услуг.

Ж.К. Ахмадиева

Этнополитика Казахстана — стратегия обеспечения

Казахстанская модель межэтнической толерантности и общественного согласия является основой формирования дружбы среди народов. Опыт развития поликультурных государств убедительно свидетельствует о том, что формирование толерантности народов является исключительно важным фактором для дальнейшего развития дружбы и сотрудничества. Для формирования межэтнического согласия и дружбы требуется: политическая воля, вера в будущее дружбы между странами, кроме того, необходимо забыть о прошлых разногласиях и помнить о совместных победах. Ассамблея народа Казахстана в таком контексте является ключевым звеном межэтнического согласия, мощным стабилизирующим фактором в обществе. Государственная национальная политика в Казахстане обеспечивает все необходимые политико-правовые условия для реализации этнических прав граждан страны, сплочения народа и обеспечения позитивного развития этнических процессов, в том числе и в условиях

кризиса. Однако требуется динамичный подход к реагированию на стремительно меняющийся мир.

В целях дальнейшей консолидации этносов, проживающих в республике, важно исследовать как истоки формирования, так и само явление полиэтничности и межнационального согласия, прошлое и настоящее этносов и их взаимодействие, взаимовлияние и взаимообогащение национальных культур и традиций может служить ключом к пониманию межэтнических процессов. Казахстан является уникальным средоточием евразийского феномена, свободного как от Востока, так и от Запада, но вовлеченного в культурный обмен, а также торговые и транспортные потоки. Интегрированный, но независимый — таково лаконичное изложение современного курса международной политики Казахстана.

В период нахождения Казахстана в составе Российской империи в результате территориально-административных реформ на его территории происходили существенные изменения этнического состава населения, оно постепенно перестает быть мононациональным и становится много этническим.

Дипломатические отношения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан установлены 22 октября 1992 года. Двусторонние связи и сотрудничество регулируются обширной договорно-правовой базой (подписано более 300 договоров и соглашений). Базовые российско-казахстанские документы — Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 25 мая 1992 года, Декларация о вечной дружбе и союзнчестве, ориентированном в XXI столетие, от 6 июля 1998 года.

Совпадение или близость позиций России и Казахстана по основным международным и региональным проблемам создают основу для сотрудничества на международной арене, в том числе в рамках ООН и ее специализированных учреждений, ОБСЕ, других международных форумов. Тесно взаимодействуют внешнеполитические ведомства двух стран.

Сегодня, по общему признанию, казахстанская этнополитика стала позитивным брендом нашей страны, показывающей всему миру, как на фоне межэтнических конфликтов в различных регионах планеты, объединяя усилия государства и гражданского общества, можно добиваться высокого уровня толерантности, гармонии межэтнических отношений. Это налагает ответственность на тех, кто занимается разработкой и пропагандой этнополитики, соответственно наукой и образованием, совершенствованием казахстанской модели межэтнического согласия. В современном мире происходят разные межэтнические и межгосударственные конфликты, несмотря на экономический кризис Казахстан и Россия должны сохранить дружеские отношения, которые строились веками. Мы должны помнить, как наши прадеды вместе сражались и победили в войне. Дружеские отношения между странами гарантия нашего спокойного будущего.

К.Д. Бекенов
Взаимозависимость транспортной инфраструктуры
трансграничных территорий

Российско-казахстанская граница является уникальным, по ряду параметров не имеющим в мире аналогов феноменом. Будучи самым протяженным сплошным сухопутным рубежом, она представляет собой единственный пример прозрачной границы, разделяющей страны, ассоциирующиеся с европейскими и азиатскими, православной и исламской цивилизациями. С учетом этих соображений российско-казахстанская граница потенциально является ключевым регулятором евроазиатских потоков как легального, так и нелегального происхождения, будучи способной выполнять в этом отношении и барьерную, и контактную функцию.

На данный момент остается проблема, идущая со времен советского периода. Транспортная инфраструктура создавалась как единый комплекс, составляющие которого порою проектировались без учета административных границ между союзными республиками. Автомобильные и железные дороги на коротких участках пересекают теперь уже государственную границу, возвращаясь затем на территорию "своей" страны. В ряде случаев, особенно когда речь идет о железнодорожных магистралях, это создает серьезные проблемы в плане зависимости от сопредельной стороны транспортного сообщения между частями одного и того же государства, а также несовпадения ведомственной принадлежности таких участков с государственной.

Согласно оценке Федеральной пограничной службы РФ, эта протяженность составляет около 7500 км. Явно преобладающая часть границы расположена в сходных ландшафтных условиях степной и полупустынной зоны в сочетании с малым количеством естественных препятствий. Достаточно очевидно, что зависимость Казахстана от РФ в рассматриваемой сфере весьма велика: именно через Россию пролегают наиболее важные для страны международные пути сообщения западного направления. По российской территории проходят и участки железнодорожных магистралей, соединяющих различные части казахстанской территории. Так, сообщение между областными центрами Уральском и Актюбинском осуществляется через территорию Оренбургской области, проходящий по которой участок дороги, включая станцию Илецк, принадлежит казахстанской компании "Темір жолы". Таков же статус и участка, соединяющего Семипалатинск с Усть-Каменогорском (включая станцию Локоть), расположенную на территории Алтайского края. Через российскую же территорию осуществляется сообщение между северо-восточной частью Казахстана, включая его столицу Астану, и северо-западными районами страны. В свою очередь, сообщение между различными российскими территориями в ряде случаев также требует пересечения казахстанской границы. Так, главная ветка Транссибирской магистрали между Курганом и Омском на протяжении более чем 100 км проходит по территории Северо-Казахстанской области. Среднесибирская магистраль (от Челябинска через Костанай и Кокчетав до Камня-на-Оби) и Южный Транссиб (Магнитогорск-Астана-Павлодар-Барнаул) пересекают от 700 до 1200 км территории северного Казахстана.

Единственная дублирующая ветка через Тюмень, которая идет только по территории России, пока не способна пропускать значительные грузопотоки. Таким образом, внутрироссийский транзит в восточные регионы зависит от Казахстана. В нескольких случаях сходные проблемы имеют место на локальном уровне. В настоящее время обеими странами взят курс на уменьшение зависимости внутреннего транспортного сообщения от использования сопредельной территории. В ходе нынешних переговоров по делимитации границы российской сторона неоднократно выдвигала предложения о передаче ей (как правило, на условиях обмена) некоторых приграничных территорий Казахстана, через которые проходят железнодорожные пути внутрироссийского значения. Однако эти участки являются важной частью и казахстанской транспортной инфраструктуры, обеспечивая сообщение между приграничными населенными пунктами РК. Поэтому звучат такие предложения и пожелания относительно изменения статуса подведомственных Казахстану участков железной дороги, имеет место и тенденция развития новых трансграничных транспортных путей, призванных облегчить сообщение между приграничными территориями России и Казахстана.

***Е.А. Бикетова
Беларусь, Казахстан, Россия:
проблемы современной интеграции***

Развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве отражает объективную тенденцию современной геополитики — процессы регионализации, идущие на смену глобализации. В этом контексте идея создания интеграционного объединения на постсоветском пространстве не нова, и неоднократно озвучивалась в конце 90-х гг. XX века: сохранить налаженные экономические и духовно-идейные связи с бывшими республиками представлялось стратегической задачей. В то же время, само такое образование рассматривалось как новая форма взаимодействия, пришедшая на смену СССР, прежде всего не в политическом, а экономическом плане.

Однако, несмотря на то что идеи о евразийском объединении, высказывавшиеся еще президентом Казахстана Н. Назарбаевым в 1994 году, нашли свое реальное отражение в поэтапном процессе евразийской интеграции на постсоветском пространстве, проект развития Евразийского Союза в его экономическом и политическом отношении испытывает определенные трудности.

Интеграция Беларуси, Казахстана и России идет медленными темпами и носит не всеобъемлющий характер. В свете последних событий, связанных с обострением отношений России с западными странами, экономическим кризисом, санкционной политикой, а также мировым падением цен на нефть, можно прогнозировать замедление темпов евразийской интеграции и дальнейшую «заморозку» проекта. Вместе с тем, наряду с экономическими причинами можно отметить и политические, препятствующие интеграции в ряду Беларусь — Казахстан — Россия на постсоветском пространстве.

В первую очередь, стоит отметить изменение ситуации на внешнеполитической арене после событий на Украине и присоединения Крыма к России, что не могло не сказаться на эволюции имиджа России на международной арене и перезагрузке белорусско-российских и казахско-российских отношений. Отношения между тремя странами оказались пересмотренными. Казахстан в последние два года изменил свой внешнеполитический курс и отказался от многовекторности в фарватере своей внешней политике в отношении России, Китая и США: в последние годы республика демонстрирует приверженность идеям евразийской интеграции, при этом развивая сотрудничество с Евросоюзом и даже вступив в ВТО [1, с. 125]. Аналогичная ситуация происходит и в Белоруссии: начиная с 2015 года, в своей внешнеполитической программе белорусский лидер ориентировался на получение лояльности своему режиму со стороны европейских стран и США, а также на формальное сохранение дружественных отношений с Россией, при этом не связывая себя с ней союзническими обязательствами. В то же время активное движение России в русле «вставания с колен» и демонстрации своих притязаний на роль не только региональной, но и мировой державы, а также довольно жесткая политика в условиях сокращения экономических возможностей влияния на процессы на постсоветском пространстве, вызывают обеспокоенность у ее союзников и не способствуют политической интеграции.

Пожалуй, еще одна причина, которую стоит упомянуть, это превалирование национальных интересов во внешнеполитической стратегии государств. В этом отношении интеграция с Россией в Евразийский Союз с возможной трансформацией экономической интеграции в политическую наднациональную, не является приоритетным направлением внешней политики Республики Беларусь и Республики Казахстан. Экономическая интеграция с Россией существенно ограничивает Белоруссию и Казахстан, лишая выгодных преимуществ в экономической сфере. Именно поэтому ни Белоруссия, ни Казахстан не поддерживали введение контр-санкций в отношении стран Западной Европы и США, а наоборот, даже продолжили реэкспорт продукции [2]. Кроме того, Белоруссия в свою очередь оказалась не готова отказаться от политических и экономических взаимоотношений с Украиной, в том числе, и от зоны свободной торговли, что напрямую противоречит идеи и принципам ЕвразЭС. Казахстан же, в свою очередь, в ноябре 2015 г. подписал соглашение с Турцией, Китаем, Азербайджаном и Грузией о создании консорциума по транспортировке грузов из Китая в Европу в обход России [1, с. 125]. Кроме того, Казахстану также удалось пролоббировать изменение маршрута транспортировки газа из Западной Сибири в Китай — теперь газопровод «Сила Сибири» пойдет

в Китай не через российскую, а через казахскую территорию [3] (так называемый Джунгарский проход), что в дальнейшем может дать Казахстану определенную стратегическую привилегию при выстраивании отношений с Россией.

Ну и наконец, третья причина, которую также стоит отметить — роль региональных элит в процессе евразийской интеграции. Если говорить о Белоруссии, то определенная часть политической элиты этой страны ориентируется на западное направление и в политическом, и в культурном отношении, да и в Белоруссии растет число жителей, считающих себя «европейцами» и ориентирующихся на западную культуру и систему ценностей [4]. Что же касается Казахстана, то в Казахстане по-прежнему не утрачивает своей актуальности принцип родовой принадлежности к тому или иному жузу, что влияет на формирование региональной элиты. Уже сейчас наблюдаются отдельные признаки дерусификации Казахстана, связанные с подъемом национальных элементов, делающих акцент именно на казахской государственности как на национальной [1, с. 125].

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс евразийской интеграции будет тормозиться не только по объективным экономическим причинам, но и ввиду наличия у союзников своих геополитических планов и национальных интересов.

Литература

1. Россия и мир: 2016. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2015.
2. Аналитики предсказали новые проблемы евразийской интеграции. URL: <http://liport.ru/ekonomika/102459-analitiki-predskazali-novye-problemy-evraziyskoy-integracii.html>
3. Панфилова В. Газ из РФ пойдет в Китай через Казахстан // Независимая газета. 29 августа 2014. URL: http://www.ng.ru/cis/2014-08-29/1_gas.html
4. Радзик Р. Европа или Россия? Между народом и постсоветской общностью // Историческая правда. URL: <https://www.ispravda.ru/bel/research/6357>

М.А. Вахрушева

Участие Казахстана в международных организациях как реализация многовекторной внешней политики

С момента провозглашения независимости Казахстана в 1991 г. значительным достижением казахстанской дипломатии можно считать создание сбалансированных, взвешенных отношений с такими державами как Россия,

Китай, США. Подобная многовекторная внешняя политика Республики Казахстан способствовала укреплению суверенитета и государственности страны, а также обеспечила ей вхождение в систему международных организаций с целью дальнейшего утверждения статуса миролюбивого и надежного партнера.

Многосторонняя дипломатия позволяет Казахстану развивать дружественные и открытые взаимоотношения с государствами, представляющими для него практический интерес. Повышение международного статуса и реализация важных инициатив и стратегических задач, таких как продвижение идеи о созыве Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, содействие укреплению потенциала Шанхайской Организации Сотрудничества, взятие на себя ответственности за председательствование в ОБСЕ способствовали укреплению авторитета Казахстана на мировой сцене и возрастанию внимания к его внешнеполитической стратегии. Нельзя не отметить такие значимые контакты и визиты на высшем уровне, как многократное посещение президентом Н.А. Назарбаевым штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке, неоднократное участие президента Казахстана в работе Генеральной Ассамблеи ООН, его визиты в Европейское отделение ООН в Женеве, что позволило казахстанской дипломатии стать активным и уважаемым партнером в различных структурах ООН.

Со времени вступления в ООН Казахстан активно участвовал в организации и проведении многих мероприятий, проходивших под эгидой этой универсальной международной организации, таких как первая глобальная Конференция ООН для стран, не имеющих выхода к морю (Алматы, 2003 г.), 63-я сессия ЭСКАТО (Алматы, 2007 г.), Конференция ВОЗ, посвященная 30-летию принятия Алматинской Декларации о первичной медико-санитарной помощи (2008 г.), 18-я сессия Генеральной Ассамблеи Всемирной туристской организации (2009 г.), 6-я министерская конференция по окружающей среде и развитию для стран Азии и Тихого океана (2010 г.)

Общепризнанной является роль Казахстана в области разоружения и укрепления режима нераспространения ядерного оружия, приверженность государства всем заключенным международным соглашениям в этой сфере. Казахстан пользуется большим авторитетом в мире как страна, добровольно отказавшаяся от обладания четвертым по размерам ядерным арсеналом в мире.

Все вышеперечисленные важные события и действия являются только частью проводимой внешней политики Казахстана. Участие этой страны в различных международных организациях глобального и регионального уровня отражает широкий спектр интересов Республики Казахстан в сферах безопасности, экономики и энергетики, охраны окружающей среды и здравоохранения, культуры и образования и т. д. Это свидетельствует о все большей зрелости и ответственности внешней политики Казахстана. Вместе с тем, перед казахстанским руководством во внешнеполитической сфере остается немало нерешенных вопросов и актуальных задач, в частности:

- поиск рынков сбыта казахстанской продукции, в первую очередь, нефти;
- окончательная выработка статуса Каспийского моря, без чего невозможно решить проблемы добычи и путей транспортировки каспийской нефти;
- обеспечение эффективной системы региональной безопасности.

М.Н. Воробьева

Межрегиональное взаимодействие России и Казахстана

Российско-казахстанские отношения на современном этапе охватывают целый ряд областей. В настоящее время Россия — один из крупнейших торговых партнеров Казахстана. Россию и Казахстан связывают многие сферы взаимоотношений: политическое, торгово-экономическое сотрудничество, правовой статус Каспийского моря, военное взаимодействие, образование, культура, СМИ, туризм и спорт, здравоохранение, деятельность молодежных организаций.

Безусловно, сфер взаимодействия множество, однако особое значение приобретает инновационное сотрудничество, включая нано— и биотехнологии, создание искусственного интеллекта, а также внедрение цифрового вещания. Вместе с тем обозначенные сферы являются предпосылками для плодотворного сотрудничества, что и составит предметную область.

Следует выделить и проблемы в сфере экономики. Экономический кризис 2015 года составил основную проблему между странами. Например, товарооборот между Россией и Казахстаном снизился на 20%, что обусловлено в основном снижением цен на экспортные товары и, конечно, колебанием валют наших стран. И мы знали, что такие риски будут. Мы должны совместно преодолевать эти трудности [1].

Россия и Казахстан — стратегические партнеры. Россия была первым государством, с которым независимый Казахстан ратифицировал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи от 25 мая 1992 года, определивший принципы взаимодействия в политической, экономической, военной и культурной сферах. Двустороннее сотрудничество базируется на более чем 400 договорах и соглашениях, подписанных за последнее десятилетие.

Представляется, что установление новых сфер сотрудничества позволит укрепить межрегиональное взаимодействие и усилить торгово-экономическое сотрудничество с учетом новых реалий мировой конъюнктуры и текущей ситуации в экономиках стран.

Литература

1. Заявления для прессы по итогам встречи лидеров России, Белоруссии и Казахстана. 20.03.2015. 13:00. URL: <http://www.Kremlin.ru/events/president/transcripts/47893>

Е.А. Вьюжанина

Об отношении к мигрантам в современной России

Проблемы, связанные с миграцией, очень актуальны для современной России. Практически ежегодно организуются научные конференции, семинары, посвященные этой проблеме. С древних времен люди переселялись в поисках лучшей жизни. В современном мире миграция является частью мировой глобализации. Сейчас миграция вовлекает в свои процессы огромные массы людей.

Мигранты, особенно нелегальные, зачастую стараются как можно меньше общаться с населением страны пребывания. В результате возникают национальные анклавы, внутри которых часто встречаются криминальные, в том числе экстремистские проявления. В ответ следуют проявления ксенофобии среди населения [1].

В 2005 году ВЦИОМ провел всероссийский опрос, в котором было опрошено 1600 человек. Респондентам были зачитаны распространенные суждения, касающиеся мигрантов.

По поводу суждения «иммигранты повышают уровень преступности, коррупции» были получены следующие ответы:

- скорее согласен — 57,38 %
- отчасти согласен, отчасти не согласен — 28,38 %
- скорее не согласен — 9,75%
- затрудняюсь ответить — 4,44%
- нет ответа — 0,06% [2].

В 2013 году ВЦИОМ провел аналогичный опрос, который показал следующие результаты:

- скорее согласен — 65 %
- отчасти согласен, отчасти не согласен — 23 %
- скорее не согласен — 8%
- затрудняюсь ответить — 4% [3].

Из данных этого социологического опроса следует вывод, что более половины россиян считают, что мигранты повышают уровень преступности. Проанализировав данные информационно-аналитического центра «СОВА», можно сделать вывод, что есть определенные группы мигрантов, против которых совершается большее количество преступлений. Часто встречаются статьи со следующими заголовками: «В Барнауле убит уроженец Азербайджана» (2007),

«В Барнауле совершено нападение на африканского студента» (2010), «В Барнауле избили студентов из Южной Кореи» (2010), «Нападения на уроженцев Тувы и Китая в Барнауле» (2010). Однако нельзя делать выводы только на основании заголовков в СМИ. Для подтверждения вывода я вновь обратилась к материалам социологических опросов. В мае 2012 года ФОМ провел опрос «Скажите, пожалуйста, как бы вы отнеслись к тому, что-бы рядом с вами поселилась самая обычная семья мигрантов...».

По поводу мигрантов из Молдавии:

- Положительно — 36%
- Безразлично — 34%
- Отрицательно — 25%

Затрудняюсь ответить — 5%.

По поводу мигрантов из Закавказья:

- Положительно — 19%
- Безразлично — 24%
- Отрицательно — 53%
- Затрудняюсь ответить — 4%.

По поводу мигрантов с Северного Кавказа:

- Положительно — 15%
- Безразлично — 20%
- Отрицательно — 60%
- Затрудняюсь ответить — 5%.

По поводу мигрантов из Средней Азии:

- Положительно — 16%
- Безразлично — 23%
- Отрицательно — 56%
- Затрудняюсь ответить — 5%.

По поводу мигрантов из Юго-Восточной Азии:

- Положительно — 14%
- Безразлично — 23%
- Отрицательно — 58%
- Затрудняюсь ответить — 5% [4].

Россияне относительно толерантны к приезжим из Молдовы, Белоруссии. В отношении других этнических групп у респондентов нередко проявляются неприязнь, недоверие.

На основании изученных опросов и статей можно сделать вывод, что преступления совершаются в основном против мигрантов, относящихся к другим этническим группам, то есть мотивом к совершению этих преступлений являются ксенофобия, национализм и нетерпимость. В Алтайском крае проживают представители около 80 национальностей, что делает еще более актуальным изучение проблем преступлений на почве национальной ненависти и проведение воспитательной работы, особенно среди молодежи.

Литература

1. Егорова Е.А. Нелегальная миграция в России. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2003#top

2. Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=187&q_id=15456&date=24.11.2005
3. Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=919&q_id=63494&date=14.07.2013
4. Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам. URL: <http://fom.ru/Mir/10442>

Ф.Б. Зокирзода
Таджикистан в системе
международных региональных связей

Указом президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 года была принята Концепция внешней политики Республики Таджикистан, в Общих положениях которой указывается:

Республика Таджикистан, подтверждая свою приверженность признанным международно-правовым актам, осуществляет свою внешнюю политику на основе следующих принципов:

— признание равенства, уважение суверенитета и территориальной целостности государств, неприкосновенность границ, неприменение силы и угрозы силой в международных отношениях, приверженность мирному урегулированию споров и конфликтов, невмешательство во внутренние дела друг друга;

— уважение прав и фундаментальных свобод человека;

— выполнение обязательств, вытекающих из международного права;

— соблюдение принципа верховенства международного права в международных отношениях;

— деидеологизация межгосударственных отношений, установление и развитие равноправных и взаимовыгодных связей со всеми странами региона.

Республика Таджикистан, как одно из государств Центральной Азии, устанавливает с государствами региона дипломатические, консульские, торговые и другие связи, обменивается с ними полномочными представителями и заключает международные соглашения.

Развитие отношений с Российской Федерацией на основе равенства и взаимовыгодного сотрудничества в политической, военной, военно-технической, экономической, торговой, инвестиционной областях, сферах трудовой миграции, культуры, информации, науки и образования и других направлениях от-

вечает национальным интересам Республики Таджикистан и является важным фактором обеспечения регионального мира и стабильности. Товарооборот между Россией и Таджикистаном по итогам 2015 года составляет 1252 млн долларов.

В системе межгосударственных отношений Республики Таджикистан соседние государства региона занимают приоритетные позиции. Таджикистан является сторонником дальнейшего расширения позитивного, многовекового и созидательного опыта дружественного сосуществования народов Центральной Азии.

В отношениях с Республикой Узбекистан после длительных политических разногласий между странами наступил период оттепели, который благоприятствует развитию торгово-экономических и политико-правовых отношений. Согласно данным Торгово-Промышленной палаты Таджикистана, объем товарооборота с Узбекистаном по итогам 2015 года по сравнению с 2013 годом увеличился на 81%, превысив 11,2 млн долларов.

Общность целей и задач, стоящих перед государствами региона, предопределяет необходимость расширения и углубления отношений с Казахстаном, Туркменистаном и Кыргызстаном на основе доверия, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества.

Важно отметить, что страны Центрально Азии развивают не только двухсторонние отношения, но и связаны многосторонними отношениями внутри ШОС и ОДКБ (кроме Туркменистана), что еще раз подтверждает развитие интеграционных процессов в регионе во всех направлениях.

Таким образом, можно сделать вывод, что взаимодействие и разветвленная региональная интеграция является важнейшим механизмом решения экономических, социальных, экологических вопросов и обеспечения мира и стабильности в Центральной Азии.

А.К. Ишанова

***Социокультурные аспекты региональной идентификации
и межнационального взаимодействия***

С учетом геополитических изменений и преобразований, происходящих в современном обществе, как никогда острым, становится вопрос региональной идентификации, а также сохранения мира, взаимопонимания на различных территориях, что невозможно без установления устойчивого, слаженного вза-

имодействия на условиях равенства, обоюдного уважения и понимания, с учетом интересов всех участвующих сторон.

6 мая 2015 года Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев обозначил 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ на расширенном заседании Правительства в г. Астана.

Одной из пяти институциональных реформ, вошедших в основу плана, стали идентичность и единство. В целях реализации данной реформы предусмотрен ряд шагов:

1. Разработка проекта патриотического акта «МӘҢГІЛІК ЕЛ».
2. Разработка и реализация масштабного проекта Ассамблеи народа Казахстана «БОЛЬШАЯ СТРАНА — БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ», который укрепит казахстанскую идентичность и создаст условия для формирования целостной гражданской общности.
3. Разработка и реализация национального проекта укрепления гражданской идентичности «МЕНИҢ ЕЛІМ», в рамках которого предусмотрена реализация серии технологичных проектов.
4. Разработка и реализация национального проекта по продвижению идеи Общества Всеобщего Труда.
5. Разработка и реализация национального проекта «НҰРЛЫ БОЛАШАҚ». Внедрение ценностей МӘҢГІЛІК ЕЛ в действующие учебные программы школьного образования.
6. Информационное сопровождение и продвижение реализации 5 институциональных реформ, а также идеи казахстанской идентичности в СМИ, Интернете, масс-медиа нового поколения, а также в социальных сетях [1].

Данный правовой акт является базовым документом в реализации правовой политики, направленной на укрепление казахстанской идентификации в целом, не как отдельно взятой национальности, а в качестве единого социокультурного сообщества, представленного людьми различных национальностей с учетом сохранения их культурной самобытности, этнических и иных ценностей, без какого бы то ни было ущемления и ограничения.

В то же время перед правительством Республики Казахстан, да и перед государством в целом стоит непростая задача. Нам необходимо сохранить положительный опыт прохождения мировых интеграционных процессов, полученный в постсоветский период, приумножив его, и сумев создать общество, в котором, несмотря на его территориальную, социальную, правовую общность, сохранилась бы индивидуальность каждой национальности, независимо от количественного и качественного состава ее представителей.

Вместе с тем, данная работа будет создавать ряд предпосылок по укреплению межгосударственного сотрудничества, так как создавая прочные социальные связи в долгосрочной перспективе мы формируем базис международного сотрудничества.

Литература

1. «100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ главы государства Нурсултана Назарбаева». URL: <http://ortcom.kz/ru/program/program-100steps/text/show>

Б.К. Кадыров

***Особенности геологического строения Южного Алтая
как фактора развития туризма***

Горы обладают самыми разнообразными возможностями для проведения туристских походов, как оздоровительных, так и спортивных различных категорий сложности, связанных с преодолением перевалов — осыпных, скальных, снежных, ледяных. Изучение рельефа Южного Алтая является актуальным для развития туризма в Восточном Казахстане.

Современный горный рельеф Южного (Казахстанского) Алтая тесно связан с геологической историей его развития. С конца палеозоя и в течение всего мезозоя, вплоть до неогена, весь Алтай находился в периоде континентального развития. На месте гор образовалась обширная денудационная равнина. В результате последних неоген-нижнечетвертичных вертикальных перемещений по древним швам на фоне сводовых поднятий сформировался современный горный рельеф Алтая. Неотектонические движения не закончились до сих пор. Складчатый фундамент герциид, «пропитанный» интрузивными породами палеозоя, при напряженных поднятиях и прогибах растрескивался, чаще всего по древним швам разломов, на отдельные полосы и глыбы. Одни из этих глыб испытали поднятия, другие остались на месте, либо опустились [1].

Геологическое строение Южного Алтая описано В.П. Нехорошевым [2].

Далее коротко охарактеризованы особенности наиболее значимых геолого-палеонтологических и геолого-палеоботанических памятников природы на территории Восточного Казахстана.

Памятник природы «Киин-Кериш» находится в Курчумском районе на площади 2 га. Создан для сохранения палеонтологических объектов, характерных для начала кайнозоя и своеобразных форм рельефа, имеющих облик эрозионных башен, разделенных обширными полями глинистых и глинисто-песчаных такыров. В отложениях Киин-Кериша обнаружены 3 костеностных горизонта и 5 разновозрастных флор. В костеностных горизонтах найдены остатки представителей фауны позвоночных эоцена и олигоцена: носорогов, энтелодонтов, крокодилов, черепах-триониксов, саламандр и других обитателей субтропических лесов. По насыщенности костными остатками и разнообразию континентальных отложений Киин-Кериш превосходит подобные памятники всей Евразии и имеет большое значение для геологической науки.

Другой памятник природы «Ашутас» площадью 2 га территориально относится Маркакольскому, ныне Курчумскому району. Памятник природы создан для сохранения отложений с уникальным захоронением тургайской (средне-верхне-палеогеновой) широколиственной флоры. Отложения горы Ашутас содержат 79 видов растений субтропической, теплоумеренной и засухоустойчивой листопадный флор, 45 из которых нигде более не найдены. В отложениях выделяются 7 древних фитоценозов, содержащих отпечатки платана, бамбука, грецкого ореха, дуба, бука, липы, лавра, магнолии, метасеквойи, ивы, тополя, ольхи. Среди отложений среднего олигоцена (25 млн лет назад) найдены остатки представителей индрикотериевого (носорогового) комплекса фауны — бронтотерия, энтелодонта.

Природные и историко-культурные объекты Южного Алтая могут стать мощным фактором развития туризма в области. Причем они ценны не только как объекты коммерческой деятельности и имеют выдающуюся ценность с точки зрения науки, но также бесценны как наглядный материал воспитания у граждан любви к родине, познания ее природы и истории. Поэтому существует необходимость систематизации научной информации и создания онтологии природных и культурно-исторических объектов для целей развития туристической и краеведческой деятельности.

Прекрасные природные условия и разнообразие типов ландшафтов Южного Алтая позволяют развивать следующие виды туризма: альпинизм и горный туризм, конный, вело-, мото-, авто-, сплав-рафтинг, а также научные виды (геологический, зоологический, ботанический, исторический), сафари-туры (охотничий, рыболовный), паломнический, экологический и другие виды туризма.

Подводя итог, подчеркнем, что Южный Алтай располагает богатейшими возможностями для развития туризма. Уникальный спектр ландшафтно-климатических зон: от степей до тайги, высокогорных альпийских лугов и ледников, хорошая сохранность природы (в силу географических и политических особенностей территория Южного Алтая оставалась малодоступной для человека и вследствие этого избежала губительной урбанизации), наличие ярких природных объектов неофициальных памятников культуры и истории, большое количество рек, пригодных для сплава, отличная рыбалка на высокогорных озерах, охота на зверя и боровую дичь, наличие прекрасных горных зон с продолжительным снежным сезоном, курортов (радоновые источники и пантолечение) — все это позволяет создать мощную туристскую индустрию, приносящую солидный доход.

Литература

1. Ивановский Л.Н. Формы ледникового рельефа и их палеогеографическое значение на Алтае. Л., 1967.
2. Нехорошев В.П. Геология СССР. М., 1967.

А.К. Кайратова
***Проблемы безопасности перед лицом
новых вызовов и угроз***

Проблема безопасности, в том числе национальной, в контексте взаимоотношений Востока и Запада особенно остра в эпоху глобализации. Я не ввожу что-то новое, говоря о глобализации и употребляя прочие устрашающие термины, да и не ставлю себе такой цели. Однако эту проблему стоит рассматривать с другого ракурса, т.е. обратить особое внимание на трансформацию традиционных ценностей путем «мягкой силы» на стыке «восточных» и «западных» идеалов. Здесь возникает некий парадокс: мы, понимая, что инвестиции в образование молодежи — это самый надежный вклад в будущее страны, создаем условия для воспитания интеллектуальной нации. Ведь укрепление своих позиций на мировой арене частично связано и с нашим образовательным потенциалом. Однако мы также как бы «открываемся» и для новых угроз.

Укоренившаяся в политическом сознании дихотомия «Мы» и «Остальные» забывается, когда дело касается образовательных программ. Таким образом, не отслеживая ситуацию с выезжающими обучаться за рубеж молодыми людьми, мы игнорируем угрозы и вызовы, поступающие извне, от «Остальных». Несмотря на многотысячную армию выпускников, рынок страны терпит нехватку в рабочих силах. Проблема утечки мозгов также представляет угрозу. Наряду с этим, на сегодняшний день очень много иностранных вузов, предлагающих свои услуги как на платной, так и на бесплатной основе без подтверждения результатов ЕНТ, ЕГЭ. Они предлагают — 1) конкурентоспособность на рынке труда; 2) личностное развитие; 3) хорошую базу знаний. Добавьте к этому идеологическое воспитание. Суть проблемы кроется в следующем: молодые люди, особенно те, кто только закончил школу, выезжают за границу и не только получают образование в иной стране (полезность чего я не смею исключать), но и попадая под чужеродное влияние, «впитываются» идеологией, культурой, образом мышления чужой страны. И это учитывая то, что их молодое сознание еще не впитало патриотического воспитания, «родной» идеологии. «...Народы разные, и цивилизаций много, и они тоже очень разные. И у них разное понимание общечеловеческих ценностей, разные стремления к видениям будущего...», — пишут Наливайко Н.В. и Паршиков В.И. Именно это, чуждое нам, видение будущего, политические идеалы попытается воплотить в жизнь молодой человек, проучившийся достаточно долгое время за рубежом. Вспомним ситуацию в Таджикистане, когда стали возникать конфликты на религиозной почве между местными студентами и теми, кто вернулся

из-за рубежа, получил образование и проникнулся чужой идеологией. На сегодняшний день ориентир на образование в странах Ближнего Востока влечет за собой проявление идейных конфликтов. Вывод один — нужно контролировать, куда уезжают наши молодые люди, чтобы получить образование, где они работают по возвращении в родную страну и каково процентное соотношение оставшихся за рубежом молодых людей. У нас же ориентир на получение религиозного образования в основном наблюдается в южных и западных регионах страны.

Что же касается европейских вузов, они не только дают соответствующее мировому стандарту высококачественное образование, но и прививают иностранному студенту чувство гражданина Европы. Пражское коммюнике министерств образования (2001 г.) отмечает, что мобильность позволит ее участникам «воспользоваться богатствами европейского пространства высшего образования, включая демократические ценности, разнообразие культур и языков, разнообразие систем высшего образования». Однако я хочу обратить внимание на «разнообразие» ценностей. Возникает закономерный вопрос — чьи идеи будет лоббировать студент, проучившийся за рубежом и приехавший в родную страну?! Вывод один — крайне необходимо вести учет молодых людей, уезжающих за границу по собственной инициативе чтобы получить образование. Нужно вести статистику тех, кто не возвращается обратно, и что совсем немаловажно, проводить системную работу по патриотическому воспитанию, привитию чувства гражданина своей страны.

Н.А. Какаев
Преподавание казахского языка в Алтайском крае
(из опыта работы)

Численность казахов в Алтайском крае на сегодняшний день составляет 10000 тыс., и они являются четвертым по численности этносом, казахи этого региона, в силу определенных обстоятельств, являются одними из сильно обрусевших [1]. С этой целью, также в качестве площадки налаживания и укрепления двухсторонних отношений, в Алтайском крае было решено создать центры по изучению и сохранению языка.

19 апреля 2013 г. совместными усилиями Павлодарского государственного педагогического института и Алтайской государственной педагогической академии на базе филологического корпуса был открыт «Центр казахского языка и литературы». Это была не первая попытка в крае открытия такого цен-

тра, напомним, что еще в АлтГТУ им. Ползунова в апреле 2012 г. был открыт филиал изучения казахского языка, созданный при помощи ВКГУ (г. Усть-Каменогорск) под руководством Ж.Б. Сулейменовой. [2] Также в Славгороде в мае 2013 г. был открыт аналогичный центр совместными усилиями АлтГУ и ПГПИ [3]. Существенным недостатком этих центров является отсутствие возможности непрерывного обучения языку, занятия если проходят, то проводятся «вахтовым» методом. Залог успешности освоения любого языка состоит в его непрерывности обучения, с учетом таких требований мы раз в неделю (воскресные дни) стали проводить курсы обучения языку. Хотя в данных случаях не оказывается всесторонней поддержки как казахам г. Омска [4]. Наш центр в какой-то мере все же обеспечен для преподавания казахского языка. Постоянная группа слушателей, окончательно сформированная к началу 2014 г., состояла от 10 до 12 человек. Если говорить о группе, то аудитория набралась разновозрастная, начиная от ученика младших классов, заканчивая людьми пенсионного возраста. Учитывая требования слушателей, занятия проходят с большой интенсивностью: по два часа, один раз в неделю, то есть, в воскресенье. Разумеется, этого количество времени явно недостаточно для овладения языком в кратчайший срок. Но мы вынуждены подстраиваться под сложившуюся ситуацию и возможности людей, которые и так уделяют изучению языка большую часть своего времени. К тому же, надо учитывать, что эти занятия для них являются «неприоритетными», а лишь данью национально-культурным корням. Также интересная ситуация обстоит с различной степенью знания языка. По мере возрастных категории и степень владения также снижается, чем моложе слушатель, тем хуже знание языка. Это объяснимо по разным объективным причинам, сужение среды потребления языка, отсутствие возможности его применения и т.д. Аналогичная ситуация наблюдается практически во всех диаспорах. Учитывая данную проблематику, мы составили различные методические подходы преподавания, к примеру, работа с текстом, со словарем, данная работа позволяет обрести большой словарный запас в процессе всего урока. Следующая наиболее интересная методика — это «песенная», то есть мы сформулировали тему как «Поющий казахский язык», это работа позволяет заинтересовать учащихся появлениями новых слов в языке и возможностью их. Также наиболее распространенная не только у нас, но и в изучении других языков — это работа с видео презентациями, а также аудиоролики. Выше перечисленные методы — лишь часть нашей деятельности, также мы учим стихи со слушателями, проводим экскурсии. По договоренности между вузами ежеквартально приезжает преподаватель из ПГПИ и в течение недели помогает проводить курсы.

В ходе своей преподавательской работы я столкнулся с некоторыми трудностями. Недоступность всей новейшей необходимой литературы, издаваемой в Казахстане, которая бы учитывала всю специфику вышеупомянутого положения, а именно как надо преподавать язык диаспоральным казахам. Отсутствие должной подготовки к преподаванию казахского языка, а именно владение различными методиками обучения казахскому языку как иностранного.

Но помимо поддержки непосредственно самого ПГПИ, центр сотрудничает с Восточно-Казахстанским лингвистическим центром (г. Усть-

Каменогорск). В конце прошлого года ВКЛИ предоставил новейшую литературу по обучению казахскому языку в количестве 45 шт. и обещал консультативную помощь в преподавании казахского языка. Думаю, на этом наше сотрудничество не закончится и будет продолжено.

Особо следует отметить, помимо нашего центра, в Алтайском крае до сих пор продолжает функционировать уникальная школа, где преподают на казахском языке, это с. Керей, Кулундинского района и с. Байгамут Благовещенского района. В селе Керей в этом году будут отмечать 90-летний юбилей со дня основания школы. Уникальность школы заключается в том, что все занятия ведутся здесь на казахском языке, отмечу в других регионах России таких «национальных» школ больше нет, и ее директор Баринаева Нургайша Кайсаевна оказывает нам всяческую помощь [5].

Преимуществом казахского языка является то, что во всем приграничном регионе «Большого Алтая» казахи составляют весомую часть населения Восточно-Казахстанской области, кроме того, в Кошгагачском районе Республики Алтай, которая непосредственно граничит с Китаем, Монголией и Казахстаном, число казахов достигает более 50% от населения всего района. В Баян-Уйгильском аймаке Монголии казахи составляют 90% от населения аймака — это порядка 100 тыс. чел. этнических казахов. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР казахи составляют порядка 1,5–2,0 млн человек. И зачастую казахи там занимают отнюдь не второстепенные должности. Этот показатель свидетельствует о перспективности казахского языка и его роли в качестве «интегративного» языка в сфере налаживания туризма, бизнеса, образования и т.д. Никакие другие языки «Большого Алтая» на данный момент не могут на это претендовать, в силу незнания и нераспространенности.

Таким образом, Алтайский край имеет все возможности для изучения казахского языка в перспективе. Павлодарская область является на данный момент «флагоманом» в продвижении языка не только в Алтайском крае, но и в граничащей с ней Омской области.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2010 г.
2. Центр казахского языка и культуры. URL: <http://omsu.ru/page.php?id=2450>
3. Региональный центр международного сотрудничества вузов Западной Сибири. Центр казахского языка и культуры. URL: <http://www.altstu.ru/structure/unit/cms/article/kazcenter>
4. О нациях Алтайского края. URL: <http://www.sjak.ru/nations.html#908>
5. Кулунда — район приграничный. URL: <http://www.ap.altairegion.ru/050-06/11.html>

К.С. Калиева

***Становление и развитие приграничного сотрудничества
в регионе Большого Алтая
(Казахстан, Россия, Монголия, Китай)***

Исторические обстоятельства обусловили сотрудничество Казахстана, России, Китая, Монголии в Большом Алтае, объединяющем Алтайский край, Республику Алтай, Восточно-Казахстанскую область, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Ховдский и Баян-Ульгийский аймаки. В течение долгого времени рассматриваемый регион был связан экономическими, политическими, культурными и миграционными контактами.

На состоявшейся летом 2000 г. в Алтайском крае международной конференции по социально-ориентированным экологическим проблемам сопредельных территорий Алтае-Саянского региона «Наш общий дом» преобладал экологический подход, но она стала новым шагом в комплексном осмыслении ситуации на стыке границ четырех государств — России, Казахстана, Монголии и Китая. Китайская сторона не была представлена на этом форуме, но она выступила с инициативой новой конференции, направленной на научно-техническое и экономическое сотрудничество государств в «Алтайском регионе». В ходе конференции «Сибирь в структуре трансазиатских связей: проблемы приграничной торговли и межрегионального взаимодействия» (Барнаул, осень 2000 г.) впервые было введено в активный научно-практический оборот понятие Большого Алтая, в дальнейшем трансформировавшееся в формулу евразия-региона (лето 2005 г., конференция на о. Ая, Алтайский край).

Созданный в 2003 году, Международный Координационный Совет «Наш общий дом Алтай», в состав которого входят приграничные регионы Большого Алтая реализует ряд совместных многосторонних проектов, среди которых: трансграничный туристический кольцевой маршрут «Алтай — золотые горы», международная конференция по научно-техническому и экономическому сотрудничеству в Алтайском регионе; международная летняя школа студентов Алтайского региона (менявшая каждый год свою географию проведения по всем приграничным территориям региона Большого Алтая); Совет ректоров вузов Большого Алтая; детская общественная экологическая экспедиция «Начни с дома своего» и интернет-сайт «Алтай трансграничный». Совет стал площадкой для дискуссий по вопросам взаимодействия в регионе по различным сферам жизни общества.

Результаты деятельности МКС «Алтай» положительно оцениваются населением обширного региона. Формат взаимодействия в рамках Совета поддержан Министерствами иностранных дел четырех стран, Шанхайской организацией сотрудничества, Советом Европы, Евразийским экономическим сообществом.

Основой трансграничного межрегионального сотрудничества территорий сопредельных стран Алтайского региона являются договоры и соглашения, заключаемые региональными органами власти с аналогичными органами в соседних странах о партнерстве и сотрудничестве.

За долгие годы между приграничными регионами сложились стабильные отношения сотрудничества в области промышленности, науки и инноваций, сельского хозяйства, природных ресурсов, туризма, культуры и спорта, образования и здравоохранения.

Ученые четырех государств параллельно с заседаниями МКС проводят международную конференцию по научно-техническому, экономическому и культурному сотрудничеству в регионе «Большой Алтай — перекресток цивилизаций».

Международный Координационный Совет за короткое время стал уникальным инструментом укрепления доверия, добрососедства и взаимопонимания между представителями различных государств, культур и национальностей.

В.К. Котов
***Развитие партнерских связей
между Казахстаном и Алтайским краем
в области культуры, образования и туризма
как фактор приграничного сотрудничества***

Большая часть территории Российской Федерации находится в Азии, соответственно, стратегическая цель — выстроить партнерские отношения с азиатскими соседями. Наряду с Китаем Казахстан является одним из важнейших азиатских партнеров. Российско-казахстанские отношения стратегического партнерства определяются относительно высокой динамикой развития, прочной правовой базой и организационной структурой двустороннего взаимодействия, активными связями.

В целом традиционные интересы Казахстана в отношении России базируются на четырех факторах, имеющих долговременный характер и определяемых такими вечными категориями, как география и история.

Во-первых, поддержание партнерских отношений с Россией необходимо в силу внутриконтинентального расположения Казахстана, для которого выход на мировые рынки является жизненно важным для экономического развития.

Во-вторых, Россия является одним из важных субъектов международной системы, имея значительный политический вес и сравнительно большие военно-технические возможности.

В-третьих, Россия является важнейшим экономическим партнером Казахстана.

В-четвертых, оба государства объединяют **историческая общность, духовные и культурные связи.**

На территории Алтайского края есть казахская диаспора. В Казахстане русские являются второй по численности этнической группой. Устойчивая казахская диаспора на Алтае начала формироваться два столетия назад, когда территория современной Восточно-Казахстанской области вошла в состав Алтайского Горного округа и усилились взаимные миграционные процессы — русские проникали в Казахстан, а казахи выбрали для постоянного расселения Кулундинскую степь. Сегодня в Алтайском крае проживает больше десяти тысяч казахов. Наличие крупной казахской диаспоры привело к созданию Алтайской краевой общественной организации «Центр казахской культуры «Ата-Мура» («Наследие предков»)). Для большинства жителей Алтайского края знакомство с казахской культурой начинается на массовых праздниках. В рамках празднования Года Абая в России и Года Пушкина в Казахстане в муниципальных библиотеках города Барнаула прошли многочисленные выставки, посвященные жизни и творчеству Абая.

Основа партнерских отношений Алтайского края и Республики Казахстан была заложена еще в те времена, когда мы были единым государством. В последние годы приграничное сотрудничество активно развивается в рамках Международного координационного совета «Наш общий дом — Алтай» — Евразия-регион, который объединяет шесть приграничных регионов России, Казахстана, Китая и Монголии. В рамках данного проекта обсуждают не только проблемы трансграничного сотрудничества, но и проекты в области гуманитарного сотрудничества.

Для укрепления приграничного сотрудничества между Алтайским краем и Казахстаном необходимо развивать не только экономические отношения, но и, в первую очередь, партнерские отношения в области образования, культуры и туризма.

Прочные соседские отношения могут развиваться только в процессе выстраивания партнерских связей в рамках культурного обмена, проведения научно-практических конференций, встреч на уровне школьников, студентов и магистрантов, творческих конкурсов и спортивных мероприятий, знакомства с историческими документами и деятельностью музеев, развитием туризма.

Контакты в области культуры способствуют доверию между нашими народами, углублению диалога по актуальным проблемам современности и выработке по ним общих позиций.

Н.С. Мамешина

***Возможности приграничного сотрудничества
стран Каспийского бассейна***

В последнее время все чаще стали подниматься вопросы о развитии и сотрудничестве приграничных (трансграничных) территорий. По нашему мнению, перспективной для исследования в данной области приграничной территорией является Каспийский регион.

Для анализа и дальнейшего прогноза, касающегося взаимоотношений и сотрудничества стран Прикаспийского бассейна, имеет смысл рассмотреть наличие крупных трансконтинентальных транспортных артерий, которые проходят по трансграничью. Так, через границы Казахстана и России и Азербайджана и России походят автомобильная и железная дороги. Также железная дорога пересекает границу Казахстан–Туркменистан. И только границы с Ираном имеют слабую проходимость. Этим могут быть обусловлены будущие кризисные ситуации в данном регионе в области международных отношений, если не возникнет какого-либо приграничного межгосударственного союза, подразумевающего особые таможенные, экономические и культурные связи.

Акватории Каспийского моря и прилегающие к ним территории обладают огромными запасами углеводородного сырья, что придает региону стратегическое значение для всех прибрежных государств. Но для развития региона в целом необходимо налаживать сотрудничество Каспийских государств в области инвестирования, прежде всего, инновационных разработок в данной отрасли. При этом трансграничность будет играть важную роль для развития территории.

На сегодняшний день в Каспийском регионе практически нет объемных и долгосрочных инфраструктурных проектов, которые могли бы как-то значительно ускорить развитие экономических и политических отношений между странами, за исключением программ, направленных на добычу и транспортировку энергоресурсов. Рентабельно было бы разрабатывать в регионе подобные проекты на межгосударственном уровне, дополняя их международными проектами в сфере торговли и туризма. Другой вопрос, что государства Каспийского региона относительно слабо взаимосвязаны и торговые отношения

между ними недостаточно развиты в сравнении с объемами и тем более потенциалами национальных экономик. Поэтому появление новых направлений на Каспии позволит повысить товарооборот между данными государствами и приведет к появлению дополнительных источников прибыли.

Эффективным направлением для Каспийского региона, специализирующегося в основном на сырьевой экономике в международном географическом разделении труда, будет туризм, который может стать некой связующей структурой, объединяющей усилия прикаспийских государств. Развитие туризма, прежде всего регионального, поможет увязать страны Каспийского побережья между собой, повысив их конкурентоспособность в условиях возрастания противостояния с Западом и геоэкономического соперничества. При этом при сотрудничестве прикаспийских государств в сфере развития туризма на трансграничных территориях важно уделить внимание вопросу визовых и прочих формальностей, влияющих на встречные туристские потоки трансграничных государств, что, в свою очередь, улучшит межгосударственные политические, экономические и межнациональные отношения. В свою очередь, единство и целостность культурного, исторического и географического пространства, кооперация политико-хозяйственной деятельности, общность стратегических интересов и формирование совместных программ и проектов могут являться благоприятным фактором для развития встречных потоков туристов между государствами Каспийского бассейна.

Литература

1. Мамешина Н.С. К вопросу о геополитических и геоэкономических перспективах развития стран прикаспийского бассейна / Географы в годы войны и мира: материалы международной научно-практической конференции. [Электронный ресурс]. М., 2015. С. 202–206.

Ж.М. Молдагазинова
Казахский язык в Восточном Казахстане

Восточно-Казахстанская область находится на границе с югом Западной Сибири и граничит с двумя регионами РФ Алтайским краем и Республикой Алтай.

Несомненно, это факт влияет и на этнический состав населения региона. Восточно-Казахстанская область отличается полиэтническим составом, где

преобладающими группами являются русские (37,5% в области) и казахи (58,8%). Население области на июль прошедшего года оставляло 1395324 человека (1 млн. 400 человек). Но в области проживает и много представителей других национальностей (татары, немцы, украинцы и др.)

Этнический состав крупных городов Восточно-Казахстанской области
(данные июля 2015 г.)

	Всего	Казахи	Русские	Татары	Немцы	Украинцы
Восточно-Казахстанская область	1395324 (100%)	821047 (58,8%)	524105 (37,5%)	16963 (1,2%)	13550 (0,9%)	4999 (0,3%)
Усть-Каменогорск	328795 (100%)	129297 (39,3)	187522 (57%)	2571 (0,7%)	2688 (0,8%)	1842 (0,5%)
Семей	339254 (100%)	234956 (69,2%)	88763 (26,1%)	9074 (2,6%)	2217 (0,6%)	869 (0,2%)

Составлено по: данным взятым из материалов статистического комитета Восточно-Казахстанской области.

А этнический состав населения влияет на языковую ситуацию. Рассмотрим языковую ситуацию, происходящую в области, а именно роль казахского языка в жизни жителей. Проживая в исследуемой области и посмотрев на таблицу, приведенную выше можно сделать вывод что в областном центре, городе Усть-Каменогорске, проживает больше представителей русской национальности нежели коренного этноса, что, конечно же, отражается и на уровне владения государственным — казахским языком, там если сравнить с городом Семей (ранее Семипалатинск) уровень знания и владения казахским языком ниже.

Статус казахского языка стал повышаться после принятия независимости республики, а русский язык по конституции прият как язык межнационального общения.

Для определения языковой ситуации в области регулярно проводятся социологические исследования. Одно из которых проводят в городе Семей, его суть заключается в том, чтобы выяснить, какой язык само население считает родным, как владеет им, как они относятся к людям, не знающим казахского, и то, на каком языке ведется делопроизводство на местах их работы, учебы. Данные последнего такого исследования показали, что в общих чертах в городе наблюдается двуязычие, но казахский язык в последнее пятилетие начинает доминировать. Свидетельством этому может быть то, что по данным на 2015 год в городе Семей не осталось ни одной русской школы, всего школ 65 из которых 34 школы с казахским языком обучения, а остальные 31 смешанные, казахско-русские.

В рамках проведенных исследований, использовался метод интервьюирования с жителями города. Для примера приведем некоторые результаты

двух интервью: тридцатилетняя Асель, на вопрос о том, как хорошо она владеет казахским языком сказала: «Владею я лишь на бытовом уровне, так как всю жизнь я прожила в городе. Вот если бы жила в деревне Аксуат или Абай, то говорила бы на казахском в совершенстве. У нас в городе, в то время, когда я училась (начало 90-х), все было на русском языке, да и люди в основном говорили по-русски. Это сейчас каждый третий на улице разговаривает на казахском». А вот пенсионерка Татьяна Алексеевна, когда услышала вопрос о том, правильную ли политику проводит государство по отношению к казахскому языку, сказала следующее: «Да, так как каждый гражданин должен знать язык той страны в которой живет. Это долг гражданина, знание и владение языком — это один из показателей любви и уважения к своей стране».

Роль казахского языка в Восточно-Казахстанской области растет. И каждый год увеличивается количество людей, владеющих государственным языком, что, конечно же, радует.

С.А. Мороз

Приграничное сотрудничество России и Казахстана

Приграничные территории рассматриваются современной экономической наукой как потенциальные «точки роста», имеющие перспективы и условия для интенсивного развития. Справедливость такого подхода подтверждается практикой осуществления в России рыночных реформ, в ходе которых российская экономика становится все более открытой и ориентированной на активизацию внешнеторговых, инвестиционных и финансово-кредитных отношений с соседними странами.

Россия успешно развивает такое сотрудничество со всеми приграничными государствами, но в настоящее время одними из наиболее значимых являются наши торгово-экономические связи с Казахстаном. С этой республикой наша страна имеет самую протяженную в мире сухопутную границу (около 7,5 тыс. километров), вдоль которой расположено двенадцать российских и семь казахстанских административно-территориальных субъектов [2].

Перспективными направлениями развития партнерских отношений между Алтайским краем и Республикой Казахстан можно назвать углубление научно-производственной кооперации в области машиностроения, энергетики, химической промышленности, сельского хозяйства, реализацию совместных программ в сфере лесной и добывающей промышленности, науки и образования.

Одним из приоритетов взаимодействия Алтайского края и Восточно-Казахстанской области становится приграничный туризм. Создание особой экономической зоны туристско-рекреационного типа и игровой зоны позволит краю принимать более одного миллиона туристов в год, в том числе и из Казахстана.

Одной из форм приграничного сотрудничества являются международные центры. Такой центр существует между Китаем и Казахстаном под названием МЦПС «Хоргос».

Основным предметом деятельности Общества определено создание, развитие и обеспечение функционирования инфраструктуры казахстанской части, привлечение потенциальных инвесторов в осуществление на территории казахстанской части территории видов деятельности, оговоренных Соглашением.

Создание Центра сформирует территорию безвизового посещения граждан двух, а также третьих стран для деловых встреч, ознакомления с промышленной продукцией, производимой в Казахстане, Китае и в странах СНГ, заключения торговых сделок и проведения досуга [1].

Таким образом, одной из особенностей приграничного сотрудничества Алтайского края с Казахстаном является близость китайской границы. Поэтому организация транзитного потока китайских товаров «Китай — Казахстан — Россия — Китай» и создание на алтайском участке российско-казахстанской государственной границы международного центра приграничного сотрудничества является еще одним перспективным направлением развития торгово-экономических связей, — отмечают в управлении края по обеспечению международных и межрегиональных связей.

В настоящее время существует множество социально-экономических предпосылок для развития приграничного сотрудничества, что в свою очередь позволяет говорить о выгоды создания современного международного транспортно-логистического комплекса на базе г. Рубцовска Алтайского края, так как привлечет в городской и краевой бюджет дополнительные денежные средства, улучшит социально-экономическую обстановку в городе, а именно, создаст дополнительные рабочие места, будут задействованы уже много лет пустующие площади, привлечет в город иностранных инвесторов.

Необходимо создание международного центра приграничного сотрудничества, который должен стать координатором торгово-экономических взаимоотношений сопредельных стран: России, Казахстана, Монголии и Китая.

Литература

1. Официальный сайт МЦПС «Хоргос» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mcps-khorgos.kz>
2. Приграничные проблемы территорий России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.netgranic.ru /publicacii/?&id=7>
3. Проект Федерального закона N 351626-5 «Об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=78871>

А.И. Погодина

***Российско-китайское сотрудничество:
некоторые особенности культурного взаимодействия
при ведении переговоров***

Трансграничное взаимодействие, вопросы культурного диалога приобретают особую актуальность в настоящее время. Несмотря на процессы глобализации, национальные особенности ведения переговоров играют важную роль в коммуникациях, усложняя нахождение взаимопонимания между представителями различных культур. Связи с Китаем занимают важное место в иерархии приоритетов внешней политики России, а Алтайский край, в свою очередь, является территорией, через которую намечен западный маршрут трубопровода «Сила Сибири».

Примечательно, что изначально планировалось начать первые поставки природного газа в 2011 г., но на данном этапе подписание контракта отложилось на неопределенный срок, что дает повод изучить не только экономические и политические нюансы вопроса, но и попытаться понять особенности менталитета и культуру проведения китайцами переговоров.

Ряд экспертов, знающих культурные традиции Китая, отмечают, что китайцы обладают глубоко заложенными в их культуру стратегиями ведения переговоров, которые позволяют им достигать определенных дипломатических и торговых побед.

Стратегемность — это сплав стратегии с умением расставлять скрытые от противника западни, который за тысячелетия существования китайской цивилизации вошел в практику китайского этноса [1]. Можно выделить следующие качества, которые приписываются китайским переговорщикам, а также привести примеры стратегем, описывающих эти качества: 1) самообладание — «Полководец не должен вступать в бой из-за своего гнева»; 2) прагматизм — «Двигаются тогда, когда это соответствует выгоде; если это не соответствует выгоде, остаются на месте»; 3) осторожность, нераскрытие своих планов — «Дракон, сокрытый в облаках — некоронованный повелитель мира».

Ведение переговоров и бизнеса с представителями КНР в огромной степени персонифицировано и зависит от личностных взаимоотношений партнеров и их связей. В деловой и переговорной культуре Китая репутация человека и его социальный статус и положение основываются на «сохранении лица». «Лицо» определяет место китайца в его социальном окружении, является самым важным критерием социальной стоимости человека.

Переговорный процесс нередко представляет собой череду отступлений, выпадов, отвлекающих и обходных маневров и даже в некоторых случаях угроз. Например, намеки вести бизнес где-либо или с кем-либо еще, если их требования не удовлетворяют. Китайцы могут заранее быть готовыми на уступки вплоть до уровня запрашиваемых с самого начала цен, но сначала они их искусственно занижают или завышают.

Россия и Китай, представляя собой различные варианты цивилизационного развития, длительное время взаимодействуют друг с другом. Контакт между ними всегда были присущи черты межкультурного диалога, в сфере которого формировались определенные образы и стереотипы взаимовосприятия. Несмотря на высокий товарооборот, свидетельствующий о довольно успешной торговле, одной из главных проблем в современных российско-китайских отношениях является проблема поставок энергоносителей. Текущее снижение потребности КНР в топливном сырье, непростая международная ситуация, а также разногласия компаний-участников затягивают подписание контрактов, поэтому есть надежда на оказание влияния на процесс именно мягкими методами и пониманием культуры друг друга.

Литература

1. Харро фон З. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать.
URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=145114>

Л.Е. Попова

***Взаимодействие молодежи России и Казахстана
в Алтайском регионе на примере
международных летних школ «Наш общий дом Алтай»***

Актуальность развития молодежного взаимодействия в контексте российско-казахстанского приграничного сотрудничества обусловлена повышением геополитической значимости как взаимоотношений Российской Федерации и Республики Казахстан в целом, так и в аспекте отдельных регионов, одним из которых является Алтайский регион. Международные студенческие школы способствуют получению навыков адаптации к культурному, этническому и языковому разнообразию, отвечает фактору евразийского развития. Участники школ учатся не только представлять в среде сверстников свои профессиональные компетенции, но и развивать компетенции, нужные для общения, взаимо-

действия, сотрудничества и межкультурного диалога — столь необходимые для участия в процессах глобализации, в частности, в Алтайском регионе.

Ежегодно, начиная с 2003 года, по инициативе и как приоритетный проект Международного Координационного Совета «Наш общий дом Алтай» проводятся одноименные международные летние студенческие школы, в которых принимают участие представители ведущих вузов Алтайского региона. Проведение Школы осуществляется поочередно на базе одного из вузов. Основное условие участия в Школе — научно-исследовательская работа студентов по теме, связанной с Алтаем. За 13 лет Школа проходила во всех четырех странах Большого Алтая. Однако большую часть Школ организуют приграничные российские и казахстанские вузы, в частности, Алтайский государственный университет и Восточно-Казахстанский государственный университет имени С. Аманжолова.

Каждая Школа имеет целевую направленность, вот, некоторые примеры последних лет: «Большой Алтай как центр сотрудничества и единения народов Евразии: образование — культура — экология — экономика» (2013 г.); «Международный диалог в Алтайском регионе: традиции, современность, будущее» (2014 г.); «Трансграничное сотрудничество в регионе Большого Алтая: история — образование — культура — экология — экономика» (2015 г.).

В рамках программы Школы, читаются проблемные лекции, для чего приглашаются высококвалифицированные профессионалы в различных областях науки, практико-производственной деятельности, культуры, общественных отношений, представители органов управления и пр.

Одной из самых интересных составляющих Школы является представление докладов-сообщений ее непосредственными участниками — студентами. В студенческих докладах, а, нередко, и в последующих дискуссиях по теме выступлений наиболее ярко проявляется отношение молодых людей к исследуемым материалам, фактам, возможным решениям рассматриваемых проблем. Многие выступления посвящены историко-культурной тематике, этнокультурным ценностям. В сообщениях студентов нередко поднимаются вопросы, связанные с разработкой и реализацией конкретных проектов, в том числе эколого-экономической сферы, актуальной для российско-казахстанских отношений.

Развитие сотрудничества приграничных регионов России и Казахстана в Алтайском регионе, с одной стороны, содействует улучшению жизнеобеспечения населения приграничья и поддержанию исторически сложившихся связей и контактов в социальной, культурной и иных сферах, с другой стороны, влияет на формирование столь необходимого «пояса добрососедства» по периметру российско-казахстанской границы.

Многолетнее успешное проведение международных студенческих школ свидетельствует о том, что они являются одним из важнейших элементов приграничного регионального сотрудничества, одной из форм установления тесных научных, деловых, гуманитарных и личностных связей между молодежью, которые ориентированы на долговременное сотрудничество в интересах народов Алтайского региона.

Е.В. Селезнева

***Сравнительный анализ законодательства в области
особо охраняемых природных территорий
Российской Федерации и Республики Казахстан***

Снижение биоразнообразия и загрязнение окружающей среды относятся к важнейшим экологическим проблемам современности. Наиболее действенным способом восстановления потерь биоразнообразия Земли является сохранение оригинальных и нетронутых хозяйственной деятельностью участков природы в естественном состоянии в статусе охраняемых природных территорий (ОПТ), особо охраняемых природных территорий (ООПТ). В связи с этим международные природоохранные организации в 70-х годах XX столетия инициировали работы по организации сетей ОПТ, включающих биосферные резерваты и заповедники, в частности, трансграничные, охватывающих несколько стран. Согласно классификации Международного союза охраны природы (МСОП), одной из наиболее влиятельных природоохранных организаций, имеющей статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН, выделяется 6 категорий ООПТ, различающихся по строгости охраны, условиям и управлению природными ресурсами в целях устойчивого использования природных экосистем. Природоохранная миссия МСОП состоит в том, чтобы влиять, поощрять и помогать на мировом уровне сохранять целостность и разнообразие природы. Существенная роль в этом процессе отводится природоохранной деятельности, которая ведется в странах мира на государственном уровне, формируя природно-заповедный фонд и национальные системы ООПТ.

Российская Федерация (РФ) является одним из крупнейших по площади государств в мире, в границах которой имеются все основные природные зоны умеренного пояса, а значительная протяженность страны с запада на восток обуславливает огромное ландшафтное, экосистемное и биологическое разнообразие. В целях охраны природы РФ осуществляет государственное управление в области организации и функционирования ООПТ. Россия имеет развитую сеть ООПТ федерального, регионального и местного значения различной степени охраны и соответствующий свод законодательства. Основные категории ООПТ в РФ соответствуют классификации МСОП. РФ ратифицировала основные международные акты в сфере охраны природы и сохранения биоразнообразия.

Республика Казахстан (РК) обладает уникальным набором ландшафтных комплексов: от пустынь до высокогорий и экосистем внутренних морей. В связи с усилением использования природных ресурсов актуальным становится

вопрос эффективного сохранения природных комплексов на основе совершенствования систем территориальной охраны природы, а также создания новых ООПТ, в том числе, трансграничных. Основное природоохранное законодательство РК имеет государственный уровень, категории ООПТ имеют соответствие с классификацией МСОП, отражая государственные приоритеты.

Выполнен сравнительный анализ законодательных документов в области ООПТ РФ и РК на основе рассмотрения более 30 законодательных актов РФ и более 20 нормативно-правовых документов РК. Особое внимание уделено природоохранному законодательству в целях приграничного сотрудничества и создания трансграничных ООПТ, а также для использования их в экологической деятельности. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: основополагающим природоохранным нормативным документом в РФ и РК является закон «Об ООПТ»; основными законодательными актами являются нормативно-правовые документы и кодексы, регламентирующие использование водных, лесных, земельных ресурсов, биологического разнообразия. Законом «Об ООПТ» в РФ и в РК предусматривается экологическая деятельность на охраняемых природных территориях, использование их в целях развития науки, культуры, просвещения, образования.

Правовое регулирование в области ООПТ РФ и РК способствует эффективному сохранению уникальных природных комплексов, созданию и функционированию трансграничных ООПТ России и Казахстана, определяет их в качестве компонентов мировой экологической сети.

А.К. Серик
***Казахстанско-российские отношения:
приграничное сотрудничество***

Двусторонние отношения между Казахстаном и Россией развиваются в атмосфере взаимного понимания и доверия. Позиции двух стран по большинству вопросов региональной и международной политики совпадают. Сохраняется высокая динамика контактов, как в двустороннем, так и многостороннем форматах. Важнейшим двусторонним отношением Казахстана и России является их участие в интеграционных объединениях на постсоветском пространстве, прежде всего, в Евразийском экономическом союзе.

Договорно-правовая база казахстанско-российского сотрудничества насчитывает свыше 300 документов. Основой стратегического партнерства служат Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Респуб-

ликой Казахстан и Российской Федерацией от 25 мая 1992 года и Договор о добрососедстве и союзничестве в 21 веке от 11 ноября 2013 года.

Взаимная торговля является важнейшей сферой сотрудничества. Россия традиционно является крупнейшим торговым партнером Казахстана. Товарооборот между Казахстаном и Россией в 2014 году составил 18,9 млрд долл. США. В том числе, экспорт составил 5,17 млрд долл. США, импорт составил 13,73 млрд. долл. США. В основном из России в Казахстан поставляются машины, оборудование, транспортные средства, минеральные продукты, металлы и изделия из них, продукция химической промышленности, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье. Из Казахстана в Россию вводятся минеральные продукты, продукция химической промышленности, каучук, металлы и изделия из них, машины, оборудование, транспортные средства, жемчуг, драгоценные камни, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье.

Принята Программа долгосрочного экономического сотрудничества между Правительствами РК и РФ до 2020 года. Основные направления двустороннего сотрудничества осуществляются в сферах межрегионального и приграничного, военно-технического, межбанковского и инвестиционного сотрудничества, в области промышленности, транспорта, топливно-энергетического комплекса, науки и новых технологий, совместного использования и охраны трансграничных водных объектов. Кроме того, продолжается работа Казахстанско-Российской межправительственной комиссии по комплексу «Байконур», регулирующая двусторонние отношения в сфере космической деятельности.

Планомерно развиваются межпарламентские связи. Системный характер межпарламентскому сотрудничеству придает работа соответствующих парламентских комиссий и комитетов.

Динамично развиваются двусторонние отношения в культурно-гуманитарной сфере. Проводится работа по углублению дружбы между народами двух стран. К примеру, представители Казахстана и России часто проводят совместные спортивные соревнования, научно-исследовательские мероприятия, конкурсы по различным видам искусства и культурные выставки.

Успешному развитию двусторонних отношений способствует межрегиональное и приграничное сотрудничество. Республика Казахстан и Российская Федерация являются не только важными стратегическими партнерами, но и дружественными соседями. Казахстан имеет общую границу с 12 субъектами Российской Федерации. Это способствует интенсивному развитию двусторонних отношений. К примеру, торговля между приграничными регионами двух стран составляет порядка 40% от общего товарооборота РК и РФ. Приграничное сотрудничество занимает важное место в Казахстанско-Российских отношениях и вносит особый вклад в укрепление взаимовыгодного партнерства. Соглашение о сотрудничестве приграничных областей Республики Казахстан и Российской Федерации было подписано 26 января 1995 года, что стало началом правового регулирования приграничных взаимоотношений двух стран. Ежегодно проводятся Форумы межрегионального сотрудничества с участием

Глав государств. Данные Форумы вносят новые веяния в добрососедство РК и РФ.

Казахстан и Россия имеют хорошие перспективы для дальнейшего развития взаимовыгодного сотрудничества в разных сферах, так как они имеют много общего. Во-первых, взаимосвязанные между собой истории, во-вторых, Казахстан и Россия являются членами военно-политических блоков ОДКБ и ШОС, и в-третьих, членство двух стран в ЕАЭС, которое обеспечивает свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Б.М. Табынбаев

Трансграничное взаимодействие регионов

В условиях современных интеграционных процессов на территории отдельных стран постсоветского пространства, несомненно, важную роль приобретает трансграничное взаимодействие между инклюзивными государствами, направленное на создание благоприятных условий для эффективного сотрудничества в транспортной, природно-охранной, торгово-экономической и других областях.

Важным направлением трансграничного взаимодействия является совместное развитие транспортно-логистического потенциала стран региона, что обусловлено выгодным геополитическим и геоэкономическим положением стран ЕврАзЭС (Беларусь, Казахстан и Россия).

Единая налаженная цепь железнодорожных и автомобильных путей, а также логистических комплексов позволит увеличить наземный грузопоток из Китая в Европу через территорию стран Сообщества. Сегодня значительная часть произведенных товаров переправляется из КНР на Запад в основном морскими путями, однако серьезным недостатком данного вида транспорта является сроки доставки, в общей сложности, достигающие пятидесяти дней. Налаживание сотрудничества в сфере логистики повысит конкурентоспособность наземных перевозок, сократив при этом сроки доставки до десяти дней.

Дополнительным импульсом к реализации транспортно-логистического потенциала послужила инициатива Китая «Новый Великий Шелковый Путь», призванная к возрождению и развитию транспортных коридоров в направлении Европы.

Другим не менее важным направлением двустороннего взаимодействия является контроль и регулирование водных ресурсов, в особенности в период сезонных паводков, в результате которых периодически страдают жители приречных населенных пунктов. На сегодняшний день сотрудничество между Республикой Казахстан и Российской Федерацией в сфере использования и охраны трансграничных водных объектов осуществляется по 20 трансграничным рекам, основными из которых являются Урал, Есиль, Тобол, Ертис, Большой и Малый Узени. Работа в указанном русле осуществляется Комиссией и ее рабочими группами, благодаря результатам которых достигнут весомый прогресс в двустороннем водном сотрудничестве.

Формирование единого рынка обуславливает беспорядочное передвижение транспорта, капитала и рабочей силы, что также требует выработки местных механизмов по регулированию данных процессов.

Учитывая изложенное, в рамках трансграничного взаимодействия странами ведется работа по разным направлениям. В свою очередь, интеграционные процессы в регионе обуславливают расширение спектра сфер сотрудничества между государствами, что необходимо для дальнейшего эффективного развития стран, входящих в зону евразийского экономического сообщества.

Ю.В. Тен

***Русские Казахстана как объект исследования
в англоязычной академической литературе:
критика конструктивистского подхода***

В англоязычной академической литературе, посвященной Центральной Азии и постсоветскому региону в целом, так называемому «русскому вопросу» в независимом Казахстане было уделено много внимания. Превалирующим подходом в этих исследованиях было использование конструктивистской теории национализма, представленного идеями Бенедикта Андерсона и Эрнеста Геллнера. Особое место в таких работах занимал аспект российско-казахстанских отношений, неразрывно связанных с формированием идентичности казахстанских русских в постсоветский период.

Цель данного доклада — обозначить основные проблемы конструктивистского подхода в англоязычных исследованиях о «русском вопросе» в Казахстане в контексте постсоветских российско-казахстанских отношений. Учитывая особенность географического месторасположения русских в Казахстане (большинство из них проживают на севере страны, в областях, граничащих с Россией), анализ попыток исследователей концептуализировать этот вопрос с одной превалирующей теорией, может помочь пониманию того, как экспертам следует (и не следует) рассматривать состояние и перспективы приграничного сотрудничества между Россией и Казахстаном.

Структура доклада будет состоять из трех частей. Первая часть будет содержать обзор литературы, обсуждающей проблему русских Казахстана как один из ключевых аспектов российско-казахстанских отношений. Акцент будет сделан на англоязычных исследованиях, использующих конструктивизм как теорию национализма для анализа этой темы. Вторая часть выделит и

представит разбор основных проблем данного подхода к обсуждаемой теме, включая:

1) некритическое применение теории конструктивизма (разработанного изначально на европейской почве) к Казахстану.

2) упрощение идентичности русских в Казахстане, воспринимающихся как однородная группа населения;

3) переоценка или иное неверное понимание роли региональных лидеров и организаций в формировании и консолидации русских в северных областях Казахстана;

4) игнорирование взаимопроницаемости русских в соседних приграничных областях России и Казахстана и ее роли в идентичности казахстанских русских.

Третья часть обозначит главные выводы доклада, которые помогут сформулировать рекомендации для дальнейших исследований положения русских в Казахстане и его влияния на приграничные российско-казахстанские отношения.

А.С. Тонканова

***Проблемы использования трансграничных рек
в Центрально-Азиатском регионе и пути их решения***

В Стратегии «Казахстан-2050» Глава нашего государства определяет водную проблематику как один из серьезнейших вызовов. Так, в Послании Главы Государства народу Казахстана отмечено: «Мировые водные ресурсы находятся под большим давлением. За последние 60 лет на планете потребление питьевой воды возросло в 8 раз. К середине столетия многие страны будут вынуждены импортировать воду. Вода — крайне ограниченный ресурс и борьба за обладание источниками уже становится важнейшим фактором геополитики, являясь одной из причин напряженности и конфликтов на планете. Проблема водо-обеспечения остро стоит и в нашей стране. Нам не хватает качественной питьевой воды.

Целый ряд регионов испытывает в ней острую потребность. Есть и геополитический аспект этой проблемы. Уже в настоящее время мы столкнулись с серьезным вопросом использования водных ресурсов трансграничных рек».

Центрально-Азиатские республики совместно используют природные ресурсы — в особенности водные ресурсы речных бассейнов, простирающихся через государственные границы. Самый большой — это бассейн Аральского

моря, который принимает воду с 64% общей географической территории пяти республик ЦАР через две реки — Сырдарью и Амударью. За последние 50 лет объем воды, впадающей в Аральское море, резко сократился в результате развития ирригации и плохого управления водными ресурсами и наступивших климатических изменений в конце XX — начале XXI в., что привело к серьезным экологическим и социальным последствиям. Недостаток воды, связанные с водой конфликты и загрязнение окружающей среды бросают правительствам стран и сообществам серьезный вызов в достижении устойчивого экономического роста и повышения уровня жизни в бассейне Аральского моря и в других более мелких трансграничных речных бассейнах субрегиона.

Проекты, осуществляемые в верховьях рек Сырдарьи, Амударьи Иртыш, Урал, Талас, Чу, имеют энергетический характер, в то время как реки, на которых они сооружаются, служат базовыми трансграничными водными артериями, обеспечивающими потребности населения и экономики (в основном сельского хозяйства) Афганистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Поскольку все перечисленные проекты реализуются на основе двусторонних соглашений, в них заложена экономическая выгода для непосредственных участников соглашений и только опосредованно (при условии достижения соглашений по водному режиму) — для всех стран региона. Это обстоятельство может в определенной степени обострить существующие противоречия между интересами государств верхнего и нижнего течения рек в силу различий в требованиях к режиму рек.

Справедливое распределение водных ресурсов трансграничных водотоков должно учитывать все существующие виды использования воды и необходимость сохранения возможностей потребления воды населением и отраслями экономики прибрежных стран. По оценке международных организаций и экспертов, основными проблемами между государствами ЦАР в регулировании водных и энергетических отношений и основой противоречий были и остаются: рекомендательный характер принимаемых решений; разобщенность действий на региональном и национальном уровнях между структурами управления водного хозяйства и энергетики; противоречия между интересами государств верхнего и нижнего течения рек; отсутствие реальных межгосударственных структур, наделенных соответствующими полномочиями в сфере совместного управления водно-энергетическими ресурсами; незаинтересованность кого-либо выступить в качестве арбитра между конфликтующими сторонами с возможностями реального воздействия на решение спорных вопросов.

Решение этих проблем невозможно без полного учета следующих основных положений: формирование с участием всех государств региона согласованной региональной политики справедливого и разумного освоения и использования водно-энергетических ресурсов на основе норм международного права; неразрывной связи проблем освоения гидроэнергетического потенциала и регулирования водных и энергетических ресурсов и синхронность их решения; необходимости создания постоянно действующей межнациональной структуры на основе преемственности по отношению к ранее созданным региональным структурам и во взаимодействии с национальными органами государ-

ственного управления с наделением ее государствами-учредителями полномочиями по реализации принятых ими принципиальных положений; наличие эффективных правовых и экономических механизмов сотрудничества, обеспечивающих обязательность выполнения принятых решений.

Е.К. Уйсимбаев

***Обмен опытом в подготовке специалистов
социальной сферы как форма взаимодействия
между Россией и Казахстаном***

Российско-казахстанские отношения в настоящее время в рамках социальной модернизации двух стран развиваются в контексте двустороннего и многостороннего взаимодействия. Повышение устойчивости и стабильности развития двух стран является одним из наиболее важных моментов в ближайшей перспективе. Немаловажное значение при этом приобретает опыт по развитию социальной сферы.

Стратегические интересы России и Казахстана тесно переплелись в потоке истории в результате тысячелетнего опыта взаимодействия, что проявляется в добрососедских и дружеских отношениях наших стран.

На протяжении нескольких лет благодаря успешному развитию двусторонних отношений заключено более 200 договоров и соглашений между различными регионами двух стран. Благодаря двенадцати проведенным Форумам приграничного сотрудничества между Россией и Казахстаном развивается межрегиональное взаимодействие. Результат и эффект от данного сотрудничества проецируется на доходы граждан и на состояние в социальной сфере.

История двух стран показывает, что элементы социальной культуры сквозь века проходят через наши традиции и уклад жизни.

В России у древних славян основной формой поддержки была родоплеменная община. Род поддерживал своих сородичей через совместную хозяйственную деятельность, защищая от набегов, обеспечивал всем необходимым.

Позднее сложилась модель княжеского и церковно-монастырского попечения, где местные правители и религиозные учреждения брали на себя ответственность по оказанию помощи нуждающимся, распространению грамоты среди населения, духовному перевоспитанию.

С XVI века по нынешнее время в Российской Федерации действует система государственного попечения, где в отношении отдельных категорий нуждающихся рассматриваются отдельные виды помощи и социальные льготы.

Тогда как в Казахстане долгое время существовала архетипическая модель помощи. Когда семья, род и племя решали проблемы социального характера на основе кровнородственных отношений. Взаимовыручка в трудных жизненных ситуациях являлась неперенным условием для оказания помощи обездоленным и нуждающимся. Система была выстроена так, что проблемы социального характера не выходили за рамки рода или племени. Руководство в лице биев (судей) и совета аксакалов (старейшин) принимало решение о том или ином случае, которое беспрекословно выполнялось членами данного сообщества. Некоторые элементы данной социальной культуры сохранились в Казахстане и поныне.

С созданием советского государства в Казахстане образовалась система государственного попечения.

Подготовка специалистов социальной сферы является краеугольным камнем в развитии системы социальной сферы любой страны. Ключевым условием развития социальной сферы и повышения ее эффективности являются программы подготовки специалистов для социальной сферы. Таким образом, социальная работа в системе профессий социальной сферы имеет центральное значение.

Социальная работа, как относительно новая специальность и направление в науке и практической деятельности в Казахстане, переживает период своего становления. В социальный комплекс страны входят системы социальной защиты населения, здравоохранения, образования, культуры, сфера труда и занятости, служба миграции и т.д. Определенные задачи социального плана решаются центральными государственными органами (Министерства внутренних дел, обороны) и негосударственными организациями (общественные организации и благотворительные фонды, негосударственные пенсионные фонды и пр.).

Подходы, применяемые в ходе подготовки специалистов данного направления, разнятся в зависимости от уровня развития государства.

Единого международного набора требований к обучению социальных работников не существует. Каждая страна сама определяет свой набор требований по подготовке социальных работников.

В России и Казахстане схожая ситуация, приобретение профессии социального работника не требует особых требований и каждый желающий может приобрести данную специальность, придя со школьной скамьи.

Обмен опытом России и Казахстана в подготовке специалистов социальной сферы обеспечит планомерное развитие по осуществлению сотрудничества в политической, экономической, экологической, гуманитарной и культурной областях между двумя странами.

П.В. Ульянов

***Приграничье в условиях военного противостояния
(на примере российско-германского противоборства
в период Первой мировой войны)***

Война — неотъемлемая часть внешней политики государства, в ходе которой одной из первоочередных целей является овладение приграничной территорией для наступления своих войск. При этом большое значение придается не только разгрому противника, но и привлечению местных жителей вражеской территории на свою сторону.

Если границы государств соприкасаются друг с другом, то война, как правило, ведется на территории одного из них. В этом случае местом схватки двух армий становится участок фронта в приграничной зоне одной из стран. В ходе войны воюющие стороны с помощью средств коммуникации влияют на местное население с конкретными целями. Задачами при нападении являются захват приграничной области, продвижение линии фронта на вражескую территорию, а также привлечение на свою сторону его местного населения. Защитники, в свою очередь, стремятся сохранить свою область и обеспечить лояльность ее жителей.

В данном исследовании в качестве объектов пропаганды будут рассмотрены жители Польши, территория которой входила в состав Российской империи в начале XX века, в контексте информационно-психологического противоборства между Германией и Россией в период Первой мировой войны. Основной областью столкновения между войсками этих империй на Восточном фронте был Северо-западный или Польский участок, по которому линия фронта с первых же боев начала движение по мере наступления германских сил.

В начале Первой мировой войны царская ставка, предполагая вторжение германской армии на территорию Польши, для поддержки российской армии через средства пропаганды укрепляла «оборонное сознание» поляков для борьбы с Германией. В российских листовках авторы просили жителей Польши забыть исторические ошибки России (разделы Речи Посполитой), объединиться славянскому народу против общего «врага» [1, с. 291] и демонстрировали превосходство российских войск над «лютыми врагами славян», роль которых играли пруссаки [2, с. 292]. Также в них агитаторы обещали возродить Польшу как государство и рисовали немца в «образе зверя» [3, с. 292–293; 4, с. 293]. Российские пропагандисты воздействовали на сознание поляков, рассчитывая на победу «славянского братства» над прусской гегемонией, германизмом и «вероломными германцами» [5, с. 295–296].

Параллельно шла пропаганда и со стороны Германии, чьи агитаторы распространяли немецкие листовки среди поляков и польских евреев. Они пророчили первым освобождение из-под «Московского яма», клялись, что несут свободу Польше и осуществляют цивилизаторскую миссию [6, с. 262]. В добавок немецкие пропагандисты приплетали желание германского кайзера уничтожить «русский гнет» над поляками [7, с. 263], а вступление германской армии на территорию Польши подчеркивалось как освобождение «польской идентичности» от «черт русскости» [8, с. 264]. В отношении вторых говорилось о борьбе с «русским деспотизмом», гарантировались свободы и награждения за помощь немецким солдатам [9, с. 260–261; 10, с. 261]. Пропагандируя русофобию и подавляя желание поляков и евреев драться против немецких войск, авторы листовок стремились привлечь их внимание, обеспечив безопасность вооруженным силам Германии на вражеской территории.

Таким образом, российско-германское информационно-психологическое противостояние имело ряд особенностей. Во-первых, цель данной борьбы заключалась в овладении или сохранении конкретной области. Во-вторых, проводимая военная пропаганда зависела от ситуации на фронте, в которой российская армия уступала немецким силам, что ослабило психологическое доминирование российской военной пропаганды над жителями Польши. В-третьих, в военной пропаганде обеих сторон сочетались цивилизационный, антагонистический и сепаратистский факторы, последний из которых сводился к резкой активизации польского сепаратизма в качестве противодействия российской военной пропаганде.

Литература

1. Воззвание Верховного главнокомандующего русской армией // Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны / авт. сост. А.Б. Астахов. М., 2012. С. 290–301.
2. Поляки // Пропаганда... С. 290–301.
3. Его императорскому высочеству Верховному главнокомандующему генерал-адъютанту Великому князю Николаю Николаевичу // Пропаганда... С. 290–301.
4. Для успеха русского оружия // Пропаганда... С. 290–301.
5. Братья! // Пропаганда... С. 290–301.
6. Обращение к полякам // Пропаганда... С. 260–262.
7. Поляки // Пропаганда... С. 260–262.
8. Поляки // Пропаганда... С. 260–262.
9. Евреям в Польше // Пропаганда... С. 262–265.
10. Евреи в Польше // Пропаганда... С. 262–265.

В.В. Харитонова

***Имидж Казахстана как многонациональной страны
и положение русского населения в Казахстане***

В настоящее время Республика Казахстан является многонациональным государством, в котором проживают представители многих народов и наций, живущие в мире и согласии. Этому способствовали разные причины: исторические, политические, социальные. Развитие национальной политики Казахстана определяется программой Н.А. Назарбаева «Казахстанский путь развития», в которой придается большое значение казахстанской модели межнациональной толерантности и общественного согласия.

Состав населения страны сильно изменялся на протяжении XX в. в связи с процессами, происходившими в СССР, и с последствиями его распада. В северных районах до 1917 г. активно расселялись русские казаки и крестьяне. С 1920–1930-х гг. Казахстан служил местом ссылки, а в 1950–1970-х сюда направлялись переселенцы из других республик для работы на новых промышленных объектах и участия в освоении целинных земель. В 1989 г. доля казахов составляла лишь около 40%, примерно такой же процент составляли русские. В 1990-х гг. наблюдалась интенсивная эмиграция из Казахстана русских, немцев и евреев, одновременно в страну приехали из-за рубежа сотни тысяч казахов. В настоящее время казахи составляют большинство населения — 63,1% (по данным переписи 2009 г.). 23,7% жителей — русские; 2,0% — украинцы; 2,9% — узбеки; 1,1% — немцы; 1,3% — татары; 1,4% — уйгуры и 4,5% — другие этнические меньшинства.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что русские в Казахстане — вторая по численности этническая группа страны. Таким образом, рассмотрение положения русского населения в Казахстане является актуальной темой, так как оно напрямую связано с Россией и отношениями между государствами. Положение русского населения в Казахстане можно рассмотреть по разным факторам.

Если рассмотреть общие данные о численности русского населения и его динамику на общекзахстанском фоне по данным переписей, можно сказать, что с каждым разом численность русского населения уменьшается (1989 г. — 42,7%, 1999 г. — 30%, 2009 г. — 23,7%). В основном это связано с распадом единого пространства СССР, возвращением на этническую родину, быстрым ростом казахского населения и т.д. Для русских Казахстана характерна спорадическая миграция между Казахстаном и Россией, то есть постоянное перемещение между границами двух дружественных стран. Многие русские Казах-

стана, переехав в Россию, не забывают о своих казахстанских корнях и регулярно посещают Казахстан. Согласно данным статистических учреждений Казахстана и России, до 20 % русских, переехавших из Казахстана в Россию, возвращаются обратно, не сумев адаптироваться ввиду уже сложившегося восточного менталитета, сурового северного климата и других причин.

Еще одним фактором, влияющим на положение русских, является русский язык. Он является вторым по числу носителей и первым по владению и уровню распространения языком в Республике Казахстан. Согласно ч. 2 ст. 7 Конституции РК от 1995 года, «в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским языком официально употребляется русский язык». Русский язык является языком межнациональной коммуникации, а также информационного процесса.

Еще один немаловажный фактор положения русских в Казахстане — то, что русское население также участвует в социально-политической жизни Казахстана. В РК действуют русские организации: Республиканское славянское движение «Лад», Общественное объединение «Истоки», Русская община Казахстана, Ассоциация учителей русских школ Казахстана, Общественное объединение «Славянский культурный центр», «Русская партия Казахстана» (РПК), казачьи организации.

Таким образом, можно сделать вывод, что Казахстан, несмотря на существующие проблемы, продолжает идти по пути развития межнациональных отношений и построения толерантного общества. Страна является одним из успешных образцов применения принципа толерантности в социокультурном измерении.

М.Н. Хасенова

Международное сотрудничество РК и РФ в области совместного использования трансграничных водотоков

Республика Казахстан уделяет особое значение международному сотрудничеству в сфере использования и охраны водных ресурсов трансграничных рек.

В настоящее время исключительное значение в решении вопросов трансграничного характера приобретает межгосударственное сотрудничество по совместному использованию трансграничных рек.

Россия и Казахстан имеют не только одну из самых протяженных границ в мире, но и множество общих водотоков, которые приобрели статус междуна-

родных в связи с распадом Союза. Совместное использование трансграничных рек предполагает поиск компромиссов в решении многих сложных проблем, что отвечает интересам государств и способствует налаживанию конструктивного диалога в рациональном потреблении, охране и управлении водными ресурсами.

На территорию Республики Казахстан со стороны Российской Федерации протекают такие крупные реки как Урал, Тобол, Ишим и Иртыш. Основной грозой нарушения экологического баланса данных водных объектов является загрязнение вредными и токсичными веществами, осуществляемое промышленными предприятиями и сельским хозяйством. Для решения этих проблем Республика Казахстан уделяет особое значение международному сотрудничеству в сфере использования и охраны водных ресурсов трансграничных рек.

Договорно-правовая база Республики Казахстан и Российской Федерации в сфере использования и охраны трансграничных водных объектов состоит из следующих основных документов:

1. Соглашение об основных принципах взаимодействия в области рационального использования и охраны трансграничных водных объектов государств — участников СНГ (Москва, 11 сентября 1998 г.).

2. Соглашение между Правительством РК и Правительством РФ о сотрудничестве в области охраны окружающей среды от 22 декабря 2004 г.

3. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов от 7 сентября 2010 г. (взамен Соглашения между Правительством РК и Правительством РФ о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов от 27 августа 1992 г.).

4. Российско-казахстанский договор о добрососедстве и союзничестве в XXI веке (г. Екатеринбург, 11 ноября 2013 года). Договаривающиеся стороны развивают сотрудничество в области охраны окружающей среды, уделяя особое внимание защите окружающей среды Каспийского моря и трансграничных водотоков.

Основной проблемой международных водных отношений, требующей решения, является налаживание трехстороннего российско-казахстанско-китайского сотрудничества в области совместного использования и охраны трансграничных водных ресурсов бассейна р. Иртыш.

Следует обратить внимание и на малые реки, выполняющие функции капилляров, подпитывающих основные водные артерии. Все государства заинтересованы в чистой воде, здоровой воде, поэтому поиск компромисса возможен и как никогда необходим в связи с надвигающимся дефицитом пресной воды.

Хотелось бы отметить, что на сегодняшний день государство должно ориентироваться главным образом на организационные и быстрореализуемые меры по устойчивому развитию, которые необходимо осуществить для решения проблем, связанных с водой на международном уровне.

Д.Б. Шынтемирова

***О приоритетных задачах и международных связях
кафедр университета на современном этапе***

Система образования в каждой конкретной стране связана с ее общественно-культурной средой и производственно-технологической базой множеством сложных функциональных отношений и зависимостей. Согласно Документу ЮНЕСКО, есть три аспекта образовательной деятельности, существенно влияющие на качество высшего образования: высокая академическая квалификация преподавателей и качество образовательных программ; качество подготовки студентов; качество инфраструктуры. Последнее включает всю совокупность условий функционирования образовательных программ, включая компьютерные сети и современные библиотеки, что может быть обеспечено за счет адекватного финансирования, возможного только при сохранении государственного подхода к высшему образованию как общенациональному приоритету. Необходимым условием успешной реализации образовательного процесса является наличие современной учебно-лабораторной базы, способной обеспечить экспериментальную, методическую и информационную поддержку учебных программ в тесной связи с научными исследованиями.

Содержание основных образовательных программ высшей школы считается одним из ключевых показателей качества образования: ведь только анализ содержательной составляющей подготовки позволяет сделать обоснованное заключение о целостности и преемственности образовательных программ; отсутствии фрагментарности и дробности учебных дисциплин; о наличии развитой цикличной структуры. Содержание обучения дает однозначное представление о сбалансированности образовательной и профессиональной, фундаментальной и практической составляющих. В этом плане, самым важным показателем качества образования является активная деятельность квалифицированного профессорско-преподавательского состава, занимающегося научными исследованиями и готовящего востребованных конкурентоспособных выпускников.

На современном этапе, университет является центром создания и распространения знаний, в ходе учебного процесса профессорско-преподавательский состав университета, являясь одновременно и коллективом исследователей, использует результаты своих научных исследований для совершенствования содержания и форм представления учебных курсов, создания инновационных образовательных программ.

В функции университетов входит и формирование в будущих специалистах общественного мировоззрения и активной жизненной позиции. Многонациональность, которая отличает Казахстан от ряда других государств ближнего и дальнего зарубежья, должна сыграть позитивную роль в современных процессах интеграции и гармонизации общества.

Никакая идея и никакой инновационный проект не дадут результат, адекватный поставленным целям, если каждая кафедра не изменит отношение к планированию и оценке своей профессиональной деятельности. Систематическое проведение внутренней аттестации преподавателей в части реализации индивидуальных планов, мониторинг удовлетворенности студентов организацией учебного процесса, повышение роли заведующего кафедрой как лидера научной и методической деятельности кафедры, а не как распределителя нагрузки, позволит реализовать принцип «Сильная кафедра — сильный университет».

Если руководствоваться при оценке деятельности кафедры только показателями, отраженными в объемах учебной нагрузки, то никакого «прорыва» в выполнении новых задач, стоящих перед каждым структурным подразделением университета, не будет.

Кафедрам предстоит решить целый ряд сложных задач в условиях масштабной модернизации всей системы профессионального образования и серьезных трансформаций в государственной политике развития высшей школы.

Наиважнейший вопрос — подготовка и реализация новых магистерских программ. Детальный анализ реальной ситуации позволит выработать комплекс конкретных мероприятий по развитию магистратуры. Необходимо разрабатывать магистерские программы, не имеющие аналогов. Только ускоренное развитие системы магистерской подготовки обеспечит существенное конкурентное преимущество университетам.

В разработке и модернизации образовательных программ должны быть максимально задействованы работодатели. Задача каждой кафедры — привлечь наиболее квалифицированных специалистов-практиков к учебному процессу, в том числе приоритетным направлением может стать открытие филиалов кафедр на предприятиях и учреждениях. Здесь необходимо добиться максимального эффекта в практической части подготовки. Коренным образом должны быть пересмотрены и подходы к организации практики студентов. Выпускающим кафедрам необходимо постоянно вести предметную работу с потенциальными работодателями, ориентируя студентов на решение практических задач при выполнении курсовых и выпускных квалификационных работ, проектов и исследований.

В рамках договоров о сотрудничестве необходимо организовать активный академический обмен, подготовить интегрированные учебные планы. Одним из важных рейтинговых показателей является реализация программ «двойных дипломов», успешная реализация задачи возможна при сформированных академических партнерских отношениях с приграничными и зарубежными вузами. Данная программа в ближайшем будущем планируется с вузами Алтайского края. При этом, без повышения качества языковой подготовки не только студентов, но и профессорско-преподавательского состава не будет серьезного

прорыва и конкретных результатов в международном академическом и научном обменах.

Президент страны Н.А. Назарбаев, выступая на Форуме ученых Казахстана, отметил, что именно ученые, исследователи, научные работники должны внести самый решающий вклад в развитие Казахстана. Назвав формы, условия финансирования и поддержки ученых, Глава государства, определил и слабые стороны состояния науки страны. Это, низкая обеспеченность научными кадрами, низкий процент молодых в науке, нулевая доля опубликованных казахстанскими авторами научных работ от всего мирового объема публикаций.

Таким образом, первоочередными задачами по развитию науки на кафедрах выступают: востребованность научной продукции бизнесом; увеличение госаказа на магистерские и докторские программы; публикация научных разработок в ведущих зарубежных журналах, разработка международных научных исследований.

Р.Т. Элеманова
История Великого Шелкового пути
на территории Кыргызстана

В настоящей статье изложены основные вопросы, касающиеся проблемно ориентированного подхода при создании электронного атласа по истории Великого Шелкового пути, поскольку Кыргызстан по геополитическому положению всегда был в центре событий. В ходе работы будет рассмотрена история Великого Шелкового пути в древности и средневековья; показано, какие направления ренимируется. Мы намерены обозначить существующие проблемы, а также на основе анализа существующей научной литературы по истории Великого Шелкового пути проследить использование векового опыта для социально-экономического и культурного развития нашей республики. Как известно, Великий Шелковый путь проходил по территории и Кыргызстана, а это огромное историко-культурное пространство, со множеством маршрутов, по которым со II в. до н. э. до конца XVII в. н. э. шло международное общение от Китая до Европы с пересечением горных систем Средней Азии — Тянь-Шаня.

Особое место занимала территория средневекового Кыргызстана, где торговля оставалась неизменным двигателем развития городов на протяжении многих сотен лет. Торговые караваны ориентировались на более проходимые ущелья, на пастбища для животных и водные источники для людей.

Как полагают исследователи, средневековый Кыргызстан пересекали три ветви Великого Шелкового пути. Мы попытаемся исследовать историю Великого Шелкового пути в Кыргызстане (отдельно каждой ветви) с применением ГИС-технологий, руководствуясь периодизацией, которую ввел Б.Я. Ставиский.

Начальный период — этап налаживания контактов: I–IV вв. н.э., когда четыре могущественные империи древности: Рим, Иран, Кушанская держава, государство Хань начинают вступать в тесные взаимоотношения друг с другом. Свидетельством развития их сложных отношений в этот период выступают многочисленные упоминания о дипломатических, торговых и культурных визитах, многие археологические находки.

Культура торговли постепенно совершенствовалась: на трудных участках пути были построены ориентировочные башни, создавались караван-сарай со складскими помещениями, организовывались специальные базары и рынки, через многие реки были перекинuty мосты, а в пустынях вырыты колодцы или бассейны.

Второй период — этап сложения новой геополитической обстановки V–VIII вв. н.э. Поскольку расположение торгового центра на участке Великого Шелкового пути давало огромное преимущество любому государству, то каждое из них стремилось поставить под свой контроль как можно большей отрезок торговой трассы, а потому всю средневековую эпоху велись нескончаемые войны за овладение важными торговыми центрами.

Так, две крупные державы — Византия и Сасанидское царство — вели борьбу за приоритет на древних путях мировой торговли. В Китае же в это время ослабевает контроль за торговлей с Западом. В Средней Азии, несмотря на постоянные войны и вторжение иноземцев, открываются широчайшие связи с внешним миром. В этом плане особенно преуспевают согдийцы, основавшие целые колонии вдоль путей, ведущих в Китай. Согдийцы проникли в северо-восточные районы Средней Азии, в Синьцзян, Монголию, Северный Китай, а на западе дошли до Крыма, прочно взяв в свои руки распространение шелка и своей культуры.

В это время на Великом Шелковом пути смогли проявить свой талант и получил известность первые международные дипломаты. В связи с этим известно знаменитое посольство в Иран во главе с Маняхом. Однако в просьбе о содействии согдийцам в торговле шелком послам было решительно отказано, поскольку Иран не желал ни с кем делить монополию на торговлю шелком со Средиземноморьем. Тогда, заручившись поддержкой кагана, с письмом и подарками Манях отправился в Византию. Переговоры на этот раз прошли успешно. После чего последовало ответное и не менее успешное посольство во главе с Зимархом в страну согдийцев. Так установились прочные двухсторонние отношения между этими странами, имевшие в последующем благоприятное продолжение.

Третий период в истории Великого Шелкового пути приходится на конец VII — начало XIII в., от арабских завоеваний и исламизации народов Передней Азии до монгольских нашествий. В это время происходит разделение госу-

дарств по конфессиональному признаку. Возрастает роль внутренних дорог, благодаря которыми приобретают популярность изделия массовых ремесел.

Четвертый период охватывает середину XIII — XV вв. (период после монгольских завоеваний). Во время нашествия монголов в XIII в. был разрушен ряд городов Средней Азии и Ирана.

В.Н. Козулин
Россия–Казахстан: проблемы трансграничного
сотрудничества
(аналитический обзор докладов участников Школы)

Зимняя школа молодых исследователей из России, Казахстана и многих других государств СНГ была посвящена весьма актуальной проблеме трансграничного взаимодействия и сотрудничества. Об актуальности этой темы в современной науке свидетельствует постоянно растущее количество публикаций [1—17]. При этом, стоит заметить, что попытки всестороннего или комплексного изучения проблемы с использованием методов и подходов разных наук, в том числе исторической науки и политологии встречаются гораздо реже.

Все больше публикаций появляется в последние годы и непосредственно по вынесенной на обсуждение и изучение в рамках алтайской Зимней школы проблеме трансграничного сотрудничества России и Казахстана (а также сотрудничества в центральноазиатском регионе в целом) [18—27]. Однако нельзя сказать, что эта тема исчерпывающе исследована на данный момент. Скорее, речь следует вести о начальном этапе ее разностороннего научного изучения. И состоявшаяся в Барнауле в 2016 г. Зимняя школа была призвана внести определенную лепту в этот процесс.

Оргкомитет Школы получил 33 тезиса научных докладов. Все доклады опубликованы в настоящем сборнике. В этом аналитическом обзоре мы постараемся обобщить их содержание и выделить главные направления исследования авторов.

К первой группе исследований наших авторов следует отнести доклады, посвященные непосредственной проблематике Зимней школы — то есть теме приграничного сотрудничества России и Казахстана. Это доклады К.Д. Бекенова, Е.А. Бикетовой, М.Н. Воробьевой, К.С. Калиевой, В.К. Котова, С.А. Мороз, Л.Е. Поповой, Е.В. Селезневой, А.К. Серика, Е.К. Уйсимбаева и М.Н. Хасеновой.

Доклад К.Д. Бекенова был посвящен взаимозависимости транспортной инфраструктуры трансграничных территорий России и Казахстана. Российско-казахстанская граница является уникальным, самым протяженным сплошным сухопутным рубежом, она представляет со-бой единственный пример прозрачной границы, разделяющей страны, ассоциирующиеся с европейскими и азиатскими, православной и ис-ламской цивилизациями. Поэтому, по мнению автора, российско-казахстанская граница потенциально является ключевым регулятором евроазиатских потоков как легального, так и нелегального происхождения, будучи способной выполнять в этом отношении и барьерную, и контактную функцию. Доклад Е.А. Бикетовой касался проблем и перспектив интеграции Беларуси, Казахстана и России. Молодая исследовательница приходит к пессимистическому выводу, что интеграция Беларуси, Казахстана и России идет медленными темпами и носит не всеобъемлющий характер и, в свете последних событий, связанных с обострением отношений России с за-

падными странами, экономическим кризисом, санкционной политикой, а также мировым падением цен на нефть, можно прогнозировать замедление темпов евразийской интеграции и дальнейшую «заморозку» этого проекта. В докладе М.Н. Воробьевой говорилось о конкретных примерах межрегионального взаимодействия России и Казахстана. Автор отмечает, что несмотря на экономический кризис 2015 года, осложнивший отношения между странами, Россия остается одним из крупнейших торговых партнеров Казахстана. Двустороннее сотрудничество базируется на более чем 400 договорах и соглашениях, подписанных только за последнее десятилетие. Более широким аспектам регионального сотрудничества трансграничных регионов посвящен доклад казахстанской исследовательницы К.С. Калиевой. Она пытается обобщить опыт становления и развития приграничного сотрудничества в регионе Большого Алтая (между Казахстаном, Россией, Монголией и Китаем). Основой трансграничного межрегионального сотрудничества территорий сопредельных стран Алтайского региона, как отмечает К.С. Калиева, являются договоры и соглашения, заключаемые региональными органами власти с аналогичными органами в соседних странах о партнерстве и сотрудничестве. За долгие годы между приграничными регионами сложились стабильные отношения сотрудничества в области промышленности, науки и инноваций, сельского хозяйства, природных ресурсов, туризма, культуры и спорта, образования и здравоохранения. Такую же попытку обобщения опыта истории приграничного сотрудничества Казахстана и России представляет собой доклад другого казахстанского исследователя А.К. Серика. Казахстан и Россия имеют хорошие перспективы для дальнейшего развития взаимовыгодного сотрудничества в разных сферах, так как они имеют много общего. Во-первых, взаимосвязанные между собой истории, во-вторых, Казахстан и Россия являются членами военно-политических блоков ОДКБ и ШОС, и в третьих, членство двух стран в ЕАЭС, которое обеспечивает свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Автор делает оптимистический вывод о положительных перспективах дальнейшего развития взаимовыгодного сотрудничества двух государств в самых разных сферах, поскольку эти страны связывает как давняя история, так и общие геополитические интересы.

Доклад В.К. Котова был посвящен развитию партнерских связей между Казахстаном и Алтайским краем в области культуры, образования и туризма. Молодой исследователь подчеркивает, что для укрепления приграничного сотрудничества между Алтайским краем и Казахстаном необходимо развивать не только экономические отношения, но и партнерские отношения в области образования, культуры и туризма: контакты в области культуры способствуют доверию между народами, углублению диалога по актуальным проблемам современности и выработке по ним общих позиций. Проблемам приграничного сотрудничества России и Казахстана посвящен также доклад С.А. Мороз. Исследовательница утверждает, что в настоящее время торгово-экономические связи России с Казахстаном являются одними из наиболее значимых. Наиболее перспективными направлениями развития партнерских отношений между Алтайским краем может быть углубление сотрудничества в сферах машиностроения, энергетики, химической промышленности, сельского хозяйства,

реализацию совместных программ в сфере лесной и добывающей промышленности, науки и образования. Кроме того, одним из приоритетов взаимодействия Алтайского края и Восточно-Казахстанской области становится приграничный туризм. С.А. Мороз заключает, что необходимо создание международного центра приграничного сотрудничества, который должен стать координатором торгово-экономических взаимоотношений сопредельных стран: России, Казахстана, Монголии и Китая. В докладе Л.Е. Поповой говорится о взаимодействии молодежи России и Казахстана в Алтайском регионе (на примере международных летних школ «Наш общий дом Алтай»). Автор подчеркивает роль многолетнего успешного проведения международных студенческих школ, которое свидетельствует, что они являются одним из важнейших элементов приграничного регионального сотрудничества и одной из форм установления тесных научных, деловых, гуманитарных и личностных связей между молодежью, ориентированных на долговременное сотрудничество в интересах народов Алтайского региона. Е.В. Селезнева посвятила свой доклад сравнительному анализу законодательства в области особо охраняемых природных территорий Российской Федерации и Республики Казахстан. Проведенный анализ более 30 законодательных актов РФ и более 20 нормативно-правовых документов РК позволяет исследовательнице сделать выводы о том, что правовое регулирование в области особо охраняемых природных территорий Российской Федерации и Республики Казахстан способствует эффективному сохранению уникальных природных комплексов, созданию и функционированию трансграничных особо охраняемых природных территорий России и Казахстана и определяет их в качестве компонентов мировой экологической сети. Казахстанский исследователь Е.К. Уйсимбаев в своем докладе сосредоточил внимание на опыте в подготовке специалистов социальной сферы и обмене им как форме сотрудничества между Россией и Казахстаном. По словам автора, в России и Казахстане наблюдается схожая ситуация — приобретение профессии социального работника не требует особых требований, а обмен опытом России и Казахстана в подготовке специалистов социальной сферы мог бы обеспечить планомерное развитие по осуществлению сотрудничества в политической, экономической, экологической, гуманитарной и культурной областях между нашими странами. Доклад еще одной казахстанской исследовательницы М.Н. Хасеновой посвящен международному сотрудничеству Республики Казахстан и Российской Федерации в области совместного использования трансграничных водотоков. Автор отмечает, что основными проблемами международных водных отношений, требующих решения, является налаживание трехстороннего российско-казахстанско-китайского сотрудничества в области совместного использования и охраны трансграничных водных ресурсов бассейна р. Иртыш, а также стоит обратить внимание на малые реки, выполняющие функции капилляров, подпитывающих основные водные артерии, так как все государства заинтересованы в чистой воде. Поиск компромисса возможен и как никогда необходим в связи с надвигающимся дефицитом пресной воды, — заключает молодая исследовательница.

Ко второй группе исследований следует отнести доклады, посвященные территориально более широкой — центральноазиатской проблематике, в том

числе участию Казахстана, России и других сопредельных государств в системе международных отношений в Центральной Азии. Таковы доклады А.К. Абдрахмановой, Б. Амандосулы и Н.Б. Шуренова, П.М. Аримбековой, М.А. Вахрушевой, Ф.Б. Зокирзоды, Б.К. Кадырова, Н.С. Мамешиной, А.И. Погодиной и А.С. Тонкановой.

Доклад А.К. Абдрахмановой посвящен анализу роли Казахстана в обеспечении региональной безопасности в Центральной Азии. По мнению исследовательницы, Казахстан является полноправным актором мирового политического процесса и региональным лидером в обеспечении региональной безопасности, а также инициатором интеграционных процессов и объединений, системно и планомерно развивая взаимовыгодные отношения в русле дружбы и добрососедства с центральноазиатскими государствами. В совместном докладе молодых исследователей из Казахстана Б. Амандосулы и Н.Б. Шуренова рассматривается взаимодействие Казахстана с трансграничными территориями Узбекистана, главным образом, ситуация в пограничных поселках Амангельды и Арнасай, в которых еще с советских времен, по утверждению авторов, жили только казахи, но так вышло, что после раздела границ оба поселка остались в Узбекистане. В докладе П.М. Аримбековой поставлена проблема развития логистики в Таможенном союзе. Исследовательница подчеркивает необходимость реструктуризации логистической системы стран ТС и создания более гибкой, интегрированной с ЕС и другими более развитыми странами системы, поскольку мировая экономика не стоит на месте, и рынок с каждым днем предъявляет новые требования. Для достижения уровня логистики ЕС странам «Таможенного союза», по мнению автора доклада, необходимо совершенствовать систему контроля на границах, повышать уровень нормативно-правового регулирования отрасли, уровень подготовки высокопрофессиональных кадров, внедрять новые технологии, значительно повышать качество предоставляемых услуг. М.А. Вахрушева в своем докладе анализирует участие Казахстана в международных организациях — как свидетельство реализации его многовекторной внешней политики. Автор полагает, что несмотря на все более зрелую и ответственную внешнюю политику Республики Казахстан — перед казахстанским руководством во внешнеполитической сфере остается немало нерешенных вопросов и актуальных задач, в частности, проблема поиска рынков сбыта казахстанской продукции, в первую очередь нефти, окончательная выработка статуса Каспийского моря (без чего невозможно решить проблемы добычи и путей транспортировки каспийской нефти) и в целом обеспечение эффективной системы региональной безопасности. Доклад молодого исследователя из Таджикистана, обучающегося в Алтайском госуниверситете, Ф.Б. Зокирзоды посвящен рассмотрению роли Таджикистана в системе международных региональных связей. Автор доклада справедливо замечает, что общность целей и задач, стоящих перед государствами центральноазиатского региона, предопределяет необходимость расширения и углубления отношений с Казахстаном, Туркменистаном и Кыргызстаном на основе доверия, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества. Все эти страны не только имеют двухсторонние отношения, но и отношения внутри ШОС и ОДКБ (кроме Туркмени-

стана), что еще раз подтверждает развитие интеграционных процессов в регионе во всех направлениях.

Интересной проблематике посвятил свой доклад казахстанский исследователь Б.С. Кадыров. Он рассматривает особенности геологического строения Южного Алтая как фактор развития туризма. Исследователь приходит к выводу, что природные условия и разнообразие типов ландшафтов Южного Алтая позволяют развивать такие виды туризма, как альпинизм и горный туризм, конный, вело-, мото-, авто-, сплав-рафтинг, а также научные виды (геологический, зоологический, ботанический, исторический), сафари-туры (охотничий, рыболовный), паломнический, экологический и другие. Другая казахстанская исследовательница А.С. Тонканова анализирует проблемы использования трансграничных рек в Центрально-Азиатском регионе и пути их решения. По оценке международных организаций и экспертов, основными проблемами между государствами этого региона в регулировании водных и энергетических отношений были и остаются рекомендательный характер принимаемых решений, разобщенность действий на региональном и национальном уровнях между структурами управления водного хозяйства и энергетики, противоречия между интересами государств верхнего и нижнего течения рек, отсутствие реальных межгосударственных структур, наделенных соответствующими полномочиями в сфере совместного управления водно-энергетическими ресурсами, а также незаинтересованность кого-либо выступать в качестве арбитра между конфликтующими сторонами с возможностями реального воздействия на решение спорных вопросов. Решение этих проблем, по мнению автора доклада, невозможно без формирования с участием всех государств региона согласованной региональной политики справедливого и разумного освоения и использования водно-энергетических ресурсов на основе норм международного права. Возможности приграничного сотрудничества стран Каспийского бассейна анализирует в своем докладе молодая исследовательница из России Н.С. Мамешина. По ее мнению, определенной связующей структурой, объединяющей усилия прикаспийских государств и очень эффективным направлением для Каспийского региона, специализирующегося в основном на сырьевой экономике в международном географическом разделении труда, должен стать туризм. Развитие туризма, прежде всего регионального, поможет увязать страны Каспийского побережья между собой, повысив их конкурентоспособность в условиях возрастания противостояния с Западом и геэкономического соперничества. Другая российская исследовательница А.И. Погодина проанализировала в своем докладе некоторые особенности культурного взаимодействия при ведении переговоров как один из аспектов российско-китайского сотрудничества. Автор призывает учитывать культурологические факторы в сотрудничестве России и Китая. По ее словам, контактам между нашими странами всегда были присущи черты межкультурного диалога, в сфере которого формировались определенные образы и стереотипы взаимовосприятия. Несмотря на высокий товарооборот, одной из главных проблем в современных российско-китайских отношениях является проблема поставок энергоносителей: снижение потребности КНР в топливном сырье, непростая международная ситуация, а также разногласия компаний-участников затягивают подписа-

ние контрактов, поэтому остается надежда на оказание влияния на процесс именно мягкими методами и пониманием культуры друг друга.

Наконец, третья довольно многочисленную группу исследований составляют доклады, затрагивающие более широкую проблематику — историческую, геополитическую, экономико-правовую, этнопсихологическую, образовательную. Таковы доклады Д.А. Абдреевой, Ж.К. Ахмадиевой, Е.А. Вьюжаниной, А.К. Ишановой, А.К. Кайратовой, Н.А. Какабаева, Ж.М. Молдагазиновой, Б.М. Табынбаева, Ю.В. Тен, П.В. Ульянов, В.В. Харитоновой, Д.Б. Шынтемировой и Р.Т. Элемановой.

В докладе казахстанской исследовательницы Д.А. Абдреевой анализируются факторы, стимулирующие международную логистику и международную торговлю. В числе основных факторов автор называет неравномерность развития отдельных отраслей в разных странах, которая способствует импорту и экспорту и появление тенденции к безграничному расширению размеров производства, из-за чего производство неизбежно перерастает границы внутреннего спроса, и предприниматели каждой страны ведут упорную борьбу за внешние рынки. Кроме того, в структуре международной торговли произошли изменения под воздействием научно-технической революции, ускорившей процесс международного разделения труда и вызвавшей рост обмена наукоёмкой продукцией, готовыми изделиями и услугами. Сходные проблемы трансграничного взаимодействия рассматриваются в докладе Б.М. Табынбаева. Автор отталкивается от тезиса, что в условиях современных интеграционных процессов на территории отдельных стран постсоветского пространства важную роль приобретает трансграничное взаимодействие между инклюзивными государствами, направленное на создание благоприятных условий для эффективного сотрудничества в транспортной, природно-охранной, торгово-экономической и других областях. Важным направлением трансграничного взаимодействия, по мнению Б.М. Табынбаева, является совместное развитие транспортно-логистического потенциала стран региона, что обусловлено выгодным геополитическим и геоэкономическим положением стран ЕвразЭС (Беларусь, Казахстан и Россия). Доклад еще одной казахстанской исследовательницы Ж.К. Ахмадиевой посвящен этнополитике современного Казахстана и стратегии ее обеспечения. Автор полагает, что казахстанская модель межэтнической толерантности и общественного согласия является основой формирования дружбы среди народов. По ее словам, казахстанская этнополитика, по всеобщему признанию, стала позитивным брендом Республики Казахстан, показывающей всему миру, как на фоне межэтнических конфликтов в различных регионах планеты, объединяя усилия государства и гражданского общества, можно добиваться высокого уровня толерантности, гармонии межэтнических отношений. Этнополитическую проблематику поднимает в своем докладе и другая молодая исследовательница Е.А. Вьюжанина. Ее доклад посвящен особенностям отношения к мигрантам в современной России. Согласно результатам этого исследования, в отношении многих этнических групп у российских респондентов нередко проявляются недоверие и неприязнь, и зачастую мотивом к совершению преступлений против мигрантов являются ксенофобия, национализм и нетерпимость. Поскольку в Алтайском крае прожи-

вают представители около 80 национальностей, автор призывает к изучению проблем преступлений на почве национальной ненависти и проведению воспитательной работы, особенно среди молодежи. В докладе А.К. Ишановой рассматриваются социокультурные аспекты региональной идентификации и межнационального взаимодействия (на примере Республики Казахстан). Исследовательница отмечает, что перед Казахстаном стоит далеко не простая задача — сохранить положительный опыт прохождения мировых интеграционных процессов, полученный в постсоветский период, приумножить его и постараться создать общество, в котором, несмотря на его территориальную, социальную и правовую общность, сохранилась бы индивидуальность каждой национальности.

Несколько докладов затрагивают проблемы интеграционных процессов в сфере образования. В докладе А.К. Кайратовой выражается обеспокоенность по поводу негативного влияния образования, полученного казахскими студентами при обучении за рубежом. Автор призывает к необходимости контроля за тем, куда уезжают молодые люди, чтобы получить образование и где они работают по возвращении в родную страну. А.К. Кайратова обращает внимание на «разнообразие» ценностей и выражает обеспокоенность тем, чьи идеи будет лоббировать студент, проучившийся за рубежом и приехавший в родную страну. Более конкретному аспекту образовательной проблематики посвящен доклад другого казахстанского исследователя Н.А. Какабаева: «Преподавание казахского языка в Алтайском крае (из опыта работы)». Автор делится собственным опытом преподавания казахского языка в Алтайском крае и делает вывод о перспективности казахского языка и его роли в качестве «интегративного» языка в сфере налаживания туризма, бизнеса, образования, на что никакие другие языки «Большого Алтая» на данный момент не могут претендовать, в силу меньшей распространенности. Языковым проблемам посвящен также доклад Ж.М. Молдагазиновой о ситуации с казахским языком в Восточном Казахстане. По словам автора, статус казахского языка стал повышаться после провозглашения независимости республики, а русский язык по конституции принят как язык межнационального общения. При этом в Восточно-Казахстанской области роль казахского языка также возрастает, и каждый год увеличивается количество людей, владеющих государственным языком. Проблемы модернизации образования Республики Казахстан подробно анализируются в докладе Д.Б. Шынтемировой, посвященном приоритетным задачам и международным связям университетских кафедр на современном этапе. По утверждению автора доклада, никакая идея и никакой инновационный проект не дадут результат, адекватный поставленным целям, если каждая кафедра не изменит отношение к планированию и оценке своей профессиональной деятельности. При этом первоочередными задачами по развитию науки на кафедрах должны стать востребованность научной продукции бизнесом, увеличение госзаказа на магистерские и докторские программы, публикация научных разработок в ведущих зарубежных журналах, разработка международных научных исследований. Кроме того, в функции университетов, а следовательно и кафедр, входит формирование в будущих специалистах общественного мировоззрения и активной жизненной позиции. По словам Д.Б. Шынтемировой,

многонациональность, которая отличает Казахстан от ряда других государств ближнего и дальнего зарубежья, должна сыграть позитивную роль в современных процессах интеграции и гармонизации общества. Словно продолжает эту мысль доклад В.В. Харитоновой «Имидж Казахстана как многонациональной страны и положение русского населения в Казахстане». Автор высказывает мнение, что Казахстан, несмотря на существующие проблемы, продолжает идти по пути развития межэтнических отношений и построения толерантного общества и является одним из успешных образцов применения принципа толерантности в социокультурном измерении.

В докладе молодого исследователя П.В. Ульянова затрагивается проблема приграничья в условиях военного противостояния (на примере российско-германского противоборства в период Первой мировой войны). Автором исследуются вопросы пропаганды в приграничных территориях конфликта и делается вывод, что в военной пропаганде обеих сторон сочетались цивилизационный, антагонистический и сепаратистский факторы, последний из которых сводился к резкой активизации польского сепаратизма в качестве противодействия российской военной пропаганде. Еще одной интересной культурологической проблеме посвящен доклад Ю.В. Тен «Русские Казахстана как объект исследования в англоязычной академической литературе: критика конструктивистского подхода». Целью доклада было выявление основных проблем конструктивистского подхода в англоязычных исследованиях о «русском вопросе» в Казахстане в контексте постсоветских российско-казахстанских отношений. Среди основных проблем автор называет некритическое применение теории конструктивизма (разработанного изначально на европейской почве) к Казахстану, упрощение идентичности русских в Казахстане, воспринимающихся как однородная группа населения, переоценка или неверное понимание роли региональных лидеров и организаций в формировании и консолидации русских в северных областях Казахстана и зачастую игнорирование взаимопроникаемости русских в соседних приграничных областях России и Казахстана и ее значения в идентичности казахстанских русских. Не менее интересная историческая проблематика затронута в заключительном докладе сборника — докладе Р.Т. Элемановой об истории Великого Шелкового пути на территории Кыргызстана. В докладе излагаются вопросы, касающиеся проблемно ориентированного подхода при создании электронного атласа по истории Великого Шелкового пути, который в значительной своей части проходил по территории Кыргызстана, и это огромное историко-культурное пространство, со множеством маршрутов, по которым со II в. до н. э. до конца XVII в. н. э. шло международное общение от Китая до Европы с пересечением горных систем Средней Азии—Тянь-Шаня. Автор выделяет четыре основных периода в истории Великого Шелкового пути. При этом история Великого Шелкового пути на протяжении древности и средневековья рассмотрена с оглядкой на современность: автор доклада обозначает, какие направления реанимируются, выявляет существующие проблемы, пытается проследить использование векового опыта для социально-экономического и культурного развития Республики Кыргызстан.

Разнообразие аспектов, затронутых участниками Школы, лишний раз свидетельствует о широте и важности проблемы трансграничного сотрудничества регионов. На основании анализа докладов можно выразить надежду, что Школа внесла определенный вклад в разработку темы, а также на продолжение сотрудничества в рамках исследования данной проблематики в Алтайском государственном университете.

Литература

1. Ан Е.А. Пространственная интеграция науки, образования, производственных систем трансграничных территорий. Барнаул, 2012.
2. Бикетова Е.А., Козулин В.Н., Чернышов Ю.Г. Дискуссия о трансграничном взаимодействии регионов в истории и современности: научно-практическая конференция Алтайской школы политических исследований (Барнаул, 28–30 сентября 2015 г.) // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2015. № 4/2 (88). С. 268–276.
3. Дневник Алтайской школы политических исследований № 31. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии): сб. науч. ст. / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2015.
4. «...И время собирать камни...»: евразийская интеграция сегодня: 20 лет после распада СССР : сб. статей. М., 2012.
5. Козулин В.Н. Россия и Запад. Очерки истории взаимодействия культур. Барнаул, 2015.
6. Кондратьева Н.Б. Россия — ЕС: трансграничное сотрудничество вне конъюнктуры // Современная Европа. 2014. № 4. С. 33–47.
7. Новиков А.Н. Гуманитарно-географические формы проявления трансграничной дополнительной // Гуманитарный вектор. 2014. № 2 (38). С. 165–171.
8. Осадчая О.П. Основные формы организации приграничного сотрудничества. Рубцовск, 2013.
9. Панарин С.А. Трансграничные вызовы и угрозы национальному государству // Восток. 2013. № 6. С. 131–133.
10. Перспективы межрегионального и приграничного сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2012. № 1. С. 16–18.
11. Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / Отв. ред. П.Я. Бакланов, А.К. Тулохонов. Новосибирск, 2010.
12. Принципы трансграничного гражданского процесса = ALI/UNIDROIT Principles of Transnational Civil Procedure / пер. с англ. [Е. А. Виноградова, М. А. Филатова]. М.; Берлин, 2011.
13. Романова Н.П. Трансграничный регион: эволюция теоретико-методологических подходов // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 6 (97). С. 95–105.

14. Харин А.Н. Межцивилизационные пространства: Промежуточный регион или Великий лимитроф? // Власть. 2014. № 1. С. 152–156.
15. Цветкова, О. В. Феномен государственной границы // Власть. 2014. № 8. С. 66–69.
16. Чойропов Ц.Ц. Трансграничное пространство и миграционные процессы (на материалах Республики Бурятия и Монголия) // Известия Волгоградского гос. техн. ун-та. 2014. № 16.
17. Юрченков Е.М. Проблемы развития трансграничного туризма в Алтайском регионе // Туристско-рекреационные ресурсы Алтайского региона: проблемы и перспективы использования : матер. II междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 15–16 ноября 2006 г.). Барнаул, 2007.
18. Голунов С.В. Россия — Казахстан: дилемма «безопасность — сотрудничество» в трансграничных взаимоотношениях // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 4. С. 66–78.
19. Жундубаев М.К. Приграничное сотрудничество между Республикой Казахстан и Российской Федерацией на современном этапе: характер развития, проблемы и перспективы. Дисс... канд. полит. наук. М., 2014.
20. Коцюбинский И.П. Российско-казахстанское приграничное сотрудничество (конец XX — начало XXI вв.). Дисс.... канд. ист. наук. М., 2009.
21. Краснаярова Б. А., Платонова С.Г. и др. Территориальная организация и перспективы сотрудничества приграничных районов Большого Алтая // Алтай–Гималаи: традиционные знания и инновации в развитии горных и предгорных регионов Евразии : сб. материалов 1-го рос.-инд.-монг. семинара, 19–20 июня 2015 г., проведенного при поддержке Рос. гуманитар. науч. фонда. Барнаул, 2015.
22. Порох А.Н. Россия и Казахстан в решении трансграничных водных проблем // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 2 (16). С. 25–33.
23. Таможенный союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России: анализ торгово-производственных связей приграничных регионов России и Казахстана: влияние Таможенного союза и единого экономического пространств. СПб., 2012.
24. Темиргалиев Р.Д. Казахи и Россия. М., 2013.
25. Трансграничное сотрудничество: экономические и социально-гуманитарные аспекты развития Большого Алтая : материалы междунар. науч.-практ. конф., 28–31 августа 2010 г., Барнаул–Белокуриха / под общ. ред. Н.М. Никонова. Барнаул, 2010.
26. Этнокультурное взаимодействие народов в трансграничном пространстве Северной Азии : сб. науч. ст. памяти Я.М. Кофмана. Барнаул, 2013.
27. Ювица Н.В. Опыт и перспективы приграничного сотрудничества Казахстана и России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 8. С. 76–81.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Информация об Алтайской школе политических исследований

АШПИ возникла в 1996 г., статус учебно-научной лаборатории Алтайского государственного университета Школа получила в 1998 г. Директор АШПИ — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АГУ, руководитель Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки Юрий Георгиевич Чернышов. Заместитель директора — кандидат исторических наук, доцент Вячеслав Николаевич Козулин.

Деятельность Школы направлена на развитие межфакультетского и межвузовского сотрудничества в области политических наук. Главные принципы Школы — неангажированность, научность, демократизм. АШПИ стремится объединить ученых самых разных специальностей — историков, политологов, международников, социологов, экономистов, юристов и др. В работе Школы уже приняли участие десятки известных отечественных и зарубежных экспертов, докторов и кандидатов наук. В проектах Школы участвуют также представители власти, общественные деятели, предприниматели, журналисты. Студенты и аспиранты приобретают ценные практические навыки по организации научных конференций и проведению прикладных политологических исследований (в частности, в рамках молодежного отделения АШПИ — студенческой организации «Международник»).

Школа стремится сочетать в своей деятельности науку и практику, высокий профессионализм и активную гражданскую позицию.

Одно из главных направлений работы Школы — **проведение международных научно-практических конференций, издание сборников** по актуальным проблемам политической жизни.

Конференции, материалы которых были изданы в виде выпусков «Дневника АШПИ»:

28 мая 1996 г. — Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории.

16 июля 1996 г. — Принципы самоуправления в федеральных системах России и Германии.

31 января 1997 г. — Власть и собственность: к итогам губернаторских выборов в России.

16–18 июля 1997 г. — Политическая система и политическая жизнь в современной России (проблемы федерального и регионального уровней).

27 января 1998 г. — Интеллигенция и власть.

17–18 июля 1998 г. — Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы.

30–31 июля 1999 г. — Роль парламента в демократическом государстве.

28 января 2000 г. — Интеллигенция и «новый авторитаризм».

16 мая 2000 г. — Становление демократического, правового, социального государства и профсоюзы: практика, проблемы, перспективы.

15–16 июля 2000 г. — Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития.

10–11 февраля 2001 г. — Западная Сибирь: регион, экономика, инвестиции.

15–16 мая 2001 г. — Человек и мир работы: социально-политические, профессиональные, антропологические аспекты профсоюзной деятельности.

14–15 июля 2001 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития.

16–17 июля 2001 г. — Республика Алтай и реформы в экономике и федеративном устройстве России.

8 октября 2001 г. — Проблемы и перспективы сотрудничества третьего сектора с властью.

22 января 2002 г. — Реформа образования и гражданское общество.

2 июля 2002 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития. Вступление России в ВТО. Борьба с международным терроризмом. Женщина и политика.

1–2 июля 2003 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития. Постсоветское пространство: проблемы интеграции. Женщина и выборы.

29 апреля 2004 г. — Региональные выборы 2004 г. — волеизъявление народа или триумф технологий?

1–3 июля 2004 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (трансграничное сотрудничество и проблемы национальной безопасности).

1–2 июля 2005 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения).

4–5 июля 2006 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века).

27–28 сентября 2007 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

13–14 сентября 2008 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны).

19–20 сентября 2009 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона).

17–18 сентября 2010 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения).

23–24 сентября 2011 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность)

20–21 сентября 2012 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях)

26–28 сентября 2013 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: межкультурные взаимодействия и международные отношения)

25–27 сентября 2014 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия)

28–30 сентября 2015 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии)

Кроме этого, Школа постоянно занимается *просветительской работой* — организацией «круглых столов», чтением лекций, публикацией статей в газетах и т.д. Эксперты Школы много раз выступали с оценками политической ситуации в СМИ. На телевидении и радио были проведены «круглые столы» на темы об итогах выборов в Государственную Думу, о президентских и губернаторских выборах, о многопартийной системе, о Дне Независимости России, о национальной идее в России, о борьбе с терроризмом, о реформе избирательной системы, о соблюдении прав человека, о содержании различных законопроектов и т.д. Руководитель АШПИ представлял Алтайское отделение РАПН на Конгрессах политологов, проходивших в Москве, участвовал в работе Гражданского Форума в Москве и Санкт-Петербурге, в Конвенте РАМИ в МГИМО (У) МИД РФ и т.д.

Еще одно направление деятельности — *консультирование, проведение прикладных политологических исследований*. Во время выборов депутатов Государственной Думы, президентских и губернаторских выборов эксперты АШПИ неоднократно проводили фокус-группы, телефонные и анкетные опросы. Итоги большинства этих опросов опубликованы в печати.

Результаты научной деятельности АШПИ подробно представлены на интернет-сайте, где размещены тексты всех «Дневников АШПИ», а также отдельные статьи экспертов, материалы исследований, разнообразные информационные ресурсы. Этот сайт является победителем призового конкурса «Лучший сайт», проводившегося в рамках программы «Обучение и доступ к Интернет» в 2000 г., и 3-го регионального конкурса «Интернет — Мир без провинций» в 2001 г. В 2005 г. во Всероссийском конкурсе научных работ, проведенном Российской ассоциацией политической науки, «дневникам АШПИ» было присуждено второе место. В мае 2008 г. АШПИ как лауреат IV Интернационального конкурса «Имидж-директория» была награждена Почетным дипломом в номинации «Проект года в имиджологической науке» за сборник «Дневник Алтайской школы политических исследований №23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

АШПИ продолжает научно-просветительскую работу и приглашает к сотрудничеству всех, кто умеет самостоятельно мыслить, кто стремится сделать жизнь россиян более достойной и свободной.

АЛТАЙСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

✉ 656049 г. Барнаул,
просп. Ленина, 61, к. 310
☎ Tel./fax (3852) 29-12-74
✉ E-mail: ashpi@hist.asu.ru
🌐 <http://ashpi.asu.ru/ic/>

Авторы статей, докладов и выступлений

Абдрахманова Ардак Курманбаевна

Магистрант Казахстанско-Американского свободного университета, по специальности «Юриспруденция», г. Усть-Каменогорск

Абдреева Джамиля Алмасбековна

Магистр экономических наук, старший преподаватель кафедры «Финансы и учет» Казахской академии труда и социальных отношений, г. Алматы

Амандосулы Багдат

Старший преподаватель Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы

Аримбекова Перизат Мадениетовна

Доцент кафедры «Экономика и бизнес» Казахской академии труда и социальных отношений, г. Алматы

Арпентьева Мариям Равильевна

Кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

Аршинцева Ольга Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Ахмадиева Жанерке Канаткызы

Магистрант Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск

Баранов Андрей Владимирович

Доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, г. Краснодар

Барсуков Александр Михайлович

Кандидат политических наук, заместитель декана факультета политики и международных отношений Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, г. Новосибирск

Бекенов Кизат Дулатович

Магистрант Алтайского государственного университета, направление «Зарубежное регионоведение (Китай)», г. Барнаул

Бетмакаев Алексей Михайлович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бибнев Андрей Александрович

Аспирант кафедры теории и истории международных отношений УрФУ, г. Екатеринбург

Бикетова Екатерина Андреевна

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бирюков Сергей Владимирович

Доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Бойко Владимир Сергеевич

Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, со-директор Азиатского экспертно-аналитического центра Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бредихин Антон Викторович

Научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН, г. Москва

Васильев Максим Викторович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Псковского государственного университета, член Российской ассоциации политической науки, г. Псков

Вахрушева Мария Андреевна

Студентка Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Вольтер Ольга Владимировна

Доктор политических наук, кандидат философских наук. г. Армавир

Воробьева Марина Николаевна

Магистр международных отношений, Алтайский государственный университет, г. Барнаул

Вьюжанина Евгения Андреевна

Студентка исторического факультета Алтайского государственного университета, направление «Международные отношения», г. Барнаул

Гайкин Виктор Алексеевич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН, г. Владивосток

Глазунов Дмитрий Александрович

Кандидат исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Гоголева Владислава Анатольевна

Студентка ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», Институт социальных и политических наук, департамент международных отношений, г. Екатеринбург

Григорян Григор Паруйрович

Магистр международных отношений; соискатель, Ереванский государственный университет, факультет международных отношений, г. Ереван, Армения

Дашковский Петр Константинович

Доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории Алтайского государственного университета, директор Азиатского экспертно-аналитического центра этнологии и международного образовательного сотрудничества Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Демидова Ирина Викторовна

Старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Москва

Демчик Евгения Валентиновна

Доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Дитц Александр Христианович

Президент Международного фонда реабилитации и помощи жертвам сталинизма и трудармейцам, президент общественного движения «Сообщество российских немцев Алтая», г. Барнаул

Емешин Константин Николаевич

Кандидат медицинских наук, председатель правления АКОО «Школа реальной политики», г. Барнаул

Зокирзода Фирузджани Бахтиер

Магистрант Алтайского государственного университета, направление «Зарубежное регионоведение (Центральная Азия)», г. Барнаул

Исакова Снежанна Николаевна

Преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Искендарова Дэнис Назимовна

Студентка второго курса кафедры теории и истории международных отношений УрФУ, г. Екатеринбург

Ишанова Асель Курмангалиевна

Магистрант Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, г. Астана

Кадыров Берик Кадырулы

Магистрант Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова по специальности «География», г. Усть-Каменогорск

Кайратова Арайлым Кайраткызы

Магистрант Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова по специальности «Культурология», г. Усть-Каменогорск

Какабаев Нурбек Алтынгазыевич

Магистр истории, преподаватель Семипалатинского финансово-экономического колледжа, г. Семей

Калиева Канша Саветкановна

Кандидат исторических наук России и Казахстана, доцент кафедры востоковедения факультета международных отношений Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, координатор Между-

народной летней школы студентов Алтайского региона «Наши общий дом Алтай», г. Астана

Ким Роман Дмитриевич

Студент 4-го курса географического факультета Алтайского государственного университета, Барнаул

Ковалев Андрей Андреевич

Доцент кафедры государственного и муниципального управления СЗИУ РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Коваленко Людмила Георгиевна

Кандидат философских наук, доцент, г. Барнаул

Ковбан Андрей Владимирович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и уголовного права, Национальный университет «Одесская морская академия», г. Одесса, Украина

Козлов Сергей Васильевич

Кандидат исторических наук, факультета политики и международных отношений Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, г. Новосибирск

Козулин Вячеслав Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, заместитель директора АШПИ, г. Барнаул

Колобова Альбина Ивановна

Кандидат экономических наук, профессор, зав. кафедрой ОП АПК Алтайского государственного аграрного университета, г. Барнаул

Котов Владимир Константинович

Студент факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кротов Александр Викторович

Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кряклина Тамара Федоровна

Доктор философских наук профессор, зав. кафедрой СПиТ Алтайской Академии экономики и права, г. Барнаул

Кузьминых Наталья Евгеньевна

Ассистент кафедры теории и истории международных отношений УрФУ, г. Екатеринбург

Курныкин Олег Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Ларионова Юлия Сергеевна

Магистрант Алтайского государственного университета, направление «Международные отношения», г. Барнаул

Лысенко Юлия Александровна

Доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Малышева Нина Сергеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Мамешина Наталья Сергеевна

Студентка географического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Мелехин Виктор Андреевич

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и философии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Мизимбаев Талгат Сарсенбекович

Магистрант Алтайского государственного педагогического университета г. Барнаул

Молдагазинова Жулдыз Маратовна

Магистрант Алтайского государственного педагогического университета по специальности «История», г. Барнаул

Молодов Олег Борисович

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

Монина Любовь Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Мороз Светлана Александровна

Магистрант Алтайского государственного университета по специальности «Международные отношения», г. Барнаул

Пашуто Ксения Павловна

Студентка факультета политологии Государственного академического университета гуманитарных наук, г. Москва.

Погодина Антонина Искандеровна

Магистр зарубежного регионоведения, исторический факультет, Алтайский государственный университет, г. Барнаул

Попов Максим Евгеньевич

Доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

Попова Людмила Евгеньевна

Магистр географического факультета Алтайского государственного университета по специальности «Геоинформационные технологии в изучении и управлении природными и техногенными системами», г. Барнаул

Райкин Роман Ильич

Кандидат физико-математических наук, проректор по развитию международной деятельности Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Рехтина Ксения Павловна

Студентка 3-го курса географического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Реут Олег Чеславович

Кандидат технических наук, доцент кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск

Рокки Тони (Rocchi Tony)

Библиотекарь Справочной библиотеки Торонто (Toronto Reference Library), магистр исторических наук и магистр библиотековедения, г. Торонто, Канада

Самойлов Никита Юрьевич

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Семина Вера Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №2, РЭУ имени Г.В. Плеханова, г. Москва

Селезнева Елена Владимировна

Соискатель кафедры физической географии и геоинформационных систем Алтайского государственного университета, директор Павловского детско-юношеского центра, магистр естествознания по специальности «Экология», г. Барнаул

Серик Азамат Куанышкалиевич

Магистрант Института дипломатии Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан по специальности «Международные отношения», г. Астана

Сковородников Александр Васильевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Соколов Сергей Николаевич

Доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии Нижневартковского государственного университета, г. Нижневартовск

Табаринцева-Романова Ксения Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений УрФУ, г. Екатеринбург

Табынбаев Берик Маликович

Магистрант Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан по специальности «Международные отношения», г. Астана

Тен Юлия Владимировна

Магистрант Университета КИМЭП по специальности «Международные отношения», г. Алматы

Тишкин Алексей Алексеевич

Доктор исторических наук, профессор, проректор Алтайского государственного университета по научному и инновационному развитию, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Тонканова Аида Сериккажиевна

Магистрант Института дипломатии Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан по специальности «Международные отношения», заместитель председателя Совета докторантов и магистрантов; член Ученого совета Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, г. Астана

Трофимов Евгений Александрович

Кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Дальневосточный ГАУ», г. Благовещенск

Туринская Христина Михайловна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Института Африки РАН, г. Москва

Уйсимбаев Еркин Кулымбаевич

Докторант Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан по специальности «Социальная работа», кандидат исторических наук, г. Астана

Ульянов Павел Владимирович

Магистрант исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Усольцев Сергей Анатольевич

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Филиппов Василий Рудольфович

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, г. Москва

Харин Алексей Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Кировского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Киров

Харитонов Валерия Валерьевна

Студентка исторического факультета Алтайского государственного университета, направление «Международные отношения», г. Барнаул

Хасенова Мольдир Нургазыевна

Магистрант Казахстанско-Американского свободного университета, по специальности «Юриспруденция», г. Усть-Каменогорск

Цыряпкина Юлия Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул

Чернышков Дмитрий Викторович

Кандидат философских наук, член Российского общества социологов, сотрудник Научно-образовательного центра инновационных исследований в общественных науках Бийского технологического института, г. Бийск

Чернышов Юрий Георгиевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, директор АШПИ, г. Барнаул

Содержание

СЕПАРАТИЗМ И ЕГО РОЛЬ В МИРОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ3

Козулин В.Н., Чернышов Ю.Г. Итоги дискуссии о сепаратизме
(обзор докладов и дискуссии)..... 4

1. СЕПАРАТИЗМ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ..... 19

Арпентьева М.Р. Современный сепаратизм: человечность и
идентичность.....19

Ариинцева О.А. Государство, суверенитет, нация:
актуальные вопросы теории.2 4

Бирюков С.В. Сепаратизм: идейные истоки, современное
состояние, пути преодоления28

Вольтер О.В. Сепаратизм в контексте.
национально-территориального передела мира.....33

Коваленко Л.Г. Сепаратизм как механизм влияния
на развитие государственности.38

Ковбан А.В. Формы непризнания государств в международном
праве42

и сотрудничество непризнанных государств42

Кротов С.В., Ким Р.Д. К вопросу о генезисе и развитии
национального сепаратизма.....46

Курныкин О.Ю. Эволюция понятия «сепаратизм». 52

Трофимов Е.А. Сепаратизм в контексте
современных политических процессов.58

Филиппов В.Р. Сепаратизм реальный и иллюзорный6 3

Харин А.Н. «Государства архаики» и проблемы сепаратизма
в современном мире68

Чернышков Д.В. Политэкономика сепаратизма в глобальном мире72

2. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ: НАЦИОНАЛЬНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПЕРЕДЕЛЫ МИРА И ИХ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ..... 78

Баранов А.В. Сепаратизм в Каталонии: общественное мнение и
трансформации партийной системы региона78

Барсуков А.М. Этнорегиональные партии и проблема
сепаратизма в современной Европе82

<i>Бетмакаев А.М. Национализм, сепаратизм и судьба империй в XX в.</i>	<i>87</i>
<i>Бибнев А.А. Сепаратизм на Мартинике.....</i>	<i>9 2</i>
<i>Бойко В.С. Сепаратизм или регионализм? Взаимоотношения «центр-периферия» в Афганистане в XX — начале XXI в. (территориальные и этно-политические аспекты)</i>	<i>9 7</i>
<i>Васильев М.В. Десять угроз и вызовов Европе.</i>	<i>1 01</i>
<i>Гайкин В.А. Политика «защиты и покровительства» корейской диаспоры в контексте подготовки к захвату Маньчжурии Японией в 1931 г.</i>	<i>107</i>
<i>Глазунов Д.А. Дело о сепаратизме Ильхама Тохти. (по материалам китайских СМИ)</i>	<i>1 11</i>
<i>Гоголева В.А. Сепаратизм в Италии:</i>	<i>карнавал движений за независимость.114</i>
<i>Григорян Г.П. Сепаратизм в геополитическом контексте</i>	<i>1 20</i>
<i>Исакова С.Н. Восстановление независимости Австрии после Второй мировой войны: позиции стран антигитлеровской коалиции</i>	<i>125</i>
<i>Искендарова Д.Н., Кузьминых Н.Е., Табаринцева-Романова К.М.... «Сардизм» — феномен сепаратизма «Юга Италии».....</i>	<i>130</i>
<i>Козулин В.Н. К вопросу о формировании..... национальной идентичности русинов.....</i>	<i>1 35</i>
<i>Мальшиева Н.С. К вопросу о перспективе выхода Великобритании из ЕС.....</i>	<i>140</i>
<i>Монина Л.В. Роль внешнего фактора в развитии сепаратизма в Рейнской области Германии в 1923 году</i>	<i>143</i>
<i>Самойлов Н.Ю. Вовлечение молодежи в религиозные и этнические конфликты на примере Северной Ирландии.....</i>	<i>148</i>
<i>Сковородников А.В. Конфессиональный фактор сепаратизма в Югославии в 1990-е годы.....</i>	<i>153</i>
<i>Соколов С.Н. Сепаратизм на политической карте мира в XXI в.</i>	<i>157</i>
<i>Турьинская Х.М. Федерализм versus сепаратизм: африканский опыт</i>	<i>162</i>
<i>Ульянов П.В. Польский сепаратизм в контексте военного противостояния трех империй в период Первой мировой войны</i>	<i>168</i>

<i>Усольцев С.А. Религиозные факторы иудейского сепаратизма в восстании 66–70 гг.....</i>	<i>172</i>
<i>Demidova I.V. Migrants' Integration: Problems and Solutions Интеграция мигрантов: проблемы и решения.....</i>	<i>177</i>
<i>Rocchi T. Separatist, Autonomist, and Regionalist Political Parties and Movements in Europe: Continuity and Change</i>	<i>183</i>
<i>Semina V.V. Separatism in Catalonia: History and Fight for Sovereignty.....</i>	<i>187</i>
3. СЕПАРАТИЗМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	193
<i>Бредихин А.В. Трансграничное сотрудничество непризнанных государств на постсоветском пространстве.....</i>	<i>193</i>
<i>Ковалев А.А. Сепаратизм как прямая угроза национальной безопасности Российской Федерации.....</i>	<i>197</i>
<i>Козлов С.В. Конфликт на Востоке Украины в политической риторике президента П. Порошенко</i>	<i>201</i>
<i>Кротов С.В., Мелехин В.А., Рехтина К.П. Сибирский сепаратизм: истоки и дисфункциональная сущность.....</i>	<i>205</i>
<i>Мизимбаев Т.С. Милиция Алаш Орды: проблемы формирования и деятельность по защите национальной автономии</i>	<i>211</i>
<i>Молдагазинова Ж.М. Полиэтнический состав населения и русификация городского пространства Восточного Казахстана в советский период.....</i>	<i>215</i>
<i>Молодов О.Б. Предпосылки регионального сепаратизма в Украине в социологическом измерении.....</i>	<i>220</i>
<i>Паиуто К.П. Сепаратистские тенденции на постсоветском пространстве и феномен failed-state: опыт Южной Осетии</i>	<i>226</i>
<i>Попов М.Е. Социокультурная интеграция как способ урегулирования конфликтов идентичностей и преодоления сепаратизма на Северном Кавказе</i>	<i>231</i>
<i>Цыряпкина Ю.Н. Узбекско-киргизское межэтническое противостояние во время Ошских событий 2010 г. (на основе теории Р. Брубейкера)</i>	<i>235</i>

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, ПОДГОТОВЛЕННЫЙ АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ

УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКОЙ ИМ. В.Я. ШИШКОВА	2 41
---	-------------

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. МАТЕРИАЛЫ ЗИМНЕЙ ШКОЛЫ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИЗ РОССИИ И КАЗАХСТАНА256

ДОКЛАДЫ ЭКСПЕРТОВ 261

*Аришнцев О.А. Регионы в мировой политике. Теоретические подходы к трансграничному сотрудничеству.....*261

*Бойко В.С. Приграничье как зона сотрудничества и конфликта в Центральной и Южной Азии в 2000–2010-е гг.*264

*Курныкин О.Ю. Внешняя политика Казахстана и перспективы российско-казахстанских отношений.....*271

*Лысенко Ю.А. Приграничное сотрудничество Российской Федерации и Республики Казахстан в научно-образовательной сфере*276

Тезисы докладов участников Школы 283

*Абдрахманова А.К. Роль Казахстана в обеспечении региональной безопасности в Центральной Азии*283

*Абдреева Д.А. Факторы, стимулирующие международную логистику и международную торговлю*284

*Амандосулы Б., Шуренов Н.Б. Результаты взаимодействия Казахстана с трансграничными территориями Узбекистана*286

*Аримбекова П.М. Развитие логистики в Таможенном Союзе. ...*2 87

*Ахмадиева Ж.К. Этнополитика Казахстана — стратегия обеспечения.....*288

*Бекенов К.Д. Взаимозависимость транспортной инфраструктуры трансграничных территорий.....*290

*Бикетова Е.А. Беларусь, Казахстан, Россия: проблемы современной интеграции*291

*Вахрушева М.А. Участие Казахстана в международных организациях как реализация многовекторной внешней политики*293

*Воробьева М.Н. Межрегиональное взаимодействие России и Казахстана*295

*Вьюжанина Е.А. Об отношении к мигрантам в современной России.....*296

*Зокирзода Ф.Б. Таджикистан в системе международных региональных связей.....*298

<i>Ишанова А.К. Социокультурные аспекты региональной идентификации и межнационального взаимодействия</i>	299.
<i>Кадыров Б.К. Особенности геологического строения Южного Алтая как фактора развития туризма</i>	301
<i>Кайратова А.К. Проблемы безопасности перед лицом новых вызовов и угроз</i>	303
<i>Какабаев Н.А. Преподавание казахского языка в Алтайском крае (из опыта работы)</i>	304
<i>Калиева К.С. Становление и развитие приграничного сотрудничества в регионе Большого Алтая (Казахстан, Россия, Монголия, Китай)</i>	307
<i>Котов В.К. Развитие партнерских связей между Казахстаном и Алтайским краем в области культуры, образования и туризма как фактор приграничного сотрудничества</i>	308
<i>Мамешина Н.С. Возможности приграничного сотрудничества стран Каспийского бассейна</i>	310
<i>Молдагазинова Ж.М. Казахский язык в Восточном Казахстане</i>	311
<i>Мороз С.А. Приграничное сотрудничество России и Казахстана</i>	313
<i>Погодина А.И. Российско-китайское сотрудничество: некоторые особенности культурного взаимодействия при ведении переговоров</i>	315
<i>Попова Л.Е. Взаимодействие молодежи России и Казахстана в Алтайском регионе на примере международных летних школ «Наши общих дом Алтай»</i>	316
<i>Селезнева Е.В. Сравнительный анализ законодательства в области особо охраняемых природных территорий Российской Федерации и Республики Казахстан</i>	318
<i>Серик А.К. Казахстанско-российские отношения: приграничное сотрудничество</i>	319
<i>Табынбаев Б.М. Трансграничное взаимодействие регионов</i>	321
<i>Тен Ю.В. Русские Казахстана как объект исследования в англоязычной академической литературе: критика конструктивистского подхода</i>	322
<i>Тонканова А.С. Проблемы использования трансграничных рек в Центрально-Азиатском регионе и пути их решения</i>	323
<i>Уйсимбаев Е.К. Обмен опытом в подготовке специалистов социальной сферы как форма взаимодействия между Россией и Казахстаном</i>	325

<i>Ульянов П.В. Приграничье в условиях военного противостояния (на примере российско-германского противоборства в период Первой мировой войны).....</i>	<i>327</i>
<i>Харитонов В.В. Имидж Казахстана как многонациональной страны и положение русского населения в Казахстане</i>	<i>329</i>
<i>Хасенова М.Н. Международное сотрудничество РК и РФ в области совместного использования трансграничных водотоков</i>	<i>330</i>
<i>Шынтемирова Д.Б. О приоритетных задачах и международных связях кафедр университета на современном этапе</i>	<i>332</i>
<i>Элеманова Р.Т. История Великого Шелкового пути на территории Кыргызстана.....</i>	<i>334</i>
Козулин В.Н. Россия–Казахстан: проблемы трансграничного сотрудничества (аналитический обзор докладов участников Школы)	337
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ИНФОРМАЦИЯ ОБ АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	347
АВТОРЫ СТАТЕЙ, ДОКЛАДОВ И ВЫСТУПЛЕНИЙ.....	351
СОДЕРЖАНИЕ.....	359

Серийное научное издание

**Дневник Алтайской школы политических исследований №32.
Современная Россия и мир: альтернативы развития
(Сепаратизм и его роль в мировом политическом процессе)**

Сборник научных статей

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 25.10.2016
Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л.18,25
Тираж 110 экз. Заказ 238.

Типография «Графис»: Барнаул, ул. Ползунова, 45-б.